

ИГОРЬ

БУНИЧ

**ЧЕРНОМОРСКАЯ
ЦУСИМА**

1914-1921

ИГОРЬ
БУНИЧ

ЧЕРНОМОРСКАЯ
ЦУСИМА

РАЗРУШИТЕЛЬ ИМПЕРИЙ
ОТ КОКОСОВЫХ ОСТРОВОВ
ДО СЕВАСТОПОЛЯ
ВЕРНИСАЖИ КАПИТАНА
ДОУСОНА

1914-1921

ОБЛИК
СПб 1999

ББК 84.Р1

Б91

Б91 И.Л.Бунич. Черноморская ЦУСИМА.

СПб. «ОБЛИК», 1999. — 480 с.

Символ «Цусима» за прошедшие после знаменитого морского сражения девять десятилетий применялся бесчисленное количество раз по различным поводам, зачастую не имеющим никакого отношения к морским сражениям, — даже к спортивным соревнованиям!

То, что произошло на Черном море в описываемое время, было гораздо страшнее Цусимы. Трагедию Черноморского флота, хотя она и растянулась во времени на целых семь лет, можно назвать «кумулятивной Цусимой», в итоге которой Россия потеряла не только весь флот, но и рухнула сама. Это была огромная глобальная Цусима, с тремя эпизодами которой вы познакомитесь в этой книге.

ISBN 5-85976-030-2

Набор: Е.Афанасьева, Б.Сапегин.

Корректурa: Ю.Капшин.

Оригинал-макет: Н.Донская.

Художник А.Миронов.

Ответственный за выпуск Рыжиков В.Н.

«ОБЛИК»

Лицензия ЛР № 040556 от 7 апреля 1998 года.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93. Там 2. 953000. Книги, брошюры.

Подписано к печати 04 января 1999 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Тираж 25 000 экз. (2 завод 10001—25 000 экз.) Заказ № 403.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП Типография
им. И.Е.Котлякова Государственного Комитета РФ по печати.

195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

© «Облик». Содержание. Составление. 1998.

Размножение как фрагментов, так и всего издания, возможны
только с разрешения издательства «Облик»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы назвали эту книгу «Черноморская Цусима» и, естественно, предвидим возражения многих читателей: какое отношение события Первой мировой и Гражданской войн на Черном море, происходившие в 1914-1921 годах, имеют отношение к Цусиме?

Слово «Цусима» — после уничтожение российского флота во время Русско-японской войны — стало синонимом полного и безоговорочного разгрома, когда одна из воюющих сторон уничтожает боевые силы флота противника, практически не неся при этом никаких потерь.

Символ «Цусима» за прошедшие после знаменитого морского сражения девять десятилетий применялся бесчисленное количество раз по различным поводам, зачастую не имеющим никакого отношения к морским сражениям, — даже к спортивным соревнованиям!

Когда в 1912 году произошла первая встреча по футболу между сборными командами Англии и России, закончившаяся с разгромным для футболистов России счетом 0:13, и английские,

и российские газеты в один голос — как будто сговорившись — назвали это событие «футбольной Цусимой».

То, что произошло на Черном море в описываемое нами время, было гораздо страшнее Цусимы. Трагедию Черноморского флота, хотя она и растянулась во времени на целых семь лет, можно назвать «кумулятивной Цусимой», в итоге которой Россия потеряла не только весь флот до единого корабля, представлявший накануне Первой мировой войны сильный и хорошо сбалансированный единый организм, но и рухнула сама. Это была огромная глобальная Цусима, в причинах которой мы и пытаемся разобраться.

Если по самой Цусиме сегодня вопросов почти не возникает, — русский флот был разгромлен японским, то здесь так однозначно говорить нельзя.

Какие же в итоге причины привели к гибели Черноморский флот и саму Россию? Конечно, огромную роль сыграло появление в Черном море немецкого линейного крейсера «Гебен». Однако, несмотря на то многое, что сделал «Гебен» для обеспечения «черноморской Цусимы», говорить о его решающей роли и триумфе, конечно, не следует.

Ведь «сокрушив» Российскую империю, он не долго наслаждался плодами своей победы, поскольку вслед за Российской рухнула и Германская, и Австро-Венгерская, и Османская империи. Ведь в крахе двух последних тоже обвиняют линейный крейсер «Гебен».

«Гебен» еще не успел появиться в Севасто-

поле, когда в Южную бухту ворвались катера Дунайской флотилии под командованием немецкого капитан-лейтенанта Мюке.

Одиссея Мюке, которая, казалось бы, не имела никакого отношения к событиям, происходившим на юге разваливающей Российской империи, началась в тысячах миль от России — на далеких Кокосовых островах, где возглавляемая им десантная партия оказалась отрезанной от метрополии после гибели знаменитого «корсара кайзера» — крейсера «Эмден».

Его знаменитый, полный опасностей рейд на старом паруснике «Иеша», захваченном у “местечкового” султана, через Индийский океан привел команду отчаянных моряков через жесткую английскую блокаду в пески Аравийского полуострова, где им пришлось пересесть на верблюдов и, — где с боями, где с призывами к борьбе с общим врагом — прорываться через владения враждующих друг с другом турецких «подданных» в союзный Константинополь.

Здесь всемогущее Провидение бросило знаменитого корсара с «Эмдена» лейтенанта Мюке в объятья командующего крейсером «Гебен» — не менее знаменитого адмирала Сушона.

После недолгого пребывания в Германии Мюке пришлось воевать на Ефрате, позже он командовал катерами на Дунае, а когда настал его час, катера Дунайской флотилии вошли в Севастополь, и именно капитан-лейтенант Мюке поднял немецкие флаги на захваченных российских кораблях за три дня до прихода в Крым линейного крейсера «Гебена».

Крушение всех империй, начавшееся с России, интересно видится глазами союзников-победителей именно в то время, когда немецкий флот вынужден был сдаться торжествующим врагам, а союзные — английские, французские, итальянские, греческие, американские корабли появились на рейдах практически всех русских военно-морских баз на Черном море и довершили то, что начиналось с рокового появлением крейсера «Гебена» в проливах.

А остальное съела преступная политика большевиков и русская междоусобица.

РАЗДУШИТЕСЬ
УМНЕРУИ

С открытой веранды виллы немецкого посла в Стамбуле барона фон Вангенгейма открывался прекрасный вид на бухту Золотой Рог, над которой в ослепительных лучах жаркого летнего солнца лениво нависала столица Оттоманской империи, ощетинившаяся, как копьями, минаретами бесчисленных мечетей.

Барон Вангенгейм в одной руке держал дымящуюся чашку кофе, а в другой — испещренный цифрами документ, который внимательно изучал, время от времени кидая настороженные взгляды на тучного господина, сидевшего напротив него в плетеном кресле и дымившего сигарой.

На изящном столике, разделяющем собеседников, лежали немецкие газеты трехдневной давности с кричащими заголовками: «Мобилизация в России!», «Война ожидается в течение 48-ми часов!», «Окружение Германии завершено!», «Боже, сохрани нашу страну!».

Барон поставил чашку с кофе на столик и поднял глаза на собеседника.

«Что означают эти цифры, герр Парвус?»

Тучный господин растянул свои мясистые губы в подобие улыбки.

«Они означают, что вам конец, господин ба-

рон. Вас раздавят в течение полугода, и никакой план Шлиффена и все, что вы там напридумывали, вас не спасет. Русский паровой каток, который, как я полагаю, наберет достаточную энергию месяцев через шесть-семь, расплющит Германию, даже не заметив этого. Я уже не говорю о том, что на западе против вас стоит огромная французская армия, к которой, почти наверняка, примкнут и англичане».

Посол положил листок бумаги перед Парвусом.

«Не надо преувеличений, дорогой Парвус. Вы всегда были склонны к преувеличениям. Вы уверены, что примерно через полгода «русский паровой каток» наберет максимальную сокрушающую энергию, а по нашим данным через эти самые полгода Россия уже израсходует все накопленные боевые запасы и останется без снарядов и патронов. Ей просто нечем будет вести войну. К этому времени мы разгромим Францию и обрушимся на Россию всей своей мощью. «Германия — меч в руке Бога», как любит повторять наш Кайзер».

«Вы романтик, герр Вангенгейм, — вздохнул Парвус. — Вы забываете, что когда Франция и Англия тянули к себе Россию в качестве военного союзника, они отлично знали все возможности русской военной промышленности, не выдержавшей напряжения даже в войне с Японией, которая была всего десять лет назад. А потому они наготовили для России столько снарядов, патронов и прочего боевого снаряжения, что Россия сможет вести войну до скончания века, не подняв цены даже на осетровую икру. Как только начнется война, в

Россию хлынет поток снаряжения, в то время, как Германия будет находиться в тисках блокады и прервать этот поток будет не в состоянии, поскольку море принадлежит Англии».

«Помилуйте, герр Парвус, — удивился посол, — каким образом этот поток доберется до России? Хотя море и принадлежит пока Англии, сил нашего флота вполне достаточно, чтобы блокировать экзотический русский флот на Балтике и не дать прорваться туда англичанам».

«Я думаю, — пожал плечами Парвус, — что никто и не планирует подпитывать Россию через Балтику. Весь поток пойдет здесь».

Парвус указал сигарой вниз — на бухту Золотой Рог, через которую медленно шли белоснежные пароходы.

«Взгляните, — продолжил он через минуту, — вот он, поток. Все эти суда идут либо в Россию, либо из России. Семьдесят пять процентов русского экспорта и импорта идут через черноморские порты. Вся железнодорожная сеть России ориентирована на эти порты, инфраструктура которых позволит доставлять на фронт союзную помощь в течение двух-трех суток...»

«Мы надеемся, — прервал Парвуса Вангенгейм, — что Турция, в конце концов, выступит на нашей стороне и закроет проливы...»

«Сомнительно, — покачал головой Парвус. — Очень сомнительно, что в надвигающейся войне Турция, вообще, выступит на чьей-либо стороне. Ей достаточно печального опыта Балканских войн. В окружении Великого Визиря об этом даже слушать не хотят. В России все это тоже хорошо по-

нимают. В годы Балканских войн, когда Турция закрыла проливы, Россия теряла по два миллиона золотых рублей в день. Сейчас Сазонов начал с турками секретные переговоры, и Турция надеется без войны получить от русских больше, чем с помощью оружия. И я вас уверяю, что так оно и будет, если срочно не принять самых экстраординарных мер».

«Что вы предлагаете, герр Парвус?» — хмуро поинтересовался Вангенгейм.

«Задачу можно решить достаточно просто, — светло-голубые глаза Парвуса увлеченно заблестели. — В проливы должен, пока не поздно, прийти «Гебен». Все остальное — это уже, как говорится, дело техники. Проливы будут закрыты, а Российская Империя рухнет и развалится. Ее не станет на географической карте мира».

«Вы так ненавидите эту страну? — в некотором смущении пробормотал Вангенгейм. — Я не уверен, что Кайзер ставит такую задачу в надвигающейся войне по отношению к России...»

«Да, я ненавижу Россию, — признался Парвус. — А что касается ваших задач, скажу вам, дорогой Вангенгейм, что у вас просто нет выбора. Грядущая война не будет похожа ни на одну из предыдущих. Если не удастся сокрушить Россию, то с лица земли будет стерта Германия. Короче, мне нужен «Гебен» в Константинополе. Немедленно уведомите об этом Тирпица. Сошлитесь на возможность заключения с турками союзного соглашения, или на что-нибудь в этом духе».

«Я знаю мнение Тирпица, — возразил Вангенгейм. — Он считает, что «Гебен» должен либо про-

рваться в Северное море, либо уходить в Полу».

«Тогда, — продолжал настаивать Парвус, — дайте радио на «Гебен» лично адмиралу Сушону. Он знает меня. Мы встречались с ним в мае, когда он впервые привел свою эскадру в Константинополь. Сообщите ему, что он нужен м н е в Константинополе. Сейчас».

«А если его по пути утопят англичане?» — спросил посол.

«Это будет прискорбно, — ответил Парвус. — Прискорбно для всех. Прежде всего — для Германии. Но мне кажется, что этого не случится. Война еще не объявлена.

Немецкий посол и Парвус расстались холодно. Друг друга они недолюбливали. Парвус считал барона фон Вангенгейма жалкой посредственностью и почти не скрывал этого. Что касается барона, то он не хотел даже заглядывать в бездонную и темную глубину той преисподней, которая в начале двадцатого века выбросила на поверхность земли Парвуса и его дружков.

* * *

В предрассветные часы 4 августа 1914г, еще до того, как начались первые боевые действия на сухопутных театрах Первой мировой войны, в эфир полетела радиограмма, переданная германским Адмиралтейством командующему дивизией немецких крейсеров в Средиземном море адмиралу Вильгельму Сушону. В ней говорилось: *«3 августа достигнуто соглашение с Турцией. Немедленно следуйте в Константинополь».*

И хотя никакого соглашения с Турцией, вопреки ожиданиям, заключить не удалось, и содержащийся в радиограмме приказ был почти сразу же отменен, адмирал Сушон решил все-таки поступить так, как предписывалось этой радиограммой от 4 августа.

Под командованием Сушона находились два быстроходных новых корабля — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». Ни одна операция надвигающейся войны не имела столь глобальных последствий, как тот поход, который корабли Сушона совершили в следующие семь дней.

I

Ко времени выстрелов в Сараево Турция имела много врагов и совсем не имела союзников, поскольку уже никто не считал хоть сколько-нибудь ценным иметь ее в качестве такового.

Последние сто лет Оттоманская Империя называлась «Больным ребенком Европы», а европейские державы, считая Турцию умирающей, парили над ней как стервятники, ожидая только момента, чтобы кинуться на ее труп, разодрав его на куски. Однако, шли годы, а мнимый больной упорно отказывался умирать, продолжая сжимать своими слабыми руками ключи от несметных богатств. Более того, в течение последних шести лет, начиная с 1908 года, когда революция младотурок свергла старого султана Абдуллу «Проклятого», посадив на престол его более покладистого брата, для Турции началась эпоха национального возрождения.

Новый султан Муххамед IV правил с по-

мощью сформированного революционерами Правительственного комитета «Единства и Прогресса». «Комитет» младотурок решил преобразовать страну, предотвратить, если понадобится, с помощью силы распад Империи и под руководством своего лидера — «маленького Наполеона» — Энвера-Паши отогнать ждущих смерти Турции европейских стервятников, вернув на идеях «пан-исламизма» былые дни Оттоманской славы.

За этим процессом возрождения Турции без всякого удовольствия и с растущим беспокойством наблюдали Россия, Франция и Англия, чье соперничество в этом регионе постоянно порождало международную напряженность.

Германия, вышедшая последней на сцену, занимаемую великими державами, с дерзкой мечтой о железной дороге Берлин — Стамбул — Багдад, решила явочным порядком стать патроном младотурок, оттеснив всех прочих от каких-либо притязаний на пещеру Али-Бабы, как иногда называли Оттоманскую империю.

Немецкая военная миссия, направленная в 1913г для реорганизации турецкой армии, вызвала такую яростную реакцию России, что только коллективными усилиями великих европейских держав удалось найти приемлемое решение, спасающее «лицо» всех участников конфликта, и избежать того, чтобы эта немецкая акция не стала той самой, предсказанной еще Бисмарком, «проклятой глупостью на Балканах», которая могла развязать мировую войну за год до Сараево.

Сейчас, когда общее сползание к большой войне виделось уже с роковой неизбежностью,

Турция пыталась определиться, к какой из противоборствующих европейских коалиций ей следует примкнуть в мрачном свете надвигающихся событий. Однако, страшась России, презирая Англию и не доверяя Германии, Турция никак не могла принять окончательного решения.

«Герой революции младотурок» — симпатичный молодой Энвер со своими румяными щеками и закрученными вверх «а-ля-Кайзер» усами — был, по существу, единственным искренним энтузиастом союза с Германией. Подобно некоторым великим философам прошлого, Энвер верил, что будущее принадлежит именно Германии.

Однако, политический и реальный руководитель «Комитета» Талаат-Паша — решительный левантский авантюрист, который мог сожрать фунт икры, запив его двумя стаканами бренди и двумя бутылками шампанского — не разделял энтузиазма Энвера. Он не верил в способность Турции сохранить нейтралитет в случае войны между великими державами и полагал, что с Германии просто можно больше получить за союз, чем с Антанты. Однако, указывал он, если войну выиграет Антанта, то Османская империя рассыплется под ее давлением; если же выиграют центральные державы, то Турция превратится в вассала Германии.

Другие группы в турецком правительстве в надежде откупиться от России предпочитали союз с Францией, хотя и понимали ничтожную вероятность его достижения. Россия была вековым врагом Турции. Десять веков Россия жаждала захватить Константинополь, лежащий на входе в Чер-

ное море, который русские называли Царьградом.

Знаменитый узкий морской пролив, именуемый Дарданеллами, длина которого составляет 50 миль, а ширина — не более трех, был единственным незамерзающим морским путем, связывавшим тогда Россию со всем остальным миром.

Турция обладала одним неопределимым качеством — собственным географическим положением на перекрестке основных морских и сухопутных путей. По этой причине Англия в течение ста лет была традиционным протектором Турции, но к началу XX века серьезное отношение Англии к Османской империи прекратилось.

Предпочитая, чтобы на ее дороге в Индию сидел слабый, дряхлеющий, а потому податливый деспот, Англия, поддерживая в течение целого столетия полусумасшедших султанов при всех их внутренних и внешних катаклизмах, устала, наконец, от этих кандалов, приковывавших ее к стране, которую Уинстон Черчилль в свойственной ему манере выразиться назвал «скандальной, разлагающейся, дряхлой, кровавой и нищей деспотией».

Аристократические носы Европы в течение долгого времени резким зловонием раздражала репутация Турции как страны, разьедаемой коррупцией, жестокостью, беззаконием и хаосом управления. Либералы, которые управляли Англией с 1906г, считали себя наследниками известного призыва лорда Гледстона, требовавшего «очистить» Европу от этих отвратительных турок — наиболее бесчеловечных представителей человечества».

Английская политика по отношению к Турции формировалась на убеждении, что Турция в рав-

ной степени больна и кровожадна. Известная метафора лорда Селисборо времен Крымской войны «Мы поставили не на ту лошадь» неожиданно получила статус пророчества. Поэтому Британии было позволено потерять свое влияние на Порту именно тогда, когда это влияние могло оказаться наиболее ценным.

Инициатива Турции заключить постоянный союзный договор с Англией еще в 1911г была отклонена по настоянию Черчилля, который, нанеся в 1909г визит в Константинополь, установил, как ему казалось, «дружеские отношения» с Энвером и другими министрами-младотурками.

В чисто имперском стиле, применяемом при обращении к странам Востока, Черчилль разъяснил, что хотя Англия не может пойти на союз с Турцией, тем не менее, последняя не должна подвергать риску дружеские отношения с Британией, «сохранив репрессивные методы старого режима, или пытаясь нарушить британское «статус-кво», существующее ныне.

Надменно обозревая мир из своего кабинета в Адмиралтействе, Черчилль напомнил Турции, что дружба с Англией будет ценной для нее, пока Британия «будет сохранять свое господство на море». А то, что дружба Турции или даже ее нейтралитет может иметь равную ценность и для самой Англии, никогда серьезно не рассматривалось ни самим Черчиллем, ни каким-либо другим британским министром.

В июле 1914 года, когда перед Германией со всей определенностью встала перспектива войны на два фронта, немцы внезапно стали стремиться

превратить Турцию в союзника, поскольку только она могла закрыть вход в Черное море и тем самым отрезать Россию от остальных стран Антанты и их снабжения.

В свете этого очень желательными стали выглядеть турецкие предложения о союзе, которые до сих пор просто игнорировались. Выражая свою тревогу по поводу сложившейся обстановки, кайзер настойчиво повторял, что «сейчас необходимо привести в готовность каждую пушку, имеющуюся на Балканах, чтобы она стреляла по славянам».

Когда же Турция начала торговаться по поводу статей предложенного немцами союзного договора, делая недвусмысленные намеки, что с Антантой ей удастся заключить более выгодное соглашение, кайзер, все более впадая в панику, приказал немецкому послу ответить на турецкие предложения «совершенно определенным согласием». «Ни при каких обстоятельствах, — указывал Вильгельм II, — мы не можем позволить себе отвергать их предложения».

28 июля — в день, когда Австрия объявила войну Сербии, — Турция официально запросила Германию по поводу возможности заключения договора о совместной обороне, который бы считался действующим, если бы Россия оказалась в состоянии войны с одной из договаривающихся сторон. В тот же день предложение Турции было получено в Берлине, принято, и проект договора, подписанный канцлером, был телеграфирован обратно в Стамбул.

Однако, в последний момент в Стамбуле пе-

редумали, поскольку, как цинично заметил позднее один из турецких министров, никто не был в полной уверенности, что Германия выиграет надвигающуюся войну. Поэтому Турция и не решилась окончательно затянуть узел, связывающий ее судьбу с Германией.

Пока турки колебались, они получили весьма полезную затрещину от Англии, которая захватила два линкора, построенных на английских верфях по заказу Турции. Это были первоклассные линейные корабли, равные лучшим из находящихся в строю английского флота. Один из этих кораблей был вооружен 13,5-дюймовой артиллерией.

28 июля турецкие корабли по приказу Первого лорда Адмиралтейства были «реквизированы». Такой термин был использован при объявлении об этом событии. Один из этих линкоров — «Султан Осман» — завершил все сдаточные испытания еще в мае.

Все деньги за его постройку были уже уплачены, но, когда турки захотели принять его у англичан и отправить домой, англичане, распуская зловещие слухи о заговоре греков, которые якобы имели намерение атаковать турецкий линкор по пути на родину своими подводными лодками, убедили турок в необходимости оставить корабль в Англии до тех пор, пока второй линкор, «Решадие», не закончит сдаточных испытаний, и оба корабля не смогут отправиться в Турцию вместе.

Когда же в начале июля были закончены все работы на «Решадие», были придуманы другие причины, а сдаточные испытания машин и ар-

тиллерии линкора отложены на неопределенное время.

Узнав о приказе Черчилля, турецкий командир построенного линкора капитан 1 ранга Рауф Бей, который вместе с пятьюстами турецкими моряками ожидал передачи линкоров на борту транспорта, стоявшего на Тине, пригрозил взять оба линкора на abordаж и поднять на них турецкие флаги. В ответ на это Адмиралтейство не без удовольствия отдало приказ оказать сопротивление подобным попыткам турок, «если понадобится — силой оружия».

Линкоры обошлись Турции в огромную по тому времени сумму — более 30-ти миллионов долларов. Деньги были собраны путем всенародной подписки, поскольку после поражения Турции в Балканских войнах турецкое общество осознало острую необходимость модернизации вооруженных сил. Тем более, что исконный враг — Россия — заложил на своих черноморских заводах сразу три дредноута новейшего типа.

Каждый анатолийский крестьянин отдал свои последние гроши на постройку реквизированных линкоров, так что их захват англичанами вызвал бурю антианглийских настроений по всей стране.

Что касается Англии, то она даже не позаботилась хоть как-то смягчить столь откровенное попрание международного права и самолюбия Турции. Министр иностранных дел Британии сэр Эдвард Грей, официально информируя турок об этом фактическом акте простого пиратства со стороны англичан, выразил уверенность относитель-

но понимания Турцией необходимости для Англии задержать эти корабли «для собственных нужд в обстановке кризиса». Финансовые и другие потери Турции, являющиеся предметом «искреннего сожаления правительства Его Величества», вкрадчиво разъяснил Грей, будут рассмотрены в свое время. Ни о какой компенсации не было сказано ни слова.

Находясь под кумулятивным влиянием концепции «больного ребенка» и «не той лошади», Англия смотрела на всю Оттоманскую империю как на нечто гораздо менее ценное, чем два лишних линкора в строю Королевского флота. Однако, возмущение, царившее в Турции, не привело, как надеялись в Берлине, ни к каким резким движениям с ее стороны. Турция даже не закрыла проливы для судов стран Атланты, явно избегая каких-либо действий, ставящих под сомнение и компрометирующих ее позицию строгого нейтралитета.

Нерешительные турецкие министры предпочитали подождать и посмотреть, какой оборот примут военные действия с самого начала. Германия была слишком далеко, в то время, как представлявшие постоянную угрозу русские и англичане находились рядом.

Решимость Англии вступить в войну против Германии порождала у турок дополнительные серьезные сомнения. Германское правительство, напуганное подобным развитием событий, приказало своему послу в Стамбуле барону фон Вангенгейму добиться «сегодня, если возможно» объявления Турцией войны России, что, как подчеркивалось в секретной телеграмме, «представляет ве-

личайшую важность, лишая Турцию возможности отколоться от нас под влиянием каких-либо действий англичан».

Однако, ничего не вышло — Порта была непреклонна. Все, исключая, возможно, одного Энвера, желали отложить любые открытые действия против России до тех пор, пока ход войны не покажет каких-либо признаков ее вероятного исхода.

II

В Средиземном море серыми призрачными силуэтами маневрировали боевые корабли, разворачиваясь по планам военного времени для предстоящих боевых операций. Радисты напряженно вслушивались в эфир, принимая оперативные приказы из далеких адмиралтейств.

Непосредственной и главной задачей английского и французского флотов было прикрытие переброски французских колониальных войск из Северной Африки во Францию. Колониальный корпус, включавший в себя три пехотных дивизии вместо обычных двух, насчитывал вместе со вспомогательными частями 80 тысяч человек.

Присутствие или отсутствие этого корпуса на определенном ему месте французско-германского фронта могло оказать решительное влияние на французский план войны, исход которой, как считали обе стороны, определится в открытой схватке между Францией и Германией.

И французское и английское адмиралтейства не спускали глаз с «Гебена» и «Бреслау», считая их главной угрозой безопасной переброске во Францию колониальных войск. Для прикрытия

своих войсковых транспортов французы имели самый крупный флот в Средиземном море, состоящий из 16-ти линкоров и броненосцев, 6-ти крейсеров и 24-х эсминцев. Английский Средиземноморский флот, базировавшийся на Мальту, имел в качестве боевого ядра три линейных крейсера — «Инфлексибл», «Индомитейбл» и «Индефатигейбл» — каждый по 18 тысяч тонн водоизмещения, с восемью 305 мм орудиями и скоростью 27-28 узлов.

Эти корабли предназначались для перехвата и уничтожения всего находящегося на плаву, исключая только линкоры-дредноуты. Кроме них, в состав британского флота в Средиземном море входили четыре броненосных крейсера водоизмещением по 14 тысяч тонн, четыре легких крейсера и четырнадцать эсминцев.

Итальянский флот был нейтральным. Австрийский флот, базирующийся на Полу в Адриатике, имел в своем составе восемь крупных боевых единиц, включая два дредноута с 305 мм орудиями и достаточное количество других кораблей, но, будучи крайне инертным, не рассматривался пока никем в качестве реальной угрозы.

Германия, имея второй по количеству кораблей флот в мире, выделила для Средиземного моря только два боевых корабля. Одним из них был линейный крейсер «Гебен» водоизмещением 23 тысячи тонн, вооруженный десятью 280 мм орудиями и обладавший скоростью 27,8 узла. Вторым немецким кораблем был легкий крейсер «Бреслау» водоизмещением 4500 тонн, примерно равный по своим боевым параметрам легким крейсерам ан-

гличан. Поскольку скорость «Гебена» была больше, чем у любого французского линкора или крейсера, он, соответственно ужасному прогнозу Уинстона Черчилля, «мог, легко уклонившись от французских линкоров и отбросив или обогнав их крейсера, обрушиться всей своей огневой мощью на беззащитные войсковые транспорта, топя одно за другим эти набитые солдатами суда».

Накануне войны характерной чертой английского военно-морского мышления была тенденция приписывать немецкому флоту гораздо большую дерзость и решительность в рискованных действиях против превосходящих сил противника, чем мог продемонстрировать сам английский флот, или показал в действительности немецкий флот в годы войны.

Необходимость нахождения в готовности для удара по французским войсковым транспортам, чтобы сорвать переброску на континент колониальных войск, была в самом деле одной из причин отправки «Гебена» и «Бреслау» в Средиземное море вскоре после ввода обоих кораблей в строй в 1912 году.

Однако, в последний момент, видимо, после беседы Вангенгейма с Парвусом, кто-то и в Германии понял, что крейсера адмирала Сушона могут выполнить гораздо более важную задачу, нежели пустить на дно пару французских пароходов с зуавами. Адмирал Вильгельм Сушон — смуглый, темноволосый, крепкосбитый пятидесятилетний мужчина — был опытным моряком.

Родившись 2 июня 1864 года в Лейпциге, Сушон уже в семнадцать лет получил первый офи-

церский чин, а вскоре был назначен командиром канонерской лодки «Адлер», действовавшей в Тихом океане при захвате немцами Самоа.

В дальнейшем Сушон занимал разные штабные и строевые должности, командовал броненосцем «Веттин», служил начальником штаба немецкого флота на Балтике и в 1911 году был произведен в чин контр-адмирала.

В декабре 1912 года Сушон был назначен командующим только что сформированной Средиземноморской дивизией крейсеров немецкого флота, а в начале 1913 года поднял свой флаг на линейном крейсере «Гебен».

С тех пор он обошел все внутренние моря и проливы Средиземноморья, тенью скользил вдоль берегов, огибал мысы и острова, наносил визиты в порты, знакомясь с местами и людьми, с которыми ему пришлось бы столкнуться в случае войны.

Отряд Сушона бывал и в Константинополе, где адмирал встречался с турецкими лидерами и даже с Парвусом, являвшимся в предвоенные годы экономическим советником правительства Турции.

Сушон обменивался визитами вежливости с итальянцами, греками, австрийцами и французами — со всеми, кроме англичан, которые, как отмечал адмирал в донесениях на имя кайзера, категорически запрещали своим кораблям посещать какие-либо порты, когда там находится «Гебен».

Англичане имели гнусную привычку появляться в портах сразу же после ухода оттуда немцев, чтобы испортить впечатление, оставленное немецкими кораблями, или, по элегантному

выражению кайзера, «чтобы плюнуть в суп».

«Гебен» находился в Хайфе, когда до адмирала Сушона дошли новости о событиях в Сараво. Адмирала охватило предчувствие надвигающейся войны и одновременно беспокойство по поводу котлов «Гебена», которые настолько плохо держали пар, что было уже решено отправить линейный крейсер в октябре для ремонта в Киль, заменив его в Средиземном море линейным крейсером «Мольтке».

Сразу же решив подготовиться к худшему, Сушон вышел в Полу, предварительно отправив телеграмму в Адмиралтейство с просьбой прислать в Полу новые трубки для котлов и квалифицированных монтажников для их замены. Весь июль на корабле, стоявшем в Поле, в лихорадочном темпе шли работы: каждый из экипажа «Гебена», кто мог держать в руках кувалду или чекан, был брошен на ремонт котлов.

За 18 дней были обнаружены и заменены 4500 дефектных трубок. Ремонт еще не был закончен, когда Сушон, получив предупредительную телеграмму, оставил Полу, чтобы не быть заблокированным в Адриатике.

1 августа Сушон прибыл в Бриндизи на каблуке «итальянского сапога», где итальянские власти, сославшись на плохую погоду и сильное волнение на рейде, отказались прислать «Гебену» лихтеры с углем.

Предчувствие, что Италия собирается предать Тройственный союз, становилось уже почти фактом, лишая Сушона возможности пользоваться итальянскими портами для погрузки угля. Сушон

собрал совет офицеров для обсуждения плана дальнейших действий. Было предложено попытаться прорваться в Северное море, то есть домой — на соединение с Флотом Открытого моря Германии. Однако, шансы прорыва через англо-французские силы в Атлантику с нанесением по пути как можно большего урона французским транспортам зависели, главным образом, от скорости хода, а та, в свою очередь, зависела от состояния котлов.

Котлы же, невзирая на проведенный в Поле ремонт, оставляла желать много лучшего. За последние 24 часа прорвало трубки еще на двух котлах.

Так и не подведя итог совещанию, Сушон решил идти в Мессину на randevу с немецкими торговыми судами, с которых он мог бы перегрузить уголь на «Гебен».

На случай войны Германия разделила весь мировой океан на районы, каждый из которых находился под командованием офицера интендантской службы, имевшего полномочия направлять немецкие торговые суда на randevу с боевыми кораблями, а также использовать ресурсы немецких банков и деловых фирм для военных нужд.

Пока «Гебен» огибал «итальянский сапог», его радиостанция весь день передавала приказы немецким торговым судам, вызывая их в Мессину.

В Таранто к «Гебену» присоединился легкий крейсер «Бреслау».

«Срочно! Лишний крейсер «Гебен» в Таранто», — телеграфировал 2 августа английский консул. Возбужденное английское Адмиралтейство, жаждавшее поскорее увидеть первую кровь, пущен-

ную английским флотом, считало обнаружение противника главной составляющей неизбежной победы.

Но, поскольку Англия еще не находилась в состоянии войны с Германией, охоту на немецкие корабли нельзя было начинать.

Даже Черчилль в напряженной готовности предупредительного периода, хотя и жаждал более других спустить всю свору английских боевых кораблей на отряд Сушена, вынужден был 31 июля напомнить командующему Средиземноморским флотом адмиралу сэру Берклею Мильну, что его главной задачей является содействие французскому флоту в прикрытии войсковых транспортов, лишь «по возможности» вступая в бой с быстроходными немецкими кораблями — особенно с «Гебеном».

Мильну указывалось, что скорость его эскадр «является достаточной, чтобы вы могли, оптимально распределив свои силы, выбрать момент для удара по противнику». Однако, в противоречие указанному, адмиралу было приказано «беречь свои силы» и «избегать вступления в бой с превосходящими силами противника». В ходе событий, имевших место в течение последующих нескольких дней, этот приказ мрачным похоронным звоном действовал на боевой дух английских моряков.

«Превосходящими силами», которые имел в виду Черчилль, как он сам разъяснил позднее, являлись соединения австрийского флота. Австрийские линкоры соотносились с английскими линейными крейсерами так же, как французские линко-

ры с «Гебеном», то есть были лучше бронированы и вооружены, но были тихоходнее.

Позднее Черчилль также разъяснил, что его приказ вовсе не представлял из себя «какого-либо запрещения британским кораблям вступать в бой с превосходящими силами противника, особенно при благоприятных обстоятельствах». Если этот приказ и не был запрещением, то он давал возможность английским адмиралам трактовать его как угодно, ставя любые боевые действия в зависимость от темперамента отдельных командиров.

Никто не знает, что начинает твориться в душах и сердцах адмиралов, когда приближается момент реальных боевых действий; момент, ради которого он посвятил свою жизнь флотской службе; когда жизни его подчиненных, исход предстоящего боя, судьба всей кампании, а иногда и страны начинают зависеть от его решения, принятого в этот роковой момент.

Некоторых этот страшный момент делает отважными, некоторых — осторожными, а некоторых просто парализует, делая их неспособными к каким-либо действиям.

Адмирал Мильн в ожидании рокового момента сделался осторожным. Пятидесятидевятилетний холостяк из высшего общества, бывший грумм короля Эдуарда VII, сохранивший еще связи при дворе, где он считался своим человеком, сын адмирала флота, внук и правнук английских адмиралов, заядлый рыболов, охотник на оленей и отличный стрелок сэр Арчибальд Берклей Мильн в 1911 году выглядел вполне естественной кандидатурой для назначения на пост командующего

Средиземноморским флотом, считавшийся наиболее престижным, если не самым престижным, постом в Королевском флоте.

На свою нынешнюю должность адмирал Мильн был назначен новым Первым лордом Адмиралтейства Уинстоном Черчиллем. Это назначение адмирал Фишер, бывший Первый Морской лорд, в частном порядке немедленно объявил «предательством флота».

Адмирал Фишер — создатель «дредноутного флота» Великобритании — был, вероятно, самым несдержанным и разговорчивым англичанином своего времени. Предсказывая начало войны в октябре 1914г, Фишер лелеял проект назначения на пост главнокомандующего английским флотом адмирала Джеллико — своего долголетнего сотрудника и крупного специалиста в области морской артиллерии.

Когда же Черчилль назначил Мильна командующим в Средиземном море, то есть на должность, которая, по мнению Фишера, открывала Мильну путь на тот высший пост, что Фишер желал зарезервировать для Джеллико, бывший Первый Морской лорд пришел в неописуемую ярость. Он начал бичевать Черчилля за то, что тот «поддался влиянию двора», и, подобно вулканическому извержению, обрушил весь многословный запас своего отвращения на Мильна, назвав его «абсолютно некомпетентным и совершенно не соответствующим статусу старшего из плавающих адмиралов, фактически адмиралиссимуса, каким вы его сделали».

Фишер называл Мильна «подхалимом само-

го низкого пошиба», «абсолютным профаном» и «ничтожеством, которое способно купить из вторых рук газету «Таймс», чтобы сэкономить один пенс».

Все в письмах Фишера, которые всегда начинались с пламенного предупреждения «По прочтении сжечь!», что, к счастью для историков, игнорировалось его корреспондентами, выглядело преувеличенным раз в десять и должно было, соответственно, приуменьшаться для приведения в хоть какое-то соответствие с реальностью.

Адмирал Мильн, конечно, не был абсолютным профаном, не был он и Нельсоном, а был совершенно обычным представителем весьма невдохновляющего орнамента британских адмиралов того времени. Когда же Фишер обнаружил, что никто не собирается делать Мильна главкомом, он переключил свою вулканическую энергию на другие вопросы, оставив «ничтожество»-Мильна наслаждаться средиземноморским покоем.

В июне 1914 года адмирал Мильн также нанес визит в Константинополь, где обедал с султаном и его министрами, принимал их на борту своего флагманского корабля, несколько не беспокоясь, подобно всем другим англичанам, о возможном месте Турции в средиземноморской, а уж тем более — в мировой стратегии.

К 1 августа, после получения предупредительной телеграммы из британского Адмиралтейства, подписанной Черчиллем, адмирал Мильн сосредоточил на Мальте все три своих линейных крейсера и четыре броненосных крейсера контр-адмирала Эрнеста Траубриджа.

На рассвете 2 августа Мильн получил новый приказ Черчилля, в котором предписывалось «двум линейным крейсерам неотлучно следовать за «Гебеном» и наблюдать за Адриатикой» на случай появления австрийского флота.

Специфика приказа отправить в слежение за «Гебеном» два линейных крейсера явно предусматривала бой с Сушоном в момент объявления войны. Но Мильн не подчинился этому приказу. Он отправил два своих линейных крейсера «Индомитейбл» и «Индефатигейбл» вместе с эскадрой Траубриджа наблюдать за Адриатикой. Имея информацию, что «Гебен» утром был замечен у Таранто, Мильн отправил легкий крейсер «Чатэм» провести поиск в Мессинском проливе, где, по его расчетам, должен был находиться «Гебен», и где он действительно находился. Оставив Мальту в 17:00, «Чатэм» на следующее утро, в 07:00, вошел в пролив и доложил, что «Гебена» там нет. Англичане опоздали с поиском на шесть часов.

Сушон уже прошел пролив и прибыл в Мессину накануне вечером — как раз в момент объявления Италией своего нейтралитета. Итальянские власти снова отказали Сушону в угле, но ему удалось принять 2000 тонн, принадлежавших немецкой судоходной компании. Кроме того, Сушон реквизировал в качестве угольщика немецкий пароход «Генерал», принадлежавший Германской Восточно-Африканской линии.

Пассажиры парохода были сняты прямо на пирс и снабжены деньгами на железнодорожные билеты до Неаполя. Не получая никаких приказов из Адмиралтейства (о чем позаботился Пар-

вус), Сушон решил действовать дальше на свой страх и риск.

В час ночи 3 августа в полной темноте он вышел из Мессины, взяв курс на запад — к алжирскому побережью, планируя бомбардировку портов Боне и Филиппвиль, где грузились на транспортные суда части 19-го колониального корпуса Франции.

В этот же самый час Черчилль отправил третий приказ адмиралу Мильну: «Наблюдение за выходом из Адриатики должно быть продолжено, но вашей главной задачей является «Гебен». Следуйте за ним неотступно и находитесь в полной готовности к бою с ним сразу же по получении сигнала об объявлении войны, что является весьма вероятным и очень близким событием».

Ко времени получения этого приказа Мильн вообще не знал, где находится «Гебен», поскольку «Чатэм» не нашел его в Мессинском проливе. Однако, Мильн правильно предположил, что немецкий линейный крейсер направляется на запад для нападения на французские транспорта. Кроме того, из полученного донесения адмирал знал, что на Майорке в ожидании стоит германский угольщик. Это привело Мильна к выводу, что «Гебен» затем намерен прорваться через Гибралтар в Атлантику. Мильн отозвал «Индомитейбл» и «Индефатигейбл» из устья Адриатики и приказал им следовать на запад для поиска «Гебена».

Весь день 3 августа «Гебен» шел западным курсом из Мессины, а за ним на расстоянии суточного перехода следовали британские линейные крейсера. В то же самое время французский флот

пересекал Средиземное море, следуя из Тулона к побережью Северной Африки.

Флот должен был выйти на день раньше, но в Париже, к несчастью, 2 августа разразился скандал, связанный с морским министром доктором Готье, который, как было обнаружено, забыл направить миноносцы в Ла-Манш для несения сторожевой службы против немецких минных заградителей. В последовавшем взрыве всеобщего негодования министров кабинета забыли вовремя отдать приказ Средиземноморскому флоту, о чем вспомнили только после настояния военного министра Мессими поспешить с доставкой во Францию 19-го Колониального корпуса.

Разволновавшийся Готье, видимо, стараясь прикрыть свой ляпсус с миноносцами, бросился в другую крайность дикой воинственности, предложив атаковать «Гебен» и «Бреслау» еще до объявления войны. Затем морской министр вызвал на дуэль военного министра, но после лихорадочных усилий коллег по кабинету, разнимавших и успокаивавших разбушевавшихся Готье и Мессими, Готье, залившись слезами, обнял Мессими и был вынужден подать в отставку по состоянию здоровья.

Вопрос осложнялся еще и тем фактом, что французы ничего толком не знали о позиции Англии, которая еще не была официально объявлена. Лишь в 16:00 кабинету удалось составить более или менее связную телеграмму командующему французским флотом адмиралу Буа де Лаперьеру, в которой тот информировался, что «Гебен» и «Бреслау» были замечены в Бриндизи, и что по

получении сигнала он должен «остановить их», охраняя при этом транспорта способом «прикрытия», а не «конвоирования».

Адмирал де Лаперьер — сильный, волевой человек, возродивший французский флот из состояния ржавеющего металлолома, в котором он долгое время пребывал, вопреки всем указаниям из Парижа решил формировать конвой, поскольку, с его точки зрения, «сомнительное» поведение англичан не оставляло ему другого выхода.

Получив долгожданную телеграмму из Парижа, адмирал немедленно приказал разводить пары и в четыре часа утра вывел флот из Тулона, всего через несколько часов после того, как Сушон оставил Мессину.

В течение следующих 24-х часов три эскадры французского флота шли на юг, направляясь в Оран, Алжир и Филиппвиль, в то время, как «Гобен» и «Бреслау» шли на запад к тем же портам.

3 августа в 18:00 Сушон получил радиограмму об объявлении войны Франции.

Обгоняя французский флот, отряд Сушона продолжал идти к северо-африканским портам.

4 августа в два часа ночи, когда немецкие корабли приближались к своей цели, Сушон получил радиограмму за подписью адмирала Тирпица с предписанием «немедленно следовать в Константинополь». Не желая поворачивать на обратный курс, «не испытав, — как позднее писал Сушон, — ни с чем не сравнимого наслаждения первой бомбардировки объектов противника, так страстно ожидаемой всем экипажем корабля», адмирал продолжал следовать в западном направ-

лении, пока в утренней дымке вдали не появились очертания алжирского побережья.

Подняв русский флаг, «Гебен» приблизился к берегу и открыл огонь, «сея смерть и панику». («Наш трюк блестяще удался!» — писал один из офицеров «Гебена», позднее опубликовавший воспоминания об этом походе. Соответственно «Кригсгебрауху» — наставлению по ведению войны, изданному германским Генеральным штабом, «использование униформы, опознавательных знаков и флагов противника или нейтральных стран с целью обмана противника является разрешенным»). Таким образом, «Кригсгебраух» с очаровательной легкостью игнорировал подпись Германии под Гаагской конвенцией, которая в своей 23-й статье запрещала пользоваться с целью маскировки опознавательными знаками и униформой противника.)

После бомбардировки Филиппвиля «Гебеном» и Боне — «Бреслау» адмирал Сушон повернул обратно в Мессину, следуя тем же путем, каким он пришел. Сушон планировал перед походом в Константинополь, до которого было 1200 миль, погрузиться углем с немецких торговых судов.

Адмирал де Лаперьер, узнав о бомбардировке по радио почти в тот же момент, когда она началась, предположил, что «Гебен» будет продолжать идти западным курсом и, возможно, следующим на своем пути прорыва в Атлантику бомбардирует Алжир. Лаперьер приказал увеличить скорость в надежде «перехватить противника, если тот появится». Адмирал не выделил кораблей для поиска «Гебена», поскольку считал, что если противник появится — его корабли вступят с ним в

бой, а если нет — то и нечего о нем беспокоиться. Подобно любому другому в Англии и во Франции, адмирал де Леперьер думал о «Гебене» только с точки зрения оперативно-тактических задач данного момента. А поскольку «Гебен» и «Бреслау» больше не мешали французам выполнять их задачу переброски на континент Колониального корпуса, адмирал де Леперьер больше о них и не беспокоился.

Таким образом, утром 4 августа была потеряна первая возможность уничтожить дивизию адмирала Сушона. Но почти сразу представилась новая возможность.

В 09:30 4 августа английские линейные крейсера «Индомитейбл» и «Индефатигейбл», которые всю ночь шли на запад, буквально столкнулись с «Гебеном» и «Бреслау» у Боне, когда немецкие корабли, закончив бомбардировку, развернулись, чтобы идти обратно в Мессину.

Если бы министр иностранных дел Британии сэр Эдвард Грей направил свой ультиматум Германии на день раньше, т.е. сразу же после речи в парламенте, Англия и Германия находились бы уже в состоянии войны, и орудия крейсеров немедленно обрушили бы огонь друг на друга.

Однако, состояние войны объявлено еще не было, и корабли молча разошлись на дистанции 8000 м — прекрасной дистанции для боя, довольствуясь лишь наведением орудий друг на друга и пренебрегая обменом обычными салютами.

Адмирал Сушон, пытаясь до открытия военных действий как можно дальше оторваться от преследовавших его английских кораблей, выжи-

мал из котлов «Гебена» всю возможную скорость. Корабль напряженно дрожал и вибрировал от режима полного боевого хода.

«Индомитейбл» и «Индефатигейбл», развернувшись, последовали за «Гебеном», решив до получения известия об объявлении войны держаться на дистанции эффективного артогня. Их радиостанции подобно охотничьему рогу, объявляющему о подъеме зверя, сообщили место «Гебена» адмиралу Мильну, который немедленно уведомил об этом Адмиралтейство: *“Индомитейбл и Индефатигейбл следуют за Гебеном и Бреслау — 34° 44' СШ, 07° 36' ВД”* В английском Адмиралтействе царили уныние и разочарование. Это была настоящая агония. Опять в водах, омывающих мыс Графальгар, британские корабли держали противника в прицелах своих орудий и не имели права открыть огонь.

“Очень хорошо! Держите его. Война неизбежна и будет объявлена в самом ближайшем будущем”, — радировал Черчилль Мильну и, «не теряя ни минуты», ринулся к премьер-министру и Грею, прося разрешения для линейных крейсеров Мильна «немедленно вступить в бой с «Гебеном», если тот нападет на французские транспорта.

К сожалению, сообщая о месте «Гебена», адмирал Мильн не удосужился сообщить, каким курсом идут немецкие корабли, так что у Черчилля сложилось впечатление, что они продолжают идти на запад, планируя новые нападения на французские порты.

«Черчилль, уже полностью раскрасившись в боевые цвета, страстно желал морского боя, что-

бы уничтожить «Гебен», — вспоминал премьер-министр Британии Асквит. Сам Асквит был склонен разрешить ему это, но кабинет, на рассмотрение которого премьер поставил этот вопрос, отказался санкционировать какие-либо боевые действия до истечения срока ультиматума в полночь. Таким образом, была упущена вторая возможность уничтожить дивизию Сушона, хотя она была бы упущена в любом случае, поскольку предполагаемый приказ Черчилля разрешал бой с «Гебеном» только в случае нападения немцев на французские транспорты, о чем Сушон уже и думать забыл.

А между тем, разрезая штилевую поверхность летнего Средиземного моря, линейные крейсера продолжали отчаянную гонку. Сушон пытался уйти от своих преследователей, англичане же, в свою очередь, пытались до полуночи сохранить «Гебен» на дистанции артиллерийского огня. Выжимая из своего корабля все, что возможно, Сушон шел со скоростью 24 узла.

Кочегары, которые обычно в жару и угольной пыли стояли вахты не более двух часов, теперь стояли дольше, в невиданном темпе подбрасывая уголь в топки, а рвущиеся котельные трубки обваривали их раскаленным паром. За три вахты, чтобы поддержать заданный темп гонки, погибли четыре кочегара.

Медленно, но верно расстояние между охотниками и добычей увеличивалось. «Индомитейбл» и «Индефатигейбл», имея свои проблемы с котлами и некомплект кочегаров, постепенно сдавали.

После полудня к этому долгому молчаливому преследованию присоединился легкий крейсер

«Дублин» под командованием капитана 1 ранга Джона Келли.

Шли часы, дистанция увеличивалась и к 17:00 «Индомитейбл» и «Индефатигейбл» отстали настолько, что уже не могли достать «Гебен» своей артиллерией. Только «Дублин» продолжал преследование немецких кораблей, держась в пределах визуальной видимости от «Гебена».

К 19:00 на море спустился туман. К 21:00 у берегов Сицилии «Гебен» и «Бреслау» исчезли в надвигающихся сумерках. В течение всего дня в далеком лондонском Адмиралтействе Черчилль и его сотрудники терпели «танталовы муки».

В 17:00 Первый морской лорд принц Луи Баттенбергский заметил, что есть еще время утопить «Гебен» до наступления темноты. Однако, скованный решением Кабинета Черчилль не мог отдать соответствующего приказа. Пока англичане ждали полуночи, «Гебен» пришел в Мессину и приступил к погрузке угля.

Рассвет застал Англию уже в состоянии войны с немцами, и моряки адмирала Мильна, наконец, были свободны в своем страстном желании открыть огонь. Но открывать огонь было не по кому. Из последнего донесения «Дублина» перед потерей контакта Мильн правильно предположил, что немцы находятся в Мессине, но тут на пути британского адмирала поставили новую преграду.

Приказ из Адмиралтейства информировал адмирала Мильна об объявлении Италией нейтралитета и предписывал командующему Средиземноморским флотом «строго уважать этот нейтралитет и не позволять своим кораблям приближаться

к итальянскому побережью ближе, чем на шесть миль».

В силу этого запрещения, продиктованного, видимо, желанием избежать «мелких инцидентов» и излишней осторожностью, Мильн был лишен возможности войти в Мессинский пролив и поэтому выставил охранение у обоих выходов из пролива. Поскольку адмирал был убежден, что «Гебен» снова попытается прорваться на запад, он со своим флагманским кораблем «Инфлексибл» и линейным крейсером «Индефатигейбл» остался сторожить выход из пролива, ведущий в западную часть Средиземного моря, а к выходу, ведущему в восточное Средиземноморье, направил всего один легкий крейсер «Глостер» под командованием капитана 1 ранга Говарда Келли — родного брата командира «Дублина».

Исходя из того же плана концентрации своих сил у западного выхода из Мессинского пролива, Мильн отправил «Индомитейбл» принять уголь в более близкую Бизерту, а не на Мальту, лежащую дальше на востоке.

Таким образом, ни один из трех линейных крейсеров Мильна не находился в позиции, чтобы перехватить «Гебен», если тот начнет прорыв в восточном направлении. В течение двух суток — 5 и 6 августа — Мильн патрулировал воды западнее Сицилии, находясь еще в полном убеждении, что «Гебен» намерен прорываться в Атлантику.

Адмиралтейство, которое также считало, что у «Гебена» нет другого пути, кроме прорыва через Гибралтар в Атлантику, если Сушон не хочет похоронить себя заживо в Поле, полностью одоб-

рило все действия адмирала Мильна. В течение этих двух суток, до позднего вечера 6 августа, адмирал Сушон, несмотря на все трудности, чинимые ему властями Мессины, проводил погрузку угля. Итальянские власти требовали от Сушона точного соблюдения законов нейтралитета, предписывавших ему покинуть Мессину через 24 часа после прибытия.

Погрузка угля, проводившаяся с немецких торговых судов, чьи палубы для облегчения работ были вскрыты, а леерные ограждения срублены, требовала в три раза больше времени, чем обычно. Пока адмирал спорил с портовыми властями относительно законов нейтралитета, весь экипаж «Гебена» был брошен на погрузку угля. Хотя матросов пытались подбодрить пивом, маршами корабельного оркестра и патриотическими речами офицеров, люди теряли сознание от изнеможения под палящим августовским солнцем, продолжая погрузку, пока черные от угля и блестящие от пота тела потерявших сознание не украсили всю верхнюю палубу «Гебена» подобно трупам.

К полудню 6 августа удалось принять 1500 тонн угля, что было недостаточно для похода в Константинополь, но у экипажа уже не было сил продолжать погрузку. «С тяжелым сердцем» адмирал Сушон приказал прекратить работы, всем отдыхать и быть готовыми к выходу в 17:00.

Во время стоянки в Мессине адмирал Сушон получил две радиограммы, которые еще более увеличили его беспокойство и поставили перед необходимостью принятия судьбоносного решения. Одна из радиограмм внезапно отменила приказ

Тирпица следовать в Константинополь, указав, что «по политическим причинам ваш приход в Константинополь в настоящее время нежелателен».

Это произошло потому, что с турецким правительством не было достигнуто полного согласия по этому вопросу. Энвер дал свое согласие немецкому послу, чтобы «Гебен» и «Бреслау» были проведены через минные поля, прикрывающие подходы к Дарданеллам, но поскольку их приход совершенно недвусмысленно нарушил бы нейтралитет Турции, Великий Визирь и другие министры настояли, чтобы данное Энвером разрешение было отменено.

Вторая радиограмма была подписана Тирпицем и информировала Сушона о том, что австрийцы не смогут оказать ему никакой помощи, и предоставляла адмиралу право самому решать, куда ему идти, «сообразуясь с обстановкой».

В воспоминаниях Сушона метод, с помощью которого он принял решение, описан весьма туманно: «Я знал, что «Гебен» не имеет достаточной скорости для прорыва через Гибралтар сквозь завесу превосходящих сил противника. В то же время в моей душе все восставало против ухода в Полу на милость австрийцев. Поэтому я решил вопреки всем приказам следовать в Константинополь».

Решение немецкого адмирала следовать «вопреки полученным приказам» выглядело бы весьма странным, если бы барон Вангенгейм позднее не признался, кто отдал Сушону нужный приказ.

Сушон приказал развести пары и быть готовыми к выходу к 17:00. Все, находящиеся на бор-

ту немецких кораблей, а также все на берегу от- лично знали, что, выходя в море, «Гебен» и «Брес- лау» фактически идут на верную гибель — настоль- ко превосходящими выглядели силы англо-фран- цузского флота.

На немецких кораблях офицеры писали заве- щания, оставляя их немецком у консулу.

Возбужденные сицилийцы, видимо, лучше всех на свете способные оценить подвиг самопожертво- вания, весь день толпились на набережных, при- ветствуя «идущих на смерть».

Местные газеты выходили с заголовками: «Гебен» в когтях смерти», «Гибель или сдача не- мецких кораблей неминуемы!», «Что выберет Су- шон: гибель или позор?»

Адмирал Сушон специально вышел из Мес- сины в светлое время суток, чтобы все заметили его северный курс, создающий впечатление, что он направляется в Адриатику. С наступлением ночи адмирал планировал изменить курс на юго-восток и оторваться от погони под прикрытием темноты.

Поскольку угля на весь поход было явно не- достаточно, нужно было еще ухитриться незамет- но от противника встретиться с угольщиком и где- то дозагрузиться углем. Угольщику было прика- зано встретить отряд у мыса Малея на юго-вос- точной оконечности Греции.

Когда «Гебен» и «Бреслау» вышли из восточ- ного прохода в Мессинский пролив, они были не- медленно обнаружены патрулировавшим у прохо- да английским легким крейсером «Глостер», кото- рый пошел за ними.

По своим боевым характеристикам «Глостер»

был примерно равен «Бреслау», но тяжелые орудия «Гебена» могли с расстояния 18000 метров одним залпом уничтожить английский крейсер, не оставив от него даже следа. Так что до прибытия подкрепления «Глостер» не мог сделать ничего больше, как держать противника в пределах видимости.

Следуя за Сушоном, капитан 1 ранга Келли радировал Мильну место и курс немецких кораблей. Адмирал со всеми тремя своими линейными крейсерами все еще находился у западного побережья Сицилии. Продолжая преследовать немцев, капитан 1 ранга Келли в 20:00, когда наступила темнота, изменил курс, заходя между берегом и отрядом Сушона, чтобы держать «Гебен» в свете луны, которая вставала за его правым бортом.

Этот маневр привел «Глостер» в пределы дальности орудий немецкого линейного крейсера, но «Гебен» не соблазнился на открытие огня.

В призрачном свете луны две тени, преследуемые третьей, продолжали нестись на север, выпуская в залитое лунным светом небо густые черные клубы дыма, что делало их видимыми на большом расстоянии и говорило о низком качестве угля, принятого в Мессине.

Адмирал Мильн, узнав, что «Гебен» ушел из Мессины восточным проходом, остался там, где он был, считая, что, если «Гебен» будет продолжать движение прежним курсом, он будет перехвачен эскадрой адмирала Траубриджа, патрулировавшей вход в Адриатику. Если же, как продолжал верить Мильн, «Гебен» идет ложным курсом и, в конце концов, повернет на запад, тогда его

перехватят линейные крейсера самого Мильна. Никакой другой возможности для «Гебена» адмирал Мильн не видел, а потому оставался со своими главными силами у западного побережья Сицилии, ожидая, когда Сушон попадет в расставленные сети.

Между тем, Сушон, будучи не в силах отделаться от «Глостера», не мог уже больше позволить себе роскошь следования ложным курсом, чтобы при имеющемся запасе угля достичь Эгейского моря. Выбора не было: преследуют его или нет — нужно поворачивать на восток.

В 22:00 Сушон повернул на восток, забывая частоту радиосвязи «Глостера» с Мильном в надежде, что английскому крейсеру не удастся сообщить об изменении немцами курса. Но эта попытка Сушона успеха не имела. Радиостанция «Глостера» передала в эфир сообщение об изменении немцами курса, которое было получено около полуночи и Мильном и Траубриджем.

Получив радиограмму Келли, адмирал Мильн, еще не очень понимая, что происходит, направился к Мальте, где он намеревался пополнить запас угля и продолжить преследование.

Теперь перехватом противника должен был заниматься адмирал Траубридж, в направлении которого шли немецкие корабли. Траубридж со своими кораблями держался у входа в Адриатику, имея приказ «предотвратить выход из Адриатики австрийского флота и вход туда германского флота».

Из курса «Гебена» становилось очевидным, что он удаляется от Адриатики, но Траубридж

видел, что если он сейчас двинется со своей эскадрой на юг, то сможет перехватить Сушона. Но, перехватив «Гебен», на что мог рассчитывать Траубридж?

Его эскадра состояла из четырех броненосных крейсеров: «Дифенс», «Блэк Принс», «Варриор» и «Дюк оф Эдинбург» — каждый водоизмещением 14000 тонн, чьи 9,2-дюймовые орудия имели гораздо меньшую дальность стрельбы, чем 11-дюймовые орудия главного калибра «Гебена».

Приказ Адмиралтейства, полученный Траубриджем уже в виде инструкции от его непосредственного начальника адмирала Мильна, запрещал ему предпринимать какие-либо действия «против превосходящих сил противника». Не получая никаких новых приказов от Мильна, Траубридж решил попытаться перехватить Сушона до 06:00, когда первые лучи восхода на востоке позволят ему, оставаясь в темноте, занять благоприятную позицию и, тем самым, уравнивать недостаток дальнобойности своей артиллерии.

Приняв это решение, Траубридж вскоре после полуночи полным ходом повел свою эскадру на юг. Однако, через четыре часа адмирал изменил свое решение.

Будучи военно-морским атташе в Японии во время русско-японской войны, Траубридж научился уважать эффективность артиллерийского огня на больших дистанциях. Гордясь своим прадедом, который сражался под командованием Нельсона в битве при Ниле, и репутацией самого «красивого офицера флота в молодые годы», Траубридж, кроме того, «почитал искусство мореплавания

так же, как солдат Кромвеля, почитал Библию».

Черчилль весьма ценил оба его качества и в 1912г назначил Траубриджа во вновь созданный Морской штаб. Но опыт в искусстве мореплавания и в штабной работе оказался явно недостаточным для командующего, стоящего перед лицом неравного и смертельного боя.

Не обнаружив «Гебен» до четырех часов ночи, Траубридж решил, что он больше уже не может рассчитывать вступить в бой с Сушоном при благоприятных для себя обстоятельствах. Он считал, что в светлое время суток «Гебен», даже если он и будет перехвачен, сможет легко держаться за пределом дальности огня его крейсеров и уничтожить их все один за другим. При этом Траубридж не видел никаких реальных возможностей для своих четырех крейсеров и восьми эсминцев «дотянуться» до «Гебена» артиллерией или торпедами.

Таким образом, «Гебен», в глазах Траубриджа, стал теми самыми «превосходящими силами», с которыми Адмиралтейство предписало ему не связываться. Решив это, Траубридж прекратил поиск, о чем информировал Мильна, и, еще надеясь на появление хотя бы одного линейного крейсера, до 10:00 держался у Занте, а затем направился туда для приемки угля.

Таким образом, была упущена третья возможность, и «Гебен» с неумолимостью предопределенного и ужасного рока продолжал следовать своим курсом.

В 05:30 адмирал Мильн, все еще считая, что «Гебен», в конце концов, повернет обратно на запад, радировал на «Глостер» приказание «пос-

тепленно прекратить погоню, не подвергая корабль риску уничтожения».

Ни Мильн, ни Адмиралтейство еще не понимали, что «Гебен» просто бежит от англичан, заботясь больше всего о том, как при этом избежать боя, и не собираясь этот бой никому навязывать, подчиняя все лишь одной цели — достичь Константинополя.

Находясь под впечатлением рейда на Филиппиль и многих лет ошибочного мнения о решительности и дерзости немецких моряков, англичане смотрели на «Гебен» как на кровожадного корсара, готового развернуться и подобно смерчу пронестись по морям, уничтожая судоходство союзников. Англичане были уверены, что в итоге они тем или иным способом уничтожат «Гебен», а их столь нерешительное преследование объяснялось полным непониманием замысла адмирала Сушона, уходящего все дальше на восток. Куда и зачем?

Наступило утро 7 августа. Один лишь «Глостер», игнорируя приказ адмирала Мильна, продолжал следовать за «Гебеном» и «Бреслау», приближавшимися к берегам Греции.

Адмирал Сушон, который не мог позволить себе идти на randevу с угольщиком на глазах противника, стал предпринимать отчаянные попытки отделаться от назойливого преследователя. Адмирал приказал «Бреслау» отстать и попытаться отогнать «Глостер», имитируя минную постановку на его курсе и применяя другую тактику отпугивания.

Капитан 1 ранга Келли, все еще ожидая подхода своих линейных крейсеров, также решил сде-

лать отчаянную попытку задержать «Гебен». Когда «Бреслау» повернул, чтобы отпугнуть его, Келли решил атаковать немецкий легкий крейсер, чтобы вынудить «Гебен» также повернуть на обратный курс и прийти на помощь своему товарищу. При этом Келли не задумывался о том, имеет ли он дело с «превосходящими силами» или нет.

С лихостью британских корсаров былых времен Келли открыл огонь, на который «Бреслау» немедленно ответил. Как и предполагал Келли, «Гебен» развернулся и также открыл огонь. Обе стороны не достигли попадания.

Свидетелем этого боя случайно оказался небольшой итальянский пассажирский пароход, следовавший из Венеции в Константинополь. Когда снаряды с «Гебена» подняли вокруг «Глостера» огромные светло-зеленые столбы воды, Келли прервал бой с «Бреслау» и отошел.

Адмирал Сушон, который не мог тратить на преследование драгоценный уголь, лег на прежний курс. Увидев это, Келли также развернулся и продолжал погоню. Еще три часа Келли шел за немцами, держа «Гебен» в видимости, пока Мильн категорически не запретил ему продолжать преследование восточнее мыса Матапан на южной оконечности Греции.

В 16:30, когда «Гебен» обогнул мыс Матапан, чтобы войти в Эгейское море, «Глостер», наконец, прекратил погоню. Освободившись от соглядатая, Сушон исчез среди греческих прибрежных островков, идя на встречу с угольщиком.

Примерно, через восемь часов после этого, вскоре по полуночи, адмирал Мильн, погрузив

уголь, вышел с Мальты, ведя под своим флагом три линейных крейсера и легкий крейсер «Веймут», направляясь на восток.

Идя со скоростью 12 узлов, чтобы сэкономить уголь, Мильн явно не спешил и к 14:00 следующего дня 8 августа находился на полпути между Мальтой и Грецией, когда он был вынужден резко остановиться, получив сообщение из Адмиралтейства о том, что Австро-Венгрия объявила Великобританию войну.

К сожалению, это сообщение было ошибочным, переданным в эфир из-за невнимательности одного из клерков Адмиралтейства, перепутавшего образцы заранее подготовленных на этот случай радиogramм. Этого было достаточно, чтобы Мильн прекратил преследование Сушона и занял позицию, в которой австрийский флот не мог бы отрезать его корабли от Мальты.

Именно в этот момент Мильн приказал эскадре Траубриджа и «Глостеру» присоединиться к нему. Была упущена еще одна возможность. Английский флот оставался сконцентрированным у входа в Адриатику почти 24 часа — до полудня следующего дня, когда из новой радиogramмы Адмиралтейства, чувствовавшего себя весьма неловко, Мильн узнал, что война Австрией не объявлялась.

Адмирал немедленно возобновил погоню. К этому времени «Гебен», которого англичане последний раз видели вечером 7 августа входящим в Эгейское море, был неизвестно где, опережая погоню на 40 часов.

Пытаясь решить, в каком направлении искать

отряд Сушона, Мильн, соответственно его собственному рапорту, учел четыре возможных курса, которые мог выбрать его противник.

Адмирал Мильн все еще не исключал попытки «Гебена» прорваться на запад — в Атлантику. Затем он предусматривал вариант броска «Гебена» на юг для нападения на Суэцкий канал. «Гебен» также, по мнению Мильна, мог искать убежища в Греции и даже атаковать Салоники. Весьма экзотическое предположение, принимая во внимание нейтралитет Греции. Но Дарданеллы, как место назначения «Гебена», не приходили в голову ни Мильну в Средиземном море, ни Адмиралтейству — в метрополии.

В своем рапорте Мильн указал, что его стратегией было блокировать «Гебен» в Эгейском море, вынуждая его «идти все дальше на север». Чтобы ни у кого в Средиземном море о «Гебене» не болела голова.

Именно «все дальше на север» Сушон и шел, пока не был вынужден остановиться, чтобы пополнить запас угля, а заодно попытаться установить связь с Константинополем.

Немецкий угольщик «Богадир», замаскированный под грека, ждал, как ему и было приказано, у мыса Малеа. Боясь быть обнаруженным, Сушон приказал «Богадиру» перейти к Денузе — островку, расположенному в глубине Эгейского моря.

Не зная ничего о том, что англичане прервали погоню, Сушон весь день 8 августа малым ходом петлял между островами архипелага и появился около пустынного побережья Денузы только утром 9-го. Здесь весь день «Гебен» и «Брес-

лау» грузили уголь, поддерживая пары в котлах, чтобы иметь возможность дать ход в течение получаса после сигнала тревоги.

Для наблюдения за подходом англичан, которые в действительности находились в 500 милях у входа в Адриатику, наблюдательные посты были развернуты на прибрежных холмах.

Адмирал Сушон не осмелился воспользоваться радиостанцией для связи с Константинополем, поскольку достаточно сильный сигнал, который мог бы достичь столицы Оттоманской империи, мог бы одновременно выдать место «Гебена» противнику. Поэтому Сушон приказал «Генералу», который шел вместе с ним из Мессины, держась к югу от отряда, идти в Смирну и оттуда передать радиограмму немецкому военно-морскому атташе следующего содержания: *«Чрезвычайная военная необходимость требует моего присутствия в Черном море. Сделайте все возможное, чтобы я мог пройти проливы, если возможно, с официального разрешения турецкого правительства, но, если необходимо, то и без него.»*

Весь день 9 августа Сушон ждал ответа. В какой-то момент его радисты приняли радиограмму, зашифрованную неизвестным шифром, так что смысл ее понять не удалось. Прошла ночь, но ответа из Константинополя не было. Тем временем эскадра Мильна после «австрийской» задержки двигалась к Эгейскому морю.

Сушон решил, что, если он не дожидается ответа, то будет пробиваться в проливы силой. Выбора не было.

10 августа в три часа ночи радисты «Гебена»

поймали радиосигналы англичан, входящих в Эгейское море. Больше ждать было нельзя. В этот момент радиостанция «Гебена» приняла, наконец, позывные «Генерала», приславшего загадочную радиограмму в дельфийском стиле: *«Входите. Требуйте сдачи фортов. Возьмите в плен лоцмана.»*

Не поняв толком, означает ли это, что он должен продемонстрировать силу, чтобы спасти туркам лицо, или действительно пробиваться через проливы силой, Сушон на рассвете оставил Денузу и весь день шел на север со скоростью 18 узлов.

В то же самое время адмирал Мильн весь день крейсировал у входа в Эгейское море, чтобы не дать «Гебену» возможности прорваться обратно в Средиземное море. В 16:00 перед «Гебеном» на горизонте возник Тенедос и равнины Трои.

В 17:00 «Гебен» подошел ко входу в Дарданеллы, искрящемуся на солнце под охраной минных полей и огромных орудий старинной крепости Чанак. На «Гебене» пробили боевую тревогу.

С напряженными до предела нервами от неизвестности дальнейших событий экипаж занял места по боевому расписанию. Малым ходом «Гебен» приближался к границе минных заграждений. На его мачте, трепеща под легким ветерком, взвился флажной сигнал: «Пришлите лоцмана».

Накануне утром в Константинополь прибыл тот небольшой итальянский пассажирский пароход, который оказался случайным свидетелем боя «Глостера» с «Гебеном» и «Бреслау». Среди пассажиров парохода были дочь, зять и три внука американского посла в Турции Генри Моргентау.

Они доставили в американское посольство волнующий рассказ о грохоте орудий, о белых клубках порохового дыма и о маневрировании сражающихся кораблей.

Итальянский капитан объяснил пассажирам, что эти два далеких корабля были «Гебен» и «Бреслау», которых совсем недавно проводили из Мессины. Генри Моргентау воспользовался случаем, чтобы через несколько часов встретиться с немецким послом Вангенгеймом и пересказать ему услышанную от дочери историю, которую немецкий посол слушал с «волнующим интересом».

Сразу же после ленча в сопровождении своего австрийского коллеги Вангенгейм прибыл в американское посольство, где оба посла, «торжественно расположившись в креслах перед дочкой Моргентау, подвергли американскую леди вежливому, но тщательному допросу...

Они не позволяли ей упустить ни единой детали, желая знать, сколько всего выстрелов произвели сражающиеся корабли, в каком направлении шли немецкие крейсера, как вели себя при этом другие пассажиры парохода и т.д.

Послы оставили посольство в почти ликующем настроении.» Они поняли, что «Гебену» и «Бреслау» удалось избежать кlyков английского флота. Теперь осталось добиться разрешения правительства Турции на их проход через Дарданеллы.

Энвер-Паша, будучи военным министром, в сферу ответственности которого входили и минные заграждения, прикрывающие проливы, более чем желал пропустить немцев, но ему приходилось

вести очень сложную игру со своими более нерешительными и нервными коллегами.

Во второй половине дня Энвером был принят один из сотрудников немецкой военной миссии подполковник фон Кресс. Кресс сообщил, что комендант крепости Чанак доложил о запросе «Гебена» и «Бреслау» разрешения на вход в проливы и срочно просит инструкций. Энвер сказал, что он не может ответить коменданту без консультации с Великим Визирем. Подполковник Кресс продолжал настаивать, что крепость требует немедленного ответа. В течение нескольких минут Энвер хранил полное молчание, затем резко произнес:

«Пусть им позволят войти!»

Кресс, который несколько минут боялся вздохнуть, снова начал дышать.

«Если английские корабли, преследуя их, направятся в проливы, будет ли по ним открыт огонь?» — спросил он.

Энвер снова отказался отвечать, ссылаясь на необходимость консультации с кабинетом. Кресс продолжал настаивать, подчеркивая тот факт, что крепость нельзя оставлять без совершенно четких инструкций.

«Будет открыт огонь по англичанам, или нет?»

Последовала продолжительная пауза, в конце которой Энвер ответил:

«Да!»

В 150 милях от них, на входе в проливы, турецкий эсминец, отойдя от берега, стал приближаться к «Гебену». В напряженном молчании

сотни глаз следили с палубы и надстроек линейного крейсера за его подходом.

На мостике «Гебена» адмирал Сушон с трудом подавил вздох облегчения: поднятый эсминцем сигнальный флаг означал «Следуйте за мной».

10 августа 1914г в 21:00 «Гебен» вошел в Дарданеллы, принеся с собой, как позднее признал Черчилль, «больше бедствий, крови, руин и неконтролируемых последствий, чем все другие военные корабли вместе взятые со времен изобретения корабельного компаса».

III

Новости телеграфных агентств, немедленно сообщивших на весь мир о приходе «Гебена» и «Бреслау» в Константинополь, около полуночи того же дня достигли Мальты.

Адмирал Мильн, все еще разыскивающий «Гебен» среди южных островов Эгейского моря, узнал об этом к полудню следующего дня. Адмиралтейство, упорно непонимающее задачу «Гебена», проинструктировало Мильна установить блокаду Дарданелл «на случай, если немецкие корабли попытаются оттуда уйти».

Премьер-министр Великобритании Асквит, комментируя эту новость, нашел ее «интересной» и записал в своем дневнике: «Мы будем настаивать, чтобы экипаж «Гебена» был заменен турками, которые сами не смогут управлять таким кораблем. Так что вся эта история не представляет большой проблемы».

«Настаивать» — это все, что Асквит считал необходимым предпринять. Союзные послы сра-

зу же стали «настаивать» яростно и многократно.

Турки, еще надеясь поторговать своим нейтралитетом, осмелились попросить немецкого посла разоружить «Гебен» и «Бреслау» «временно и только для вида», но Вангенгейм, выслушав это предложение, категорически отказался даже его обсуждать.

Великий Визирь срочно собрал кабинет, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. В ходе горячей дискуссии один из министров высказал такое предложение: «А не могли бы немцы продать нам эти корабли? Разве нельзя их прибытие рассматривать как передачу их нам по ранее заключенному контракту?»

Все с восторгом встретили эту превосходную идею, которая не только разрешала все проблемы, связанные с «нейтралитетом», но и напоминала англичанам о высшей справедливости за захват двух турецких линкоров. Получив согласие немцев, турки официально объявили о покупке кораблей дипломатическому корпусу, аккредитованному в Стамбуле.

Вскоре после этого «Гебен» и «Бреслау» были соответственно переименованы в «Явуз Султан Селим» и «Мидиллие», подняли турецкие флаги и были удостоены султанского смотра. Султан обошел строй немецких моряков, одетых в турецкие фески. В феску нарядился и адмирал Сушон, который указом султана был назначен командующим турецким флотом.

Вид «Гебена» и «Бреслау», идущих по Мраморному морю во главе строя турецких кораблей, вызвал волну буйного народного энтузиазма.

Внезапное появление двух современных боевых кораблей, перенесенных в Константинополь как бы волшебной волей какого-то могущественного джина и заменивших линкоры, украденные англичанами, в огромной степени повысил популярность Германии в глазах турецкого общественного мнения.

Однако, при всем при том, Турция не собиралась вступать в войну на стороне Германии, на чем яростно настаивали немцы. Напротив, воспользовавшись приходом отряда Сушона, турецкое правительство стало требовать от Антанты более высокой платы за свой нейтралитет.

Появлением «Гебена» у входа в Черное море более всех была напугана, разумеется, Россия. Она была напугана настолько, что была готова платить. Воинственная агрессивность, столь характерная для отношения России к Турции в течение прошедшего столетия, с вечными претензиями России на владение проливами и Царьградом (Константинополем), составляющими краеугольный камень русской внешней политики, неожиданно сменилась небывалой мягкостью и изысканной вежливостью.

Россия была готова не только отказаться от своих вековых притязаний, но и идти на какие угодно уступки.

13 августа русский министр иностранных дел Сазонов через посредство Франции предложил Турции «твердые и торжественные гарантии» ее территориальной целостности, обещая «огромные финансовые выгоды за счет Германии» в обмен на ее нейтралитет. Сазонов клялся, что все его посулы останутся в силе, даже «если Россия выиграет

войну». Французы согласились посредничать и, по словам президента Пуанкаре, «перевернули небо и землю», чтобы Турция оставалась нейтральной и спокойной, призывая англичан присоединиться к объединенным гарантиям турецкой территориальной целостности. Но англичане не могли заставить себя идти на какие-либо сделки или платить за нейтралитет стране, которую они столь долго опекали и презирали.

Черчилль, впад в крайнюю воинственность и в «буйное антитурецкое настроение», предложил послать в Дарданеллы флотилию эсминцев, чтобы утопить торпедами «Гебен» и «Бреслау».

Надо сказать, что это было бы единственным правильным решением, которое могло бы предотвратить все то, что произошло в дальнейшем.

В британском кабинете предложение Черчилля было отклонено лордом Китченером, заявившим, что Англия не может позволить себе бросить вызов мусульманскому миру, напав на Турцию.

Между тем, в Англии, не понимая еще значения прорыва «Гебена» в Константинополь, пытались замять всю эту историю.

«Противник, убоявшись боя с кораблями Его Величества, бежал», — писал в своем рапорте адмирал Мильн, намекая на то, что бежать «Гебену» удалось благодаря «нерешительным действиям адмирала Траубриджа». Адмирал Траубридж потребовал следственной комиссии, которая постановила разобрать дело в военно-морском суде.

Суд обвинил адмирала Траубриджа в том, что он «прервал погоню за немецким кораблем «Гебен», дав возможность противнику бежать». Суд

разбирал главный фактор: правомочен ли был адмирал Траубридж, рассматривая «Гебен» как «превосходящие силы». В результате флот, скорее ради собственного престижа, оправдал Траубриджа, переводя его от греха подальше на береговую должность.

Адмирал Мильн, отозванный 18 августа в Англию под предлогом передачи всех военно-морских сил Средиземного моря под французское командование, вернулся домой и был без лишнего шума уволен в отставку.

30 августа Адмиралтейство объявило, что действия адмирала Мильна и диспозиция его сил при преследовании «Гебена» и «Бреслау» были предметом тщательного расследования, в результате которого «Их Светлости Лорды полностью одобрили все мероприятия адмирала».

«Их светлости лорды», будучи еще слишком близорукими, чтобы понять трагическую важность произошедшего, решили не искать козла отпущения за прорыв «Гебена». Напротив, всю эту историю пытались замять. О «Гебене» писали как о трусливо бежавшем с поля боя при одном виде британского боевого флага, как о корабле, похоронившем себя и всю германскую стратегию в Средиземном море в тесной мышеловке турецких проливов, порой преподнося приход отряда Сушона в проливы как очередной триумф английского флота и британской морской стратегии.

Между тем, сам Сушон, назначенный командовать турецким флотом, привыкая носить феску, входил в курс своих новых обязанностей. Одной из особенностей турецкого флота было то, что в

нем не было старшин, унтер-офицеров и кондукторов. Поэтому на 10 тысяч матросов приходилось 8 тысяч офицеров. Кроме того, в течение многих лет турецкие корабли служили, главным образом, плавучими казармами.

Распоряжался всей жизнью флота морской арсенал в бухте Золотой Рог. С 1877г из Босфора в Черное море не выходил ни один военный корабль, не считая периода Балканских войн, когда турецкие корабли производили операции у болгарского побережья.

Почти все турецкие корабли требовали ремонта, ни на одном не было радиостанции. Машины были в запущенном состоянии, котлы — давно не чищены. В еще более запущенном состоянии находилась система береговой обороны.

Несмотря на полное содействие Энвера-Паши и начальника германской военной миссии генерала Лиман-Сандерса, адмирал Сушон вскоре пришел к убеждению, что береговой обороной должны руководить немцы, и только тогда можно будет на нее положиться. Поэтому 15 августа под свою личную ответственность, не запросив Энвера-Пашу и германского посла, он затребовал для дарданелльских и босфорских фортов двух адмиралов, десять морских офицеров, комендоров, дальномерщиков, минеров, сигнальных старшин, а также офицеров и матросов для укомплектования турецких кораблей.

Немецкие моряки прибыли 29 августа и были радушно встречены Энвер-Пашой.

Сразу же по прибытии «Гибена» и «Бреслау» в Турцию адмирал Сушон взял под свой контроль

весь уголь и машинное масло. Всего удалось собрать 8000 тонн уэльского угля, развернуть угольный склад на побережье Босфора и наладить транспортировку угля с Анатолийского побережья.

Кипучая деятельность адмирала Сушона проходила на глазах английской военно-морской миссии, которая работала в Турции с 1911 года. Сушон опасался какого-либо саботажа со стороны англичан, а также — со стороны многочисленных представителей армянского и греческого населения. Пришлось вызвать из Германии дополнительный личный состав, взявший на себя функции обеспечения безопасности военно-морских объектов и кораблей.

Пока Сушон трудился, не покладая рук, приводя турецкий флот и систему береговой обороны проливов в боеспособное состояние, через проливы в русские черноморские порты шли, загруженные по марку французские и английские транспорты, доставляя в Россию все виды боевого снаряжения.

Учитывая обстановку на фронтах на исходе второго месяца войны, на подобное положение вещей уже невозможно было смотреть спокойно. Но Турция, с восторгом принимая немецкую военную помощь и не возражая, что немецких офицеров в ее армии и флоте стало едва не более, чем турецких, откровенно гордясь турецким флагом на «Гебене», вступать в войну на стороне Германии вовсе не собиралась. Как немцы ни настаивали, Великий Визирь и другие члены кабинета с чисто восточным искусством уходили от конкретного решения этого вопроса. К тому же после отступ-

ления германских войск на Марне, а австрийских — в Карпатах вера в окончательную победу Германии сильно поколебалась в глазах и турецкого правительства, и турецкого офицерского корпуса, представлявшего общественное мнение страны.

Кроме того, для ведения длительной войны против коалиции европейских держав у Турции не было ни боевых запасов, ни денег.

Пытаясь отвязаться от настойчивых требований Германии, правительство Турции представило немцам конкретный счет в виде денег и необходимых запасов, которые ей требуются для ведения войны. Когда немцы согласились, турки удвоили свои требования. «Это породило сомнения в искренности турецкого правительства, — с горечью заметил один из участников переговоров. Постепенно пропадала последняя вера в возможность выступления Турции».

В этих условиях на доклады Сушона о боевой готовности флота никто не реагировал, кроме, разве, Энвера. Да и тот не давал разрешения на неоднократные просьбы Сушона выйти со своими кораблями в Черное море. Более того, послы и дипломатические представители стран Антанты постоянно оказывали давление на Великого Визиря с требованием удаления из Турции германского адмирала, самовольно захватившего в свои руки командование над турецким флотом и обороной проливов и неподчиняющегося указаниям турецкого правительства.

Это действовало на некоторых министров кабинета, также желающих устранить тягостное влияние на их страну адмирала-иностранца. Энвер

предложил Сушону официально перейти на турецкую службу, чего как раз Сушон совсем не хотел.

Он хотел совсем другого. 18 октября адмирал добился приема у Великого Визиря и сообщил ему, что флоту необходимо провести учения в Черном море. К югу от Дарданелл хозяйничают англичане, и выход на учения туда может спровоцировать войну, а плавания в Черном море просто необходимы для ознакомления личного состава с потенциальным театром военных действий, поскольку позиция Румынии и Болгарии до сих пор не прояснилась, а от этих стран всегда можно ожидать любых неожиданностей, хотя бы по опыту Балканских войн.

Он намерен провести учения по боевым эволюциям и радиотелеграфированию. Кроме того, на «Гебен» прибыл новый командир — капитан 1-го ранга Акерман. Ему нужно ближе познакомиться с кораблем.

Великий Визирь был склонен все это разрешить, но просил Сушона далеко в море не уходить, чтобы не вызывать «ненужных осложнений». Сушон пообещал. Затем, разыграв некоторое смущение, Сушон, переведя беседу с Великим Визирем в доверительный тон, признался тому, что некоторая часть турецких офицеров относится к нему холодно, если не сказать враждебно, считая его иностранцем и, увы, не мусульманином, что есть чистая правда. К счастью, таких меньшинство, но при руководстве флотом любое неподчинение воле командующего может иметь самые печальные последствия. Поэтому Сушон попросил письменный документ, подтверждающий его

полномочия командующего турецким флотом.

25 октября Сушону вручили приказ, подписанный морским министром Турции Джемаль-Беем, где, в частности, говорилось: «Адмирал Сушон действует по высочайшему повелению Султана, и флот обязан ему повиноваться».

Но правительство Турции повиноваться адмиралу Сушону не желало. Правительство продолжало тактику проволок.

26 октября в Берлин выехал турецкий министр иностранных дел Халил, чтобы, получив от немцев очередной заем в два миллиона турецких фунтов, доказать им невозможность вступления Турции в войну в настоящее время. Но перед немцами со всей остротой уже стояла жизненная необходимость блокады России с юга от ее союзников по Антанте.

Вечером 27 октября 1914г в своей каюте на «Гебене» адмирал Сушон собрал секретное совещание, на котором присутствовали: командир «Гебена» капитан 1 ранга Акерман, турецкий командор Ариф-Бей, числившийся турецким командиром «Гебена» и младшим флагманом Сушона, командир «Бреслау» фрегаттен-капитан (капитан 2 ранга) Кеттнер и немецкие командиры турецких миноносцев. Чуть позже на совещание прибыл Энвер-Паша.

Выступивший перед собравшимися адмирал Сушон был краток. Существующая военная ситуация требует немедленно отрезать Россию от ее союзников, что невозможно без вступления Турции в войну на стороне Германии. К сожалению, он пришел к выводу, что турецкое правительство,

парализованное какими-то непонятными страхами, вряд ли на это решится в ближайшее время. Но ждать больше уже невозможно. Поэтому он решил действовать на свою ответственность.

План его прост. Он решил совершенно неожиданно напасть на русские черноморские порты, действуя одновременно всеми боеспособными кораблями германо-турецкого флота таким образом, чтобы ни Россия, ни Турция не могли бы пойти на попятную. Сам он на «Гебене» подвергнет бомбардировке главную базу русского Черноморского флота в Севастополе, «Бреслау» надлежит поставить мины в Керченском проливе и бомбардировать Новороссийск, чтобы уничтожить имеющиеся там стратегические запасы нефти; два эсминца атакуют Одессу, стремясь уничтожить все стоящие в порту корабли и суда. Атака должна быть произведена внезапно и, по возможности, во всех перечисленных пунктах одновременно.

Все участвующие в операции корабли покидают Босфор по получении сигнала с флагманского корабля.

Целью выхода объявляется необходимость проведения совместных «экзертиций». С данного момента прерывается всякая связь с берегом.

Затем Сушон имел беседу «с глазу-на-глаз» с Энвером, который пообещал в случае каких-либо непредвиденных осложнений пропустить Сушона обратно в Босфор. Чтобы дать понять немецкому адмиралу, что тот не одинок в стремлении напасть на Россию, Энвер-Паша собственноручно написал и подписал приказ следующего содержания: *«Турецкий флот должен добиться господства на Чер-*

ном море. Найдите русский флот и атакуйте его без объявления войны, где бы вы его ни нашли». И вручил его адмиралу Сушону.

IV

Характерной особенностью русского флота эпохи «брони и пара» было то, что все военные события захватывали его врасплох.

Черноморский флот только стал оправляться от полного уничтожения в Крымской войне, как русско-японская война уничтожила практически весь Тихоокеанский и Балтийский флоты.

Это событие, произошедшее всего десять лет назад, больно ударило и по Черноморскому флоту, резко замедлив его развитие.

К началу войны с Германией русский Черноморский флот состоял, главным образом, из старых кораблей, базировавшихся на Севастополь.

Программа обновления флота, как водится, опоздала: дредноуты, новые эсминцы и подводные лодки еще достраивались в Николаеве. Командовал Черноморским флотом адмирал Эбергард, занимавший в годы русско-японской войны пост начальника штаба 1-й Тихоокеанской эскадры и переживший вместе с ней внезапную атаку японских миноносцев на рейде Порт-Артура, когда в первую же ночь войны из строя были выведены два лучших русских броненосца «Цесаревич» и «Ретвизан».

Однако, какими бы устаревшими ни были основные силы русского Черноморского флота, их вполне хватало для обеспечения полного господства на Черном море даже при гипотетическом

варианте войны одновременно против всех стран данного региона.

Все карты и предвоенные планы спутал «Гебен», столь неожиданно появившийся в составе турецкого флота. Немецкий линейный крейсер был сильнее любого из пяти русских броненосцев, имевшихся на этом театре, как по качеству артиллерии, так и по скорости хода. Только действуя в составе эскадры, русские «додредноуты» могли противопоставить десяти 280 мм орудиям «Гебена» свои шестнадцать 305 мм и четыре 254 мм орудия.

Но и в этом случае русская эскадра не имела возможности принудить «Гебен» к бою, поскольку скорость хода ее была на целых десять узлов меньше, чем у немецкого линейного крейсера.

Поэтому адмирал Сушон мог особенно не беспокоиться, когда во второй половине дня 28 октября вышел из Босфора и взял курс на северо-восток — к Севастополю.

К русскому флоту Сушон, как и все европейские моряки, относился с некоторым пренебрежением, что было вполне естественным после Цусимы, еще очень свежей в памяти у всех. Впрочем, сам Сушон вовсе не собирался устраивать русскому флоту «вторую Цусиму». Ему нужно было напасть на русский флот, демонстративно делая это под турецким флагом, пострелять и уходить, проявля известную осторожность, поскольку в Константинополе для «Гебена» дока не было.

Как ни конспирировал свои действия Сушон, его корабли были замечены с русского коммерческого парохода, о чем тот не преминул сообщить в Севастополь адмиралу Эбергарду.

Адмирал с главными силами флота находился в море в районе Севастополя. Получив сообщение о появлении «Гебена» в Черном море, адмирал доложил об этом в Ставку Верховного Главнокомандующего, откуда вскоре пришел ответ, запрещающий искать встречи с германо-турецким флотом. В бой с ним разрешалось вступать только в случае крайней необходимости.

Адмирал Эбергард принял решение вернуться в Севастополь. В ночь на 29 октября в Севастополе находились все семь русских броненосцев, три крейсера, пять эсминцев, четыре минных заградителя, четыре подводные лодки и ряд вспомогательных судов. В море находились минный заградитель «Прут», возвращавшийся в Севастополь из Ялты, и три эскадренных миноносца: «Лейтенант Пущин», «Жаркий» и «Живучий», несущие дозорную службу на линии Севастополь — Евпатория.

Нельзя сказать, чтобы адмирал Эбергард находился в полном неведении относительно планов адмирала Сушона. За последнее время он получил несколько предупреждений из Ставки и Министерства Иностранных дел. Телеграммы гласили о возможности вступления Турции в войну именно в период 28-29 октября.

Но, как и десять лет назад, когда предупреждения о готовности Японии начать войну против России сыпались со всех сторон и в штаб 1-й Тихоокеанской эскадры, которым руководил Эбергард, и в штаб заместника, всеми предупреждениями легкомысленно пренебрегали. По крайней мере, никаких реальных мер предосто-

рожности не принимали тогда, не приняли их и сейчас.

Более того, в 04:15 адмирал Эбергард получил сообщение из Одессы о том, что «турецкий миноносец взорвал «Донец», ходит в одесском порту и взрывает суда».

Получив это сообщение, командующий Черноморским флотом объявил по флоту о начале войны с Турцией. Однако, никаких дополнительных приказаний об усилении готовности флота или о принятии каких-либо других экстренных мер на случай появления кораблей противника у Севастополя отдано не было.

Около 05:30 поступило сообщение с наблюдательного поста на мысе Сарыч об обнаружении в море юго-западнее поста луча прожектора. Так как из русских кораблей в этом районе мог находиться только «Прут», никто этих сведений не проверил и значения им не придал.

Через 28 минут наблюдательный пост на мысе Лукулл доложил об обнаружении в море двухтрубного двухмачтового корабля, идущего к Севастополю.

Нашедший туман мешал наблюдению, но в 06:12 тот же пост сообщил, что видит большой военный корабль, идущий в сопровождении двух миноносцев.

Еще через три минуты командир отряда тральщиков, осуществлявшего контрольное траление южного фарватера, доложил в Севастополь, что видит «Гебен» в 35-ти кабельтовых от себя. Все тральщики, находившиеся в то время на траверзе Херсонесского монастыря, повернули

на обратный курс и поспешили укрыться в базе.

Увидев с мостика «Гебена» побережье Крыма, адмирал Сушон, по его собственным словам, «испытал то же чувство, что и Ной при виде горы Арарат». Неизвестно, что точно имел в виду Сушон, сравнивая себя с Ноем, но совершенно очевидно, что он, как и Ной, совершенно не представлял себе, куда он идет.

При всем восхищении действиями адмирала Сушона нельзя не обратить внимания на его склонность к авантюрам, что делало его похожим не на расчетливого и педантичного немецкого адмирала, а на португальского пирата былых времен.

Начиная с налета на Филиппвиль и выхода из Мессины с половинным запасом угля при полном незнании планов противника и диспозиции его сил, все действия Сушона носили характер авантюры с тайной надеждой на удачу. И сейчас, подходя к Севастополю, Сушон вел «Гебен» прямо на крепостное минное заграждение, о котором, разумеется, ничего не знал.

Но Сушон был удачливым авантюристом — минное заграждение оказалось разомкнутым, что было сделано специально для обеспечения прохода в Севастополь заградителя «Прут» с грузом боевых мин. Из-за ошибки в счислении «Гебен» вышел несколько севернее Севастополя и приближался к главной базе русского флота, идя вдоль берега с севера.

В 06:33 «Гебен», идя прямо по минному заграждению, открыл огонь по Севастополю с дистанции 75 кабельтовых. В течение семнадцати

минут «Гебен», ведя залповый огонь, выпустил по Севастополю сорок семь 280 мм и двенадцать 152 мм снарядов, большая часть которых упала в районе угольных складов, железнодорожного полотна и Корабельной стороны. Два снаряда попали в береговые батареи, один — в госпиталь, остальные упали на рейде.

С наблюдательного поста флота сразу же заметили, что «Гебен», бомбардируя Севастополь, маневрирует на крепостном минном заграждении. Начальник охраны рейдов Севастополя еще до появления «Гебена», не получая никаких приказов, хотел инициативно включить минное заграждение, испросив на это разрешение у начальника штаба флота. Разрешения он не получил, поскольку ожидалось возвращение из Ялты заградителя «Прут». Теперь же, естественно, тот же начальник штаба приказал немедленно включить заграждение. Но это оказалось не таким простым делом — кабельное крепостное заграждение принадлежало не флоту, а севастопольской крепости, то есть — армии.

Получив распоряжение из штаба флота о включении заграждения, дежурный по станции, которому комендант запретил это делать без его личного приказанья, естественно, отказался выполнять распоряжение флота, сославшись на свою подчиненность коменданту крепости. Самого коменданта, как водится, на месте не оказалось и разыскать его быстро не удалось.

После первых же взрывов снарядов «Гебена» он начал мероприятия по переводу крепости на режим военного положения. Когда же начальник

минной обороны Севастополя, лично примчавшись на станцию, отстранил дежурного унтер-офицера и включил минное заграждение, «Гебен» уже с него ушел.

Все это время по «Гебену» вели ураганный огонь береговые батареи и брандвахтенный броненосец «Георгий Победоносец», имевшие в своем составе сорок четыре орудия калибром 280, 254, 252, и 243 мм. В «Гебен» попало три снаряда, осколками которых был выведен из строя один котел. Получив попадания, «Гебен» быстро отвернул, увеличил расстояние и на зигзаге вышел из-под обстрела.

Пока происходили эти события, никто и не подумал известить о случившемся русские корабли, находящиеся в море. Поэтому, выйдя из-под обстрела береговых батарей, «Гебен», как говорится, «нос к носу» столкнулся с отрядом русских эсминцев, несших сторожевую службу у входа в Севастополь. Этот дивизион держался у входа в Севастополь, чтобы оказать, при необходимости, поддержку минному заградителю «Прут», ради которого и было разомкнуто минное заграждение, прикрывающее подход к Севастополю.

Эсминцы направились навстречу «Пруту» и вскоре увидели его силуэт к югу от Херсонесского маяка. В этот момент к западу от «Прута» был замечен подозрительный силуэт, который с головного эсминца «Лейтенант Пущин» приняли за миноносец противника, пытавшийся напасть на «Прут».

Дивизион полным ходом направился наперез его курса. Вскоре, однако, выяснилось, что

силуэт принадлежит портовому ледоколу «Гайдамак», идущему в Севастополь. Выяснив это, эсминцы хотели было вернуться к «Пруту», но в этот момент со стороны Лукулла показался сопровождаемый двумя миноносцами «Гебен», который открыл огонь по Севастополю.

Оценив обстановку, на что ушло примерно десять минут, командир дивизиона решил атаковать «Гебен». На мачте «Лейтенанта Пушина» поднялся сигнал «Атака!», и эсминцы, развив скорость 25 узлов, устремились на противника. Увидев русские эсминцы, «Гебен» привел их на курсовой угол около 60-ти градусов и с расстояния 70 кабельтовых открыл огонь из 152 мм орудий по «Лейтенанту Пушину», накрыв его четвертым залпом.

От взрыва 152мм снаряда, попавшего в палубу под мостиком и взорвавшегося в командном кубрике, вспыхнул пожар, семь человек было убито, одиннадцать — ранено. Следующим залпом с мостика смел всех сигнальщиков, разворотило штурманскую рубку и перебило привод штурвала.

Миноносец стал оседать носом, а перебитая электропроводка не давала возможности откачать воду электрическими насосами. От вспыхнувшего пожара начали взрываться патроны в носовом погребе.

Видя, что на дистанцию торпедного залпа к «Гебену» подойти не удастся, «Лейтенант Пушин» повернул дивизион на восемь румбов от противника. «Гебен» перенес огонь на второй эсминец в строю — «Живучий». «Лейтенант Пушин» из-за полученных повреждений вынужден был выйти из

боя и вернуться в Севастополь, приказав «Живучему» и «Жаркому» прикрыть «Прут», который в этот момент (07:10) находился в 25-ти милях к западу от Херсонесского маяка.

На «Пруте» знали о начале войны. Услышав около семи часов утра канонаду у Севастополя, командир минного заградителя решил напомнить о себе, радировав в штаб флота свое место. Радиограмма была принята штабом флота в 07:15, но не вызвала у командования никакой реакции. Как раз в это же время с «Прута» увидели «Гебен», отгонявший от себя дозорные эсминцы. С «Гебена», естественно, также увидели «Прут» и, рассеяв несколькими залпами остатки дозорного дивизиона русских эсминцев, пошли на сближение с заградителем.

В 07:35, зайдя с правого борта «Прута», «Гебен» открыл огонь. После первого же залпа на «Пруте» вспыхнул сильный пожар. В этот момент очнулось от шока командование Черноморским флотом, дав «Пруту» радиограмму: «Если положение безвыходное, топитесь и уничтожьте секреты».

На «Пруте» открыли кингстоны и подорвали себе днище. «Гебен» прекратил огонь, маневрируя вокруг гибнущего заградителя, на борту которого было 710 боевых мин. В 08:40 «Прут» скрылся под водой. Подошедшие к месту его гибели сопровождавшие «Гебен» миноносцы подняли из воды и взяли в плен командира «Прута» и 75 человек команды.

«Гебен» продолжал крейсировать в видимости Севастополя. Его ясно видели со всех наблюдательных постов. Линейный крейсер продолжал

разбойничать на глазах у всего Черноморского флота.

Около девяти часов утра на подходе к Севастополю «Гебен» остановил русский пароход «Ида», идущий из Мариуполя, высадил на него призывную команду и отправил в Босфор.

В 10:00 адмирал Сушон решил больше не испытывать судьбу и отходить в юго-западном направлении.

Пока «Гебен» свирепствовал под Севастополем, легкий крейсер «Бреслау» выставил 60 мин в Керченском проливе, на которых на следующий день подорвались и затонули два русских парохода «Ялта» и «Казбек».

Из Керченского пролива «Бреслау» взял курс к Новороссийску. Там уже находился турецкий минный крейсер «Берк» под командованием немецкого обер-лейтенанта Руффе. В состав экипажа входили несколько немецких матросов, но подавляющую часть составляли турки. Турки страдали морской болезнью, а потому относились ко всему происходящему с апатией и безразличием.

Обстановка под Новороссийском была совершенно неизвестна. Никто не знал, в частности, прикрыт ли этот порт минами, или нет.

Встав перед входом в гавань, «Берк» в 07:00 отправил на берег в шлюпке турецкого офицера и германского унтер-офицера для передачи письменного извещения представителям русского командования о предстоящей бомбардировке города. Парламентеры на берегу были арестованы.

Обер-лейтенант Руффе, желая освободить своих людей, невзирая на опасность подрыва на mine,

вошел в порт за волноломы. Русские тотчас же исчезли, и шлюпка с парламентарями благополучно вернулась на корабль.

Тем временем русские готовились к обороне, окопавшись в порту и подтянув полевую артиллерию.

В 10:50 «Берк» открыл огонь по русским позициям. Несмотря на то, что турецкие комендоры стреляли из рук вон плохо, русский батальон в полном порядке, но очень поспешно оставил свои позиции в порту и отошел в город.

Как раз в это время на рейде Новороссийска появился «Бреслау». Капитан 2 ранга Кеттнер приказал «Берку» уничтожить радиостанцию и находившиеся в порту суда. Несколькими залпами из своих 105 мм орудий «Берк» уничтожил радиостанцию, а также несколько складов и барачков. Затем, подчиняясь приказу с «Бреслау», «Берк» вышел из порта, вернувшись на линию дозора, а «Бреслау», подойдя к молу и застопорив машины, обстрелял нефтесклад, состоявший из 50-ти больших цистерн, пароходы, стоявшие в порту, зерновые склады и кран цементного завода. Всего крейсер произвел 308 выстрелов.

В 13:00 «Бреслау» и «Берк» начали отходить от Новороссийска. Обстрел произвел в городе страшные разрушения. С мостика «Берка» лейтенант Руффе видел, как «пылающая красная нефть стекала вдоль улиц в море и жуткая дымовая туча обволакивала город и его окрестности. Мы покинули пылающий город и, отойдя на 80 миль от него, все еще видели похожий на раскаленный кратер, охваченный огнем Новороссийск». С мос-

тика «Бреслау» капитан 2 ранга Кеттнер наблюдал пылающие цистерны с нефтью, над которыми на сотни метров вверх поднимался густой черный дым».

В это же время турецкий крейсер «Гамидие» подошел к Феодосии, выпустил по городу 150 снарядов, уничтоживших портовые склады и краны, вокзал и водопроводную башню.

Идя вдоль побережья Крыма, крейсер потопил русский пароход «Шура» и небольшой парусник с грузом соли.

Командование русского Черноморского флота, захваченное врасплох внезапным набегом противника, плохо ориентировалось в обстановке. Поступавшие отовсюду панические донесения сбивали с толку.

Днем 29 октября адмирал Эбергард вывел основные силы флота — пять броненосцев и два крейсера — в море, намереваясь провести поиск «Гебена». Никого, разумеется, не обнаружив, русские корабли 1 ноября 1914г вернулись в Севастополь.

Так начинался последний этап гибели Российской Империи. Никто, разумеется, тогда этого еще не видел, кроме, разве, самого Парвуса, в чьем дьявольском мозгу и зародился весь этот, на первый взгляд, немудреный план. Но вскоре это стало ясно уже всем, кто имел глаза.

Нападение на русские порты было совершенно Сушоном под турецким флагом и от имени Турции.

В ужасе от «файт аккомпли» (совершившегося факта), преподнесенного им немецким адмира-

лом, большинство в турецком правительстве в инстинктивном страхе самосохранения хотело отречься от самовольных действий Сушона, но ничего из этого не вышло. Было слишком поздно.

Гром орудий «Гебена», катапультировавший Турцию в войну на стороне Германии был услышан во всем мире. Истериические голоса в Стамбуле требовали немедленного разоружения «Гебена», ареста Сушона, высылки немецкой военной и военно-морской миссии, извинений перед Россией и многого другого, что способен подсказать разум, охваченный ужасом.

Но доминирующим фактором, не позволяющим ничего предпринять, являлось само присутствие «Гебена» в бухте Золотой Рог под немецким командованием и с немецким экипажем на борту.

Как отметил позднее Таалат-Паша, *«правительство, столица, мы сами, наши дома, наш суверенитет, султан в своем дворце — все находилось под жерлами орудий «Гебена».*

31 октября русский, французский и английский послы в Константинополе потребовали свои верительные грамоты. Русский посол покинул Константинополь в тот же вечер, французский и английский — 1 ноября.

4 ноября Россия объявила Турции войну.

5 ноября к ней присоединились Англия и Франция.

Турецкие проливы захлопнулись, отрезая Россию от союзников и их помощи. Отрезанная от Средиземного моря Россия стала зависеть от Архангельска, замерзающего на полгода, и от Владивостока, находящегося в 10 тысячах километров

от театра военных действий и связанного с европейской Россией тонкой ниточкой транссибирского железнодорожного пути.

В результате уже через месяц русский экспорт упал на 98%, а импорт — на 93%.

Именно эти цифры показал Парвус Вангенгейму на веранде виллы немецкого посла в Стамбуле за несколько дней до начала великой всемирной бойни. Парвус был убежден, что ни одно государство не сможет выжить, имея такие показатели, особенно—в военное время.

V

Удавка, наброшенная адмиралом Сушоном на горло России, была, в принципе, такой же, какую Великобритания набросила на горло Германии с самого начала конфликта, отрезав Германию от мировой торговли. Германия продержалась дольше благодаря более здоровому организму чем тот, который имела Россия.

Ослабленная недавним разгромом в войне с Японией, мятежами и революциями, эпохами террора и реакции, декадентством и полной неготовностью к глобальной войне, требующей тотальной мобилизации людей и промышленности, отрезанная от союзников, Россия начала задыхаться уже через несколько месяцев после того, как снаряды «Гебена» подняли грязные столбы воды на севастопольском рейде.

Как предсказывал Парвус, к весне 1915 года Россия израсходовала почти все свои военные запасы, накопленные в предвоенное время. Уже к концу 1914 года русская армия начала ощущать

острый недостаток в артиллерии, винтовках, боеприпасах и других видах снабжения. Горы оружия и боеприпасов лежали на причалах английских и французских портов, ожидая отправки в Россию, что теперь можно было осуществить только через Архангельск, намертво скованный льдом.

Вот тогда-то, наконец, многие начали прозревать и понимать, что заставило адмирала Сушона прорываться в, казалось бы, совершенно бесперспективный тупик Эгейского моря.

Объединенный англо-французский флот ринулся к проливам, полный решимости прорвать их силой и восстановить связь с Россией. Но было уже поздно.

Весной 1915 года, всего через полгода после того, как грохот орудий «Гебена» погребальным звоном прозвучал над Российской империей, немецкие войска перешли в общее наступление на восточном фронте. Удар был страшен. Русский фронт был прорван сразу в нескольких местах, русские армии стремительно откатывались на восток, оставляя крепости, доселе считавшиеся неприступными.

Русские войска были выбиты из Галиции, Польши и большей части Прибалтики. Пали Перемышль, Варшава, Ковно, Новогеоргиевск, Двинск, Осовец и Брест-Литовск. Потери армии составили 1 400 000 человек убитыми и ранеными, 976 000 человек попали в плен. Возникла непосредственная угроза обеим столицам и Киеву. «Основной причиной этого поражения русских армий, — отмечает официальная история, — явился кризис боевого снабжения: не хватало не толь-

ко артиллерии и снарядов, но и винтовок и патронов».

Уже тогда казалось, что Россия рухнет. Но она только зашаталась под страшными ударами, но выстояла. Хотя было очевидно, что в случае нового подобного удара дело на востоке примет формы небывалой катастрофы. Но и то, что произошло, вызывало ужас.

Весна и лето 1915 года обошлись России в 2 500 000 человек. Были потеряны 2600 артиллерийских орудий. Остатки армии, в которой к сентябрю 1915 года насчитывалось всего 870 000 солдат, то есть в полтора раза меньше, чем в мирное время, откатились на восток, в среднем, на 500-700 км. Были потеряны Галиция, Польша, Литва и Курляндия, потеряна вся стратегическая железнодорожная сеть, израсходованы все резервы. Но самым страшным последствием катастрофы 1915 года было практически полное уничтожение кадров регулярной армии.

«Отныне, — как справедливо отметил генерал Алексеев, — армия превратилась в ополчение — ненадежное и озлобленное, которое все оставшееся время до развала только ждало знаменитого «Приказа №1». Все это привело к тому, что Россия в этой войне надолго потеряла способность вести крупные наступательные операции.

Катастрофа 1915 года поглотила и те части, что предназначались для захвата Босфора. Как это ни парадоксально, но нападение «Гебена» на Россию придало какой-то смысл участию России в этой небывалой кровавой бойне, в которую она была втянута своими западными друзьями. Отны-

не целью войны для России стали турецкие проливы и захват Константинополя с восстановлением православного креста на куполе собора Св.Софии, превращенной турками в мечеть.

Россия давно зарилась на проливы, еще со времен Екатерины II, и много раз с той поры была на волосок от цели. Всегда что-то мешало сделать последний шаг и посадить на константинопольский престол русского царевича, загодя названного Константином. Полтора века этому мешала Англия. Теперь, напротив, Англия, придя в ужас от катастрофы русской армии и хорошо видя, что после следующего удара немцев развалится уже не только русская армия, но и государство, гробила свой флот у Дарданелл, пытаясь пробиться на помощь агонизирующему союзнику.

Призывая Россию держаться и мобилизовать все силы во имя общей победы, Англия почти официально обещала ей турецкие проливы в качестве компенсации за океаны пролитой крови: Англия не мешала. Но зато очень мешал «Гебен».

Адмирал Сушон продолжал действовать против русского Черноморского флота решительно, дерзко и авантюрно. Сушон не переоценивал свои силы, зная, что против него действует целый флот, хорошо сбалансированный, набирающий силу, прекрасно обеспеченный тыловыми и ремонтными инфраструктурами.

В рапорте турецкому командованию Сушон подчеркнул, что без «Гебена» и «Бреслау» турецкий флот был бы уничтожен в первый же день войны, а с «Гебеном» и «Бреслау» можно не только успешно оборонять Босфор, но и наносить от-

ветные удары по базам и кораблям противника, вынуждая его действовать с крайней осторожностью.

Но в душе адмирал Сушон жаждал помериться силами с пятью старыми броненосцами, составлявшими боевое ядро Черноморского флота и именуемыми линейными кораблями. С самого начала войны старички-броненосцы, натужно дымя, пересекали Черное море поперек и обстреливали из своих мощных 305мм орудий турецкие города Трапезунд, Синоп, Зунгулдак, Керасунду и другие города угольных районов Анатолийского побережья.

В ответ на это «Бреслау» бомбардировал Поти, а «Гебен» направился к Ялте, но был отозван к турецкому побережью для охраны транспортов с углем и военным снаряжением, направляющихся в Босфор.

18 ноября 1914 года — через две недели после столь драматического начала войны — произошел первый бой «Гебена» с русским Черноморским флотом.

17 ноября «Гебен» и «Бреслау» вышли из Босфора, стремясь перехватить русские корабли, обстреливавшие накануне Карасунду, а затем начавшие отход на север. Со скоростью 15 узлов немецкие корабли пошли к крымскому побережью, надеясь перехватить Черноморский флот на подходе к Севастополю, где, в случае удачного стечения обстоятельств, атаковать старые броненосцы по частям и уничтожить их. Ночь прошла без происшествий.

18 ноября в 06:10 «Бреслау» был выслан впе-

ред к Севастополю для прояснения обстановки. «Гебен» следовал за ним.

В 11:45 в густой мгле у крымского побережья под Балаклавой «Гебен» вновь увидел «Бреслау». Пока корабли обменивались сигналами, с «Бреслау» в 12:05 справа по борту обнаружили русский крейсер. «Гебен», дав полный ход, повернул на противника и сразу же справа от себя обнаружил в тумане еще один русский корабль. Вскоре между двумя ранее замеченными кораблями появились пять русских броненосцев, следовавших на юго-запад в охранении эсминцев. Расстояние не превышало сорока кабельтовых.

Почти одновременно в 12:20 противники открыли огонь. «Гебен», находясь на носовых курсовых углах противника, идя полным ходом и охватывая голову русской колонны, вел огонь по головному линкору «Евстафий». Выполняя этот маневр, адмирал Сушон был первый раз с начала своей одиссеи наказан за авантюризм, оказавшись под сосредоточенным огнем пяти русских линкоров. «Старички» добились одиннадцати попаданий в «Гебен».

Особенно тяжелым было попадание 305 мм снаряда с «Евстафия», который, пробив 127 мм броню каземата левого борта, проник внутрь каземата, убив двенадцать человек (В советских источниках приводятся совершенно ошеломляющие цифры потерь на «Гебене» от попадания одного 305 мм снаряда: 105 убитых, 59 раненых, то есть более 10% личного состава. Откуда взяты эти цифры — неизвестно, но они не подтверждаются немецкими источниками, говорящими о 12-ти уби-

тых и 24-х раненых.) и вызвав пожар.

К счастью, заряды горели, но не взрывались. Большая часть других попаданий была произведена снарядами вспомогательного калибра, не причинивших линейному крейсеру никаких повреждений. В свою очередь, «Гебен» всадил в «Евстафия» четыре 280 мм снаряда, которыми была уничтожена радиосеть, повреждены отдельные помещения и вспомогательные механизмы, убито четыре офицера и двадцать девять матросов, ранены — один офицер и двадцать четыре матроса. Бой продолжался менее десяти минут.

Русский флот, подобно видению, скрылся в тумане. Немецкий линейный крейсер успел выпустить по противнику всего девятнадцать 280 мм снарядов.

«Гебен» оставался в море до 20 ноября, но противника более не обнаружил. Флагманский броненосец русского флота «Евстафий» вышел из строя на две недели, и ровно столько Черноморский флот не выходил в море, поскольку русскому командованию стало совершенно ясно, что всякое разделение основных сил флота чревато угрозой их уничтожения «Гебеном» по частям. «Гебен» же все это время демонстративно находился в море, крейсируя вдоль Анатолийского побережья, подходя к Батуму и Туапсе, конвоируя транспорта с войсками, идущие в Босфор и из Босфора, а также угольщики, везущие топливо флоту в Константинополь. Подобное вызывающее поведение одного корабля перед лицом целого флота вскоре было наказано снова.

В середине декабря в Константинополь из

Германии прибыл генерал-фельдмаршал фон-дер-Гольц, который считался знатоком Турции, за что султан сделал его своим генерал-адъютантом.

Фельдмаршал также считался знатоком России, поскольку, по его словам, всегда интересовался жизнью и обычаями «некультурных наций, периодически впадающих в варварство». Он убедил себя в том, что «некультурные нации» настолько суеверны, что в рождественские дни не способны на какие-либо активные поступки, а потому решил пойти на «Гебене» в очередной боевой поход адмирала Сушона.

«Гебен» встретился с «Бреслау», принял на борт русских пленных с потопленного легким крейсером русского парохода «Атос» и взял курс обратно к Босфору.

26 декабря в 13:35, находясь в расстоянии одной мили от входного буя, на виду у кораблей сторожевого охранения Босфора, все находящиеся на мостике «Гебена» (включая и фон-дер-Гольца) почувствовали, как корабль тяжело трянуло. Затем трянуло еще раз. Корабль последовательно подорвался на двух минах, выставленных прямо на Рождество русскими минными заградителями «Константин» и «Георгий».

В результате взрыва мин «Гебен» получил пробоины с обоих бортов в носовой части. Пробоина правого борта имела площадь около 50-ти квадратных метров, пробоина левого борта достигала 64-х квадратных метров. Линейный крейсер принял 600 тонн воды, но продолжил путь в Константинополь даже без крена. Противоминная продольная переборка выполнила свое назначение.

Все это было особенно неприятно, поскольку в Константинополе не было дока, способного принять «Гебен». Выхода не было — пришлось ремонтировать полученные повреждения в кессонах, как это пришлось делать русским кораблям в Порт-Артуре десять лет назад.

Суэйшён пытался принять самые строгие меры, чтобы сохранить в секрете факт подрыва «Гебена» на русских минах, и, возможно, ему это удалось бы, если бы не присутствие на борту в момент этого печального события генерала фон-дер-Гольца и его свиты.

По Константинополю немедленно пополз зловещий слух, что «Гебен» погиб. Поэтому «Гебен» поставили в бухте прямо напротив города, чтобы турки могли постоянно любоваться на гордость своего флота линейный крейсер «Явуз Султан Селим», чьи повреждения никому заметны не были.

До русского командования так же дошли слухи о подрыве «Гебена», которые были немедленно опровергнуты русской агентурой в Константинополе, имевшей возможность видеть внешне совершенно невредимый корабль прямо с городских набережных. «Выход из строя «Гебена» мог бы существенно изменить всю обстановку на Черном море...

Но русские не смогли воспользоваться сложившейся обстановкой, так как поступавшие к ним сведения о подрыве линейного крейсера на минах долгое время считались сомнительными», — со вздохом отмечает официальная история. А для ремонта «Гебена», о чем, к счастью, не знала бес-

толковая разведка Черноморского флота, не хватало ни квалифицированных рабочих рук, ни материалов. И то, и другое пришлось выписывать из Германии. Все это требовало времени, и «Гебену» пришлось простоять в ремонте, а, следовательно, и в бездействии, целых четыре месяца.

Подводя итоги за истекший 1914г, адмирал Сушон в первом пункте записал: *«Прорыв в Дарданеллы, результаты которого выявлялись...только постепенно и в прогрессирующей степени».*

VI

«Прогрессирующая степень влияния», как несколько замысловато выразился адмирал Сушон, стала ясна уже в январе 1915г.

Ремонт «Гебена» был в самом разгаре, когда на рассвете 19 февраля 1915г десять английских и французских линкоров громом своих орудий, направленных на турецкие форты, объявили о начале сражения за Дарданеллы. Со стороны Босфора операцию по прорыву через проливы должен был поддержать русский Черноморский флот, действовавший крайне нерешительно из-за опасения повстречаться с «Гебеном», в подрыв которого на минах адмирал Эбергард продолжал не верить.

18 марта союзники сделали первую решительную попытку прорваться через Дарданеллы. Попытка была сорвана. Два английских броненосца «Океан» и «Ирресистибл» и один французский — «Буве» — погибли, подорвавшись на минах. Многие другие корабли получили тяжелые повреждения.

28 марта русский флот робко подошел к

Босфору — первый раз за всю войну. В 10:40 два русских броненосца открыли огонь по входным маякам.

В сборе была вся команда: «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя» и «Ростислав». Их действия поддерживали три крейсера, пять эсминцев, тральщики и авиатранспорт. Русские чувствовали себя крайне неуверенно, видимо, ежеминутно ожидая выхода «Гебена». Обстреляв с большого расстояния на недолетах дозорные эсминцы у входа в Босфор, флот Эбергарда начал отход.

Радиостанция «Гебена» перехватила радиogramму, переданную с «Евстафия»: *«Поздравляю флот с историческим днем первого обстрела босфорских укреплений. Адмирал Эбергард.»*

Прочтя эту радиogramму, посланную в эфир открытым текстом, адмирал Сушон пожал плечами. Русские линкоры обстреляли входные маяки и дозорные эсминцы, а не укрепления Босфора, благоразумно держась вне дальности огня береговых батарей. У адмирала Сушона были и другие причины для хорошего настроения.

Именно сегодня, 28 марта 1915 года, завершились работы по заделке пробоины на левом борту «Гебена», и от корабля был отведен огромный кесон длиной 17 метров и глубиной 10 метров, водоизмещением 360 тонн. Подвод кессона к правому борту «Гебена» ожидался только через пять дней, и Сушон решил за этот промежуток времени снова вывести «Гебен» на боевую операцию к берегам Крыма. Несмотря на пробоину, линейный крейсер легко мог держать 20-узловый ход.

Два турецких крейсера — «Меджедие» и «Гамидие» — направились к Одессе, чтобы подвергнуть город и порт бомбардировке, а «Гебен» и «Бреслау» должны были прикрыть их со стороны Севастополя. 3 апреля на подходе к Одессе крейсер «Меджедие» подорвался на русской mine и затонул на мелководье. Операция была отменена, и все корабли вернулись в Босфор. Обиднее всего было то, что русские быстро подняли «Меджедие», отремонтировали и ввели в строй своего флота под названием «Прут».

Это была первая крупная неудача турецких военно-морских сил с тех пор, когда командование ими принял Сушон.

Русский флот при всех своих недостатках, руководимый, мягко говоря, весьма посредственными адмиралами, тем не менее, оставался одним из лучших флотов мира, умевших эффективно использовать минное оружие. Забыв об этом, Сушон был наказан уже дважды. Возвращаясь после отмены операции в Босфор, «Гебен» встретил в море и утопил русский пароход «Восточная звезда» (1500 тонн), а «Бреслау» — пароход «Президент» (2020 тонн). Оба судна шли с грузом сахара.

Сразу же после возвращения «Гебена» в Босфор 7 апреля к правому борту линейного крейсера подвели кессон, и начался ремонт второй пробоины.

25 апреля пять русских броненосцев вторично появились перед Босфором и с большого расстояния открыли огонь по фортам. Снаряды падали с недолетами, а никакой попытки прорыва в пролив русские не предпринимали. Примерно то

же самое происходило и на юге — у Дарданелл.

«В апреле 1915 года противник стянул к Дарданеллам значительные морские силы, и его корабли оживленно обстреливали форты и наши гаубичные батареи, — отметил в своем историческом журнале капитан 1 ранга немецкого флота Герман Лорей, командовавший в те дни турецким броненосцем «Хайреддин Барбаросса».

Все указывало на решимость англичан и французов принять чрезвычайные меры, чтобы добиться открытия проливов. Проливы являлись той единственной коммуникацией, с помощью которой можно было снабжать союзную Россию боевыми запасами... Падение Дарданелл означало бы поражение Турции, а в дальнейшем — Германии и Австрии».

1 мая 1915 года от правого борта «Гебена» отвели огромный кессон, и линейный крейсер снова полностью вошел в строй.

В это время союзники высадили крупный десант на Галлиполийском полуострове, стремясь прорваться в проливы и морем и сушей. На полуострове завязались ожесточенные бои, над морем ревели орудия английских и французских линкоров. А на Черном море царило относительное спокойствие.

«Гебен», как сказочный удав, парализовал агрессивный дух русских адмиралов, заставляя русский флот, который по предвоенным планам готовился овладеть Босфором и Константинополем чуть ли не в первый же день войны, действовать с той излишней осмотрительностью, которую адмирал Колчак сравнил с осторожностью женщи-

ны, опасаящейся, что пчела влетит ей под подол.

Он говорил так, пока сам не стал командующим Черноморским флотом, сменив адмирала Эбергарда.

Со стороны казалось в высшей степени странным, что один корабль, который в 1915 году уже не казался таким сильным и мощным, как в 1913-м, мог навязать свою тактику целому флоту, держа в постоянном трепете все русское черноморское побережье от Одессы до Батума. Он постоянно мерещился береговым наблюдательным постам и кораблям, находящимся в море. Любая черточка, любой дымок, показавшиеся на горизонте, приводили сигнальщиков в напряжение: не «Гебен» ли?

О нем ходили слухи и легенды, причем, самые невероятные. Говорили, что им командует сам кайзер Вильгельм II, а в трюмах находится вся казна турецкого султана. Трезвым аналитикам в высоких штабах, а особенно — в Ставке Верховного Главнокомандующего, все это было в высшей степени непонятно. Даже Черчилль, более всего боявшийся в предвоенные годы, чтобы «Россия, упаси Бог, не уселась своим чугуном задом на проливы», ныне умолял русскую Ставку «активизировать действия Черноморского флота» для координированного прорыва через турецкие проливы.

2 мая 1915 года снова вышли в море все пять броненосцев русского флота: «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя» и «Ростислав», поддержанные крейсерами «Кагул» и «Память Меркурия», гидроавиатранспортом «Ни-

колай I», а также дивизионом эсминцев и тральщиков.

На рассвете 10 мая флот намеревался бомбардировать укрепления Босфора. Собственно для бомбардировки были выделены «Пантелеймон» и «Три Святителя», которые вышли вперед и вслед за тральщиками стали продвигаться к проливу. Три других линкора остались на поддержке.

В четыре часа ночи 10 мая дозорный турецкий миноносец обнаружил русские корабли и сообщил о них «Гебену», который находился в Босфоре. Понимая, что русский флот подошел для бомбардировки укреплений Босфора, Сушон приказал «Гебену» немедленно выходить в море, чтобы сорвать бомбардировку и попытаться нанести русским линкорам максимальные повреждения.

В 06:55 «Гебен» был обнаружен с дозорного русского крейсера «Память Меркурия» на дистанции 155 кабельтовых идущим полным ходом на сближение с русскими кораблями.

Выделение двух линкоров для бомбардировки Босфора давало «Гебену» прекрасную возможность уничтожить пятерку русских додредноутов по частям. Это было ясно и адмиралу Эбергарду, который немедленно отменил бомбардировку, приказав «Пантелеймону» и «Трем Святителям» присоединиться к главным силам. С тремя оставшимися линкорами адмирал Эбергард решил вступить с «Гебеном» в бой, чтобы дать возможность рассредоточиться своим крейсерам и вспомогательным судам. Русские броненосцы отвернули влево, приводя противника на более выгодный курсовой угол — 110 градусов с правого борта.

Когда расстояние до «Гебена» сократилось до 90 кабельтовых, флагманский корабль Эбергарда «Евстафий» открыл огонь из своих 12-дюймовых орудий. Его первые снаряды упали с недолетом в четыре кабельтова. Вторым залпом «Евстафий» добился накрытия, но третий упал с большим перелетом — в восемь кабельтовых.

Одновременно с флагманом открыли огонь и другие русские броненосцы. «Евстафий» делал три выстрела в минуту, «Иоанн Златоуст» — четыре, «Пантелеймон» — семь, «Три Святителя» — двенадцать. Идя 15-узловым ходом, «Гебен» открыл огонь почти одновременно с русскими кораблями, стреляя залпами по пять снарядов.

«Гебен» выпустил по русским кораблям сто пятьдесят 280 мм снарядов. «Евстафий» израсходовал пятьдесят восемь 305 мм и тридцать два 203 мм снарядов, не добившись ни одного попадания. «Пантелеймон» выпустил двадцать три снаряда главного калибра, «Иоанн Златоуст» — семьдесят пять, «Три Святителя» — тринадцать.

Снаряды «Гебена» падали у бортов русских кораблей, засыпая их осколками, но прямых попаданий линейному крейсеру добиться не удалось.

Сам же он получил три попадания 305мм снарядами с «Пантелеймона».

Первый снаряд в 08:05 попал в носовую часть корабля в районе носовой надстройки, пробил 150 мм броню и разорвался на жилой палубе, не причинив особых повреждений.

В 08:08 второй снаряд, попав в нижнюю кромку главного броневоего пояса, разорвался в бортовом коридоре и вывел из строя 150 мм орудие.

Третий снаряд попал в ящик для хранения противоторпедных сетей на корме. — сети свесились за борт.

Артиллерийский бой продолжался 22 минуты. После третьего попадания капитан 1 ранга Акерман в 08:16 приказал дать ход 26 узлов, увеличил дистанцию до 112 кабельтовых и держался на этом расстоянии, стремясь оттянуть русский флот от Босфора. В 08:18 с «Гебена» были обнаружены две торпеды, от которых он уклонился поворотом вправо.

В дальнейшем «Гебен» и русский флот маневрировали. «Гебен» стремился не подпустить русские корабли к Босфору, а русские, забыв о поставленной задаче, стремились отрезать «Гебен» от пролива. Убедившись в безнадежности этих усилий, Эбергард в 14:10 приказал своим кораблям лечь на обратный курс. После этого попытки русского флота бомбардировать Босфор надолго прекратились.

Катастрофа на суше стала сказываться и на море, а еще больше — на политическом положении России.

6 сентября 1915 года Болгария, подписав два отдельных соглашения с Германией и Турцией, выразила согласие вступить в войну против России и Сербии, превратив все русские патриотические лозунги о ведении войны во имя идей панславнизма в скверный анекдот. Болгарский флот вступил в подчинение адмирала Сушона.

13 октября «Гебен» вышел в море и 15 октября в 08:00 малым ходом прошел мимо Константины, держась всего в четырех милях от берега.

В 13:00 «Гебен» встал на рейде Варны, чтобы придать болгарам, опасавшимся удара со стороны русского флота, больше уверенности. Болгарские миноносцы, которые хотели встретить «Гебен» на рейде, не смогли сделать этого из-за сильного волнения на море.

Катер с «Гебена» доставил в Варну офицера связи германского флота капитан-лейтенанта Фирле.

27 октября русский флот появился у Варны, подвергнув город и порт бомбардировке. Русские гидросамолеты сбросили бомбы на немецкую радиостанцию. Особого ущерба они, конечно, не причинили, но именно в этот день в Черном море впервые появился русский дредноут «Императрица Мария», что резко меняло обстановку на театре.

Время безраздельного хозяйничанья «Гебена» на театре военных действий заканчивалось. Теперь ему самому приходилось быть крайне осторожным. Единственным преимуществом «Гебена» перед русскими дредноутами (в Николаеве достраивался второй дредноут — «Императрица Екатерина II») была его скорость. Но это преимущество таяло с каждым днем. «Гебен» уже около двух лет не был в доке.

В кессоне отремонтировать качественно подводные пробоины было невозможно, что неизбежно отразилось на скорости хода. Кроме того, подводная часть линейного крейсера сильно обросла.

В ремонте и замене нуждались многие машины и механизмы. Тем не менее, линейный крейсер продолжал нести интенсивную боевую службу.

В октябре и ноябре 1915 года «Гебен» в охранении эсминцев выходил в море для конвоирования транспортов.

14 ноября при возвращении в Босфор «Гебен» был атакован русской подводной лодкой «Морж» и уклонился от двух выпущенных торпед, которые прошли всего в 20 метрах за его кормой.

В январе 1916 года англо-французское командование прекратило операции против Дарданелл, эвакуировала десантные войска, фактически признав поражение в так называемой Галлиполийской операции и предоставив, тем самым, Россию ее судьбе.

Русский флот также перестал появляться у Босфора, ограничившись не особенно частыми минными постановками. Напряжение, царившее в течение всего 1915 года в Константинополе, спало. Проливы, закрытые «Гебеном» в октябре 1914 года, оказались неприступными. В Мраморном море снова зажглись маяки. Вступление в войну Болгарии и разгром Сербии позволили восстановить железнодорожную связь между Турцией и ее союзниками — Германией и Австро-Венгрией.

17 января в столицу Турции прибыл первый поезд Берлин — Константинополь.

Однако, эти радостные события были омрачены весьма неприятным происшествием, случившимся на Черном море в самом начале года.

7 января 1916 года «Гебен» вышел из Босфора, спеша на помощь транспорту «Кармен», гибнущему в неравном бою с тремя русскими эсминцами. Узнав о гибели транспорта, «Гебен» повернул на обратный курс, но в 08:23 увидел два эс-

кадренных миноносца противника. Повернув, линейный крейсер полным ходом пошел на русские эсминцы, которые начали стремительно уходить в северо-западном направлении. Продолжая преследование, «Гебен» в 09:15 обнаружил на северо-западе клубы густого черного дыма и через пару минут понял, что русские эсминцы навели его на дредноут, который на «Гебене» приняли за «Императрицу Марию». В действительности же, это был уже второй корабль дредноутного типа «Екатерина II», совершавший свой первый боевой поход. Едва опознав противника, «Гебен» стал поворачивать на обратный курс.

«Императрица Екатерина II», хищно нацелившись в ненавистный «Гебен» длинными стволами двенадцати своих 12-дюймовых орудий, открыла огонь с дистанции 150 кабельтовых. «Гебен» пытался отвечать, но из-за большой дистанции он прекратил огонь, сделав пять выстрелов.

«Императрица Екатерина II», развив небывалую скорость — на узел превышающую проектную — ринулась в погоню, накрывая «Гебен» залпами. Снаряды русского дредноута ложились очень кучно, засыпая палубу и надстройки линейного крейсера осколками. Флаг на гафеле «Гебена» был пробит в нескольких местах.

«Гебен» стремился уйти, но, будучи сильно обросшим, с расшатанными гребными валами, он с трудом увеличивал расстояние. К счастью для немцев, на «Императрице Екатерине II» кончилось топливо, а ее командир был ошеломлен атакой на линкор собственного эсминца «Быстрый», выпустившего по линкору пять торпед, и чувствовал

себя очень скверно. В 10:10 «Императрица Екатерина II» прекратила огонь и скрылась на северо-западе.

Наличие двух мощных дредноутов в составе русского Черноморского флота, к-которым вскоре готов был присоединиться и третий, достраивавшийся в Николаеве, создавало не только смертельную опасность «Гебену» при его операциях в Черном море, но и оставляло его фактически без угля, поскольку перевозка угля из Зундулака при господстве противника на море стала практически невозможной.

Адмирал Сушон вынужден был организовать доставку угля из Германии по железной дороге. Не меньшей проблемой становилось и техническое состояние самого «Гебена», особенно — дейдвудных подшипников. Для их ремонта за неимением дока снова пришлось строить кессоны.

С 26 марта по 22 мая 1916 года «Гебен» ремонтировал подшипники и проверял линии гребных валов. Во время ремонта стоявший без паров (для экономии угля) линейный крейсер впервые а, возможно, даже первым в мире, подвергся налету английской авиации.

На линейном крейсере сразу оценили всю опасность новой угрозы, тем более, что никаких средств ПВО на корабле, естественно, не было.

3 июля «Гебен» вышел на испытания отремонтированных дейдвудных подшипников, для чего пересек все Черное море, обстрелял Туапсе и 7 июля, вернувшись в Босфор, снова встал в ремонт.

Было необходимо исправить слабинку внутренних валов и установить присланные из Германии

приборы центральной наводки орудий главного калибра. Сушон ждал. Наброшенная им на горло России удавка, давшая столь быстрые результаты в 1915 году, казалось, перестала работать.

Черноморский флот с каждым днем становился все сильнее, а наступление генерала Брусилова показало, что России удалось прийти в себя после поражений 1915 году, в то время как «Гебен» был загнан в проливы и уже редко рисковал выходить в Черное море.

На удивление, русский флот, несмотря на резко возросший боевой потенциал, вел себя крайне пассивно. Казалось, он вообще забыл о Босфоре, придумав себе новое занятие — периодические бомбардировки Варны.

Традиционно обстреливались угольные шахты в Зундулаке, оказывалась поддержка приморскому флангу Кавказской армии и ставились минные заграждения.

В июне 1916г адмирал Эбергард был снят с должности и заменен способным и энергичным адмиралом Колчаком. Приняв дела, новый командующий сразу же нацелил флот на проливы. Началось массовое строительство десантных судов и формирование специальных воинских подразделений, предназначенных для высадки.

В Николаеве готовился вступить в строй третий черноморский дредноут «Император Александр III», а со стапелей вот-вот должен был быть спущен и четвертый — «Император Николай I».

Один за другим входили в строй новые эсминцы и подводные лодки. На суше развивалось знаменитое брусиловское наступление, чуть не выбив-

шее из войны измученную Австро-Венгрию. Вела успешные наступательные операции против турок и русская Кавказская армия.

Казалось, совершилось чудо — Россия перестала чувствовать на себе удавку, наброшенную адмиралом Сушоном, снова вставая во весь свой гигантский рост и расправляя богатырские плечи.

Неужели все расчеты Парвуса, которые так вдохновили адмирала Сушона, оказались неверными — теоретическими фантазиями кабинетного экономиста? Или Россия, как многие считали, не подчиняется ни законам здравого смысла, ни законам экономики? Или, действительно, совершилось чудо?

VII

Но чудес не бывает. Путем нечеловеческого напряжения сил России удалось снова встать на ноги после тяжелейшего нокдауна 1915 года, но, поднявшись, она с ужасом убедилась, что стоит по пояс в собственной крови, и рухнула в эту кровь, разваливаясь на куски.

До «Гебена» за весь 1916 год дошла всего одна хорошая новость — о гибели в Севастополе одного из русских дредноутов «Императрица Мария». (Историки флота до сих пор спорят о причинах взрыва и гибели «Императрицы Марии», выдвигая различные версии — от диверсии до самовозгорания пороховых зарядов.

В этом смысле интересна версия Александра Солженицына, который, описывая в своей книге «Ленин в Цюрихе», как Парвус уговаривает Ленина вернуться в Россию, вкладывает в уста Пар-

вуса следующие слова: «Владимир Ильич, я вот этими самыми руками взорвал «Императрицу Марию». Может быть, прислушаемся к классику?)

Когда на «Гебене» стало известно о Февральской революции в России и о том, что «Святая Русь арестовала своего Царя», по началу это особого ликования не вызвало. Но когда прямо на глазах стали разваливаться и стремительно терять боеспособность русские армия и флот, адмирал Сушон понял: *великое пророчество Парвуса начинает сбываться.*

В далеком Стокгольме сам Парвус довольно потирал руки, готовя следующий удар. На волне демократического хаоса немцам удалось привести к власти в России группировку крайне-левых экстремистов во главе с маниакально жаждущим власти над всем миром Ульяновым-Лениным.

Накануне этих событий, в сентябре 1917 года, адмирал Сушон был переведен на Балтику, где, командуя 4-й эскадрой дредноутов Флота Открытого моря, участвовал в захвате Рижского залива и Моонзундского архипелага, подготавливая большевистский переворот, окончательно добивший Российскую Империю и династию.

Благодарный Ленин передал своим хозяевам чуть ли не половину территории европейской части бывшей Империи Российской.

12 апреля 1918 года линкоры адмирала Сушона вошли в главную базу русского Балтийского флота — Гельсингфорс.

Вскоре, 1 мая 1918 года, сменивший Сушона в Константинополе адмирал фон Пашвиц привел «Гебен» в Севастополь, занятый немецкими войсками.

(Адмирал Губерт фон Ребейр-Пашвиц, или просто «фон Пашвиц», как он проходит в большинстве наших источников (1863—1933), был одним из немногих германских адмиралов, имевших опыт океанского плавания.

В 1912 года Пашвиц командовал отрядом немецких кораблей в ходе визита линейного крейсера «Мольтке» в Нью-Йорк, а зимой 1913 года совершил с двумя линейными кораблями «Кайзер» и «Кениг Альберт» дальний океанский поход, в ходе которого дредноуты посетили ряд портов западной Африки и Латинской Америки, обогнули мыс Горн, нанесли визит в Чили и вернулись в Киль в мае 1914 года. Назначение Пашвица командующим германо-турецкого флота явилось достойным завершением его блестящей военно-морской карьеры).

Это был небывалый триумф.

За это время «Гебен» успел потерять на английской mine своего верного спутника «Бреслау», подорваться сам, агонизировать на мели под атаками первых в мире самолетов-торпедоносцев, снова ремонтироваться в кессонах и, наконец, триумфально войти в главную базу своего противника, где его впервые за всю войну ожидал сухой док.

За это же время произошло стремительное разрушение русского Черноморского флота как организованной боевой силы, ибо флот, будучи самым хрупким и дорогостоящим государствен-

ным инструментом, первым начинает гибнуть, когда погибает государство.

Начиная с весны 1917 года, революционные митинги на берегу переросли в массовое убийство офицеров, которых расстреливали в оврагах и сжигали в топках боевых кораблей — небывалая в истории флотов вакханалия, которую приостановила только немецкая оккупация Севастополя.

Войдя 2 мая 1918 года в Севастопольскую бухту, «Гебен» прошел мимо пятерки своих старых «друзей».

«Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя» и «Ростислав» стояли в Южной бухте под немецкими флагами. На бортах некоторых из них мелом были написаны новые немецкие названия. Немецкие флаги были подняты на эсминцах и подводных лодках.

Некоторые корабли стояли под диковинными украинскими флагами.

А над всем рейдом возвышалась громада «Гибена».

Знаменитый русский подводник — минный офицер первого в мире подводного минного заградителя «Краб» — лейтенант Нестор Монастырев, приговоренный большевиками к смерти и почти год проведенный в подполье, приехав в эти дни в Севастополь, был более всего потрясен, увидев в бухте «Гебен».

«Я не могу передать своего состояния,— позднее вспоминал он,—состояния человека, приговоренного к смерти и вынужденного скрываться, а сейчас получившего возможность выйти из подполья при приходе той армии, с которой насмерть

воевал почти четыре года. Было какое-то чувство подавленности и горького разочарования, когда я увидел поднятый над городом немецкий флаг. Видимо, такие же чувства переживали все русские, которые только с приходом немцев перестали бояться за жизнь своих сыновей и честь дочерей.

На следующее утро я поехал в Севастополь. Когда поезд шел мимо Южной бухты, я увидел покинутые русские корабли, стоявшие, словно мертвые, под немецкими флагами.

В бухте, у входа в док, дымил «Гебен». Боже, какой позор! Именно вид «Гебена», готовившегося войти в наш севастопольский док, заставил меня окончательно понять, что все кончено, все рухнуло и погибло раз и навсегда. Все, что нам было дорого, наша честь, слава, наша страна, все, во имя чего стоило жить и бороться — все лежало мертвым и обессиленным.

И символ нашего позора — посреди бухты, как у себя дома, темнела громада «Гебена».

Куда идти, что делать, что предпринять? Я не знал, и никто толком ничего сказать не мог...»

В руки немцев при занятии ими Севастополя попали: семь линкоров додредноутного типа, оба крейсера «Кагул» и «Очаков», несколько новейших, еще не введенных в строй эскадренных миноносцев, четырнадцать подводных лодок и множество вспомогательных и торговых судов.

Два современных дредноута в сопровождении так называемого «ушаковского» дивизиона новейших эсминцев в последний момент сумели вырваться из агонизировавшего Севастополя и уйти в Новороссийск, где немедленно попали в ловуш-

ку смертельных спиралей ленинского политического слалома.

С одной стороны, «вождь мирового пролетариата» клятвенно обещал немцам передать в их руки весь Балтийский и Черноморский флот, что было зафиксировано в секретных протоколах к Брест-Литовскому договору, с другой — со свойственной ему трескучей лживой демагогией требовал сохранить флот для «советской республики», не нарушая при этом мирного договора с немцами.

«Гениальная ленинская простота» сбила столку не только русских моряков, но и самих немцев.

На Балтике адмирал Щастный, не понявший истинных намерений вождя и спасший флот, протаскив его через льды из Гельсингфорса в Кронштадт, был за это немедленно расстрелян, чтобы немцы поняли — это всего лишь эксцесс исполнителя, а не византийские игры большевиков.

В Новороссийске повторялась та же самая история, что и в Гельсингфорсе. Только не было льда.

Адмирал Саблин — командующий Черноморским флотом — ездил в Москву за разъяснениями, ничего не понял, вернулся в Новороссийск и приказал флоту возвращаться в Севастополь на милость немецкого оккупационного командования.

Однако, прибывшие из Москвы большевистские комиссары внушали морякам, что «вождь мирового пролетариата» вовсе не хочет возвращения флота в Севастополь, а желает, чтобы его затопили прямо в Новороссийске.

В Новороссийске зашумели митинги, с по-

мощью которых уже полтора года на флоте учились предугадывать волю Ленина. Но в данном случае это не удалось.

Половина моряков решила уходить в Севастополь, другая — топиться прямо в Цемесской бухте. Пока происходили эти события, немцы в Севастополе не теряли времени даром.

«Гебен» был поставлен в док для очистки и покраски подводной части корпуса. До этого «Гебен» последний раз стоял в доке четыре с половиной года назад. Было необходимо также осмотреть отсеки, все еще заполненные водой после подрыва на минах 20 января 1918 года, и исправить паропровод, ведущий на якорные шпильки.

Между тем, часть экипажа «Гебена» обследовала доставшееся им хозяйство огромной военно-морской базы.

Среди захваченных русских кораблей был обнаружен турецкий крейсер «Меджедие», который затонул на мелководье у Одессы 3 апреля 1915 года, подорвавшись на mine. Крейсер позднее был поднят русскими и переименован в «Прут».

13 мая на корабле был торжественно поднят турецкий флаг, он был снова переименован в «Меджедие», а позднее крейсер «Гамидие» отбуксировал отбитый корабль в Константинополь.

Немецкие моряки также осмотрели лежащий в бухте вверх килем взорвавшийся русский дредноут «Императрица Мария». Тяжелые башни линкора вывалились, но поднять его все не удавалось.

На складах немцы нашли огромное количество военных материалов и корабельного снаряжения. Была восстановлена работа мощной базовой

радиостанции и военно-морского госпиталя, а также налажена сторожевая служба легких сил в Черном море, Керченском проливе и Азовском море.

Для полного наведения порядка оставалось выяснить, что можно ожидать от русской эскадры, укрывшейся в Новороссийске. Было решено блокировать Новороссийск с моря и начать наступление на город силами 52-го армейского корпуса, переправив его через Керченский пролив на Таманский полуостров.

Вместе с тем, немцы потребовали от большевистского правительства немедленного возвращения флота из Новороссийска в Севастополь, как было предусмотрено мирным соглашением. Интересы безопасности требовали разоружения кораблей и германского контроля, хотя немцы надеялись восстановить боеспособность части кораблей и использовать их в продолжающейся войне со странами Антанты.

О находившихся в Новороссийске кораблях немецкая разведка получала разноречивую информацию. На одних кораблях будто бы царил полный хаос, на других — был относительный порядок. На гафелях кораблей были подняты Андреевские флаги, на форстеньгах — красные.

После неоднократного обмена телеграммами между Берлином и Москвой большевики уверили немцев, что все корабли вернутся в Севастополь в течение шести-десяти дней после 13 июня.

14 июня «Гебен» вышел из дока и встал на внешнем рейде Севастополя.

16 июня радиостанция «Гебена» приняла запрос от капитана 1 ранга Тихменева, командовав-

шего линкором «Воля», переименованным на волне послереволюционного энтузиазма последним русским дредноутом «Император Александр III».

Тихменев просил указаний по выполнению перехода из Новороссийска в Севастополь.

Адмирал фон Пашвиц ответил ему с борта «Гебена», что 19 июня в 09:00 русские корабли должны находиться перед Севастополем с орудиями, закрепленными по-походному, открытыми затворами и боезапасами в погребах.

После постановки на якорь кораблям предстоял осмотр специальной комиссией из числа немецких морских офицеров.

Затем капитан 1 ранга Тихменев сообщил на «Гебен», что русский флот выйдет утром 19 июня в составе линейного корабля «Воля», шести эсминцев и вспомогательного крейсера.

Утром 19 июня в Севастополь прибыли под Андреевскими флагами линейный корабль «Воля», эсминцы «Беспокойный», «Дерзкий», «Пылкий», «Поспешный» и «Живой», а также авиатранспорт «Император Траян», ведущий на буксире миноносец «Жаркий».

На «Гебене» пробили боевую тревогу — уж очень грозно выглядел пришедший отряд. Но ничего не случилось. При проходе мимо «Гебена» все русские корабли отсалютовали флагами и встали на якорь. Прибывшая с «Гебена» комиссия осмотрела корабли, приказав спустить Андреевские флаги и поднять немецкие. Остатки экипажей были списаны на берег.

Официально корабли передавались Германии «на временное хранение до наступления всеобщее-

го мира». Капитан 1 ранга Тихменев, временно исполнявший обязанности командующего Черноморским флотом, после передачи немцам своего отряда прибыл на «Гебен» для совещания с адмиралом Пашвицем.

Немецкого адмирала более всего интересовала судьба оставшихся в Новороссийске кораблей, где вместе с новейшими эсминцами «ушаковского дивизиона» находился дредноут «Свободная Россия», как элегантно стала называться «Императрица Екатерина II», чуть не поймавшая «Гебен» в начале 1916 года.

Тихменев не мог ничего сказать точно об оставшихся в Новороссийске кораблях. Он даже толком не знал, находятся они еще в Новороссийске, или нет. Подобная ситуация никак не могла удовлетворить адмирала Пашвица.

Германское командование, выбив с помощью большевиков Россию из войны и Антанты, справедливо ожидало активизации боевых действий с западными союзниками, которые были усилены вступившими в войну Соединенными Штатами. Об этом говорила и активизация англо-французского флота у Дарданелл. Поэтому немецкое морское командование стремилось превратить Черное море и все бывшие русские базы — в первую очередь Севастополь — в свой тыловой район, предоставлявший германо-турецкому флоту такую ремонтную базу с несметным количеством военных материалов и снаряжения, о которой немцы не могли даже мечтать, втягивая Турцию в войну против России в 1914 года. Но для этого нужно было захватить или уничтожить **весь русский**

Черноморский флот. Эта задача практически уже была решена, если не считать остатков Черноморского флота, не желавших уйти из Новороссийска.

Кроме боевых кораблей, в Новороссийске еще находилось несколько ценных торговых судов, включая крупнотоннажный танкер «Эльбрус» для перевозки нефти.

На рассвете 27 июня «Гебен» подошел к Новороссийску и, следуя за тральщиками, стал на якорь у Дообского маяка. Сопровождавшие линейный крейсер эсминцы и тральщики вошли в Новороссийскую бухту, обставляя вежами протраленный фарватер.

Вся Цемеская бухта была затянута толстой пленкой нефти. Во время входа германских кораблей за молотом прогремел сильный взрыв. Это был уничтожен своей командой английский пароход «Треворьян». Высадившиеся на берег германские офицеры узнали от местных советских властей, что линкор-дредноут «Свободная Россия» был отбуксирован на большую глубину и потоплен торпедами эскадренного миноносца «Керчь» — одного из эсминцев знаменитого «ушаковского дивизиона». Было очень символично, что «Свободная Россия» была пущена на дно самими русскими.

То же самое произошло и со всей необъятной Свободной Россией, пущенной на дно торпедами маниакального безумия ленинских идей.

Уничтожив линкор, эсминцы открыли кингстоны и также отправились на дно, а личный состав покинул Новороссийск. Танкер «Эльбрус» был взорван; во многих местах бухты торчали

мачты и трубы затопленных кораблей и судов. Русский Черноморский флот, с которым «Гебен» в течение четырех лет вел неравную борьбу, был полностью уничтожен, прекратив свое существование.

По отмеченному вехами фарватеру «Гебен» вошел в Цемесскую бухту, встал на якорь вблизи мола, держа весь город под прицелом своих орудий. Поддерживая наступление 52-го корпуса на Новороссийск, «Гебен» своим огнем рассеял большевистские отряды, пытавшиеся оказать сопротивление.

1 июля «Гебен» вернулся в Севастополь, а 6 июля прибыл в Одессу, приняв на борт главнокомандующего немецкими и австрийскими войсками на Украине генерала Эйхгорна, чтобы доставить его в Севастополь.

7 июля «Гебен» вернулся в Севастополь и салютовал при торжественной встрече главнокомандующего на берегу.

Военная обстановка требовала присутствия линейного крейсера в проливах, но перед уходом из Севастополя моряки «Гебена» взяли под свой контроль русскую плавмастерскую «Кронштадт», стоявшую среди захваченных в Севастополе кораблей.

Это было уникальное судно — настоящий плавучий завод с литейным, кузнечным и станочным цехами, столь необходимыми для поддержания линейного крейсера в строю.

На «Кронштадте» был торжественно поднят немецкий флаг, он получил новое название «Флейс» и отправлен в Константинополь.

11 июля 1918 года «Гебен» под флагом адмирала Пашвица покинул Севастополь, оставив за кормой поверженную Российскую империю и полностью уничтоженный Черноморский флот.

12 июля 1918 года в ореоле небывалого триумфа, еще никогда не выпадавшего на долю одного корабля, германский линейный крейсер «Гебен» вернулся в Константинополь.

VIII

Но, как мудро отметили еще древние философы, победа никогда не бывает полной, а тем более — окончательной.

Не успела рухнуть и развалиться Россия, задушенная удавкой адмирала Сушона, как то же самое произошло и с Германией, задушенной удавкой английской морской блокады. Для немцев это было обидно вдвойне.

Еще никогда вооруженным силам ни одной страны не приходилось капитулировать в тот момент, когда их армии оккупировали добрую треть Франции на западе и почти половину бывшей Российской империи — на востоке.

Капитуляция застала немецкие войска марширующими через Тифлис. Но другого выхода не было, ибо уже нечем было дышать.

Следом за Германией капитулировала и развалилась Оттоманская империя. Адмирал фон Пашвиц планировал отвести «Гебен» в Севастополь и продолжать сопротивление, но союзники пригрозили Турции страшными карами, если она позволит «Гебену» уйти.

2 ноября 1918 года в 16:15 адмирал фон Паш-

виц-Ребейр спустил свой флаг на «Гебене», передав корабль турецкому адмиралу Ариф-Паше.

Чуть позднее линейный крейсер попал в руки союзников, чей флот оккупировал проливы. Не зная, что делать с «Гебеном», англичане временно поставили его в бухте Исмида (Измира), где тот долго ржавел под конвоем греческого эсминца.

Невдалеке от него в Исмиде был поставлен русский дредноут «Воля», приведенный англичанами из Севастополя.

Крушение старого мирового порядка по-разному распорядилось и судьбами людей, принимавших активное участие в этих драматических событиях.

Александр Парвус, который решил судьбу Российской Империи двумя гениальными ходами, доставив «Гебен» в Константинополь в августе 1914 года и Ленина — в Петроград в апреле 1917-го, после войны, накопив гигантское состояние, жил в Веймарской республике, временами уезжая на свою виллу в Швейцарии.

Ленин, боявшийся Парвуса, как огня, несколько раз подсылал к нему убийц, но всякий раз без успеха. После смерти Ленина в январе 1924 года Парвус так же стал уверять всех, что и его дни сочтены. Никто не мог понять связи между этими двумя событиями.

За 10 месяцев 1924 года Парвус успел сделать еще две вещи: он женился на своей секретарше — молоденькой баварской девушке, которая впоследствии предпочитала не вспоминать об этом коротком эпизоде своей жизни, и позаботился об уничтожении многих документов своего архива.

12 декабря 1924г сердечный приступ оборвал многотрудную, полную головокружительных взлетов и падений жизнь «бродячего еврея-авантюриста, блестящего экономиста, знаменитого социал-демократа и крупного капиталиста», как писала одна из немецких газет, — жизнь Александра Парвуса.

17 декабря 1924г небольшая группа людей, собравшихся в Вильмерсдорфском крематории Берлина, участвовала в скромных похоронах Парвуса. Эти похороны, как отмечают биографы Парвуса, «не стали поводом ни для семейного сбора, ни для религиозного обряда.

Это была чисто социалистическая церемония: датские товарищи возложили к его гробу роскошный венок». Друзья и родственники Парвуса обшарили весь его шваневвердский дом в поисках каких-нибудь политических документов или завещания, но безуспешно. Огромное состояние Парвуса куда-то исчезло. Поскольку оно не могло просто испариться, пошли слухи, что деньги положены на секретные счета в швейцарских банках. Только из послереволюционной России Парвус получил более десяти миллионов фунтов стерлингов. Однако, ничего найдено не было — ни доказательств, ни самих денег.

Впрочем, Сталин совершенно не верил, что Парвус умер. До конца 30-х годов его агенты шныряли по свету в поисках человека, так ловко взорвавшего мир и обчистившего Россию. Впрочем, это уже другая история.

Адмирал Сушон, потрясенный поражением своей страны, ради победы которой он так много

сделал, в марте 1919 года ушел в отставку. Он тихо жил в провинции, время от времени наезжая в Берлин в честь какой-нибудь очередной годовщины событий Первой мировой войны на море.

В 1938 году Сушон побывал в Стамбуле, посетив «Гебен». Старого адмирала турки встретили со всеми почестями, полагающимися главе государства.

Сушону было суждено пережить Вторую мировую войну и еще одно поражение Германии — еще более страшное, чем предыдущее, но более логичное. Он умер 13 января 1946 года в Бремене.

Его преемник адмирал Губерт фон Пашвиц также после войны ушел в отставку и умер в 1933 году.

Вовремя случившийся инсульт спас бывшего командующего русским Черноморским флотом адмирала Андрея Эбергарда от гибели в пучине «красного террора», предоставив ему редкую для того времени привилегию умереть в своей петербургской квартире от болезни и голода 19 апреля 1919 года.

Его преемнику адмиралу Александру Колчаку повезло меньше. Он был схвачен и расстрелян большевиками 7 февраля 1920 года.

17 октября 1920 года от разрыва сердца в Севастополе умер последний командующий русским Черноморским флотом адмирал Михаил Саблин, который пытался спасти от «Гебена» остатки русского флота в Новороссийске.

Наиболее экзотически сложилась судьба военного министра Турции Энвера-Паши, чьим волевым решением «Гебен» был пропущен в турецкие

проливы, а затем получил разрешение напасть на Россию.

В период Первой мировой войны деятельность Энвера-Паши была очень насыщена и разнообразна. В частности, военный министр Турции руководил геноцидом против армянского населения Турции и пограничных территорий Российской Империи, в результате чего было убито более трех миллионов армян. Не удивительно поэтому, что Энвер был объявлен военным преступником, и союзники, заключая перемирие с Турцией, требовали выдачи Энвера и его приятеля Таалата для предания их суду международного трибунала.

Однако, Энвер совсем не принадлежал к тому типу людей, которые добровольно отдаются в руки правосудия. Бывший военный министр предпочел бежать и не куда-нибудь, а в Москву, где он объявился в начале 1919 года. Ленин пришел в восторг. Он всегда мечтал иметь при себе «практического работника» с богатым опытом массового истребления людей — особенно, принадлежавших к объявленным вне закона классам.

«Кооптированный» в Коминтерн Энвер-Паша с мандатом, подписанным самим вождем мирового пролетариата, отправился насаждать советскую власть в Средней Азии методом уничтожения «местной буржуазии как класса». Поскольку ни буржуазии, ни пролетариата в Средней Азии еще не существовало, Энвер перерезал примерно сотни три попавшихся ему под руку русских священников, сельских учителей и врачей, но по-настоящему идеями интернационализма так и не проникся.

Более того, оставаясь по убеждениям младотурком, то есть ярким националистом, он стал собирать на территории нынешнего Таджикистана и Туркмении исламскую армию, которую собирался вести на помощь мятежному генералу Мустафе Кемалю, которого Ленин уже успел наградить орденом «Красного Знамени».

Неизвестно, делал ли это Энвер самостоятельно, или по приказу из Москвы, но он явно не спешил применять свой богатый опыт массового истребления армян на своих единоверцах в Средней Азии. А когда разочарованный Ленин послал туда регулярные части Красной Армии во главе с Фрунзе, неугомонный Энвер поднял против русских народное восстание, получившее в советской истории туманное название «мятежа басмачей».

Мятежники действовали успешно, вынуждая Фрунзе применять ядовитые газы, чтобы спасти советскую власть в этом регионе. Но и газы помогали мало. Энвер стал народным героем, о котором пели акыны в горных аулах, а старые таджики до сих пор рассказывают красочные восточные легенды.

4 августа 1922 года Энвер попал в засаду вблизи афганской границы и погиб в перестрелке. Его сторонники тайно похоронили своего командира, чтобы спасти тело Энвера от поруганий «гяурами». Долгое время никто не знал, где находится могила Энвер-Паши, что породило много легенд о том, что он остался жив и продолжает сражаться с «нечестивцами».

В самой Турции Энвер-Паша также был признан военным преступником, виновным в органи-

зации массовых убийств мирного населения, лишен всех званий и почестей, проклят в мечетях.

После развала Советского Союза президент суверенного Таджикистана Рахмонов, видимо, желая получить у процветающей Турции очередной кредит на ведение гражданской войны, внезапно объявил, что могила Энвер-Паши найдена.

Найти могилу удалось благодаря розыску записей, сделанных неким муллою, который более семидесяти лет назад готовил душу Энвера-Паши к встрече с Аллахом.

Под почетным эскортом президентской гвардии гроб с останками Энвера был доставлен в аэропорт Душанбе, где под гром артиллерийского салюта и траурную музыку военных оркестров был погружен в специальный самолет, прилетевший по этому случаю из Анкары.

На родине Энвер-Пашу ожидал не менее торжественный прием — с оркестрами, салютами, пышной панихидой и захоронением на кладбище национальных героев вблизи мавзолея Ататюрка — отца нации.

Такова иррациональная логика истории, оправдывающая любые действия прошлого, если они были продиктованы любовью к отечеству, пусть даже непонятной современникам. Откликов на это событие почти не было. Не протестовала даже суверенная Армения.

Но всех главных участников этих событий пережил сам «Гебен», с которым мы расстались в тот момент, когда захваченный англичанами линейный крейсер был отбуксирован в бухту Исмида, где стоял без экипажа и какого-либо ухода, сидя но-

сом на грунте, под конвоем сначала греческого, а затем английского эсминца.

Позднее ушли англичане и греки, а «Гебен» оставался в бухте, брошенный всеми.

За время прошедшей войны «Гебену» пришлось участвовать в семнадцати боях с надводными кораблями противника, шестьдесят раз корабль подвергался ударам с воздуха. В общей сложности он перенес попадания шестью 12-дюймовыми снарядами, тремя бомбами и дважды подрывался на русских (двух) и английских (трех) минах. Все повреждения, особенно в подводной части корпуса, были отремонтированы наспех и некачественно.

В 1926 году турецкое правительство приняло решение отремонтировать линейный крейсер и вновь ввести его в строй своего флота. Для этой цели в Германии был арендован большой плавдок, который прибыл в Турцию в 1927 году вместе со специалистами по подъему и ремонту кораблей из французской фирмы «Сен-Назер-Пинхе».

На корабль поставили новые котлы, французскую систему управления огнем и четыре 88 мм зенитных орудия. На испытаниях 1930 года «Гебен» в течение четырех часов шел со скоростью 27 узлов.

Официально переименованный в «Явуз» он продолжал быть известным во всем мире как «Гебен». В 1938 году корабль доставил из Стамбула в Исмид тело почившего генерала Кемаля Ататюрка.

В 1941 году в ожидании налетов на проливы советской авиации на «Гебене» дополнительно

были установлены десять 40 мм и четыре 20 мм зенитных автомата.

В течение Второй мировой войны мощь зенитного вооружения «Гебена» постоянно наращивалась, достигнув к 1945 году в дополнение к четырем 88 мм орудиям двадцати двух 40 мм и двадцати четырех 20мм зенитных автоматов.

К счастью, использовать их в деле не пришлось. С 1948 года, базируясь на Исмид, линейный крейсер продолжал символически охранять турецкие проливы.

20 декабря 1950 года «Гебен» был официально выведен из строя турецкого флота, а 14 ноября 1954 года — исключен из списков флота и обращен в музей.

Старый унтер-офицер-смотритель и его кот остались единственными живыми существами на борту корабля. Политические и финансовые катаклизмы, раздиравшие Турцию в начале 60-х годов, сделали невозможным содержание такого огромного корабля-памятника.

В 1963 году правительство Турции предложило правительству ФРГ забрать «Гебен» себе и поставить в качестве мемориала в одном из западно-германских портов.

Уже давно не осталось и в помине даже какого-нибудь паршивого номерного миноносца из состава Кайзеровского флота, уступавшего в свое время только Великобритании по количеству боевых кораблей. Все «братья» и «кузены» «Гебена» погибли еще в 1919 году на дне Хлебной бухты в Скапа-Флоу, оставив о себе память только на почтовых открытках и пожелтевших фотографиях.

К 1963 году уже нигде в мире не осталось не только современников «Гебена», но и линкоров гораздо более поздней постройки, включая, если не считать четырех американских кораблей, и тех, что были введены в строй в годы Второй мировой войны.

А тут из турецких проливов, как из волшебной восточной сказки, мог вернуться в Германию не только памятник небывалой боевой славы германского флота, но и уникальный памятник науки и техники, образец изумительного синтеза научной мысли, проектного совершенства, производственной культуры и индустриальной мощи, создававшей практически непотопляемые корабли великой кораблестроительной эпохи адмирала Тирпица.

Но Германия отказалась от «Гебена». Проиграв подряд две мировых войны, немецкий народ стал исповедовать совершенно другие ценности и пугался таких памятников своего прошлого, каким являлся линейный крейсер «Гебен».

Правительство ФРГ, опасавшееся обвинений в реваншизме и возрождении милитаризма, не могло позволить себе выделить всего полтора миллиона марок, чтобы спасти «Гебен»; поставив его на вечный прикол где-нибудь в Гамбурге или Киле.

Между тем, сам «Гебен» отчаянно нуждался в капитальном ремонте, особенно, подводной части корпуса, что неудивительно для корабля, находившегося на плаву шестьдесят лет!

Никто не откликнулся на призыв турок и нескольких групп любителей истории флота из разных стран спасти «Гебен». И в 1971 году «Гебен»

был продан на слом. Разборка корабля началась в июне 1973 года и завершилась в феврале 1976-го. **«И был трагически разобран»**, — прокомментировала это событие международная морская печать.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Тактико-технические данные линейного крейсера «Гебен».

Происхождение названия.

Гебен Август Карл фон (1816—1880) — прусский генерал и известный военный публицист, участник войны с Францией 1870-71 годов, в ходе которой, командуя сначала корпусом, а затем армией, разбил противника при Гравелотте, Амьене, Галлю и Сен-Кентене. Войска Гебена захватили Мец. Автор множества книг и статей по военным вопросам.

«Гебен».

Водоизмещение: 22 616 т (стандартное),
25 300 т (полное).

Главные размеры: 186,5 x 29,5 x 8,2-9,0 м.

Скорость: 27 узлов;

четырёхвальная энергетическая
установка, турбина Парсонса,

24 котла фирмы

«Шульц-Торникрофт».

Мощность машин 32 000 л.с.

Запас угля 3050 тонн.

Дальность плавания: 4 120 миль при
скорости 14 узлов.

Бронирование: главный пояс — 270-100 мм,
переборки — 200-100 мм,
казематы — 200-150 мм,

барбеты — 230-30 мм,
башни — 230-60 мм,
боевая рубка — 350-80мм.

Вооружение: десять 280 мм (11")/50 орудий
в пяти двухорудийных башнях;
двенадцать 150мм (5.9")/45 орудий
в бортовых казематах;
двенадцать 88мм (3.45")/45 орудий
на палубе и надстройках;
четыре 500мм (19.7") подводных
торпедных аппарата.

Экипаж: 1053 человека (1913г),
1560 человек (1915г).

Тип: «Мольтке».

Линейный крейсер «Гебен» был заложен 28 августа 1909 года на заводе «Блом и Фосс» в Гамбурге.

Спущен на воду 28 марта 1911 года.
Введен в строй 28 августа 1912 года.

**Плавания линейного крейсера «Гебен»
по Средиземному морю
накануне Первой мировой войны.**

Константинополь — 15.11.1912г. — 15.03.1913г.

Салоники — 17.03 — 25.03.1913г.

Салами (Пирей) — 29.03 — 03.04.1913г.

Бриндизи — 05.04.1913г.

Константинополь — 08.04 — 19.04.1913г.

Измир — 21.04 — 25.04.1913г.

Бухта Кавело — 26.04 — 28.04.1913г.

Пирей — 29.04 — 02.05.1913г.

Мессина — 05.05 — 10.05.1913г.
Искандерум — 11.05 — 14.05.1913г.
Бейрут — 15.05 — 17.05.1913г.
Хайфа — 18.05 — 19.05.1913г.
Яффа — 20.05.1913г.
Александрия — 21.05 — 26.05.1913г.
Порт-Саид — 27.05.1913г.
Пирей — 29.05.1913г.
Венеция — 02.06 — 06.06.1913г.
Пола — 07.06 — 11.06.1913г.
Неаполь — 14.06 — 20.06.1913г.
Бойяна (Албания) — 23.06 — 01.08.1913г.
Пирей — 04.08 — 06.08 1913г.
Бриндизи — 07.08 — 09.08.1913г.
Мерсина — 13.08 — 14.08 1913г.
Искандерум — 15.08.1913г.
Остров Сирос — 18.08.1913г.
Бриндизи — 20.08.1913г.
Пола — 21.08 — 16.10.1913г.
Бухта д'Истрия — 16.10 — 23.10.1913г.
(у Триеста).
Триест — 23.10 — 24.10.1913г.
(Сушон сменил адмирала Труммлера).
Корфу — 26.10.1913г.
Остров Сирос — 29.10.1913г.
Марсина — 01.11 — 11.11.1913г.
Искандерум — 13.11 — 14.11.1913г.
Латакия — 15.11 — 16.11.1913г.
Искандерум — 17.11 — 25.11.1913г.
Бейрут — 27.11 — 30.11.1913г.
Александрия — 02.12 — 09.12. 1913г.
Искандерум — 11.12 — 14.12.1913г.
Мерсина — 15.12.1913г.

Алания — 16.12.1913г.
Анталия — 17.12.1913г.
Измир — 19.12.1913г — 02.01.1914г.
Пирей — 03.01 — 10.01.1914г.
Сиракузы (Сицилия) — 13.01.1914г.
Мессина — 14.01.1914г.
о.Маддалена — 16.01 — 17.01.1914г.
Специя. — 18.01 — 24.01.1914г.
Генуя — 25.01 — 02.02. 1914г.
Бухта Сан-Маргарет — 03.02 — 16.02.1914г.
(у Генуи).
Неаполь — 18.02 — 07.03.1914г.
Таормина (Сицилия) — 08.03.1914г.
Таранто — 09.03 — 10.03.1914г.
Бриндизи — 11.03.1914г.
Родони (Албания) — 12.03 — 13.03.1914г.
Бойяна (Албания) — 13.03.1914г.
Пола — 14.03.1914г.
Венеция — 15.03 — 27.03.1914г.
Триест — 27.03.1914г.
Корфу — 29.03 — 03.05.1914г.
Портофино (Генуя) — 06.05.1914г.
Генуя — 06.05 — 07.05.1914г.
Неаполь — 09.05 — 10.05.1914г.
Константинополь — 15.05 — 22.05.1914г.
Бухта Бесика — 23.05 — 24.05.1914г.
Александрополис — 24.05 — 25.05.1914г.
Измир — 26.05—01.06.1914г.
Макри — 03.06.1914г.
Меллисса — 04.06.1914г.
Искандерум — 05.06—12.06.1914г.
Мерсина — 13.06—14.06.1914г.
Бухта Антакия — 15.06.1914г.

Латакия — 15.06.1914г.
Триполи (Ливан) — 16.06.1914г.
Сайда — 17.06.1914г.
Хайфа — 18.06.1914г.
Порт-Саид — 20.06 — 24.06.1914г.
Яффа — 25.06 — 27.06.1914г.
Хайфа — 28.06.1914г.
Акко (у Хайфы) — 29.06.1914г.
Фамагуста (Кипр) — 30.06—01.07.1914г
Ларнака (Кипр) — 02.07.1914г.
Ираклион (Крит) — 04.07.1914г.
Патрас — 06.07 — 07.07.1914г.
Корфу — 07.07.1914г.
Пола — 10.07 — 22.07.1914г.
Пирано (Триест) — 23.07 — 29.07.1914г.
Триест — 30.07.1914г.

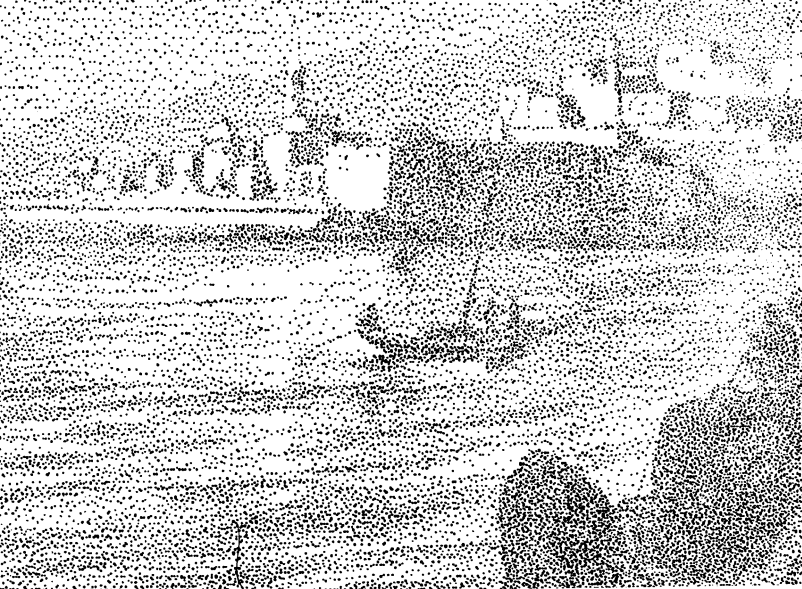
**Командиры линейного крейсера
«Гебен»-«Явуз» 1912—1955гг.**

1912 -1914 — капитан 1 ранга Филипп.
1914-1918 — капитан 1 ранга Акерман.
1918 — капитан 1 ранга Штольцель.
1930-1931 — капитан 1 ранга Энгин.
1931-1934 — капитан 1 ранга Гекденицер.
1934-1935 — капитан 1 ранга Эртегрул.
1936-1938 — капитан 1 ранга Эзел.
1938-1939 — капитан 1 ранга Исин.
1939-1940 — капитан 1 ранга Дагада.
1940-1942 — капитан 1 ранга Ездениз.
1942-1944 — капитан 1 ранга Талайман.
1944-1945 — капитан 1 ранга Юлсевен.
1945-1946 — капитан 1 ранга Ульхан.

- 1946-1947 — капитан 1 ранга Бозкурт.
1947-1948 — капитан 1 ранга Ульхан.
1948-1949 — капитан 1 ранга Юлсевен.
1949-1951 — капитан 1 ранга Синик.
1951-1952 — капитан 1 ранга Осцебе.
1952-1953 — капитан 1 ранга Сейхан.
1953-1954 — капитан 1 ранга Оксугил.
1954-1955 — капитан 1 ранга Сехсунароглы.

ОМ КОРОЦЕОБЪХ
ОЕМРОБОЗ
ДО СЕВАСМОНОЛА

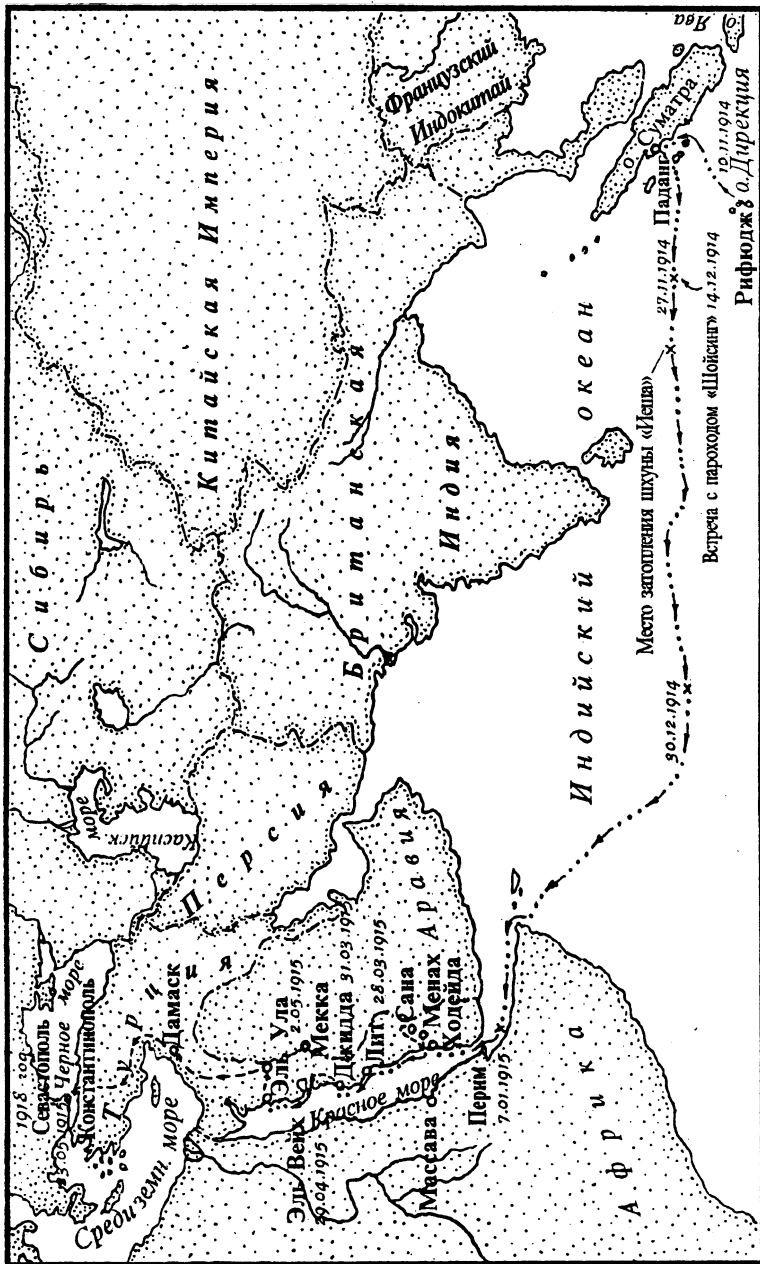

Схема маршрута призовой команды крейсера «Землен»

I

Старший офицер крейсера «Эмден» лейтенант Мюке, приложив руку к козырьку, доложил командиру корабля капитану 2 ранга Мюллеру: «Десантная команда из 3-х офицеров, 6-ти старшин и 41-го матроса к высадке готова, господин капитан 2 ранга!»

Было 6 часов 30 минут утра 9 ноября 1914 года. Немецкий легкий крейсер «Эмден» покачивался на якоре в ослепительно голубой лагуне острова Дирекции, окруженной со всех сторон коралловыми рифами. На заросшем кокосовыми пальмами берегу виднелись деревянные постройки и деревянный пирс крошечного порта Рифюдж — единственного на всем архипелаге Кокосовых островов — коралловых атоллов в восточной части Индийского океана.

Над кронами пальм возвышалась радиомачта, на которой вызывающе трепетал английский «Юнион Джек», как бы вещающий о том, что могучая островная империя добралась и до этого — забытого Богом — места на самом краю земли.

Именно для уничтожения местной английской радиостанции и высаживался с «Эмдена» лейтенант Мюке и его люди. В задачу десантников входил также захват кодовых и сигнальных книг, секретных документов и тому подобного, что удастся обнаружить во время разгрома английского

узла связи. Два мощных паровых катера стояли у борта крейсера, ожидая команды, чтобы ринуться к берегу.

На острове Дирекции сходились три важных линии кабельной связи: одна шла на остров Маврикий, одна — в австралийский город Перт и еще одна — в Батавию (Джакарту). Кабельная станция на острове была последней, связывающей Австралию с Британской Метрополией. Все остальные кабельные линии были уже уничтожены другими кораблями германской крейсерской эскадры.

Поэтому десантная команда с «Эмдена» с большой долей вероятности ожидала встретить на берегу вооруженное сопротивление и, чтобы это сопротивление не было особенно жестким и продолжительным, захватила с собой четыре пулемета. Два пулемета погрузили на катера, а еще два — на баркасы.

Десантники были вооружены винтовками с примкнутыми штыками и револьверами. Мюллер пожелал своему старпому удачи, и Мюке, спустившись в катер, дал команду отваливать. Паровые катера, ведя баркасы на буксире, двинулись к берегу. Никто не мог толком сказать, что их там ждет.

До берега было около трех километров. Сам остров был совершенно плоским. Почти все пространство, которое можно было обозреть с катера, заросло высокими коксовыми пальмами, под кронами которых виднелись яркие пологие крыши домов европейского типа. Над домами и пальмами возвышалась радиомачта с английским флагом. У пирса стояло небольшое парусное судно.

— Пустим его на дно? — спросил один из офицеров у Мюке.

— Разумеется, — ответил старпом «Эмдена». — Направь на этот парусник пару матросов с подрывными зарядами.

Высадившись на берег, десантники с «Эмдена», не встречая никакого сопротивления (и вообще никого), стали быстро продвигаться по направлению радиомачты.

Подрыв белого парусника был отложен. Мюке не хотел распылять людей до полного выяснения обстановки. Необходимо было провести разведку острова и доложить об этом на «Эмден».

Здание радиотелеграфной станции было обнаружено быстро. Десантники ворвались в него и приказали отключить всю радиоаппаратуру. Оказалось, что станцию обслуживали исключительно гражданские лица. Директора на месте не оказалось, и Мюке послал за ним одного из телеграфистов.

Директор станции мистер Фэррент появился быстро. С первого взгляда было видно, что начальник станции спокойный и добродушный человек. Лейтенант Мюке отдал ему честь и сказал:

— Я имею приказ уничтожить вашу станцию и хочу предостеречь вас от какого-либо сопротивления. Я также требую сдать ключи от всех домов и построек на острове, чтобы нам не пришлось ломать двери. Все оружие, которое вы имеете, должно быть немедленно сдано, а всем европейцам приказываю собраться у здания станции.

Мистер Фэррент выслушал требования лейте-

нанта Мюке с полным спокойствием. Никто и не думает оказывать сопротивления, заверил он немецкого офицера и протянул ему большую связку ключей, указав также и сарай, где хранились запасные радиопередатчики. А затем сказал:

— Кстати, примите мои поздравления.

— С чем? - удивился Мюке.

— С Железным Крестом, — пояснил начальник станции. — Агентство Рейтер передало эту новость всего несколько минут назад.

Возможно, начальник станции хотел этим известием несколько смягчить боевой пыл лейтенанта Мюке и его людей, видимо, еще не зная, как ведут себя немцы, выполняющие приказ.

Мюке пропустил известие о Железном Кресте мимо ушей, поскольку его мысли были заняты проблемой быстрого уничтожения радиомачты. Минеры заложили под ее опоры подрывные заряды, взорвали их, и мачта рухнула.

Затем Мюке приказал уничтожить все оборудование станции. Матросы, вооруженные топорами и ломami, начали крушить на станции все подряд: телеграфные аппараты, электрогенераторы, кабели, столы, стулья, письменные приборы, бутылки с чернилами. Некоторые аппараты Морзе еще работали, но прочесть их шифрованные сообщения было невозможно, и они замолкали под ударами топоров.

Матросы рыскали по всем углам, уничтожая все подряд — даже сейсмическую аппаратуру.

Мюке извинился перед Фэррентом, сказав, что простым матросам невозможно было отличить сейсмическую и другую аппаратуру от телеграфной.

Наиболее трудной частью их задания было обнаружение и обрыв подводного кабеля, имеющего несколько ответвлений. Схемы их расположения обнаружить не удалось, но на берегу стояло несколько щитов с предостерегающей надписью: «Осторожно, кабель!».

Очевидно, что в этих местах кабели выходили на берег. Их удалось зацепить кошками с катера и вытащить из воды. Все это было совсем не просто, поскольку кабели оказались очень тяжелыми.

Вытащить кабели на катер оказалось невозможно. Пришлось нырять, пытаясь перебить их топорами, перепилить, разбить зубилами. С огромным трудом удалось перерубить два кабеля, концы которых катером отбуксировали подальше от берега. Третий кабель так и не удалось обнаружить, несмотря на все усилия.

На складе запасных частей и резервного оборудования все уничтожили топорами и ломami, а сам склад сожгли.

В этот момент с «Эмдена» просигналили проектором: «Ускорьте завершение работ». А затем страшно и пронзительно завывали сирены крейсера, отзывая десант обратно.

Мюке собрал всех своих людей у здания станции. Сирены «Эмдена» продолжали выть, призывая десантников немедленно вернуться на корабль. Мюке и его люди, забыв и думать о белом паруснике, который они хотели подорвать, стремглав бросились на берег к своим катерам и баркасам.

Там они увидели флаг, поднятый на фок-мачте «Эмдена», сигнализирующий о том, что крей-

сер снимается с якоря. Ни Мюке, и никто из его людей не мог понять причину случившегося. Все это выглядело очень загадочно, но времени для размышлений уже не было.

Мюке приказал грузиться обратно в катера и баркасы и полным ходом возвращаться к «Эмдену». Они не успели пройти даже четверти пути, как «Эмден» дал ход и, набирая скорость, стал выходить из лагуны в открытое море. Мюке предположил, что «Эмден» вышел навстречу угольщику «Буреск», чтобы затем провести его в лагуну.

Катера и баркасы флотилии лейтенанта Мюке продолжали идти следом за уходящим «Эмденом», но расстояние между ними становилось все больше и больше. Крейсер уходил со скоростью не менее 17 узлов, а катера Мюке, тащившие на буксире баркасы с десантниками, с трудом выжимали 4 узла.

Внезапно десантники увидели, что на клотиках мачт «Эмдена» затрепетали на ветру боевые стеньговые флаги, и в ту же минуту услышали гром орудий бортового залпа крейсера. Никто ничего не мог понять. Может быть, «Эмден» пытается остановить удирающий пароход? Но зачем он бьет по нему бортовыми залпами?

Пока на баркасах спорили, что происходит, за кормой «Эмдена» поднялись пять высоких светло-зеленых столбов воды от падения залпа тяжелых снарядов. Теперь все стало ясно: кто-то поймал «Эмден» у острова и навязал ему бой.

Противника видно не было — остров Дирекции со своими высокими пальмами закрывал видимость части горизонта. «Эмден» уже находился

на расстоянии нескольких миль от них, уходя все дальше и дальше в море. Лейтенант Мюке понял, что преследовать крейсер бесполезно и приказал повернуть обратно к берегу.

Флотилия Мюке вернулась на остров. Десантники собрали всех англичан, конфисковали их оружие и подняли над островом немецкий флаг. Мюке объявил на острове чрезвычайное положение, строжайше запретив какую-либо связь с кораблями в море или с другими островами архипелага.

Вместе с тем, старпом «Эмдена» приказал своим матросам рыть окопы на берегу, устанавливая там пулеметы и готовиться к обороне. Остров Дирекции стал теперь территорией Германии.

Если «Эмден» вынужден будет уйти или даже будет уничтожен, корабль противника, который навязал крейсеру бой, конечно, придет на остров, чтобы проверить в каком состоянии кабельная станция. А Мюке не был намерен сдавать остров без боя.

Местных англичан перспектива будущего сражения совсем не вдохновляла. Они попросили у Мюке разрешения перебраться на другой остров, и добряк Мюке разрешил. Завершив необходимую подготовку к обороне острова, лейтенант Мюке поспешил на северный берег, чтобы понаблюдать за боем, который вел «Эмден».

Опознать корабль противника лейтенанту не удалось. Тот имел четыре трубы и две мачты, наклоненные назад. Вооружен он был, судя по всему, гораздо сильнее «Эмдена». Видимо, это был крейсер типа «Ярмут» или «Сидней».

Английский крейсер весь был закрыт дымом, характерным при сжигании индийского или японского угля. «Эмден» держался мористее с подветренной стороны.

Противник стрелял быстро, но неточно — снаряды ложились на дистанции нескольких сотен метров от «Эмдена». Прошло достаточно много времени, прежде чем английские снаряды начали попадать в цель. «Эмден» стрелял гораздо точнее и первым добился попадания.

Когда Мюке пригляделся, он заметил, что у «Эмдена» уже сбита передняя дымовая труба. Крейсер на большой скорости шел на сближение с противником. Очевидно, он хотел поразить противника торпедами. На корме «Эмдена» был замечен пожар, и Мюке ясно увидел, как несколько вражеских снарядов разорвались в районе грот-мачты. Пожар еще более разгорелся, и «Эмден» окутался клубами белого густого дыма. Или это был пар, вырывающийся из разбитых паропроводов?

Выпустив торпеды, «Эмден» резко повернул влево, а за ним то же самое сделал и корабль противника. В итоге, как показалось Мюке, корабли стали описывать полные циркуляции, продолжая вести огонь.

Лейтенант заставил себя оторваться от развернувшейся перед ним панорамной картины морского боя и вернулся в порт, чтобы посмотреть, как ведут оборонные работы его подчиненные. Затем он забрался на крышу какого-то дома, чтобы наблюдать за продолжением боя.

К 11 часам утра «Эмден» уже настолько был

избит, что при любых обстоятельствах представлялось очень маловероятным его возвращение на остров. В течение долгих лет службы в заморских владениях Германии крейсер «Эмден» стал родным домом для офицеров и матросов своего экипажа.

Сколько раз при возвращении из каких-нибудь командировок или отпусков знакомый трехтрубный силуэт «Эмдена» на фоне причудливых построек и экзотических деревьев создавал у всех чувства, какие бывают только при возвращении домой.

Теперь, глядя на горящий вдали крейсер, оставшиеся на острове моряки ощущали себя погорельцами, чей дом сгорел у них на глазах, похоронив под своими руинами все их надежды. Охватившая всех ярость сменилась печалью, растерянностью, осознанием какой-то нереальности произошедшего — как в страшном сне.

Но это была жестокая реальность, и постепенно приходило осознание, что они, лишенные своего дома, остались брошенными на клочке затерянного в океане островка, к тому же принадлежавшего противнику.

Неизбежно вставал вопрос: что делать дальше, после того как «Эмден» перестал существовать? От местных англичан они уже успели узнать, что в районе острова дежурят несколько крейсеров противника, среди которых находится и броненосный крейсер «Минотавр».

Отсутствие связи с островом ясно даст им понять, что сюда высадилась немецкая десантная команда. Поэтому вскоре вполне можно ожидать появления вражеских кораблей. Кроме того, поняв,

что прервана связь с Австралией и Батавией, английские корабли и без всякой связи с «Эмденом» могут направиться к острову Дирекции узнать, что случилось.

Небольшому отряду противника лейтенант Мюке еще мог противостоять. В его распоряжении было 4 пулемета с парой тысяч патронов на каждый, 29 винтовок с 60-ю патронами каждая и 10 револьверов с 24-мя патронами каждый. Но если английский крейсер откроет артиллерийский огонь, то противопоставить ему будет абсолютно нечего, кроме собственных жизней. Выбором были либо геройская гибель, либо английский плен. Или?

Мюке взглянул на маленькую белую шхуну, стоявшую в порту, которую он хотел подорвать, но не успел. Шхуна называлась «Иеша» — в честь любимой жены пророка Мухаммеда — и три раза в год совершала рейсы между островом и Батавией, перевозя копру, а обратным рейсом доставляя на остров продовольствие. Затем ее заменили пароходом, и шхуна была брошена гнить в порту без такелажа.

Обостренно работающая мысль лейтенанта подсказала ему возможность спасения. А что, если удастся вырваться с острова именно на этой шхуне, избежав тем самым и гибели, и плена? Мюке на паровом катере направился к шхуне, чтобы лично убедиться в ее мореходности. Поднявшись на борт, он обнаружил там шкипера и матроса.

Чтобы скрыть от них свои истинные намерения, лейтенант поинтересовался, нет ли на паруснике оружия и боеприпасов. Беглый осмотр шху-

ны дал понять Мюке, что она вполне мореходна.

Убеждать подчиненных долго не пришлось. Прибыв на «Иешу», моряки с «Эмдена» принялись готовить шхуну к походу. Предстояла масса работы. Прежде всего, необходимо было вооружить шхуну парусами и такелажем.

Когда англичане поняли, что задумали немецкие моряки, они предупредили Мюке, что «Иеша» была старой и наполовину сгнившей. Она не выдержит открытого океана. Кроме того, напоминали они, английский броненосный крейсер «Минотавр» вместе с огромным японским крейсером находятся неподалеку и наверняка захватят «Иешу» в море. Даже шкипер, покидая шхуну вместе со своим матросом, сказал Мюке на прощание: «Я желал бы вам счастливого плавания, да больно ненадежный у нее корпус».

Однако, убедившись, что немецкие моряки, несмотря на все предупреждения, продолжают готовить «Иешу» к плаванию, англичане с готовностью начали им помогать. Возможно, их главным желанием было поскорее выпроводить с острова вторгшихся немцев, которым так хочется погибнуть именно в море, а, возможно, они в душе были благодарны морякам «Эмдена», освободившим их временно от трудных круглосуточных вахт на узле связи. Они доставили на шхуну продовольствие, свежую воду, масляные лампы, одеяла и старую одежду. Они обеспечили моряков курительными трубками и табаком, а также дали массу советов относительно курса, направлений ветров и течений и о состоянии погоды в этом регионе. Англичане желали морякам «Эмдена» счастливо-

го плавания, многие фотографировались с ними на борту «Иеши», запечатлев на память и саму старую шхуну.

В разгар работ сигнальщик, выставленный на крышу самого высокого на острове дома, закричал, что видит дым, появившийся в северной части горизонта. С севера в сторону острова сносило черное облако угольного дыма — видимо, с английского крейсера, использующего индийский уголь. Сам корабль находился еще за горизонтом. Потом над горизонтом поднялись мачты английского крейсера и мачты «Эмдена», медленно сдвигающиеся в восточном направлении.

Внезапно высокий белый столб воды поднялся над дымовой завесой вражеского корабля. Не могло ли это быть торпедным попаданием? Противник вышел из боя и лег на северо-западный курс, а «Эмден» продолжал идти в восточном направлении.

Казалось, что расстояние между «Эмденом» и его противником увеличилось, а затем оба корабля исчезли в наплывающих из-за горизонта сумерках. Надвигающаяся темнота напомнила лейтенанту Мюке, что следует поспешить с выходом в море.

Из-за многочисленных коралловых рифов в лагуне выход в ночное время был совершенно невозможен. Лейтенант приказал прекратить погрузку: они приняли воды на четыре недели и продовольствия — на восемь. Последняя лодка с англичанами отвалила от борта, и на высоких мачтах «Иеши» были подняты германские флаги.

Отныне старая кокосовая шхуна становилась

военным кораблем Императорского флота Германии. Паровой катер медленно потянул «Иешу» к выходу из лагуны. Карты лагуны у Мюке не было.

Взобравшись на фок-мачту, новый командир «Иеши» с помощью лоцманской дудки подавал команды на буксирующий катер. С высоты мачты рифы и мели были хорошо видны. Два катера с «Эмдена» «Иеша» вела на буксире.

Солнце село и, как обычно бывает в экваториальных широтах, наступила полная темнота. Со своего поста на мачте Мюке уже больше ничего не мог разглядеть. Он перебрался на бушприт и стал командовать оттуда. Несмотря на темноту, сквозь неглубокую воду был виден каждый камень на дне, каждый пучок водорослей — не столько из-за прозрачности воды, сколько из-за мелководья.

На шхуне пережили несколько опасных моментов, но в итоге «Иешу» удалось вывести из лагуны, не повредив днища. Катер продолжал буксировать шхуну, и в помощь ему поставили фок-паруса. При выходе из лагуны на шхуну обрушилась океанская зыбь, начав беспощадную болтанку.

Отдали буксир, а катеру было приказано подойти к левому борту. Матросы катера, закрепив руль в положении «лево на борт», на ходу перескочили на борт шхуны, а катер, описав изящную дугу, исчез в темноте. Мюке надеялся, что он вскоре затонет, захлестнутый океанскими волнами. «Иеша» еще вела два катера на буксире.

Некоторое время лейтенант Мюке держал «Иешу» на западном курсе, чтобы не попасть в

лапы вражеского крейсера и обмануть тех наблюдателей, которые могли следить за уходом шхуны с острова. Мюке не хотел уходить в какой-нибудь нейтральный порт и мечтал добраться до побережья любой из территорий Германской Восточной Африки.

Кроме того, лейтенант надеялся, что угольщик «Буреск» не попал в руки противника и, возможно, прячется где-нибудь у западного берега острова. Ночью Мюке приказал изменить курс на северо-восток. Никаких признаков нахождения «Буреска» вблизи острова обнаружить не удалось. Лейтенант продолжал еще надеяться, что к острову подойдет «Эмден», чтобы отремонтировать повреждения и пополнить запасы провизии.

Если «Эмден» не появится, то Мюке пока решительно не представлял, что они будут делать дальше. Даже ближайшие порты — Батавия и Панданг — находились слишком далеко. Кроме того, на шхуне не имелось почти никакого штурманского оборудования — даже хронометрического журнала. Мюке нашел только старый секстан для определения меридиальной высоты.

Лейтенант надеялся пройти дальше на север, чтобы добраться примерно до 8-го градуса южной широты, где в ноябре дуют устойчивые северо-западные муссоны. Катера, которые «Иеша» вела на буксире, несмотря на длинный конец, постоянно рисковали быть разбитыми о квадратную корму шхуны.

«Иеша» с ее маленькими парусами еле продвигалась вперед. Набегающая с кормы крутая волна сорвала на шхуне часть лееров и оборвала буксир-

ный конец одного из катеров. Но утлое суденышко, тем не менее, удавалось держать на курсе.

Величайшая морская авантюра десантников с «Эмдена» на шхуне, носящей имя любимой жены пророка Мухаммеда, началась.

С

2

рассветом немецкие моряки провели более тщательный осмотр своего нового «благоприобретенного дома», как выразился лейтенант Мюке.

Шхуна «Иеша» имела 97 тонн водоизмещения. Длина ее составляла примерно 30 метров, а ширина 7-8. Шхуна была вооружена тремя мачтами. Две задние мачты — грот и бизань — имели только гафельные паруса, а фок-мачта — два квадратных паруса.

Парусник был рассчитан на пять человек экипажа, не считая шкипера. Теперь же на борту «Иеши» находилось 50 человек. В каюте и крошечном носовом кубрике могли поместиться только 6 человек, остальным пришлось спать в трюме.

Трюм был пустой, если не считать несколько чугунных чушек балласта. На балласт бросили одеяла и ватные подстилки, полученные на острове, а также запасные паруса.

Шхуну яростно мотало на океанской волне, и ночевка в трюме не выглядела особенно комфортабельной. Матросы из старых канатов и прочего подручного материала стали плести себе гамаки. Под палубой, позади кормового трюма, имелись еще две маленькие каюты, которые приспособили под баталерки сухой провизии. В небольшой палубной надстройке также имелись

две крошечных каютки с койками. Одну из них Мюке занял сам. Во второй поселились два младших лейтенанта. К этим каютам примыкало еще одно маленькое помещение, где имелся стол и несколько банок. Это помещение сразу начало служить и штурманской рубкой, и кают-компанией, и командирским салоном, и местом пребывания вахтенного офицера, и курительной, и винным погребом.

Крошечная камбузная плита, рассчитанная для приготовления пищи на 6 человек, была расширена с помощью найденных в трюме железных листов. Пищу решено было варить на морской воде, оставив пресную воду только для питья. Впрочем, все надеялись, что в ближайшее время запас пресной воды удастся как-нибудь пополнить.

У Мюке имелся неприкосновенный запас в виде ящика сельтерской воды в бутылках. Лейтенант решил использовать эту воду только в случае крайней необходимости. Например, если придется покинуть «Иешу» и перебираться на катера. На «Иеше» царил строгий порядок военного корабля, велся вахтенный и исторический журнал, четко менялись вахты.

«10 ноября 1914 года.»

Утром лейтенант Мюке, воспользовавшись своим правом командира корабля, провел короткое богослужение за успех «Эмдена», о судьбе которого никто из нас ничего толком не знал. Затем все занялись постановкой парусов.

К полудню шхуна уже шла под всеми парусами с вполне приличной скоростью, подгоняемая

умеренным юго-восточным бризом. Подрывные снаряды были выброшены за борт, поскольку на шхуне не было помещения для их хранения в условиях столь высокой температуры воздуха, что было небезопасно.

Все унтер-офицеры и матросы были разделены на две вахты. Корпус шхуны, вопреки уверениям ее бывшего шкипера, оказался вполне надежным. Воды в трюмы поступало мало, и матросы, откачивая воду ручными помпами два раза в сутки, поддерживали в трюмах вполне приличный сухой воздух. Такелаж был в отличном состоянии, паруса, за небольшим исключением, тоже.

Имевшиеся на борту карты показывали только район маршрута Кокосовые острова — Батавия. На шхуне был обнаружен старый штурманский ежегодник для плавания под парусами в этом районе. Он очень устарел, предлагая сведения за период между 1824 и 1845 годами. Имелся также транспортир и механический лаг, который очень пригодился.

Начав точное хронометрическое счисление путем наблюдения за высотой солнца, мы пытались определить снос на восток или на запад с генерального курса. В каюте шкипера мы нашли навигационный журнал двухмесячной давности с хронометрическим контролем и ежедневными данными по девиации. Все это давало нам надежду прийти туда, куда мы хотели.

11 ноября 1914 года.

Приборка, учения по постановке парусов, работы на помпах. Дует юго-восточный ветер силой

3-4 балла. Идем под кливерами, топселями и бизанью. Вечером выставили фок и грот-брамсели. Шхуна движется со скоростью от 3.8 до 5.1 узла. В 23:35 оборвало буксирный конец катера.

12 ноября 1914 года.

Днем поймали ветер и повернули на юг. Ночью закрепили паруса. Весь день судно шло со скоростью 5.5-6 узлов. А ночью удалось увеличить скорость до 8.2 узла, подняв фоковые паруса.

13 ноября 1914 года.

В 05:00 налетела гроза с ливнем. Едва успели все закрепить по-штормовому. Были приняты все меры, чтобы собрать как можно больше дождевой воды. Из парусины и брезента были сделаны воронки, с помощью которых воду собирали в ведра и канистры, сливая затем в цистерну для пресной воды. Все голыми стояли на палубе, чтобы, наконец, помыться. Всего удалось собрать 120 литров дождевой воды.

14 ноября 1914 года.

В 13:30 изменили курс, держась ближе к суше, чтобы избежать зоны непредсказуемых штилей и шквалов, которые образуются при изменении направления муссона с юго-востока на северо-запад.

В 17:00 попали в очередной штормовой шквал. Затем наступил штиль, паруса обмякли, и шхуну нещадно мотало на зыби, идущей с разных направлений».

Периодически налетающие грозовые ливни решили, как и надеялся Мюке, проблему с пить-

своей водой. Воду набрали даже в две маленькие шлюпки, которые имелись на «Иеше». Пить ее было нельзя, но для умывания она вполне подходила.

Еще одной проблемой стала подготовка матросов, никогда ранее не имевших дело с парусами. Их приходилось обучать на ходу, хотя офицерам в пору было бы поучиться и самим. Офицеры и матросы были одеты кто во что. Еще при уходе с «Эмдена» десантники получили приказ одеться как можно легче. Теперь же они совершенно обносились: ходили полуголыми, с повязками на головах, действительно напоминая пиратов старых времен.

«16 ноября 1914 года.

Ожидаемый северо-западный муссон так и не задул. Дул легкий ветерок, принося периодические дождевые шквалы, так что паруса пришлось несколько раз ставить и спускать. Ожидая ночью шторм, оставили только кливера и бизань. Вечером провели короткое богослужение, отметив первую неделю со дня боя «Эмдена» и нашего ухода с острова Дирекции.

17 ноября 1914 года.

Во время мертвого штиля нос «Иеши» развернуло в северо-западном направлении. Пытались лавировать, в то время как ветер все сильнее задувал в северном направлении. Двойная зыбь сильно раскачивала судно. На северо-западе медленно сгущались черные тучи, поднимаясь над горизонтом. Может быть, они принесут долгожданный

муссон? В 15:00 барометр опустился на нижнюю отметку — 729.78, подавая надежду на нужный ветер. В 16:00 задул легкий северо-западный ветерок.

Мы шли северным курсом, склоняясь к северо-востоку. Вечером снова наступил мертвый штиль. Паруса обмякли. Шхуну сильно раскачивало на зыби.

18 ноября 1914 года.

К 09:00 слабый ветерок задул с северо-северо-востока. Шли курсом восток-юго-восток. Движения вперед практически не было. Паруса совершенно обвисли. Чтобы держать матросов занятыми, провели учения по выполнению парусных команд.

Зыбь и течение сносили шхуну к юго-востоку. К полудню пришли в точку, где находились 16 ноября. Замер расходов воды показал, что за неделю расходуется полцистерны. У нас еще имеется три четверти цистерны пресной воды плюс полторы цистерны дождевой. Должно хватить на 6 недель. Запасов продовольствия должно хватить на 8 недель.

19 ноября.

Ветра нет — полный штиль. Течение продолжает сносить шхуну обратно к юго-востоку. Стоит сильная жара, небо безоблачно. Над палубой натянули тенты».

Побудка на «Иеше» производилось в 6 часов утра. На боевых кораблях кайзеровского флота побудка команды проводилась длинными тройны-

ми трелями нескольких боцманских дудок. Однако, на шхуне от этого пришлось отказаться. Матросы спали прижавшись друг к другу, как сельди в бочке. Стоило разбудить одного, как тот, вставая, будил и всех остальных. Затем матросы умывались водой, накопленной в шлюпках. Зубных щеток, разумеется, не было. На весь экипаж имелась одна расческа и одна ржавая бритва. Моряки зарастали щетиной и длинными волосами как средневековые корсары. После этого начиналась приборка палубы. Тут воды не жалели — благо она была забортной.

Часть матросов трудились на помпах, чтобы откачать со шхуны воду, накопившуюся за ночь. Другие проверяли снасти, паруса и мачты, производя необходимый ремонт. Между тем, кок с двумя wybranными им помощниками, отправлялся на камбуз готовить завтрак. Он состоял, как правило, из рисовой каши, кофе или чая. Когда все эти работы заканчивались, матросам больше совершенно нечего было делать. Никаких учений проводить было невозможно из-за отсутствия необходимого пространства. Матросов собирали на палубе и читали им лекции по парусам и такелажу, которые офицеры еще помнили с училищных времен. Потом, вопреки всем правилам, существующим в немецком флоте, матросам разрешали отдыхать в неурочное время, в то время как офицеры, собравшись в «кают-компанию», обсуждали будущие планы.

Кроме морской карты подходов к Батавии, на шхуне имелась еще и обычная географическая карта, охватывающая больше половины глобуса.

Она начиналась от Гонконга и Борнео на востоке и заканчивалась Суэцем, Занзибаром и Мозамбиком на западе. Карта была выполнена в таком масштабе, что расстояние в 700 морских миль до Паданга, куда Мюке намеревался добраться, занимало на ней всего пару сантиметров. Иногда эта карта показывалась команде с обозначением места, где находилась «Иеша».

Затем наступал час обеда. Поскольку тарелок, ложек, вилок и прочего на всех не хватало, ели по очереди. Все получали равные порции, которые кок выдавал под присмотром двух унтер-офицеров. К обеду также полагались чай или кофе. Поскольку до ужина было очень далеко, все пытались продлить удовольствие от обеда как можно дольше. Затем, как водится, всех одолевала дремота.

Об обычном разделении офицеров и матросов, как было принято на всех кораблях, на «Иеше» не могло быть и речи. Всего пространства верхней палубы едва хватало для размещения команды с необходимыми минимальными удобствами для приема пищи.

Матросы быстро разобрались по группам, которые заняли на палубе постоянные места. Там они могли посидеть или даже растянуться, покурить или вздремнуть. Можно было перекинуться в карты, когда одна из трех карточных колод, захваченных на острове Дирекции, доходила по очереди до их группы.

Многие любили порыбачить, закидывая лески через фальшборт, но уловом похвастаться не мог никто, видимо от того, что наживкой служил

только рис. Вечером после ужина, когда солнце то-нуло в океане, матросы собирались на баке и пели песни. Особенно всех трогала трагическая песня о Лорелее. Так проходил на «Иеше» день, который можно было назвать спокойным.

«21 ноября 1914 года.

Надежда на то, что штить сменится северо-западным муссоном, до сих пор не сбылась. В 10:00 в северо-западной части горизонта был обнаружен дым, перемещающийся в восточном направлении. Что это за корабль, осталось неизвестным, поскольку даже из вороньего гнезда на мачте был виден только дым. К полудню с северо-запада задул легкий бриз. Шхуна стала управляемой, и мы начали движение на северо-восток. Дым на горизонте исчез. Бриз усилился.

В 21:00 налетел грозовой шквал. Когда он прошел, паруса постепенно наполнились свежим ветром, и шхуна довольно бодро пошла на северо-восток. Над клотиками мачт зажигались огни Св. Эльма. Налетевшим новым шквалом с сильнейшим громом и молниями разорвало парус на бизань-мачте. Шквал прошел, и ветер снова стих.

22 ноября 1914 года.

Лейтенант фон Мюке решил идти не в Батавию, а в Паданг, но по пути без чрезвычайной необходимости никуда не заходить. Мюке выбрал Паданг по нескольким причинам: во-первых, там имелись шансы обнаружить «Эмден», поскольку в Паданге находился германский консул; во-вторых, один из младших лейтенантов, находившихся на

«Иеше», служил раньше на «Гнейзнау» и хорошо знал подходы к порту; и, в-третьих, там не знали «Иешу». И, конечно, в этом районе мы рассчитывали застать немецкие торговые суда, возможно, даже «Клейст», имевший скорость 17 узлов.

Более того, в Паданге мы могли бы отстояться на якоре, не привлекая к себе особого внимания и, находясь на достаточном удалении от причалов, время от времени посылать шлюпку на берег.

В данный момент, когда благодаря северо-западному муссону, мы находились на 4-м градусе южной широты, а не на 8-м, Паданг выглядел гораздо более привлекательным, чем Батавия.

Шхуне понадобилось 7 дней, чтобы преодолеть полосу штиля, что было гораздо больше, чем мы рассчитывали. Курс на Батавию мог снова привести в зону штиля, что было совсем нежелательно из-за ограниченного запаса воды и продовольствия.

Продолжались навигационные проблемы. На карте северной части индийского океана не было острова Суматра, а чтобы подойти к западному побережью острова, шхуна должна была пройти через пролив Сифлор.

При определении своего места в 14:30 мы обнаружили, что находимся на удалении 70 морских миль к юго-западу от пролива. Конечно, все было приблизительно, так как с нашими приборами ничего точно определить было невозможно.

Попасть поскорее в какой-нибудь порт было просто необходимо, чтобы достать хоть какую-нибудь одежду (наша уже полностью преврати-

лась в лохмотья) и кое-что изпредметы личной гигиены.

В 20:00 ветер снова стих. К полуночи он изменился на северо-западный и вскоре достиг силы 5 баллов. Идем курсом на северо-запад, склоняясь к северу.

23 ноября 1914 года.

Приготовили к бою пулеметы, винтовки и револьверы. Лейтенант Мюке решил, что если в проливе будет обнаружен эсминец противника, стоящий на якоре или принимающий уголь, то следует попытаться взять его на абордаж.

В 10:10 сигнальщик в вороньем гнезде на мачте закричал: «Земля!». Земля открылась по пеленгу 4° левого борта. Очевидно, это был Сиберут — один из островков в проливе Сифлор. Если это так, то наши вычисления места шхуны оказались правильными.

К 16:00 береговая линия уже обозначилась совершенно четко. Это был Сиберут. В пролив вошли под всеми парусами со скоростью 4-5 узлов, подгоняемые северо-западным ветром 3-4 балла. В 18:40 встали на якорь в проливе. Сквозь тучи проглядывала луна. На горизонте сверкали молнии. Мюке колебался: проходить ночью пролив или нет? Решил не рисковать. Снялись с якоря и нас отдрейфовало на юг.

24 ноября 1914 года.

«Иеша» шла посреди пролива. Слева от нас остров Сиберут, справа — остров Сипора. В течение дня судно, подгоняемое легким бризом, шло

на северо-запад по проливу Сифлор. Обошлись без карты. Налетевший ливень добавил воды для мытья.

Лейтенант Мюке распорядился выдать каждому по бутылке содовой воды. Около 7 часов вечера механический лаг показал, что с момента выхода с острова Дирекции «Иеша» уже прошла 800 морских миль.

25 ноября 1914 года.

С рассветом на горизонте открылось побережье острова Суматра. С суши дул легкий ветерок, а к восходу солнца снова установился полный штиль. В 08:30 была спущена на воду шлюпка для буксировки шхуны. Затем была спущена вторая — поменьше.

Обе шлюпки начали буксировку «Иеши», а матросы на борту шхуны помогали им с помощью баркасных весел, связанных попарно для увеличения их длины. Впрочем, это помогло мало. Шхуна практически не двигалась.

В 15:00 был обнаружен корабль, который шел навстречу с каким-то флажным сигналом на мачте. Когда корабль приблизился, в нем был опознан голландский миноносец «Линкс». Он подошел ближе, обошел шхуну с кормы, чтобы прочитать название, которое было закрашено».

Мюке приказал спрятать все приготовленное оружие в трюме и всем уходить туда же, оставшись наверху с несколькими сигнальщиками. Одежды все были настолько экзотически, что определить их принадлежность к немецкому флоту было

совершенно невозможно. Скорее люди на суденышке напоминали моряков из флотов местных островных королевств и республик. Миноносец приближался, и уже было видно, как его офицеры, собравшись на мостике, внимательно рассматривают «Иешу» в подзорные трубы. Следуя прежним курсом, миноносец отошел примерно на 5000 метров от шхуны, затем развернулся, немного приблизился к «Иеше» и встал за кормой.

У Мюке мелькнула мысль, что «Иешу» здесь уже давно ждут. Во второй половине дня «Линкс» неожиданно снялся с якоря и исчез в направлении Паданга. На вопрос матросов, куда исчез голландский миноносец, Мюке, усмехнувшись, ответил, что, видимо, голландцы хотят за ночь соорудить триумфальную арку, чтобы торжественно встретить десантников с «Эмдена».

До наступления темноты «Иеша» простояла у плоского кораллового островка на входе в порт. Со шхуны были видны огни парохода, вышедшего из гавани. Другой пароход направлялся в порт. Мюке нервничал, ожидая поутру новых сюрпризов. «Иеша» стояла без огней.

В вышедшем из гавани пароходе снова опознали «Линкс». Несмотря на все меры, с миноносца заметили «Иешу» и встали за кормой шхуны, включив отличительные огни. Миноносец встал не более чем в 1000 метрах от «Иеши». Мюке с помощью масляного фонаря «Бычий глаз» азбукой Морзе запросил «Линкс»: почему он преследует шхуну. На «Линксе» подтвердили прием сигнала, но на вопрос не ответили.

Подождав полчаса, Мюке повторил запрос на

этот раз по-немецки. Снова с миноносца подтвердили прием и снова ничего не ответили. Вскоре после этого «Линкс» снялся с якоря и исчез в темноте.

27 ноября 1914 года.

Всю ночь шел дождь и продолжался штиль. На рассвете опять появился «Линкс». Поскольку за ночь «Иешу» отдрейфовало в голландские территориальные воды, Мюке приказал поднять немецкий флаг.

«Иеша» продолжала дрейфовать по течению на юго-восток. Первым проплыл по правому борту и остался за кормой остров Москито, а около 10 часов утра шхуна оставила за кормой остров Мара. Управлять «Иешей» было невозможно, не имея карты, и Мюке опасался, что мы сядем на один из многочисленных подводных рифов, имевшихся на подходе к порту.

К счастью, в 11:30 к борту «Иеши» подошла небольшая малайская лодка и высадила на шхуну лоцмана. Поднявшись на борт, лоцман сразу сообщил лейтенанту Мюке, что его услуги обойдутся в 25 гульденов. Сделка состоялась.

В этот момент мимо снова на большой скорости прошел «Линкс». Поскольку над «Иешей» развевался военный флаг, Мюке приказал сыграть захождение. Был произведен салют флагом, на который с «Линкса» было получено ответное приветствие. Вскоре со шхуны уже ясно были видны портовые сооружения и стоявшие у причалов пароходы, среди которых удалось опознать несколько немецких. В 15:10 с «Иеши» просигналили на

«Линкс», что желают послать на миноносец шлюпку. Затем Мюке облачился в свою десантную униформу, в которой он сошел с «Эмдена», и отправился на «Линкс». Командир голландского миноносца встретил бывшего старпома с «Эмдена» на верхней площадке трапа и прошел с ним в каюткомпанию. Мюке сообщил голландцу, что является командиром десантной партии с «Эмдена» и прибыл в Паданг для ремонта шхуны и пополнения запасов продовольствия и пресной воды.

Лейтенант добавил, что не видит причин, по которым его шхуну не могли бы пустить в порт. Голландец ответил, что он тоже не видит причин, по которым «Иешу» могли бы не пустить в порт, но он сильно сомневается, что ей будет разрешено из порта выйти. Впрочем, заметил он, «Линксу» было приказано лишь эскортировать шхуну, все остальные вопросы в компетенции гражданских властей. А как они решат, ему неизвестно.

Мюке напомнил, что «Иеша» является военным кораблем, а потому имеет право выхода из порта в любое время, в то время как никто не имеет права ее там задерживать. И добавил на прощание: «Надеюсь, мне не придется прорываться с боем».

Возвращаясь на шхуну, Мюке впервые внимательно рассмотрел «Иешу» со стороны. Он нашел, что его корабль выглядит капитально. Шхуна стояла под полными парусами, создавая величественное и прекрасное впечатление. Впечатление не портили рваные паруса и плохо гармонирующий с «Иешей» немецкий военно-морской флаг.

На входе в порт шхуну встретил маленький

портовый буксирчик, доставивший капитана порта. Капитан прибыл, чтобы показать «Иеше» якорное место. Намерением Мюке было встать как можно ближе к немецким или австрийским пароходам, стоявшим в порту, чьи флаги уже были ясно различимы с «Иеши».

Как только «Иеша» стала на якорь, Мюке послал в город младшего лейтенанта Шмидта, чтобы тот поставил в известность об их прибытии местные власти и пригласил на борт германского консула. Вместе с тем, Мюке объявил, что без разрешения властей, в соответствии с международными законами, никто не может быть допущен на борт шхуны, а равно и съехать с нее.

Вскоре «Иеша» оказалась окруженной шлюпками, прибывшими с немецких пароходов. В порту среди прочих судов стояли ллойдовские сухогрузы: «Клейст», «Рейнлянд» и «Шойсинг», а также австрийский пароход. Экипажи судов собрались на палубах, приветствуя «Иешу» криками «ура».

Пароходы подняли на мачтах германские флаги. На шлюпках команде шхуны доставили сигары, сигареты, пачки табака, одежду, фрукты, вино, свежие яйца, пачки чая и даже ваксу для чистки обуви.

Самым ценным Мюке считал немецкие газеты. К сожалению, самые свежие из них были за середину октября, в то время как на календаре значилось 27 ноября. Все равно их было приятно почитать, поскольку до сих пор все новости приходилось черпать из английских газет, наполненных ужасающими выдумками агентства «Рейтер»,

уверявшего читателей, что русские подходят к Берлину, что Кайзер ранен, а Кронпринц убит, что немецких генералов охватила эпидемия самоубийств, а Германию — революция и тому подобное. Все это было хорошо, но тут же начались проблемы с голландскими властями, упорно не желающими признать за «Ишей» статус военного корабля.

28 ноября 1914 года.

Прибывший к нам в 9 утра голландский чиновник объявил, что шхуна не может считаться германским военным кораблем, поскольку является захваченным военным призом. Кроме того, поскольку нет письменного приказа командира «Эмдена», назначающего Мюке командиром «Иеши», тот не может обладать легитимными правами капитана шхуны.

Мюке немедленно заявил решительный протест, указав, что свои права командира шхуны он намерен обсуждать только с командованием немецкого флота. Он просил разрешения только принять на борт воду и провизию, получить, если возможно, морские карты и немедленно уйти из Паданга. Голландский чиновник сказал, что он обо всем телеграфирует в Батавию и подчинится решению своего начальства. Но по его виду Мюке понял, что голландец приложит все усилия, чтобы задержать «Иешу» и интернировать ее экипаж. Было совершенно очевидно, что голландские власти боятся англичан и японцев, не желая иметь с ними никаких неприятностей.

Мюке потребовал встречи со старшим голлан-

дским морским офицером, напомнив, что он имеет право оставаться в нейтральном порту 24 часа.

Прибывший на «Иешу» голландский морской офицер пытался убедить Мюке интернироваться, уверяя, что английские и японские крейсера «рыскают вокруг» и «Иеша» наверняка будет захвачена. Мюке уверил голландца, что все сказанное им принято к сведению.

Между тем, пришел ответ из Батавии, в котором запрещалось снабжать команду «Иеши» морскими картами и навигационными наставлениями, поскольку это «может увеличить боевой потенциал» шхуны, что является нарушением законов нейтралитета. В перечень предметов, могущих увеличить «боевой потенциал», вошли также одежда и даже мыло с зубным порошком.

Тем не менее, в 19:00 к борту «Иеши» подошла баржа, которая доставила провизию и воду. На барже прибыл еще один голландский офицер, снова пытавшийся убедить Мюке никуда не уходить из Паданга. Мюке ответил, что уйдет в любом случае и обойдется без карт. Тогда офицер показал Мюке телеграмму, полученную от голландского адмирала, где говорилось о невозможности ухода из Паданга, поскольку в районе порта действуют несколько японских крейсеров.

За день до прибытия «Иеши» японский крейсер видели у самого Паданга. «Иеше» удалось проскочить в порт только по счастливой случайности. «Эмден» достиг достаточных успехов, чтобы на этом и закончить. Никто не обвинит немецких моряков в пренебрежении долгом.

Мюке все это выслушал и попросил разреше-

ния связаться с Берлином, чтобы его командование дало ему дальнейшие указания. Голландцу стало ясно, что он тратит время попусту и прекратил уговоры.

Германский консул, чья фамилия была Шильд, тайно снабдил Мюке деньгами, выдав командиру «Иеши» 190 марок, 7 фунтов и 200 франков. Он также доставил на борт секретную записку, посланную Мюке от капитана парохода «Шойсинг», который назначал шхуне randevu в океане. В записке говорилось: *«Я буду крейсировать до 20 декабря вокруг точки 3°20'ЮШ, 99°20'ВД. Рандеву в радиусе 20 миль в зависимости от ветра и течения».*

В 20:00 «Иеша» начала сниматься с якоря. Буксирчик, встретивший шхуну на входе, стал выводить ее из порта. Когда буксир отдали, Мюке, построив матросов на корме, приказал приветствовать консула троекратным «ура» и исполнением национального гимна «Стража на Рейне».

Вскоре шхуна, поставив все паруса и подгоняемая устойчивым северо-восточным ветром, растворилась в темноте. Никто из голландцев ее не преследовал. Мюке предупредил голландские власти, что он будет рассматривать это «как недружественный акт».

29 ноября 1914 года.

В 01:35 «Иеша» находились в двух морских милях от Паданга. В 14:30 к шхуне подошла весельная шлюпка с парохода «Рейнлянд» Северо-Германского Ллойда, на которой находились младший лейтенант Вильман и главстаршина Шва-

небергер, вызвавшие добровольно служить на «Иеше». Вахтенный «Иеши» младший лейтенант Шмидт пошел по этому случаю будить Мюке, доложив, что к борту шхуны подошла немецкая шлюпка. Мюке решил, что его разыгрывают. «Дай поспать, — попросил он Шмидта, — и не неси всякий вздор». Шмидт продолжал настаивать, и Мюке не оставалось ничего другого, как полностью проснуться и выйти на палубу, чтобы приветствовать появившихся на борту резервистов.

Проблемой было их размещение на борту шхуны, поскольку в распоряжении Мюке имелась одна офицерская койка, на которую претендовали трое. Главстаршину разместили на матрасе под столом в кают-компани, а Вильману пришлось делить койку с другим вахтенным офицером.

30 ноября 1914 года.

Ночью «Иеша» находилась у входа в канал Сифлор. В 02:30 слева по носу были замечены огни какого-то корабля, следовавшего восточным курсом. Шхуна резко повернула под ветер, чтобы войти в нейтральные воды.

Мюке сильно подозревал, что перед ним военный корабль. На нем замигал прожектор, сообщая информацию на какой-то еще один, не обнаруженный с «Иеши» корабль. Шхуна подошла как можно ближе к острову Сиберут — так близко, что уже была ясно видна линия прибоя.

Один неизвестный корабль ночью ушел на юг, но второй остался в проливе. На рассвете этот корабль развернулся к шхуне. Им оказался флагманский корабль голландского флота в этих во-

дах — броненосец береговой обороны «Севен Провинсес». Броненосец эскортировал «Иешу» до тех пор, пока мы не вышли из голландских территориальных вод».

Подгоняемая попутным ветром, «Иеша» шла на запад к месту предполагаемого randevу с германским пароходом. Погода начала портиться, ветер нагонял крупную волну. «Иешу» клало с борта на борт. На такой качке особенно страдали 10 свиней, которых взяли в Паданге и разместили в специальной клетке в носу недалеко от капстана. Свиньи с ужасающим визгом перекатывались по скользкой палубе от левой стенки клетки к правой и обратно. Чтобы облегчить страдания животных, предназначенных на съедение, в палубу клетки прибили рейки, которые помогали им удерживаться на месте при болтанке.

«4 декабря 1914 года.

В 10:10 вышли в точку назначенного randevу с «Шойсингом». Море пустынно. Шторм значительно утих. Легли в дрейф.

7 декабря 1914 года.

Полный штиль. «Иеша» дрейфует по течению. Ночью налетали шквалы. Шли под кливерами и косыми топселями. Никого не обнаружили.

9 декабря 1914 года.

На горизонте появился пароход без флага. «Иеша» направилась к нему. Когда с парохода заметили шхуну, он резко положил лево руля и

стал обходить нас по широкой кривой. Мы привели пулеметы в готовность. С парохода запросили сигналом:

«Укажите долготу».

«99°22'», — ответили с «Иеши».

«Поднимите опознавательный», — потребовали с парохода.

Мы подняли хаотический набор флагов «НВС» и несуществующий флаг. Пароход стал удаляться. Что это был за пароход — так и осталось тайной.

14 декабря 1914 года.

Прошло четверо суток, но мы так и не обнаружили ни одного судна. Ночью дул легкий ветерок. В 03:40 он усилился, а к 09:00 достиг силы 6-7 баллов. В 13:40 далеко на горизонте заметили пароход. К 14:40 он исчез в налетевшем дождевом шквале. Примерно 50 минут вообще ничего не было видно, а затем судно появилось снова по пеленгу 6° левого борта на восточном курсе. Мы подняли все паруса и боевой флаг, направив шхуну к пароходу. Пароход приблизился, и мы опознали на нем германский флаг. Это был «Шойсинг»!

Все это время на «Иеше» опасались, что пароход не заметит шхуну из-за плохой видимости и пройдет мимо. На шхуне жгли фальшфейеры и успокоились только тогда, когда пароход повернул в их сторону. Экипажи двух судов, сгрудившись на палубах, приветствовали друг друга громкими криками. Полуголые матросы «Иеши», ок-

купировавшие ванты, выглядели живой иллюстрацией к приключенческому роману из жизни корсаров старых времен.

Моряки «Шойсинга» рассказывали позднее, что страшно удивились, когда из полосы дождя внезапно появилась парусная шхуна с голыми моряками на вантах.

Между тем, погода снова начала портиться, и команда «Иеши» не могла в таких условиях перебраться на пароход. Надеясь, что к югу от их места погода получше, оба судна пошли в этом направлении — впереди «Иеша» под кливерами и верхними парусами, следом «Шойсинг».

На следующий день погода стала еще хуже, постепенно перейдя в жестокий шторм. «Иеша» зарифлила паруса и прекрасно держалась на волне, которая, накрывая шхуну, перекатывалась с носа на корму. Все, конечно, промокли, но сухой «Иеша» никогда не была.

На рассвете 15 декабря «Шойсинг» — пароход водоизмещением 1700 тонн — просигналил, что из-за шторма он не может больше следовать прежним курсом, и повернул на северо-запад. Семафором успели договориться о новом рандеву южнее Пагая, и «Иеша» снова осталась одна.

Следующая ночь оказалась худшей из всех, что пришлось пережить команде лейтенанта Мюке с момента их появления на «Иеше». Всю ночь бушевала настоящая буря. На «Иеше» потеряли свое место, что было очень опасно из-за близости нескольких коралловых островков. Штормовой ветер ежеминутно грозил выкинуть шхуну на какой-нибудь риф. Ночь была темной, как никогда. За

кончиком бушприта ничего не было видно кроме разъяренно пенящейся стены воды, яростно набрасывающейся на утлую шхуну.

К утру стихия разъярилась еще сильнее. Такого старые, изношенные паруса «Иеши» уже выдержать не могли. Со страшным треском разорвало фок и стаксель и унесло в темноту. На реях остались виться одни лохмотья.

Все фоковые паруса были потеряны, а поставить новые не было никакой возможности. Приходилось надеяться только на удачу, что шхуну не вынесет в полосу прибоя и не выкинет на берег. На рассвете удалось поставить запасные паруса.

К счастью, ветер стал понемногу стихать, дав возможность шхуне увеличить паруса и направить-ся в условленное место встречи с «Шойсингом». Около 9 часов утра впереди был замечен «Шойсинг», но в этот момент установился полный штиль, и «Иеша» прекратила всякое движение вперед. Мюке сигналом попросил пароход взять шхуну на буксир и пойти с ней в ближайшую бухту, где можно было бы укрыться от ветра и волн и спокойно перебраться на пароход.

Пока пароход вел шхуну на буксире, лейтенант Мюке решал, что делать «со старой, доброй «Иешей»? Как ни печально, но, посоветовавшись со своими офицерами, Мюке пришел к заключению, что «Иешу» придется затопить.

Все оружие и остатки продовольствия вынесли на верхнюю палубу. Сняли носовое украшение «Иеши», представляющее деревянную скульптуру любимой жены пророка, и отсоединили штурвальное колесо с медной табличкой, на ко-

торой было выгравировано имя «Иеша». Их решили захватить на «Шойсинг» в качестве сувениров.

Вскоре пароход привел «Иешу» в бухточку небольшого островка, куда не достигала океанская зыбь. Там шхуну удалось поставить лагом к борту парохода. На «Иеше» перерубили все снасти, а в трюмах прорубили днище. Через пробоины вода стала заполнять «Иешу». Матросы быстро перегрузили на пароход все свои нехитрые запасы оружия и продовольствия.

«Иеша» тонула медленно. В 16:00, когда заработала машина «Шойсинга», отдали концы, связывающие шхуну с пароходом, и «Иешу» стало относить в сторону. Моряки «Эмдена» с грустью смотрели на погружающуюся «Иешу». Ведь именно она помогла им избежать плена или гибели. Лаг показывал, что они на шхуне прошли 1709,6 морских миль. Почти полтора месяца «Иеша» служила для них домом. Расчувствовавшийся Мюке попросил капитана «Шойсинга» остановить пароход, чтобы дождаться, когда «Иеша» затонет.

Матросы «Эмдена» собрались на корме «Шойсинга», в трехстах метрах от которой погружалась в воду «Иеша». Медленно, с достоинством, шхуна погружалась все ниже и ниже в лагуну, и, наконец, вода достигла верхней палубы. Затем какая-то дрожь прошла через «Иешу» от носа до кормы. Всем показалось, что шхуна глубоко вздохнула, набирая последний раз воздух. На мгновение ее нос приподнялся из воды, затем опустился, и «Иеша», подняв корму, ушла на дно, ис-

чезнув навсегда. С кормы парохода матросы «Эмдена» произвели над ее могилой трехкратный салют из винтовок. Было 16:58 16 декабря 1914 года».

3.

Сухогруз «Шойсинг» был небольшим судном, принадлежавшим Северо-Германскому Ллойд. Построен он был в 1901 году на заводе Рикмерса в Гестемюнде, первоначально имея название «Маделина Рикмерс». Скорость парохода составляла 10.5 узлов.

В ноябре 1906 года Северо-Германский Ллойд купил пароход Рикмерса, переименовал его в «Шойсинг» и направил плавать на азиатских линиях.

30 июля 1914 года «Шойсинг», выйдя из Сватоу под командованием капитана Минквица, прибыл в Сингапур. Понимая уже неизбежность войны, капитан быстро разгрузился и 1 августа вышел в море, направляясь в Батавию. Однако, уже находясь в море, капитан получил приказ крейсировать у Сингапурского пролива, предупреждая об опасности другие направляющиеся туда немецкие суда. Особенно это касалось немецкого сухогруза «Шоуфа», идущего в Сингапур из Голландской Ост-Индии. «Шоуфу» они так и не встретили, но зато повстречали пароход «Сандакан», вместе с которым и прибыли в Батавию 5 августа. Оба немецких парохода, экономя лоцманские и портовые взносы, стали на открытом рейде в пределах трехмильной зоны территориальных вод.

25 сентября капитан «Шойсинга» получил уведомление, что его судно считается мобилизованным и включается в число пароходов обеспечения действий крейсера «Эмден».

27 сентября «Шойсинг» в 4 часа ночи ушел из Батавии и направился к Лоренцо Маркиз на randevу с крейсером. Во время этого перехода в одном из трюмов парохода загорелся уголь. Матросы пытались погасить пожар всеми доступными средствами, но огонь быстро вышел из-под контроля. Единственным выходом из создавшегося положения было затопить трюм, что капитан и приказал сделать. Судно село носом, но продолжало следовать по курсу. Из первого трюма стали откачивать воду, надеясь успеть это сделать до появления «Эмдена». Однако, «Эмден» не появился, находясь гораздо западнее и не испытывая недостатка в угле и провизии.

В это время пожар вспыхнул в 3-м трюме, и капитан решил зайти в Паданг, куда и прибыл 11 октября.

27 ноября в порт пришла «Иеша», которую через 24 часа вынудили оставить Паданг. За это время лейтенант Мюке и капитан «Шойсинга» с помощью тайных посланий договорились о randevу. Об этом было уведомлено Германское Генеральное консульство в Батавии.

7 декабря капитан Минквиц получил шифрованную телеграмму из Батавии, в которой Генеральное консульство одобрило его действия. Голландские власти были уведомлены, что пароход «Шойсинг» намерен продолжить свой рейс к Лоренцо Маркизу. Это привело голландские власти

в повышенное нервное состояние, и они установили за пароходом круглосуточное наблюдение. 9 декабря «Шойсинг» принял пресную воду в цистерны и междонное пространство, а затем дал заявку на прием продовольствия. Голландские чиновники информировали капитана Минквица о том, что он может принять провизию только для нужд своего экипажа, а не для снабжения какого-нибудь другого корабля. Поэтому каждый сухарь, поступивший на борт «Шойсинга», был тщательно пересчитан. Но голландцы оказались недостаточно бдительными. Накануне ночью на «Шойсинг» с немецких пароходов «Клейст» и «Рейнлянд» было передано все необходимое: от всех видов продовольствия до матрасов и посуды.

«Шойсинг» вышел из Паданга под конвоем голландского корабля береговой обороны «Конигин Регентес». 11 декабря в 06:00 на горизонте открылся остров Северный Пагай. После прохода проливом Сипора голландский корабль повернул обратно, а «Шойсинг» немедленно изменил курс, спеша на randevу с «Иешей».

Проводив «Иешу» на дно, отсалютовав ей флагами и винтовочными залпами, капитан Минквиц провел совещание с лейтенантом Мюке и его офицерами относительно плана дальнейших действий. Оказывается, у Мюке был план возвратиться в Циндао. Лейтенант был сильно потрясен, узнав, что Циндао уже захвачен японцами. Тогда Мюке предложил присоединиться к легкому крейсеру «Кенигсберг», о котором он также ничего не знал кроме того, что этот немецкий крейсер оперирует где-то в западной части Индийского океа-

на. Мюке надеялся узнать о «Кенигсберге» что-нибудь конкретнее на «Шойсинге», но, к его новому разочарованию, капитан Минквиц ничего о «Кенигсберге» не знал. Мюке также подумывал добраться до Германской Восточной Африки, где, как ему было известно, происходили жестокие бои германской колониальной армии с англичанами. Но, подумав, лейтенант сам от этой идеи отказался как от абсолютно безнадежной. С его отрядом, состоявшим из пятидесяти человек, без карт, проводников и даже примерного знания обстановки, втягиваться в боевые действия на суше, где были задействованы тысячи солдат, представлялось глупой авантюрой.

Можно было, обойдя вокруг Африки, попытаться добраться до Германии, но где для этого добывать по пути уголь и продовольствие? Но вот, просматривая газеты, Мюке наткнулся на сообщение о боях между англичанами и турками в Шейх Саиде, вблизи острова Перим, находящегося в Баб-эль-Мандебском проливе. Это позволяло предполагать, что Турция также вступила в войну.

Внимательно просмотрев огромную пачку старых газет, Мюке был вознагражден за свои труды, наткнувшись на большую статью о начале войны между Британской и Турецкой империями. Подобная ситуация подсказывала оптимальный вариант — высадиться в Аравии и попытаться соединиться с частями турецкой армии.

Листая газеты, Мюке наткнулся на пару заметок о «Кенигсберге». В одной говорилось, что крейсер потоплен в бою где-то севернее Австралии. Другая утверждала, что «Кенигсберг» блоки-

рован на реке Руфиджи кораблями английского флота.

В любом случае, больше о «Кенигсберге» Мюке думать не хотел. Если тот потоплен, то искать его нет никакого смысла. Если блокирован в реке, то тоже. Что дадут блокированному крейсера его 50 человек? Ничего, если не считать того, что на них придется тратить драгоценное продовольствие. Поэтому для начала решили спуститься подальше на юг, чтобы покинуть наиболее оживленные судоходные пути и уйти из района, где часто налетают тропические циклоны, поскольку «Шойсинг» переносил штормы очень болезненно.

На мачтах было решено оборудовать сигнальные посты, чтобы заметить корабли противника раньше, чем будет обнаружен «Шойсинг», дабы иметь время уклониться от встречи. Впрочем, Мюке хорошо понимал, что при той скорости хода, которой обладал пароход, при любой встрече с вражеским военным кораблем уйти не удастся, а останется только надежда на блеф.

«Шойсинг» был еще покрашен, как и все ллойдовские пароходы, то есть имел черный корпус, белые надстройки и коричневую трубу. Конечно, его было необходимо срочно перекрасить. Сначала хотели покрасить пароход под «голландца». Но потому передумали, поскольку не имели списка находящихся в море голландских судов, а любой встречный корабль мог поинтересоваться названием парохода. А ответ невпопад мог бы погубить все дело. Но имелся список английских пароходов, в конце которого перечислялись ан-

глийские суда, проданные за границу. Среди них значился сухогруз «Шенир» водоизмещением 1700 тонн, проданный какой-то генуэзской фирме. Он был почти такого же размера, что и «Шойсинг», поэтому Мюке, не колеблясь, приказал написать на корме «Шойсинга» большими белыми буквами «Шенир, Генуя». Замаскироваться под «итальянца», считал Мюке, гораздо выгоднее и безопасней, поскольку, учитывая позицию Италии, занятую после начала войны, даже английский военный корабль трижды подумает, прежде чем остановить итальянское судно.

Приписанный к Генуе «Шенир», естественно, должен был плыть под итальянским флагом, но итальянского флага на «Шойсинге» не оказалось. Более того, на немецком пароходе не оказалось ни одного куса зеленой материи, не считая случайно обнаруженной зеленой занавески. На занавеску нашили кусок красной и белой материи, а затем нашли матросов, имевших достаточные художественные способности, чтобы нарисовать на белой полосе итальянский герб с короной.

После многих дней, проведенных в жуткой тесноте на «Иеше», лейтенант Мюке и его 50 десантников наслаждались простором, «роскошью» и относительным бездельем на замаскированном «под итальянца» «Шойсинге». Судно, описывая замысловатые кривые, продвигалось на запад.

7 января 1915 года «Шойсинг»-«Шенир» добрался до Перимского пролива у южной оконечности Аравийского полуострова. По пути ничего достойного внимания не произошло. Несколько кораблей попало навстречу, но всегда удавалось

вовремя изменить курс и избежать контакта. Рождество встретили скромно, но Новый Год отпраздновали шумно, уничтожив все запасы вина и пива, имевшиеся на борту.

Мюке планировал войти в Перимский пролив сразу же после захода солнца, но без точных карт и без точного знания своего места, это было очень опасно. Пришлось это сделать на несколько часов раньше. И сразу же напоролись на большой пароход, следующий, видимо, из Джибути. С перепугу его приняли сначала за военный корабль, но он, к счастью, оказался французским почтовым пароходом. Дождавшись темноты, осторожно пошли дальше по проливу.

Мюке нервничал, будучи уверенным, что в проливе наверняка несут сторожевую службу боевые корабли противника. Самого маленького из них было бы достаточно, чтобы решить судьбу столь беспомощного пароходика, каким был «Шойсинг». Хватило бы даже вооруженного катера. Но поскольку главной задачей Мюке, по его же собственным воспоминаниям, было «вернуть себя и своих людей в распоряжение воюющей родины», он, во имя достижения этой цели, был готов пожертвовать и «Шойсингом». В случае встречи с вражеским кораблем вблизи африканского побережья, Мюке намеревался выбросить «Шойсинг» на мель, посадить своих моряков в шлюпки, добраться до берега, а там действовать по обстановке.

Если бы подобная встреча произошла в северной части пролива, то Мюке планировал с боем прорваться прямо в порт Перим, положившись на

благосклонность Небес. Если бы это по каким-то причинам не удалось, то лейтенант предполагал выброситься на берег и напасть на местную радиотелеграфную станцию.

Шлюпки на «Шойсинге» были готовы к спуску. В них уже погрузили запасы воды и продовольствия, оружие и боеприпасы. Командовать шлюпками были назначены офицеры, а матросы получили только одну инструкцию — выполнять приказы своих офицеров.

С наступлением темноты на «Шойсинге» снова потеряли свое место. Прямо по курсу виднелось несколько небольших островков, и Мюке предположил, что это острова Семи Братьев, лежащие на входе в пролив. Вскоре открылся проблесковый маяк на Периме, с помощью которого удалось достаточно точно определить и более четко прокладывать курс.

«Шойсинг» шел полностью затемненным. Все матросы были вызваны на верхнюю палубу для наблюдения по всем пеленгам.

«В остроте наших глаз, — предупредил их Мюке, — наша единственная надежда на благополучный исход».

Офицеры и унтер-офицеры постоянно обходили пароход, следя, чтобы ни один луч света не вырвался наружу. Добрая половина команды «Шойсинга» состояла из китайцев, для которых эти «немецкие игры» были, мягко говоря, мало понятны. Мюке долго размышлял относительно затемнения парохода. Идя с огнями, «Шойсинг» мог сойти за обычное торговое судно, а столь маленький пароход вряд ли мог вызвать у английских

сторожевиков какие-нибудь подозрения. С другой стороны, идущий без огней пароход мог вызвать подозрение у любого, кто бы его обнаружил. Тем не менее, Мюке решил идти, от греха подальше, без огней.

Баб-эль-Мандебский пролив был очень узким. «Шойсинг» держался ближе к африканскому берегу, темный фон которого служил пароходу хорошей маскировкой. Но тут случилась новая проблема. Маяк в Периме, который помог им определить свое место, своими проблесками освещал «Шойсинг» как прожектором. В свете его проблесков с «Шойсинга» заметили два английских сторожевика, стоявших на рейде Перима и о чём-то переговаривающихся с помощью сигнальных фонарей. Но счастье было вновь на стороне немцев. Англичане их не заметили, несмотря на то, что «Шойсинг», выжимая из своей старой машины все, что мог, ковылял по проливу со скоростью 7 узлов.

Через два часа Мюке мог считать себя в относительной безопасности — пароход вошел в Красное море, где было гораздо просторнее, чем в Баб-эль-Мандебском проливе.

7 января, после наступления темноты, пароход подошел к арабскому городу Ходейда. На «Шойсинге» имелся туристский справочник «Вокруг мира», выпущенный для молодоженов, желающих совершить свадебное путешествие по экзотическим странам Ближнего Востока. Из этого справочника Мюке узнал, что Ходейда является крупным торговым городом и морским портом, куда в настоящее время тянут железную дорогу. А так как справочник был издан несколько лет

назад, можно было предположить, что эта дорога уже построена. Младший лейтенант Вильман выразил опасение, что с началом войны англичане посредством диверсий могли вывести железнодорожный путь из строя. Мюке в это не поверил: вывод железной дороги из строя возмутил бы паломников, направляющихся в Мекку, а это могло стать причиной восстания на всем исламском Востоке. Осторожные англичане всегда учитывают подобные вещи. Но в любом случае, в Ходейде наверняка можно узнать последние новости с театров военных действий и, что самое главное, добыть карты Красного моря, чтобы продолжить путешествие морем на «Шойсинге».

При подходе к Ходейде, а, точнее говоря, к тому месту, где они надеялись этот город обнаружить, поскольку, как всегда, точно не знали собственного места из-за отсутствия карты, с мостика «Шойсинга» внезапно увидели целую цепочку ярких электрических огней, бегущих вдоль берега. От понимания того, что они вернулись в лоно человеческой цивилизации, у всех на мостике заметно поднялось настроение. То, что в Ходейду уже провели электричество, турсправочник не сообщал, и для Мюке это стало приятным сюрпризом.

«Так это вполне respectable место, если тут кроме дороги провели даже электричество, — выражая общее мнение, заметил один из офицеров. — Значит, и железная дорога работает. Завтра я пойду на центральный вокзал Ходейды, куплю билеты на скорый поезд или просто закажу специальный экспресс, а через пару суток

мы все снова окажемся на берегу Северного моря».

Поскольку в справочнике «Вокруг мира» указывалось, что Ходейда, помимо всего прочего, является еще и морским портом, Мюке пытался обнаружить вход в порт. Так и не найдя его, Мюке приказал подойти ближе к берегу и приготовить к высадке на уже подготовленных шлюпках.

Капитан «Шойсинга» получил от Мюке письменный приказ отвести пароход подальше в море и, избегая судоходных путей, провести следующие двое суток в этом районе, приходя каждую ночь к месту высадки, находясь в готовности принять лейтенанта Мюке и его людей обратно на борт. Если же Мюке за эти двое суток не вернется, «Шойсинг» должен был следовать в Массаву.

Желание Мюке, чтобы «Шойсинг» ждал его возвращения две следующих ночи, диктовалось главным образом полным незнанием обстановки. В частности, под чьим контролем находится Южная Аравия? Последняя информация говорила о вспыхнувших здесь боях между англичанами и турками, но об исходе этих боев Мюке ничего не знал. Так что было вполне вероятно, что Ходейда сейчас находится в руках англичан. В этом случае Мюке и хотел вернуться на «Шойсинг», чтобы на его борту продолжить свою одиссею.

В светлое время суток лейтенант предполагал спрятать свой отряд где-нибудь в пустыне. Мюке также условился с капитаном «Шойсинга» о сигнале ракетами, который он даст с берега в случае, если где-нибудь поблизости окажется вражеский военный корабль, представляющий для немецкого парохода непосредственную угрозу. Был разра-

ботан специальный сигнал, означающий: «Вблизи корабли противника. Немедленно уходите в Мас-саву». Мюке не хотелось, чтобы вернувшийся за ним «Шойсинг» был захвачен англичанами.

Последние рукопожатия и напутствия, и лейтенант Мюке спустился в шлюпку. Вскоре «Шойсинг» растаял в ночной темноте, а маленькая флотилия лейтенанта Мюке, энергично гребя, приближалась к берегу.

Как и все корабельные шлюпки, которыми долго не пользовались, шлюпки с «Шойсинга» нещадно текли. Матросы без устали вычерпывали воду, хотя предусмотрительный Мюке за несколько дней до высадки приказал их заново прошпаклевать, покрасить и наполнить до половины водой для проверки герметичности.

С рассветом были поставлены паруса, и флотилия Мюке, как на хорошей регате, устремилась к берегу. Оглянувшись назад, Мюке уже не увидел «Шойсинга». Пароход ушел, обойдя с юго-запада остров Ханиш и подойдя вечером 9 января к Ходейде с западного направления.

Там он заметил большой военный корабль, выходящий из порта. Корабль был опознан как французский броненосный крейсер «Дэзекс». «Француз» крейсировал взад-вперед в районе, где Мюке со своим отрядом покинул пароход. Капитан Минквиц продолжал следовать своим курсом, чтобы не вызвать никаких подозрений.

С наступлением темноты он развернул пароход и, в соответствии с полученным приказом, снова вернулся к Ходейде, встав через час после полуночи в оговоренном с Мюке месте рандеву.

Крейсер «Дэзекс» стоял южнее, на том же самом месте, что и накануне. Из-за яркого света луны «Шойсинг», опасаясь быть обнаруженным, не смог оставаться в назначенном месте все условленное время и отошел на запад.

На следующий день, 11 января, Минквиц снова осторожно подвел пароход к условленному месту, оставаясь там с 22:35 до 00:30. Ни шлюпок на воде, ни какого-либо движения на берегу замечено не было. А «Дэзекс», между тем, вдруг задымил из всех своих четырех труб и, казалось, дал ход, подходя поближе к «Шойсингу». Больше оставаться на месте было невозможно. «Шойсинг» дал ход и медленно стал уходить в направлении побережья французского Сомали.

11 января пароход стал на якорь вблизи острова Дарамзас. Дальше идти, не имея карт, было невозможно. Никто из экипажа не знал этого района плавания, так что пришлось оставаться на месте до 12 января.

Медленно пробираясь вдоль островов, «Шойсинг» добрался до нейтральной Массавы и 13 января вошел в порт. Там из надежного источника с противоположного берега Красного моря капитан Минквиц узнал, что с отрядом Мюке все в порядке. Он добрался до Ходейды и был тепло встречен турками. Итальянцы, которые заправляли делами в Массаве, встретили появление немецкого парохода вполне радушно, поскольку между Германией и Италией существовали почти союзные отношения. Итальянцы даже предлагали Минквицу погрузиться углем и провизией и попытаться прорваться к блокированному «Кенигсбергу». Бо-

лее года — до лета 1916 года продолжалась идиллия. Затем, неожиданно для всех, Италия объявила войну Германии и Австрии.

«Шойсинг» был реквизирован, а его экипаж интернирован. Позднее, переименованный в «Кароцио», пароход был потоплен австрийскими эсминцами в Адриатическом море.

4.

Еще когда его шлюпочная флотилия направлялась к берегу, лейтенант Мюке, к своему великому ужасу, обнаружил вдали две мачты, четыре трубы и множество орудий французского броненосного крейсера «Дэзекс», блокирующего вход в порт. Лейтенант поблагодарил Небеса за то, что минувшей ночью так и не нашел входа в порт Ходейды. Теперь то он понял, что огни, которые он принял за входные огни порта, были отличительными огнями «Дэзекса».

Мюке беспокоило, что с крейсера могли заметить его импровизированную флотилию. Находясь уже вблизи берега, Мюке подозвал к себе две остальных шлюпки. Все стали бортами друг к другу, спустили паруса, срубили мачты и начали совещаться по поводу того, что делать дальше.

«Шойсинг» ушел. Позади них находился французский броненосный крейсер, а около него еще появился итальянский эсминец. Впереди за полосой прибоя лежало побережье Аравии. Остаться в шлюпках также было невозможно. В течение дня французы, которые сейчас еще находи-

лись в состоянии утренней истомы, обнаружат их наверняка. Поэтому Мюке отдал приказ: «К берегу».

«К счастью, — вспоминал позднее Мюке, — тяжело нагруженные шлюпки не перевернуло и не разбило волной прибой. На нашем пути к берегу мы встретили небольшую арабскую лодку, в которой сидел одинокий араб и ловил рыбу. Мы спросили его: не захвачена ли Ходейда французами? Араб кивнул головой и что-то ответил на своем языке. Нашего превосходного немецкого он явно не понимал.

Преодолев прибой, наши шлюпки еще метрах в 800-х от берега выскочили днищами на мель. Поэтому нам пришлось тащить все наши грузы на себе до берега, шагая по колено в воде. Из мачт, досок и пробковых жилетов мы соорудили плотники, на которые погрузили свои пулеметы, боеприпасы и пр. Первыми на берег мы доставили свои пулеметы.

У самого берега в воде плескался какой-то араб. Я подошел к нему без оружия, демонстрируя всем своим видом полное дружелюбие и протянул руку. Однако он испугался и убежал. Второй араб, которого мы увидели, был столь же глух к нашим распинаниям о дружбе и любви».

Третьим арабом, которого увидел Мюке, был человек в военной форме, ехавший верхом на верблюде. На голове его была повязка с запекшейся кровью, но самым неприятным было то, что этот араб был вооружен винтовкой. Араб спрыгнул с верблюда, щелкнул затвором и стал молча наблюдать как моряки «Эмдена» разгружают свою аму-

ницию с лодок. Мюке пытался определить по синему мундиру и красным штанам — к какой армии принадлежит араб, но не смог, хотя сильно подозревал, что эта армия вполне могла быть французской.

Снова Мюке, излучая искреннее дружелюбие, на какое только был способен, подошел к этому —уже третьему, арабу, поклонился ему и с сделал все возможное, чтобы тот понял, что с ним желают поговорить. Араб оставался невозмутимым. Когда же Мюке подошел к нему достаточно близко, араб вскинул винтовку и прицелился в лейтенанта. Мюке остановился. Араб опустил винтовку, и Мюке сделал еще несколько шагов. Араб снова навел винтовку на Мюке. Мюке опять остановился, и араб опустил винтовку. Мюке сделал еще несколько шагов, и араб вновь прицелился в него.

Так повторялось до тех пор, пока расстояние между арабом и Мюке не сократилось до десятка метров. Араб прицелился и уже не опускал винтовку. Лейтенант не двигался. Разговаривать в таких условиях было невозможно, тем более, что араб не реагировал ни на какие слова Мюке. Затем араб сделал лейтенанту знак рукой, который невозможно было не понять: он предписывал Мюке оставаться со своими людьми там, где они были. Лейтенант так же жестами уверил араба, что никуда с этого места уходить не собирается, и повернул обратно.

Араб взобрался на верблюда и быстрой рысью поскакал в направлении Ходейды, чьи белые дома виднелись вдали. Необходимо было пос-

пешить, поскольку в любую минуту здесь могли появиться французские солдаты в достаточном количестве, чтобы всех уничтожить. До их прихода нужно было скрыться в пустыне.

Мюке полагал переждать день в пустыне, а ночью послать в Ходейду одного из своих офицеров для выяснения обстановки. В случае, если город находится в руках противника, Мюке предполагал провести в пустыне еще один день, а с наступлением темноты вернуться на берег и перейти обратно на борт «Шойсинга», чтобы продолжить путешествие морем с надеждой на дальнейшее везение.

Отряд Мюке был уже готов начать свой марш в пустыню, как вдруг на прибрежных дюнах появилось около сотни бедуинов, вооруженных винтовками и револьверами. Бедуины рассыпались в какое-то подобие стрелковой цепи, а затем исчезли за песчаными верхушками дюн. Моряки тоже рассыпались в цепь и приготовились к бою. Мюке запретил открывать огонь, предоставив это право бедуинам.

Через несколько минут из-за дюн появились 12 арабов с оружием в руках и направились в сторону немецкой линии. Мюке, как обычно без оружия, вышел к ним навстречу. На этот раз между ним и арабами произошел очень оживленный разговор. Бедуины что-то кричали ему, отчаянно жестикулируя и делая какие-то жесты руками, значения которых Мюке совершенно не понимал. Его собственные попытки объяснить что-нибудь арабам на английском, немецком, французском и малайском языках также оказались тщетными.

Тогда Мюке продемонстрировал арабам немецкий военно-морской флаг, но те, опять же, ничего не поняли. Мюке понадеялся, что жители приморского региона должны были бы знать немецкий флаг, и ошибся. Тогда арабам продемонстрировали флаг немецкого торгового флота, но тот тоже не произвел на них никакого впечатления. Затем немецкие моряки показали на стоявший в море французский крейсер, грозя ему кулаками, и хором закричали: «Бум! Бум! Бум!»

Единственной реакцией на это проявление враждебности к французскому крейсеру была новая серия совершенно непонятных жестов со стороны бедуинов. Один из них приложил руку ко лбу, как бы прикрывая от солнца глаза, и покачал головой. Другой провел двумя пальцами вверх и вниз по своему лицу. Третий сложил вместе указательные пальцы рук и потер их друг о друга.

Мюке решил, что этим жестом араб спросил его: «Мы враги?» Лейтенант всеми доступными средствами стал доказывать обратное, подумав, что хорош он будет, если бедуин спрашивал: «Друзья ли мы?»

В качестве последнего средства арабам показали немецкую золотую монету. При виде золота арабы оживились, но вид имперского орла на одной стороне монеты не произвел на них впечатления. Но зато профиль Кайзера, отчеканенный на другой стороне монеты, вызвал у них живейший интерес. Они оживленно стали переговариваться, часто повторяя слово «Алеман».

Поняв, что это слово означает «немец», моряки стали дружно кричать во весь голос: «Але-

ман! Алеман!» И только после этого, по словам Мюке, «началось обоюдное взаимопонимание».

Всем свои видом бедуины демонстрировали дружбу и ликование. Винтовки были заброшены за спину, чтобы помочь морякам донести их грузы и, в первую очередь, пулеметы с патронными ящиками, до города. Неожиданно даже нашелся один бедуин, говорящий немного по-английски. Он и сообщил Мюке, что Ходейда находится в руках у турок. Вскоре объединенный немецко-арабский отряд двинулся по направлению к городу.

Это был триумфальный марш. Откуда-то из пустыни появились сотни людей, восторженно приветствующих германских моряков. Однако чем больше собиралась толпа, тем меньше она понимала, что происходит.

Кто-то пустил слух, что на бедуинов напали англичане. В краю, где каждый мальчишка, начиная с 12-ти лет, вооружен и считается воином, можно было ожидать любых сюрпризов.

Сопровождавшие моряков арабы объяснили враждебно настроенному отряду, что моряки не враги им, а друзья. Те успокоились, но тут же появился еще один вооруженный отряд, и пришлось объясняться уже с ним. Все требовало остановки и времени, так что к полудню моряки с «Эмдена» и несколько сотен сопровождающих их бедуинов все еще не дошли до города.

Всего отряд Мюке сопровождало уже более 800 бедуинов. А моряки, ничего не имевшие во рту со вчерашнего вечера, всю ночь в тяжелейших условиях занимавшиеся разгрузкой шлюпок и полдня уже находившиеся на испепеляющей жаре са-

мой знойной пустыни в мире, уже еле держались на ногах.

Арабы же теперь старались всеми силами показать немцам свое дружелюбие и радость по случаю столь знаменательной встречи в пустыне. Они плясали вокруг немецких моряков, пели песни и, конечно, без перерыва палили в воздух из винтовок и револьверов.

К счастью, вскоре из Ходейды прибыли первые турецкие офицеры и среди них было несколько говорящих по-немецки. Радость по поводу встречи товарищей по оружию была взаимной.

Выяснилось, что уже весь турецкий гарнизон Ходейды был поднят по тревоге, поскольку пришло сообщение о высадке в районе города враждебного десанта. Предполагалось даже выдвинуть против десанта артиллерию.

Под эскортом турецких войск и бедуинов, неся флаг с «Эмдена», немецкие моряки вошли в город. Жители заполнили улицы, приветствуя их и хлопая в ладоши. Турки быстро приготовили для матросов казарму, а офицерам выделили дом в городе.

Из окон своей комнаты лейтенант Мюке мог видеть французский броненосный крейсер, мирно и сонливо покачивающийся на волнах в нескольких милях от берега.

Итак, после многомесячной одиссеи, покрывшей полмира от Желтого моря до Аравийского, пройдя под парусами и на «Шойсинге», который Мюке называл «способной двигаться платформой», через весь Индийский океан, 50 немецких моряков высадились на побережье Южной Ара-

вии, достигнув, таким образом, Ближнего Востока. Теперь им предстояло иметь дело, помимо англичан и французов, с фанатичными мусульманами, вороватыми бедуинами и насквозь коррумпированными чиновниками.

Они попали на территорию, которая — по крайней мере официально — считалась частью Турецкой Империи, и ныне, благодаря решительным действиям немецкого адмирала Сушона, перекрывшего линейным крейсером «Гебен» проливы, являлась военной союзницей Германии.

К 1914 году Турецкая Империя еще включала в себя Малую Азию, Месопотамию, Палестину и весь Аравийский полуостров. Это была очень интересная Империя! Это была огромная территория, населенная всевозможными народами, скрепленная запутанными законами вассальной зависимости, не имеющая почти никакой инфраструктуры и управляемая исключительно по законам коррупции.

В верхних эшелонах власти царили восточная роскошь, нега, изнеженность и непонятное декадентство, а вокруг — неопикуемая нищета и бесправие.

Народом управляли сатрапы и племенные вожди, не признающие никакой другой власти, кроме собственной автократии. Гордые арабские шейхи не очень подчинялись военным и гражданским чиновникам из Стамбула, и часто турецкие гарнизоны фактически находились в осаде на своей собственной территории. Восстания и мятежи местного масштаба случались почти ежедневно, а их главари зачастую не гнушались вступать

в союзные отношения с теми, против кого воевала их страна. Взятничество, лесть, обман и предательство царили повсюду.

Таким было место, куда на шестом месяце войны попала горстка моряков с «Эмдена» во главе со своим молодым командиром лейтенантом Гельмутом Мюке.

В 5 часов вечера 9 января, убедившись, что все его люди размещены в казарме и накормлены, Мюке отправился на совещание с главами местной военной и гражданской администрации, чтобы выработать план дальнейших действий. Теперь главной его целью было добраться до Германии.

Мюке был принят губернатором Ходейды, которого все называли либо Ваше Превосходительство, либо Матушариф-Вали, но он разрешил Мюке называть себя просто Раджиб. При беседе присутствовал полковник — командир местного гарнизона, который попросил, чтобы Мюке называл его тоже — Раджиб.

Во-первых, Мюке с глубочайшим разочарованием выяснил, что никакой железной дороги в Ходейде не существует. Во-вторых, он узнал, что англичане осуществляют жесточайшую блокаду Красного моря, охотясь даже за маленькими частными фелюгами. Блокаду осуществляют главным образом английские канонерки и вспомогательные крейсера. Их можно почти каждый день увидеть с холмов севернее Ходейды. Сама Ходейда кишит шпионами, передающими информацию на французский крейсер, который нагло торчит прямо напротив города. Можно не сомневаться, что на крейсере уже знают о прибытии в

Ходейду отряда Мюке, а его радиостанция уже сообщила об этом всем английским и французским кораблям, находящимся в этом районе.

В узкой акватории Красного моря, уверили немецкого офицера турки, безнадежно проскочить дальше на север морем. Надо идти сушей. Путь на север безопасен и свободен. Правда, он займет больше времени, чем при путешествии морем, но зато никакие англичане не перехватят отряд по пути. Подготовка займет около двух недель, а когда поход начнется, то если все будет хорошо, Мюке со своими людьми примерно за два месяца доберется до железной дороги.

Мюке согласился с их доводами и в ту же ночь, забравшись на крышу дома, выпустил в темное небо три сигнальных ракеты, предписывающих «Шойсингу» срочно уходит в Массаву.

Надо сказать, что советы, которые Мюке получил от двух Раджибов, были, мягко говоря, странными, чтобы не сказать большего. Оба турка были отлично осведомлены, что путешествие по суше даже опаснее путешествия морем.

В Ходейде каждый ребенок знал, что даже сильные турецкие воинские части не рискуют передвигаться через эти районы, охваченные мятежами, феодальными междоусобицами и межплеменными разборками, где действуют многочисленные вооруженные банды, грабящие и убивающие всех подряд без разбора.

Мотивы турок до конца не понятны. Возможно, они просто хотели погубить отряд Мюке, а, возможно, просто на примере его похода, убедиться в проходимости этого пути, надеясь, что дис-

циплинированные и хорошо вооруженные немецкие моряки дадут хороший урок мятежникам и разбойникам.

Мюке, разумеется, ничего об этом не знал и, если его пока что-либо беспокоило, так это здоровье его людей, попавших в совершенно нетерпимый для европейцев климат Ходейды. Днем здесь стояла страшная жара, усиленная раскаленным ветром из пустыни. Ночью же, напротив, было очень холодно.

Казарма, куда поселили немецких моряков, была построена из тонких досок с дюймовыми щелями между ними, заткнутыми соломой. Особенно подозрительной была вода, которую Мюке запретил пить, предварительно не прокипятив.

В качестве профилактической меры против малярии он заставлял матросов принимать хинин. Однако, несмотря на все принятые меры, среди матросов начала распространяться малярия и дизентерия. Поэтому лейтенант решил перевести свой отряд в столицу Йемена — Сану, где, как его уверили, место горное, жара помягче, вода гораздо лучше и вообще климат очень напоминает европейский.

Поскольку предполагаемый поход на север так или иначе проходил через Сану, Мюке решил перебраться туда и там завершить подготовку к намеченному путешествию. Перед уходом из Ходейды, Мюке решил отпраздновать здесь день рождения Кайзера по придуманному им самим ритуалу. В церемонии принял участие весь турецкий гарнизон и практически все турецко-арабское население города. Моряки Мюке, получившие от

турок новую униформу цвета хаки и тропические шлемы, украшенные огромными красно-бело-черными кокардами, придуманными самим Мюке, выглядели очень впечатляюще.

Отряд был построен на площади, окруженный почетным караулом турецкой кавалерии, а весь гарнизон, равняясь на немецкий флаг, промаршировал мимо него. Затем вместе с турецким полковником Мюке провел смотр гарнизона, а потом произнес речь по-немецки в честь Кайзера, заставив турок трижды прокричать незнакомое им «ура!» В ответ, по просьбе турецкого полковника, немецкие моряки прокричали троекратное «ура!» в честь султана.

Церемония завершилась парадным маршем «объединенных германо-турецких сил» по городу под звуки военного оркестра и развевающимися знаменами. Затем матросы отправились в казарму, где их ждал праздничный обед — баранина с рисом, а офицеры были приглашены на банкет к мэру Ходейды, где их также накормили бараниной с рисом.

В 5 часов вечера отряд Мюке покинул Ходейду и направился в Сану. Мюке уже успел выяснить, что по Аравийской пустыне можно передвигаться только ночью. Днем палящее солнце способно убить все живое — и людей, и животных.

Передвигаться по пустыне пешком невозможно ни днем, ни ночью. В распоряжение Мюке турки выдали лошадей, мулов и ослов, а для транспортировки грузов дали несколько верблюдов. Удержать этот четвероногий транспорт в каком-то подобии строя было нелегкой задачей, особен-

но учитывая тот факт, что моряки никогда прежде не имели дело ни с верховыми, ни с вьючными животными. Но вскоре моряки справились и с этой задачей и, провожаемые турецкими офицерами, покинули Ходейду, оказавшись прямо в центре пустыни.

От горизонта до горизонта не было видно ничего, кроме песка и участков желтой высохшей травы. Никакой дороги, конечно, не было и в помине, если не считать следов копыт, оставленных предыдущим караваном.

Поначалу приходилось часто останавливаться, когда какая-нибудь лошадь или мул сбрасывали с себя неопытных наездников и убегали в барханы. Правда, недалеко. Их ловили, приводили обратно, мирили с наездником, и отряд продолжал путь. С ослами были свои проблемы — они неожиданно останавливались, не реагировали ни на угрозы, ни на уговоры, ни на пинки, не желая идти дальше.

Незаметно наступила ночь — ясная и прохладная, с удивительно яркой полной луной. Стало легче, и моряки продолжали поход с одним получасовым привалом.

Район, через который Мюке вел своих подчиненных, не считался полностью безопасным. Налеты и грабежи небольших караванов считались здесь вполне обыденным явлением.

На вторую ночь моряки испытали это на себе, когда в лунном свете неожиданно появилась примерно дюжина каких-то людей, восседающих верхом на верблюдах. Турецкие жандармы, сопровождавшие отряд, заявили, что это разбойники, и

вскинули свои винтовки, готовые открыть огонь. Однако неизвестные, оценив размеры каравана, исчезли среди барханов внезапно, как и появились.

На третьи сутки пути караван подошел к подножью гор. Горы высились почти перпендикулярно над плоской пустыней, поднимаясь вверх на 3500 метров. Теперь поход стал еще более трудным. Пришлось медленно карабкаться вверх по острым камням через высохшие русла горных речек и ручьев. Затем каменная пустыня кончилась так же, как и песчаная, и моряки попали в заросли роскошной южной растительности. На возвышающихся вокруг горных вершинах гордо обосновались жилища местных арабов — настоящие маленькие крепости.

Жизнь заставила местных жителей селиться в наиболее недоступных местах. Мюке показалось, что он попал в раннее средневековье. Несмотря на суровый вид здешних мест и воинственность жителей, немцев встретили очень радушно, предложив для отдыха «караван-сарай», предназначенный для расквартирования турецких войск.

Несколько следующих дней отряд двигался по живописному горному району, а затем неожиданно вышел к горному хребту, который на первый взгляд казался совершенно непроходимым. Перед моряками возвышалась крутая, почти вертикальная гигантская каменная стена. Извилистая горная тропинка, вначале показавшаяся практически непроходимой, после многих часов изнурительного подъема привела отряд на гребень хребта. Там они отыскивали другую тропу, которая резко уходила вниз, а затем начинала извиваться между скал

таким образом, что с одной стороны над моряками возвышалась отвесная стена, а с другой — зияющая пропасть. Сверху временами градом падали камни.

Немного передохнуть удалось только в Менахе — небольшом городке, расположенном на самой вершине горного кряжа. Оттуда дорога спускалась на плато, где находилась Сана.

В Менахе отряд был тепло встречен местным населением и тамошним турецким гарнизоном. Моряки были встречены турками и арабами еще на подходе к городку, где пестрая и экзотическая толпа местных жителей, по традиции, приветствовала их песнями и плясками.

Все дома в Менахе были каменными, и матросов поселили в просторных и удобных казармах. Офицеров поместили в отеле, который стал первым и последним отелем, который Мюке удалось увидеть на всем Аравийском полуострове. Там даже были настоящие кровати, чего все не видели со времен ухода из Циндао.

Менаха находилась на высоте 3400 метров над уровнем моря, и Мюке первый раз в жизни наблюдал облака, проплывающие далеко внизу. На такой высоте всегда было холодно, а ночи порой были просто морозными.

Отряд оставался в Менахе двое суток. За это время Мюке и другие офицеры побывали в гостях во многих арабских домах. Комнаты в домах были выкрашены сплошь в белый цвет, а окна играли радугой цветных витражей. Вдоль стен стояли низкие диваны и лежали большие подушки, а в центре гостиных на ковре всегда стоял

большой стол с кальянами. Офицеров угощали кофе с молоком и учили получать наслаждение от курения кальяна.

Из Менахи дорога шла вниз. Это уже была настоящая дорога. Турки постарались развить здесь сеть коммуникаций, и на некоторых участках спускающаяся на плато дорога напоминала лучшие европейские шоссе. По обочинам паслись флегматичные верблюды, часто попадались целые семейства обезьян-бабуинов. Иногда моряки пытались их подстрелить, но это не удалось никому.

К этому времени кавалерийская выучка отряда Мюке достигла полного совершенства. Моряки двигались вперед, держа строй как императорские драгуны. С высоты горной дороги они могли видеть внизу цветущую долину с многочисленными утопающими в зелени деревьями. А на 7-й день перед ними открылась местная столица — город Сана.

Как всегда, навстречу немецким морякам выехали турецкие офицеры, приветствуя их звуками военного оркестра и торжественным построением своих солдат. Верхом и в повозках встречать гостей направились и жители города, распевая песни и хлопая в ладоши.

При въезде в город народ высыпал на улицы. Даже французский консул, задержанный в городе в качестве возмездия за начавшуюся войну, вышел на балкон и помахал морякам рукой. К сожалению, климат Саны вовсе не был «почти европейским», как Мюке наобещали в Ходейде. В городе днем стояла нестерпимая жара, к ночи сменявшаяся холодным ветром с гор. Сразу после прибы-

тия 80 процентов моряков слегли и не могли дальше продолжать поход. Многие просто простудились, у некоторых начались какие-то странные спазмы в желудке.

Город Сана был со всех сторон окружен каменной стеной, больше напоминая крепость. В городе имелось три квартала: еврейский, арабский и турецкий. Все три квартала также представляли из себя крепости, окруженные собственными стенами. Внутри этих крепостей каждый отдельный дом также был построен как крепость, опоясанный каменными стенами, а иногда и рвами.

Все городские улицы представляли из себя узкие проходы между высокими крепостными стенами и были спланированы таким образом, что простреливались по всей своей длине из какого-то определенного пункта.

Йеменцы считались самыми беспокойными подданными Султана, находившимися в состоянии постоянного мятежа. Вооруженные столкновения между ними и турками за последние годы стали обычным явлением. Часто эти столкновения были достаточно серьезными, грозя перерасти в настоящие побоища. Однако к моменту прибытия в Сану отряда Мюке там было более или менее спокойно.

Несмотря на пышную и торжественную встречу с исполнением немецкого гимна, турки вовсе не горели желанием снарядить отряд Мюке и отправить его дальше. Начались бесконечные переговоры, волокита и туманные обещания, сопровождаемые уговорами остаться на месте, поскольку поход по пустыне невозможен по множеству причин.

В итоге Мюке решил вернуться в Ходейду и снова попытать счастье на море.

Беседы с Тефик-Пашой, который командовал турецкими силами в Йемене, показал Мюке, что турки хотят оставить его отряд в своем распоряжении, дабы усилить местный гарнизон. Паша уверял немецкого лейтенанта, что у него нет ни верхового, ни гужевого транспорта, чтобы организовать экспедицию, задуманную Мюке. Не было ни лошадей, ни верблюдов для обратного пути в Ходейду, так как арендованный там караван уже вернулся обратно. Чтобы арендовать новый, нужны были деньги, но их также не было.

В юго-западной Аравии в те дни признавали только два вида валюты: талеры времен императрицы Марии-Терезы и просто золото. Те несколько английских шиллингов, которые оставались у Мюке, никаким спросом не пользовались.

Мюке вышел из положения, одолжив денег у одного престарелого отставного турецкого генерала. Мюке убедил старика, что если тот хочет сохранить свои сбережения, он должен передать их Мюке под вексель, подлежащий оплате после войны. В противном случае, предупреждал лейтенант, мятежники, подступающие к Сане с окрестных гор, взяв город, наверняка ограбят генерала до нитки. Генерал согласился.

(Генерал вскоре умер, но весной 1925 года его наследники потребовали уплаты по векселю. Поскольку Мюке не считал этот долг личным, он направил их в министерство финансов).

Через посредничество австрийского инженера, работавшего на городской мельнице, Мюке уда-

лось арендовать лошадей и верблюдов. Когда турецкие власти об этом узнали, они предприняли еще одну попытку задержать Мюке и его людей в городе, составив программу торжественных проводов с банкетами и парадами, которые, по плану, должны были продолжаться от 8 до 10 дней.

Мюке вежливо, но твердо отказался. Он прибыл в Сану 6 февраля, а уже было 22-е. Он не мог себе позволить терять столько времени. Быстро собрав еще не окрепших после болезни матросов, лейтенант поспешил обратно в Ходейду, откуда намеревался продолжить свою одиссею снова по морю.

5.

Путешествие от Саны до Ходейды в среднем занимало 8 суток. На этот раз Мюке скакал впереди своего отряда, останавливаясь только для смены лошадей.

Прибыв в Ходейду, лейтенант быстро выяснил, что тут нет никаких плавсредств, если не считать старого полузатопленного французского буксира, чья труба с синей маркой торчала из-под воды даже во время прилива. Надеяться на появление «Шойсинга» тоже уже не приходилось. Оставалось только одно — попытаться прорваться на самбуках.

Самбуками называли небольшие парусные лодки, используемые арабами для перевозки грузов и рыбной ловли вдоль всего Аравийского побережья. Обычно самбук имел 14-15 метров дли-

ны, 3-4 метра ширины и нес две, а иногда 3 мачты с косыми парусами.

Мюке приобрел два самбука и отправил их в Ябану — небольшую бухточку в районе Ходейды. Использовать для ухода порт Ходейды было невозможно из-за французского крейсера, все еще монотонно покачивающегося на волнах прямо напротив города.

Город был наполнен английскими и французскими шпионами, и специально для них Мюке распространил слух, что собирается выйти в море 13 марта из бухты Иса. После этого случилось именно то, что и предполагал лейтенант: у входа в бухту Иса, где не было ни домов, ни деревьев, ни даже кустов, появилась английская канонерская лодка. Ночью канлодка обшаривала прожектором побережье и прибрежные воды. А тем временем самбуки с моряками «Эмдена» вышли в море 14 марта в 5 часов вечера.

На флагманском самбуке со всеми полагающимися почестями был поднят военно-морской флаг и вымпел лейтенанта Мюке. Младший флагман лейтенант Гердс держал свой флаг на втором самбуке, который по размерам был несколько больше первого, а потому на него отправили всех больных. Инфекционные болезни продолжали доминировать; несколько человек страдали от тяжелых случаев малярии и дизентерии, подозревался даже тиф, но Мюке ни при каких обстоятельствах не считал себя вправе оставить кого-нибудь из своих подчиненных в Ходейде на произвол судьбы и турок. Лейтенант считал, что изменение климата быстро вылечит его матросов.

Теперь нужно было незаметно проскочить через английскую блокаду. Мюке было известно, что блокада этого участка побережья поддерживается двумя английскими канлодками и вспомогательным крейсером «Императрица России» («Эмпресс оф Раша»).

Чтобы избежать возможности захвата обеих лодок одновременно, Мюке приказал лейтенанту Гердсу следовать отдельно от него. Рандеву было назначено севернее, где каждый самбук, пришедший первым, должен был ждать другого. Вскоре самбук лейтенанта Гердса исчез в надвигающейся темноте.

На рассвете Мюке убедился, что удача, которая всегда сопутствовала всем его безумным авантюрам, начала от него отворачиваться. Его лодка находилась именно там, где ему меньше всего хотелось — в самом центре английской блокадной линии. А поскольку беда никогда не приходит одна, на море воцарился полный штиль.

Все с тревогой поглядывали на горизонт, откуда в любой момент могли показаться верхушки мачт какого-нибудь английского корабля. Но Мюке не зря выбрал выход в море на уикэнд, зная, что англичане при любых обстоятельствах стараются в уикэнд не обременять себя служебными обязанностями. И оказался прав. В течение всего дня они не встретили никого. А бриз, задувший после полудня, позволил самбуку пройти далеко на север. К вечеру обе лодки соединились, и моряки могли отдохнуть со спокойной совестью — линия английской блокады была преодолена.

Плоскодонные самбуки давали Мюке велико-

лепную возможность пройти через коралловые рифы банки Фарсан. Эта была очень большая и опасная коралловая банка протяженностью около 350 морских миль, и ни один более или менее крупный корабль не осмеливался даже близко к ней подходить.

На каждом самбуке было размещено по 35 человек, включая арабов, нанятых Мюке для управления парусами и самими лодками. После погрузки пулеметов, боеприпасов, запасов воды и провизии, для людей места почти не осталось, но Мюке находил, что они устроились на самбуках очень уютно.

Чтобы укрыться от палящих лучей солнца, над самбуками натянули в виде тента шерстяные одеяла. На импровизированных жестяных печках готовили пищу, состоявшую из традиционного риса и баранины. Плохо было то, что самбуки плыли очень медленно. То наступал полный штиль, то задувал встречный ветер, то приходилось преодолевать встречное течение.

17 марта Мюке поднял сигнал: «Вечером намерен встать на якорь». Араб-лоцман подсказал лейтенанту, что они вошли в район, где в темноте существует опасность напороться на риф даже маленьким самбукам.

К 6 часам вечера обе лодки направились к якорной стоянке вблизи острова Марка, держась в двухстах метрах друг от друга. Лоцман-араб управлял самбуком с таким «мастерством», что флагманский корабль Мюке врезался в коралловый риф, затем во второй и в третий. Мюке уже решил, что лоцман — фанатик-самоубийца, пок-

лявшийся погубить «неверных», но самбук снова вышел на чистую воду, оставив рифы позади.

Встав на якорь, Мюке знаками и криком хотел предупредить второй самбук, чтобы тот обошел рифы. Там его услышали, но, обходя один риф, врезались в другой. Через мгновение Мюке увидел, что на втором самбуке подняли флаг, сигнализируя о серьезном повреждении.

Мюке был достаточно опытным моряком, чтобы по одному движению мачт понять, что самбук лейтенанта Гердса заполняется водой и тонет. Внезапно лодка исчезла, и над поверхностью воды осталась торчать только верхушка ее мачты. В южных широтах ночь всегда наступает внезапно.

Так случилось и теперь: не успел Мюке увидеть торчащую из воды мачту затонувшего самбука, как наступила полная темнота. Луны не было. Задул сильный ветер, нагоняя волну, достаточно крутую для самбука. Но выбора не было — необходимо было срочно помочь товарищам. Мюке приказал сниматься с якоря и поднимать все паруса. Совершив сложный маневр и чуть не сев при этом на риф, флагманский самбук поспешил на помощь терпящим бедствие товарищам.

Мюке пытался подвести свой самбук как можно ближе к затонувшему, но из-за рифов он не смог подойти ближе, чем на 400 метров.

Встав снова на якорь, Мюке приказал спустить на воду имевшийся на самбуке крошечный челнок, выдолбленный из древесного ствола и способный нести только двух человек, и немедленно направил его к месту катастрофы. На самбуке имелись масляные лампы. Но зажечь их, чтобы

обозначить свое место, не удалось из-за сильного ветра. Тогда пытались зажечь фальшфейеры, захваченные еще с «Эмдена». Но от долгого хранения они отсырели и тоже не желали гореть.

Внезапно Мюке услышал крики, доносящиеся из воды уже за кормой его самбука. Первые матросы с затонувшей лодки уже доплыли до них, но, не видя своего «флагмана» в темноте, проплыли мимо. Криками и свистом боцманских дудок их удалось направить в нужном направлении и вытаскивать из воды.

Как много людей оказалось в воде, Мюке точно не знал, но он хорошо знал, что в этом районе полно акул, и сильно нервничал. Кроме того, на затонувшем самбуке были больные и неизвестно, оставались ли у них силы, чтобы продержаться на воде. Нужен был огонь. Рискую спалить самбук, на жестяном листе собрали кучу щепок, облили их керосином и подожгли. Затем в огонь сунули фальшфейеры и держали их там, пока они не загорелись. В то же самое время в воздух были выпущены несколько белых ракет, которые, к счастью, оказались в рабочем состоянии. Мюке уже не думал о том, что выпуская ракеты, он раскрывает свое присутствие всем кораблям на много миль вокруг.

Наконец вернулись оба челнока. В каждом один матрос сидел на веслах и вез больного товарища с погибшего самбука. Еще одного больного, у которого не было сил плыть самостоятельно, привязали к челноку и тащили как на буксире. А между тем, все, кто был способен плыть сам, подплывали к самбуку-флагману со всех сторон.

Одного за другим их вытаскивали на лодку. Вскоре на маленьком «флагманском» самбуке набралось 50 человек. И лодка настолько погрузилась в воду, что стало ясно — больше никого брать нельзя.

Мюке приказал выкинуть за борт все что можно, включая запасы провизии и воды, чтобы облегчить самбук и принять всех остальных людей. В итоге на борту оставили только оружие и боеприпасы, чтобы доплывших разместить в лодке, пока не выгорели фальшфейеры, которые уже один за другим начали гаснуть.

Наконец, были вытащены последние потерпевшие крушение — офицеры. Фальшфейеры погасли, но главным было то, что всех удалось спасти.

Лейтенант Гердс доложил Мюке, что погибший самбук застрял на рифе. Если бы он соскользнул по рифу в глубину, то последствия были бы гораздо хуже: больные и плохо плавающие матросы погибли бы наверняка.

Все это время вблизи места, где затонул самбук лейтенанта Гердса, находилась еще одна лодка, принадлежавшая арабам племени Идрисс.

Арабы этого племени враждебно относились к туркам и еще более враждебно к любому европейцу. С их лодки послали каноэ к месту гибели самбука из флотилии Мюке. Но, как только они поняли (по тропическим шлемам), что в затонувшем самбуке находились европейцы, немедленно повернули каноэ обратно, предоставив тонущих европейцев их судьбе.

Продолжать путешествие в перегруженном и переполненном самбуке, где собралось 70 человек

и фактически не осталось продовольствия, было практически невозможно. Мюке послал к идриссам араба-переводчика с просьбой одолжить немцам свой самбук на несколько дней и предлагая за это солидную сумму денег. Те резко отказались, заявив, что помогут «христианским собакам» только за сто тысяч фунтов.

Мюке уже подумывал захватить этот самбук силой, что сделать было легко, хотя последствия этого поступка могли быть очень печальными. «Вооруженное нападение на союзников Германии». Ему никогда не удастся объяснить, что в действительности представляли из себя эти «союзники».

К счастью, с началом нового дня задул свежий попутный ветер, дав возможность продолжать путешествие под парусами даже на перегруженном самбуке, и Мюке решил отказаться от своего воинственного плана, оставив идриссов в покое.

Но до этого лейтенант успел организовать спасение ценного имущества с затонувшей лодки. К счастью, она застряла на рифе на небольшой глубине, и, ныряя в воду, морякам удалось поднять на поверхность два пулемета, несколько револьверов и цинки с патронами. Все остальное: запасы продовольствия, одежда, а главное — медикаменты, — были утрачены навсегда.

Задувший с юга свежий бриз позволил самбуку с отрядом Мюке за полдня пройти такое же расстояние, что и за предыдущие 6 дней.

К вечеру моряки прибыли в Кунфидах, где были тепло встречены турками. В честь них был зарезан баран и приготовлен плов, который они с жадностью съели, не прибегая, по местному обы-

чаю, ни к помощи ложек, вилок или ножей.

В Кунфидахе Мюке встретил турецкого правительственного чиновника, который вместе со своей женой тоже направлялся в Константинополь и сразу же согласился, что безопаснее будет путешествовать вместе. Мюке обрадовался: наконец-то у него будет опытный переводчик, знающий местные обычаи.

Удача снова сопутствовала морякам: в Кунфидахе удалось арендовать большой самбук, в котором без труда можно было разместить всех людей и необходимые грузы. Затем без всяких происшествий они 24 марта достигли Лита — городка на северной оконечности банки Фарисан, коралловые рифы которой, коварно разбросанные повсей акватории, служили верной гарантией от появления английских кораблей.

Дальше путь мог быть только в открытое море, где, к сожалению, вероятность встречи с англичанами резко увеличивалась. Находясь в Лите, Мюке случайно прочел письмо одного торговца из Джидды, где говорилось, что порт находится в тесной английской блокаде: даже маленьким самбукам не разрешается подходить к городу без тщательного досмотра.

Из всего этого вытекало, что дальнейшее путешествие морем невозможно. Снова нужно прорываться на север через пустыню. Отряд задержался в Лите на двое суток, арендуя лошадей и верблюдов, добывая необходимое количество воды и проводя другие подготовительные работы к предстоящему походу.

Именно в Лите отряд Мюке потерял первого

человека. Им оказался матрос Кайль, заболевший тифом в Ходейде. Болезнь проходила в тяжелой форме, а крушение самбука, на котором он находился, окончательно добило его ослабленный организм. 27 марта 1915 года Кайль умер. У Мюке не было никаких лекарств, чтобы помочь ему. Все лекарства утонули вместе с самбуком. Тело зашили в парусину, набив ее тяжелыми камнями. Двое матросов на гребной лодке вышли в море. Тело умершего было покрыто военно-морским флагом, на котором лежали обнаженный палаш и бескозырка с надписью «Эмден» на ленточке.

Мюке провел короткую заупокойную службу, и тело предали морю под винтовочный салют. Похоронить его на суше по христианскому обряду было нельзя. Фанатичные арабы наверняка разорили бы могилу.

28 марта отряд покинул Лит.

6.

Собрать в Лите необходимое количество верховых и вьючных животных было совсем не легкой задачей. Лит был очень маленьким городком — всего пятьсот-шестьсот полунищих жителей, не имеющих практически никаких торговых связей, ютились в незамысловатых постройках. Мюке посоветовали обратиться за помощью к местному шейху. Мюке так и сделал, став первым европейцем, которого шейх принял у себя в доме. Дом шейха представлял из себя нечто вроде огромного шатра без окон. Вдоль стен большого помещения, стены которого были завешаны яркими

коврами, помещались несколько покрытых бараньими шкурами диванов. На коврах повсюду поблескивало холодное оружие — кривые сабли и кинжалы, украшенные чеканкой. В центре шатра, как обычно, стояли кальяны.

Мюке, по традиции, угощали местным кофе и сладким напитком, напоминающим лимонад.

Арабы готовят кофе не из самих кофейных зерен, а из их шелухи. В результате получается очень горький напиток, но его надо пить и хвалить, чтобы смертельно не обидеть хозяина. За кофе следовала неизбежная баранина с рисом и соленой подливой. Вкушать все это нужно было не сидя, а лежа на подушках. Вопреки ожиданиям, у шейха нашлись ложки, что очень облегчило Мюке прием пищи.

Благодаря содействию шейха, за двое суток, проведенных в Лите, удалось собрать примерно 90 верблюдов. Поход можно было начинать, тем более, что по пути, как уверял шейх, можно будет прикупить еще верблюдов. Вечером 28 марта караван «Эмдена» вышел из Лита, начав поход через пустыню. Большая часть верблюдов везла только грузы: пулеметы, боеприпасы, провизию и, конечно, воду. Без воды путешествие в пустыне, как правило, заканчивалось очень быстро.

Переход через пустыню на верблюдах в составе каравана никогда не бывает быстрым, тем более когда их 90. (Позднее Мюке купил еще 20 верблюдов, доведя их число до 110).

Только тем животным, на которых ехали офицеры, было позволено идти отдельно, остальные были связаны друг с другом. Веревка длиной око-

ло 4 метров шла от шеи одного верблюда к «корме» идущего впереди. Конечно, подобная кильватерная колонна, как и в случае с кораблями на море, шла со скоростью самого медленно идущего верблюда. Кроме того, стоило у одного верблюда чему-нибудь случиться (необходимость перевьючить груз, заменить лопнувшую веревку, поправить седло и т.п.), как, естественно, останавливался весь караван.

Путь пролегал вдоль побережья. Район считался очень опасным, где повсеместно процветали разбои и грабежи. Моряки держали винтовки наготове. К счастью, стояло полнолуние, и ночи были светлыми. Караван обычно начинал движение в 4 часа дня и шел до 9-10 часов утра, после чего устраивался привал. В среднем каждые сутки моряки проводили по 14-18 часов в седле. Воду приходилось добывать из колодцев, вырытых прямо в песке. Впрочем, это были даже не колодцы, а просто ямы глубиной от 14 до 18 метров, откуда воду черпали с помощью кожаных ведер.

Вообще-то слово «вода» очень плохо подходило к той коричнево-черной жидкости, вязкой и кишасей насекомыми, которую содержали эти колодцы. Иногда в этой «жидкости» плавали мертвые псы или овцы. Воду приходилось в обязательном порядке процеживать и кипятить. Она получалась солоноватой и с гнилым привкусом.

После выхода из Лита отряд Мюке сопровождали турецкий офицер и семь жандармов. Кроме того, при караване всегда находился шейх того округа, через который они шли.

Шейх являлся своего рода заложником, отве-

чающим за порядок при движении через его территорию. Подобная процедура вполне соответствовала местным обычаям и благодаря ей отряд Мюке продвигался по пустыне без всяких происшествий вплоть до 31 марта.

В этот день, около 7 часов утра, отряд прибыл к колодцу, находящемуся на расстоянии суточного марша от цели их пути — города Джидда. У колодца их ожидали турецкий офицер и 17 жандармов, прибывшие из Джидды, чтобы приветствовать немецких моряков как союзников Турции от имени военных и гражданских властей города. Турки также доставили отряду Мюке свежую воду.

Как обычно, отряд стал лагерем у колодца, чтобы, укрывшись от палящих лучей солнца, переждать световой день и затем двинуться дальше.

При виде турецких жандармов, прибывших из Джидды, Мюке легкомысленно решил, что все опасности для его отряда уже остались позади. Они подходили к городу, где стоял сильный турецкий гарнизон, и Мюке здраво рассудил, что если 17 турок без всяких приключений добрались сюда из Джидды, то его отряд, состоявший из 50 вооруженных до зубов моряков, также доберется до Джидды без особых помех. Правда, лейтенант был предупрежден, что этот район населен воинственными племенами бедуинов, считающих себя прямыми потомками Пророка, а потому уверенными в том, что имеют право грабить кого угодно. Недаром этот регион даже назывался Волчьим Логовом.

В 4 часа дня, как повелось, караван двинулся дальше. Дорога теперь уходила в сторону от моря.

Вокруг бугрилось, зловеще шевелясь, море барханов. Ночью взошла полная луна.

Внезапно, справа от каравана, за обычной караванной тропой, появилось десятка полтора бедуинов. Они быстрой рысью проследовали мимо и исчезли в противоположном направлении. Все это выглядело достаточно подозрительно, поскольку, как правило, мирные караваны не сходили с путей, используемых веками, и не передвигались так быстро в ночное время.

Турецкий офицер выразил мнение, что это банда разбойников, и сообщил Мюке, что в Джидде говорили о появлении в регионе вооруженной банды численностью около 50 человек.

Выходя из Лита, Мюке оповестил власти Джидды и Мекки о своем походе, а потому понимал, что теперь вся округа знает о движении его отряда через пустыню. Поэтому, полагал лейтенант, всем известно, что его отряд не является обычным купеческим караваном, идущим с небольшой охраной, а является воинским подразделением из 50 хорошо вооруженных и обученных военных моряков, имеющих, помимо всего прочего, четыре пулемета. Так что рассказ турка о сорока разбойниках мало беспокоил молодого офицера. Тем не менее, он принял некоторые меры предосторожности, разделив длинную «кильватерную» колонну из ста верблюдов на две по пятьдесят. Людям был дан приказ быть готовыми к любым событиям, не спать на верблюдах и вообще быть начеку, держа оружие на боевом взводе.

Офицеры ехали впереди каравана. Когда первые лучи наступающего дня появились над верши-

нами темнеющих справа гор, Мюке и вовсе успокоился, зная, что бедуины никогда не нападают днем. Свою винтовку лейтенант повесил на луку седла, снял с себя тяжелый патронташ и медленно поехал вдоль колонны, наблюдая за порядком.

Мюке успел доехать до середины колонны, когда внезапно услышал лихой свист, за которым последовал винтовочный залп. Беглый огонь из винтовок был открыт неожиданно и с близкого расстояния. Грохот выстрелов заглушал все команды, которые пытался подать Мюке. Схватив винтовку, Мюке прыгнул с верблюда и, сопровождаемый своими матросами, побежал в голову каравана. Там пули свистели со всех сторон.

По вспышкам выстрелов Мюке убедился, что напавшие на его отряд залегли в барханах на расстоянии примерно 80 метров. Самих стрелков видно не было, как и им, видимо, не было видно моряков, которые немедленно залегли тоже. Однако верблюды остались стоять во всем своем величии, и именно на них главным образом был направлен огонь, ведущийся из барханов.

Большинство моряков находились с Мюке в голове колонны, совсем немного — в тылу каравана. Трудно было быстро решить, откуда исходит наибольшая опасность. Но как бы ни сложилась обстановка, необходимо было быстрее вводить в дело свое главное оружие — пулеметы. Из них два были навьючены на верблюдов, идущих впереди, а два — на идущих в хвосте колонны.

Пулеметы удалось привести в боевую готовность в течение нескольких минут, и когда по барханам, где засел противник, хлестанули первые

очереди, над полем боя сразу воцарилась полная тишина. Видимо, там, в барханах, совсем не ожидали подобного поворота дела.

Моряки воспользовались паузой в начавшемся бою, чтобы уложить верблюдов и получить побольше патронов. Наиболее сильный огонь велся по голове колонны слева, и именно в этом направлении Мюке решил начать контратаку.

Огневая мощь его отряда, как уже говорилось, состояла из четырех пулеметов, 13 немецких и 3 турецких винтовок, а также из 10 старых турецких ружей, которые были приобретены Кунфидахе, чтобы возместить винтовки, утонувшие вместе с самбуком. Имелось еще 24 револьвера, но их можно было использовать только на близком расстоянии.

Какими силами обладал противник — известно не было. Если они вели беглый огонь, то их могло быть человек 60-80. Если они стреляли не торопясь, то их могло быть значительно больше. Когда совсем рассвело, Мюке увидел, что во всех окрестных барханах просто черным-черно от бедуинов. Мюке осмотрел своих людей. Все они были настроены решительно и готовы к бою, несмотря на большое численное превосходство бедуинов, которых было не меньше трех сотен. Хотя Мюке не отдавал приказа, все винтовки матросов, как по команде, оцетинились штыками. Пока лейтенант лихорадочно обдумывал, что предпринять дальше, лежавший справа от него молодой матрос обратился к нему:

— Господин лейтенант!

—Что тебе? — не оборачиваясь, спросил

Мюке.

— Когда же мы пойдем? — крикнул юноша.

— Куда? — не понял Мюке.

— В атаку, — ответил матрос.

— Молодец! — восхитился Мюке. — Ты прав, моряк! — и подал команду: Встать! В атаку марш! Марш!

Все разом вскочили и с громкими криками ринулись на линию противника. Без сомнения, подобная тактика оказалась новой для бедуинов, грабящих купеческие караваны. Даже не пытаюсь встретить моряков выстрелами, бедуины бросились бежать, провожаемые винтовочным огнем. То же самое произошло справа. Что касается конца колонны, то оттуда бедуины испарились полностью.

Сжатое кольцо, которым арабы охватили отряд Мюке, теперь расширилось, — бедуины отступили примерно на 1200 метров от каравана. Огонь полностью прекратился.

Мюке, собрав своих людей, также отошел поближе к лежащим верблюдам, проверил позиции пулеметчиков и приказал доложить о потерях. Несмотря на то, что противник открыл огонь с очень близкого расстояния, только один из немецких моряков оказался ранен. Что касается турок и арабов, сопровождающих караван, то их поведение весьма удивило лейтенанта.

Есть германская пословица, которая говорит, что как ни считай родственников, их всегда окажется больше, чем ты думаешь. В данном случае все было наоборот. Вместо 24-х турецких жандармов Мюке насчитал только 7. Но убит никто не

был. Пропавшие отыскиались, когда отряд Мюке прибыл в Джидду. Почти все арабы, сопровождавшие караван, были ранены в ноги. Это произошло потому, что когда зазвучали выстрелы, они не упали на землю, а кинулись к верблюдам, чтобы их уложить и за ними укрыться. Бедуины же как раз по верблюдам и стреляли. Пули, проходящие под туловищем животных, и попадали в ноги арабов.

Потери противника оставались неизвестными. Правда, в том месте, куда моряки ходили в атаку, Мюке насчитал 15 убитых.

По традиции бедуины немедленно снимают все оружие с тел своих погибших товарищей. Так случилось и на этот раз — оружие оставалось в руках только одного из убитых. Мюке поднял его и осмотрел. Это была английская полуавтоматическая винтовка последней модели. Винтовку взяли в качестве трофея, хотя Мюке не очень понимал, как новейшее английское оружие успело добраться до дикой Аравийской пустыни?

Не понимал он и другого. Налеты разбойников на караваны были здесь обычным, повседневным явлением. Но грабители обычно, захватив наиболее ценные грузы, немедленно исчезали в пустыне. Когда же они получали более или менее организованный отпор, то тоже, как правило, уходили, поскольку никогда не жаждали оплачивать собственными жизнями сомнительные трофеи разбойничьих налетов. Сейчас же, понеся уже значительные потери и хорошо зная, что абсолютно ничего ценного караван лейтенанта Мюке не везет, бедуины не уходили, а просто отошли подаль-

ше, перегруппировались и демонстрировали явное желание возобновить бой. Бедуины не уходили, а Мюке нужно было продолжить путь.

Но если его люди практически не пострадали, то о верблюдах этого было сказать нельзя. Многие из них были убиты и ранены. Пришлось бросить часть грузов, а часть перегрузить на уцелевших животных. Мюке решил уйти с караванной дороги, повернув влево по направлению к морю, которое синело вдали. Достигнув уреза воды, караван бы обеспечил себе прикрытие с левого фланга, фронта и тыла. Плохо было то, что во время марша нельзя было использовать пулеметы.

Мюке разделил караван на 6 колонн, идущих, говоря морским языком, строем уступа. Раненых разместили на верблюдах таким образом, что туловище животного служило им прикрытием от пуль. Верблюды, везущие пулеметы, снова были размещены в голове и хвосте каравана. В авангарде и арьергарде колонны, примерно в 150 метрах впереди и позади каравана, шли по десять матросов, развернутых в некоторое подобие стрелковой цепи. Оставшиеся 9 моряков, у которых имелись винтовки, охраняли караван с флангов, а вооруженные револьверами формировали ближнее прикрытие.

Лейтенант Гердс при этом командовал авангардом, лейтенант Шмидт — арьергардом, лейтенант Гисслинг — фланговым прикрытием, лейтенант Вилльман — самим караваном, а доктор Ланг находился с ранеными. Однако надежда Мюке на то, что бедуины, получив хороший урок,

оставят их наконец в покое, не оправдалась. Не прошло и 10 минут после того как караван возобновил движение, выстрелы загремели снова со всех сторон.

Противник хорошо маскировался в барханах, над верхушками которых молниеносно возникали около 20 темных голов, давали залп и в ту же секунду скрывались, прежде чем моряки успевали открыть ответный огонь. Через некоторое время то же самое повторялось, но уже с другой стороны. Сильная стрельба доносилась и с конца колонны.

Странным было то, что никто из моряков не был задет пулями, хотя огонь был очень интенсивным. Пули поднимали фонтанчики песка почти у самых голов моряков, песок и мелкие камешки летели им в лицо, но все оставались целы.

Мюке находился в арьергарде, когда из головы колонны пришло сообщение о том, что навстречу им движется большая группа бедуинов. Мюке поспешил туда и с ужасом увидел, что весь горизонт заполнила черная цепь бедуинов. В этот момент пришло донесение от арьергарда, что убит верблюд, на которого был навьючен один из четырех пулеметов. Арьергард остановился, и лейтенант Шмидт просил прислать в хвост колонны сменных верблюдов, на которых можно было перегрузить пулемет и другие грузы с убитых животных. Мюке услышал в хвосте колонны пулеметные очереди. Моряки, сняв пулемет с убитого верблюда, пустили его в ход.

Мюке приказал каравану остановиться. Этот приказ было не так легко выполнить, поскольку большая часть арабов-погонщиков верблюдов сбе-

жала в самом начале боя вместе с турецкими жандармами. Мюке снова побежал в хвост колонны, получив донесение, что в арьергарде убит матрос Радемахер и смертельно ранен лейтенант Шмидт, сраженный пулями в грудь и живот.

Мюке приказал лейтенанту Вилльману принять командование арьергардом, и офицер побежал туда, ведя за собой двух верблюдов для транспортировки пулеметов. После остановки каравана огонь бедуинов усилился. Моряки отвечали, и вскоре все это превратилось в ожесточенный бой.

Внезапно бедуины прекратили стрельбу. Мюке удивленно огляделся и увидел, что два турецких жандарма бегут к ним, подняв над головами кусок белой материи наподобие парламентерского флага. Один из оставшихся жандармов сообщил Мюке, что два его сбежавших товарища хотят начать с бедуинами переговоры.

Хотя это было сделано без его приказа, Мюке не возражал, поскольку ему уже было совершенно ясно, что на караван напала не обычная банда разбойников, и что нападение это слишком хорошо организовано. Кроме того, напавшие почти в 10 раз превосходили по численности его отряд.

Было бы глупо продолжать движение с верблюжьей скоростью по открытой пустыне, находясь под постоянным огнем из трехсот винтовок, в то время как на марше они не могли использовать свое самое действенное оружие — пулеметы. Дело явно шло к тому, что всех его моряков перестреляют одного за другим. Воспользовавшись перерывом, моряки стали возводить нечто вроде оборонительных укреплений из наполненных пес-

ком верблюжьих седел, мешков с рисом и кофе и тому подобного подручного материала. Верблюды были собраны вместе в центре этого импровизированного укрепленного лагеря. Бутыли с водой были зарыты в песок, а из пустых банок от керосина, наполненных песком, соорудили нечто вроде передового редута с бруствером в полтора метра высоты. Тяжело раненого лейтенанта Шмидта уложили на носилки, сделанные из двух винтовок и верблюжьего одеяла, и укрыли его за верблюдами. Убитого матроса похоронили там, где он лежал.

Круговая оборона была усилена четырьмя пулеметами, расположенными таким образом, чтобы держать под перекрестным огнем все возможные направления атаки противника. Имеющие винтовки были равномерно распределены по всему периметру «крепости», а между ними были поставлены матросы, вооруженные револьверами.

Едва успели моряки закончить все «фортификационные работы», как вернулся парламентар с условиями, выдвинутыми бедуинами. Условия были следующими: отряд должен был сдать все оружие, боеприпасы, верблюдов, запасы провизии и воды. А также заплатить 11 тысяч фунтов золотом. На этих условиях морякам гарантируется жизнь и возможность следовать дальше.

Переговоры велись через переводчика-турка, который вместе со своей женой решил в Кунфидахе добраться до Константинополя вместе с отрядом Мюке. Бедняга был ранен в ногу, и Мюке отправил супружескую чету вместе со своим ответом к бедуинам. Ответ Мюке был достаточно

краток: «Во-первых, у нас нет денег; во-вторых, мы гости в вашей стране; в-третьих, мы принадлежим к народу, который не сдает оружия». И стрельба началась снова.

Пока шли переговоры, все оставшиеся турецкие жандармы и арабы-караванщики сбежали к противнику. Перестрелка продолжалась до наступления темноты. Моряки, заняв круговую оборону, лежали за своими «укреплениями», отвечали редким огнем, экономя боеприпасы. Кроме того, часть патронов, поднятых с затонувшего самбука, настолько отсырели, что давали частые осечки. В продолжении боя больше потерь в людях не было, хотя еще несколько верблюдов были убиты. Мертвые верблюды также использовались в качестве укрытия от пуль.

Обстановка усугублялась еще и тем, что с раннего утра никто из моряков ничего не ел. О приготовлении пищи не могло быть и речи, поскольку стоило кому-нибудь поднять голову над «бруствером», как бедуины открывали шквальный огонь.

Наконец стемнело. Между заходом солнца и восходом луны существовал час времени, когда темнота была кромешной. Все находились в готовности к отражению ночной атаки, но ничего не произошло. После восхода луны, когда видимость выросла до 300 метров, и опасность внезапной атаки миновала, людям удалось выдать сухари и порцию воды.

Мюке приказал копать траншеи, но лопат не было, и работа продвигалась медленно. Другие матросы оттащивали подальше туши мертвых

верблюдов, — на дневной жаре они уже начали быстро разлагаться. Ночь еще не кончилась, когда большая часть начатых работ была завершена, и люди получили возможность немного отдохнуть.

Траншеи были выкопаны достаточно глубокие, чтобы дать укрытие лежащим там стрелкам. Со всех сторон были подняты целые горы песка, напоминая настоящие бастионы. Заново вычищено и проверено оружие. На время затишья винтовки и револьверы завернули в одеяла, засунув в стволы промасленную тряпочку, чтобы туда не попал песок. Затем Мюке разрешил своим матросам посменно поспать. Однако, в течение ночи ничего важного не произошло.

Накануне, в 9 часов вечера, умер лейтенант Шмидт. В центре лагеря ему вырыли могилу, как можно более глубокую, чтобы никто не мог потревожить его вечный сон. Четыре офицера опустили погибшего лейтенанта в могилу. Никакой церемонии не было. Салют над свежей могилой произвели утром, когда бой возобновился.

Уходя из Ходейды, Мюке захватил с собой одного говорящего по-английски араба, который произвел на него впечатление своей искренностью и порядочностью.

Ночью Мюке послал его в Джидду, чтобы уведомить местные власти о том опасном положении, в которое попал его отряд. До Джидды пешком можно было добраться часов за восемь. За полчаса до рассвета все моряки были подняты по тревоге. Мюке считал, что если противник решится их атаковать, это произойдет на рассвете. В случае возобновления боя Мюке решил обрушить-

ся на бедуинов всей огневой мощью своего отряда, чтобы произвести моральный эффект на противника, показав, что боевой потенциал и решимость сражаться у его людей не уменьшились.

Случилось именно так, как и ожидал лейтенант. Как только взошло солнце, бедуины начали стрельбу. Моряки ответили ураганным огнем, который несколько понизил боевой задор сынов пустыни. Их огонь стал редким, а поведение — осторожным. Какой-то период продолжалась довольно вялая перестрелка, — моряки экономили патроны, арабы боялись высунуться.

Находясь в укрытиях и траншеях, отряд с «Эмдена» чувствовал себя вполне уверенно.

То, что это не случайная встреча в чистом поле с разбойниками, Мюке был уже убежден. Прямо из их «крепости» были ясно видны два самбука, стоявшие на якоре у побережья. С них регулярно высаживались новые вооруженные арабы, в то время как другие возвращались на лодки. Так что часть бедуинов, напавших на моряков «Эмдена», была доставлена морем. А далеко в пустыне можно было разглядеть большое количество верблюдов. Значит, кто-то скоординировал нападение с моря и с суши.

Огонь арабов усиливался, и вскоре еще два моряка получили очень тяжелые ранения. Один из них — кочегар Ланиг, которому навывлет прострелило грудь, через несколько часов умер. Раненым мало чем можно было помочь, поскольку все медикаменты утонули, когда самбук налетел на риф. В наличии у Мюке имелось всего несколько пакетов первой помощи, захваченных

еще с «Эмдена», да полдюжины бутылок бренди.

День начался неудачно. Один верблюд выскочил из лагеря и был убит. Он упал с наветренной стороны, и запах от его разложения понесло на лагерь, отравляя всем существование. До этого убитых верблюдов положили так, чтобы запах от их гниющих туш уносило в пустыню.

И как будто всего происходящего было мало, лагерь немецких моряков подвергся нападению отвратительных черных жуков размером с большой палец человеческой руки. Сотни, тысячи этих гнусных насекомых появилось со всех сторон, заполняя траншеи, ползая по людям, забираясь под одежду, отвлекая внимание людей от боя и представляя смертельную опасность для раненых.

Личинки этих тварей находились в верблюжьей помете и стремительно развивались. Их убивали сотнями, но появлялись все новые и новые. Они несли на себе инфекцию столбняка, и надо было любыми средствами оградить от них раненых, что во время боя было делать очень сложно. К тому же стояла нетерпимая жара. Солнце резало глаза, от жары раскалывались головы. Стволы винтовок раскалились до такой степени, что любое прикосновение к ним вызывало ожоги. В дополнение ко всему начали тлеть пропитанные потом и грязью верблюжьи седла, наполняя удушливым дымом лагерь. Постояннодвигающийся под ветром песок засыпал траншеи.

Раскаленный песок забивал глаза, уши, рты и носы. Глаза резало, и они постоянно слезились. Корка песка и грязи, сцементированная потом, делала лица неузнаваемыми. А высоко в небе над

лагерем медленно кружились в ожидании добычи десятка два огромных грифов.

С наступлением темноты бой прекратился. Выставив часовых, Мюке разрешил своим морякам отдохнуть. Глубокой ночью все были подняты выстрелами часовых.

— Где они? — спросил Мюке, подбежав к часовому.

— Прямо перед нами, смотрите, господин лейтенант, — прокричал матрос, — метрах в сорока, подползают.

Он замолчал, а затем снова крикнул:

— Вон там один из них! — И выстрелил в темноту.

К счастью, быстро выяснилось, что это были не бедуины, а гиены и шакалы, которые рыскали вокруг лагеря, поедая мертвые туши верблюдов.

Утром наступили третьи сутки с момента начала боя. Положение отряда Мюке становилось критическим.

Лейтенант рассчитывал, что подмога из Джидды придет еще накануне, но никто не появлялся. Его моряки могли еще продержаться от силы сутки. К этому времени должны были закончиться все запасы воды, а без воды, понимал Мюке, им всем быстро придет конец. Поэтому, пока его люди не потеряли последние силы, лейтенант решил, что если и сегодня никто не придет на выручку, пробиваться после захода солнца с боем в направлении Джидды. В противном случае погибнут все. А тут — обязательно кто-нибудь доберется до города. Кому суждено погибнуть — тот погибнет.

Но что делать с ранеными и больными? Бро-

силье их? До конца жизни Мюке благодарил Бога, что тот избавил его от столь трудного решения.

Около полудня третьего дня боя бедуины прекратили огонь, и из-за барханов появился араб с куском белой материи в руке. Парламентер. Мюке приказал пропустить бедуина в лагерь и спросил, что тому надо. Араб ответил, что они снимают свои требования относительно сдачи оружия, боеприпасов, верблюдов, провизии и воды, если вместо всего этого им заплатят 22 тысячи фунтов золотом.

Мюке догадался, что бедуины, видимо, уже разузнали о подходе к месту боя турецких войск из состава гарнизона Джидды и перед уходом хотят урвать с отряда Мюке то, что получится. Это было в их обычаях. А потому решил потянуть время, надеясь, что подойдет подмога, и противник окажется между двух огней. Лейтенант заявил арабу, что он и его люди не имеют ничего против побыть в своем лагере сколько угодно, поскольку это напоминает летний отпуск в пустыне под аккомпанемент прекрасной музыки, создаваемой стрельбой и свистом пуль.

Он показал парламентеру на пустые канистры с водой, заявив при этом, что воды и боеприпасов у него хватит еще недели на четыре, а потому он не понимает, за что собственно с него требуют 22 тысячи фунтов? Ему кажется, что бедуины сами должны заплатить за то, что он еще не покрошил их всех из своих пулеметов. Мюке предложил арабам уходить восвояси, пока он окончательно не рассердился.

Нельзя сказать, чтобы речь лейтенанта, а осо-

бенно его предложения, сильно понравились парламентарю. Однако он их выслушал и ушел с тем, чтобы вернуться через полчаса и повторить выдвинутые ранее условия.

Чтобы выиграть время, Мюке заявил, что желает разговаривать с их командиром лично, которого готов принять у себя в лагере. Командовавший бедуинами, конечно, не явился, но прислал вместо себя грозное предупреждение, что если он не получит требуемых денег, то устроит настоящую «бойню с резней». Мюке пожал плечами: «Если тот хочет бойню, то ее получит».

Через несколько минут бедуины снова открыли ураганный огонь, а потом наступила полная тишина. Прошло полчаса, еще полчаса — все было тихо. Медленно и осторожно моряки стали подниматься из-за укрытия. Барханы были пусты!

— Осторожно! — предупредил своих людей Мюке, — это может быть простая уловка. Всем в укрытия! У нас достаточно времени. Так или иначе, но до наступления темноты нам отсюда не уйти.

Шло время, а гнетущая тишина продолжала висеть над пустыней. Мюке внимательно разглядывал окрестные барханы в бинокль. Никого не было. Противник исчез. Возможно, бедуины ушли вообще? Мюке не знал, как это все понимать. Ушли ли нападавшие, или это какая-нибудь военная хитрость с их стороны. Может быть, они отошли подальше и ждут, чтобы моряки покинули свою «крепость»? В любом случае Мюке решил никуда не уходить до наступления темноты.

Примерно через час вдали показались два

всадника верхом на верблюдах. Размахивая куском белой материи, они приближались к песчаной крепости лейтенанта Мюке. При виде их Мюке приказал водрузить на бруствере военно-морской флаг. В пятидесяти метрах от лагеря неизвестные спешились.

Мюке послал последнего из своих переводчиков, араба-марокканца, говорившего по-французски, узнать, что нужно новым парламентарам. Те ответили, что хотят говорить с командиром отряда немецких моряков. Они являются посланцами эмира Мекки, который, зная о нападении, послал свои войска на помощь союзникам. Кого эмир считал своими союзниками, Мюке до конца не понял: его или напавших бедуинов? Выяснилось, что его. Это радовало, однако не было никаких доказательств, что посланцы эмира говорят правду. У Мюке был достаточный опыт по части местного гостеприимства, чтобы не верить никому.

Выйдя навстречу посланцам эмира, Мюке, вопреки обыкновению, был вооружен до зубов и держал в руке обнаженный палаш. А за ним шел матрос с винтовкой наизготове. Два прибывших араба, хотя и были оскорблены тем, что Мюке пришел на переговоры с палашом в руке, заверили лейтенанта, что Абдулла — второй сын эмира Мекки — вскоре прибудет сюда с сотней своих телохранителей.

И действительно, примерно через полчаса вдали появился большой кавалерийский отряд верхом на боевых верблюдах. Когда они подъехали ближе, стало видно их большое красное знамя, на котором золотой вязью было выткано ка-

кое-то мудрое изречение из Корана. Всадники пели песню мира, аккомпанируя себе на каких-то музыкальных инструментах, похожих на маленькие барабаны.

Принц Абдулла приветствовал лейтенанта Мюке по-военному, приложив два пальца к чалме. Он передал приветствие «доблестным союзникам» от своего отца-эмира, заявив, что тот скорбит о случившемся. Отряд принца доставил морякам воду, а принц дал гарантию, что Мюке и его люди могут спокойно продолжить свой путь к Джидде. Те, что напали на них, больше не вернутся.

Распределив доставленную воду среди своих матросов, Мюке приказал грузить пулеметы и остатки боеприпасов на верблюдов, что было легче приказать, чем сделать. Погонщики разбежались, а обращение с верблюдами не входило в программу обучения моряков Императорского флота Германии. Кроме того, 40 верблюдов были убиты, и солидную часть поклажи пришлось бросить в пустыне. Отряд Мюке покинул свою «крепость», сопровождаемый всадниками эмира. Это было довольно странное зрелище, когда морской офицер-христианин ехал на верблюде бок о бок с сыном эмира под знаменем Пророка.

Они проехали позиции, откуда бедуины обстреливали лагерь моряков, и Мюке с удивлением обнаружил, что бедуины отрыли себе там траншеи по всем правилам военного искусства. Этого он совсем не ожидал. Кто же руководил сынами пустыни? Сводный арабо-немецкий отряд двигался через пустыню весь остаток дня, а вечером

встал лагерем около ручья с чистой водой.

Здесь, первый раз за четверо суток, моряки смогли умыться, приготовить себе горячую пищу и как следует отдохнуть. Лагерь был раскинут недалеко от побережья, и из темной дали по поверхности моря шарили лучи прожекторов. Англичане блокировали Джидду.

7.

В Джидде отряд встретили тепло и заботливо. Раненых и больных удалось поместить в относительно сносный военный госпиталь. Для матросов, как обычно, выделили армейскую казарму.

Проблемой оставался только главный вопрос — каким образом следовать дальше? Впечатлений от путешествий на верблюдах по пустыне у Мюке было столько, что его снова потянуло в родную стихию — в море. Тем более, что от местных властей он узнал кое-что о напавших на его отряд бедуинах.

Как лейтенант и подозревал, захватив в качестве трофея английскую винтовку, напавшие на них бедуины были завербованы англичанами, чтобы отрезать отряду дорогу по суше. Путь морем также был блокирован. В светлое время даже без бинокля можно было ясно видеть вдали верхушки мачт английских кораблей, блокирующих Джидду. Тем не менее, лейтенант решил снова продолжить путешествие на самбуках. С его точки зрения, море давало больше шансов на успех предприятия, чем унылое шествие на верблюдах через раскаленные пески Аравийской пустыни.

Первым делом, чтобы ввести англичан в заблуждение, Мюке позаботился о распространении слуха о том, что его отряд собирается и далее следовать по суше. А тем временем, тайно, лейтенант арендовал большой самбук и хорошего лоцмана.

Отбытие было назначено на 8 апреля, поскольку из-за раненых пришлось задержаться в Джидде в течение нескольких дней. За это время Мюке несколько раз выходил в море на моторном катере, чтобы разведать обстановку. Английские корабли исчезли. Мюке надеялся, что англичане клюнули на его дезинформацию о путешествии по суше.

В ночь с 8 на 9 апреля, воспользовавшись устойчивым попутным ветром, самбук с отрядом Мюке вышел в море. Условия плавания были гораздо лучше, чем при выходе из Ходейды. Всю ночь они шли с хорошей скоростью, подгоняемые попутным ветром, а к восходу солнца уже миновали линию английской блокады. Никто не успел проинформировать заранее англичан об их выходе.

Перед самым уходом к ним прибежал турецкий полковник и, заламывая руки, давал слово чести, что дальнейший путь по суше будет прекрасно организованным и совершенно безопасным. Он умолял отказаться от выхода в море. Мюке делал вид, что ничего не слышит, соображая, когда о его выходе станет известно эмиру Мекки.

Личная армия эмира, как выяснил Мюке, была разделена на две части. Одна из них за хорошие деньги выполняла задание англичан, вторая — за подтверждение Стамбулом неограничен-

ной власти саудовских эмиров служила Турции, но подчинялась только эмиру.

Во всяком случае, Мюке для себя уже давно решил, что безопаснее будет не верить никому. Но зато лейтенант очень надеялся на своего нового лоцмана. Тот давно уже водил самбуки между Джиддой и Египтом и, кроме того, свободно говорил по-английски. Вечером следующего дня они встали на якорь между рифами в 38 морских милях от Джидды. Через два часа сигнальщик доложил, что видит огонь с внешней стороны рифов, который медленно смещается в южном направлении. Как и ожидал Мюке, английские канонерки быстро получили сообщение об их уходе из Джидды, а сейчас искали их с внешней стороны рифов, где было удобнее всего поймать ветер для движения на север.

Английские канонерки, ходя взад-вперед, весь день прочесывали этот район, но близко к рифам подходить опасались, а уж проходить между ними — и подавно. Лоцман, досконально зная местные воды, уверенно вел самбук между рифами и банками, заходя ненадолго, буквально на несколько часов, в прибрежные поселки, чтобы узнать новости и пополнить запас провизии.

Ночью отстаивались на якоре, не рискуя в темноте лавировать между рифами, а днем продолжали путь, прижимаясь к берегу. Самбук, арендованный в Джидде, потек, и Мюке, зайдя в Шерм-Рабиф, арендовал там новый. Новый самбук был забалластирован песком и гораздо лучше шел под парусами.

Так медленно, но верно, они продвигались

вперед днем, а ночью стояли на якоре. Впрочем, постановка на якорь была тоже весьма своеобразной. Лавируя между рифами, лоцман выбирал один из них, метрах в четырех от которого спускались паруса. Одновременно два араба прыгали за борт с тросами, имеющими на концах железные крючья. Эти крючья цепляли за подводную часть кораллового рифа, что обеспечивало надежную и безопасную стоянку. В этом случае нужно было только следить, чтобы не переменялся ветер, и самбук не навалило на риф.

Рыбачьи поселки были разбросаны по всему побережью, и им навстречу часто попадались самбуки и каноэ, на которых можно было приобрести рис или какую-нибудь зелень. Если попадались рыбаки, то, наоборот, у них можно было на рис выменять рыбу. Путь на север лежал мимо священного для всех мусульман города Мекка.

По обычаю, арабы молились пять раз в день, поворачиваясь лицом к Мекке, кланяясь и касаясь лбом дна самбука. Сначала они кланялись в сторону носа лодки, затем — в сторону правого борта, и, наконец, в сторону кормы.

Верные своим привычкам, арабы не могли удержаться от того, чтобы не украсть что-нибудь, что, по их мнению, «плохо лежало». Их очередной жертвой стала бутылка с касторкой, которой доктор Ланг лечил заболевших дизентерией. Арабы выпили бутылку до дна. Весь день их выворачивало наизнанку. Они мучились и приговаривали: «Аллах справедлив. Он наказывает воров».

28 апреля 1915 года самбук с отрядом лейтенанта Мюке без особых происшествий добрался до

Шерм Мунайбурра — небольшого поселка, лежавшего всего в 10 милях от конечного пункта их пути — городка Эль-Вейх. К сожалению, именно здесь кончалась полоса рифов, а далее на север глубоководные районы распространялись вплоть до самого берега. Это было опасно из-за рыскающих повсюду английских канонерок, и Мюке решил пройти этот короткий участок пути по суше.

О прибытии десантной партии с «Эмдена» местные власти были уведомлены заранее прибывшими по суше курьерами. Поэтому, когда самбук вошел в бухту, его на берегу встречало несколько местных жандармов, посланных местным шейхом Сулейманом. Мюке сразу же попросил их собрать верблюдов для похода на Эль-Вейх.

Все было организовано с похвальной быстротой, и на следующий день, захватив с собой только оружие и суточный запас воды и провизии, отряд Мюке, снова оседлав верблюдов, выехал из Шерм Мунайбурра. Все остальные грузы были посланы морем в надежде, что их самбук также доберется до места назначения. Так и случилось: никого не встретив, самбук добрался до Эль-Вейха. А вечером 29 апреля в Эль-Вейх прибыл и весь отряд лейтенанта Мюке.

Прежде всего моряки помылись в бане и отоспались. Затем стали снаряжать караван для прохода последнего участка их долгого пути, ведущего к железной дороге.

2 мая, в 8 часов утра, моряки выехали на верблюдах из Эль-Вейха, чтобы пройти этот последний участок пути. На севере Аравийского полуострова караваны шли несколько иначе, чем на юге.

Там верблюды были все связаны друг с другом, формируя одну единую цепь. Здесь же каждый верблюд шел самостоятельно, управляемый собственным погонщиком. Сначала это создавало некоторые трудности, но вскоре моряки освоились и довольно сносно держали строй.

Сначала путь отряда лежал через пустыню, которая мало отличалась от той, с которой им уже пришлось познакомиться на юге. Но вскоре плоская пустыня сменилась горным ландшафтом с гораздо более живописным и приятным пейзажем. Попадавшиеся по пути колодцы содержались в гораздо лучшем состоянии, и вода в них хотя и не была кристально чистой, но вполне пригодной для питья. Попадались даже горные ручейки, — правда, узкие и мелкие.

Главное, что здесь было гораздо прохладнее, чем в пустыне, а это давало возможность двигаться днем и отдыхать ночью. Но опыт, полученный ранее, научил моряков больше никому не доверять.

Перед привалом на месте, выбранном для лагеря, быстро возводилась «крепость», рылись стрелковые ячейки и выставлялись часовые. С вооруженных брустверов во все стороны угрожающе смотрели пулеметные стволы. Спали, как и прежде, с винтовками в руках.

Ночи стояли очень холодные, одеял не хватало, поскольку большую их часть отдали больным и раненым. Остальные устраивались по старой присказке немецких солдат: «Спи на спине, укрывшись собственным животом». Владения их покровителя на последнем участке пути — шейха Сулеймана — простирались только до Эль-

Улы, за нею начинались земли другого шейха.

Шейхи друг с другом враждовали, и эта вражда, естественно, перекинулась на отряд Мюке, поскольку моряки не арендовали на последние четыре часа своего похода его верблюдов. Подобная обстановка совсем не исключала возможности нового вооруженного столкновения.

По землям любого шейха желательно, ради собственной безопасности, проезжать на верблюдах, купленных или арендованных именно у него. Шейх Сулейман также считал, что, вероятно, путь дальше на север морякам с «Эмдена» придется пробивать силой оружия, а потому каждый день посылал на помощь Мюке вооруженные отряды своих вассалов. Они спускались с гор и присоединялись к отряду Мюке, постепенно доведя его численность до 400 человек. Это была живописная и экзотическая картина: 50 немецких моряков на верблюдах и марширующие вокруг них арабы с кремниевыми ружьями, в развевающихся пестрых халатах и разноцветных чалмах. На ночь уже оккупывались не только моряки, но и бедуины, что уже само по себе говорило о приближающейся опасности.

Отряд уже находился на расстоянии однодневного перехода от железнодорожной станции. Путь лежал через высокогорный перевал. Караван вынужден был идти через узкое ущелье, как бы специально созданное для внезапного нападения. По узкой тропе мог пройти только один верблюд, и движение всего каравана можно было легко заблокировать из какой-нибудь засады впереди.

Когда до Эль-Улы оставалось всего несколь-

ко часов пути, было получено сообщение, что «злой» шейх, нападение которого ожидалось, ввязался с кем-то в бой где-то дальше на севере, а потому отряд Мюке может продолжать движение, не опасаясь быть атакованным.

Получив эту информацию, Мюке решил обогнать караван, чтобы быстрее прибыть в Эль-Улу, где имелась телеграфная станция, и заказать специальный поезд, а также позаботиться о размещении своих моряков. Следуя быстрой рысью, Мюке и сопровождавшие его несколько человек, покрыли последний участок пути всего за несколько часов.

Прощаясь с шейхом Сулейманом, Мюке подарил ему и обоим его сыновьям по револьверу, пообещав также прислать из Германии бинокль.

Из нескольких сотен арабов не было, пожалуй, ни одного, кто бы посмотрел в бинокль лейтенанта Мюке, не цокая языком от восхищения. На самого шейха больше впечатления произвел пулемет и устроенные лейтенантом Мюке показательные стрельбы, когда шейха научили нажимать гашетку и предоставили возможность дать по скалам длинную очередь. Это произвело на него неизгладимое впечатление.

Воспользовавшись эффектом, Мюке наврал шейху, что снаряд с линкора может долететь отсюда до Константинополя. После знакомства с пулеметом, шейх верил уже всему.

Прибыв в Эль-Улу, Мюке к своему удивлению узнал, что специальный поезд для его отряда уже заказан и стоит на путях, ожидая сигнала к отправлению. Для встречи моряков «Эмдена» на

станцию прибыли два немецких офицера и целая толпа турецких. Мюке угостили охлажденным Рейнским вином и бокалом шампанского. Ему рассказывали какие-то последние новости, но лейтенант был слишком возбужден, чтобы их воспринимать. Через несколько часов прибыл и весь отряд.

Под прицелами фото- и кинокамер моряки с развернутым знаменем промаршировали через город. Следующие несколько часов ушли на мытье в бане и обильный обед. Наконец они сели в поезд, проехали на север со сказочной скоростью 30 километров в час, развалясь на мягких бархатных подушках купе, где они могли себе позволить то, что долгое время было их главной мечтой — спать, ни о чем не заботясь.

Поезд шел через Дамаск и Алеппо на Константинополь. В двух местах, где еще не были проложены рельсы, пришлось ехать в фургоне или идти пешком. Где бы ни появлялись моряки отряда Мюке, их восторженно встречали жители турецких городов и германской общины. На станционных платформах собирались огромные толпы людей, чтобы хоть мельком взглянуть на них. Гремели оркестры, вились флаги, вагоны засыпались букетами цветов.

На одной из станций морякам доставили новую одежду и они, наконец, сбросили с себя опостылевшие лохмотья той десантной формы, в которой они уходили с «Эмдена».

Во время движения поезда по обеим его сторонам скакали на конях орды бедуинов, демонстрируя чудеса джигитовки и размахивая саблями.

В Алеппо моряки получили два мешка почты и давно заслуженные Железные Кресты. Письма были от родных и от совсем незнакомых людей, восхищенных их одиссеей. В некоторых письмах содержались целые поэмы, посвященные их невероятным приключениям.

В Троицу, 23 мая 1915 года, экстренный поезд прибыл на вокзал Хайдар-Паша — азиатскую железнодорожную станцию Константинополя.

Встречать моряков с «Эмдена» лично прибыл знаменитый адмирал Сушон, приведший накануне войны в Константинополь дивизию своих крейсеров — «Гебен» и «Бреслау» — и де-факто объявивший от имени Турции, без ведома турецкого правительства, войну России. Ныне адмирал командовал всем турецким флотом.

Мюке построил своих людей. На правом фланге стоял знаменосец с флагом «Эмдена», прошедшим вместе с крейсером долгий путь по водам Дальнего Востока и Индийского океана.

Этот флаг поднимался на мачтах «Иеши» и на корме «Шойсинга», его несли через горы Йемена и устанавливали на самбуках. Его жгло солнце пустыни и рвали пули бедуинов в сражении у Рас эль Асвада. Под его сенью только горстке матросов удалось добраться до своих из всей крейсерской эскадры. Прозвучали короткие и резкие слова команды. Держа руку у козырька, лейтенант Мюке чеканным шагом подошел к адмиралу Сушону.

— Ваше превосходительство, — доложил Мюке, — десантная партия с крейсера «Эмден» в составе пяти офицеров, семи унтер-офицеров и 37 матросов прибыла в ваше распоряжение!

ЭПИЛОГ

Первые новости об отряде Мюке, сумевшем вырваться с Кокосовых островов и совершившем переход через океан на Аравийский полуостров, достигли Германии в феврале 1915 года.

11 февраля лейтенант Мюке был награжден Железным Крестом 1-го класса, а все его люди — Железными Крестами 2-го класса.

Глобальные события мировой войны почти вытеснили из памяти людей историю «Эмдена», когда 23 мая 1915 года в день Святой Троицы во всех немецких газетах появилось сообщение о том, что отряд лейтенанта Мюке прибыл в Константинополь, где ему был произведен смотр самим адмиралом Сушоном.

Новая эйфория по «Эмдену» охватила Германию. Лейтенант Мюке стал героем дня. Он и его моряки восторженно встречались всюду, где бы они ни появлялись. Их путь из Турции через Балканы и Австрию в Германию превратился в триумфальное шествие.

Пропаганда великолепно использовала возвращение на родину моряков с «Эмдена» для поднятия новой волны патриотизма, значительно спавшей после того, как наступление германской армии было остановлено на всех фронтах.

Ужасная война на истощение еще не началась, но уже ясно вырисовывалась патовая ситуация, об-

разовавшаяся на фронтах. Что касается войны на море, то там, помимо нескольких случаев индивидуального героизма, также было совершенно нечем хвастать.

Эскадра адмирала Шпее полностью погибла в бою у Фолклендских островов, а недавнее сражение у Доггер-Банки привело к потере броненосного крейсера «Блюхер». Поэтому было очень кстати напомнить всему народу о короткой, но яркой деятельности крейсера «Эмден», а также о полной романтизма истории шхуны «Иеша» и прочих приключениях отряда лейтенанта Мюке, так хорошо смотревшихся на фоне холодных сообщений сухопутного командования об ожесточенных боях зашедшей в тупик войны.

Пока газеты славил лейтенанта Мюке и его доблестных моряков, за кулисами происходило нечто совершенно противоположное. Вдали от глаз публики молодой национальный герой обвинялся в том, что пробиваясь силой через территорию «союзной» Турции, он полностью нарушил работу тонкого и деликатного механизма немецкой дипломатии.

По этому поводу сразу же разошлись взгляды энергичного, решительного и авантюрно настроенного морского офицера и до предела осторожных немецких дипломатов, желающих избежать буквально всего, что бы могло нарушить дипломатические или политические отношения с Турцией.

Возможно Мюке, несколько возбужденный возвращением на родину в ореоле национального героя, довольно резко реагировал на первые заме-

чания чиновников внешнеполитического ведомства, но в итоге это привело к настоящей войне между Главным морским штабом и Министерством иностранных дел Германии.

Суть дела заключалась в следующем. В своем рапорте Мюке написал, что вероятным подстрекателем внезапного нападения на его маленький отряд на подходе к Джидде был эмир Мекки, в то время прославляемый в Германии как один из главных оплотов «священной войны» мусульман против англичан и их союзников.

Но Мюке хорошо знал по собственному опыту, что «священная война», о которой столько писалось в немецкой прессе, на самом деле никогда не имела места.

К этому времени уже стало известно, что с самого начала войны эмир Мекки поддерживал англичан, а в январе 1915 года заключил официальный союз с правительством Великобритании.

По мнению Мюке, именно эмир разработал план уничтожения его отряда в пустыне с тем, чтобы получить 5000 фунтов, которые англичане обещали ему за голову Мюке. Но дело было не только в Мюке.

Эмир Мекки желал вообще отделиться от Турции в независимое Саудовское королевство и очень рассчитывал в этом отношении на поддержку Англии, которая обещала его немедленно признать и послать свои войска на помощь новому королю. Зная все, молодой лейтенант неоднократно пытался пролить истинный свет на этот вопрос и, по возможности, откорректировать взгляды на роль эмира, которых придерживались эк-

сперты Министерства иностранных дел.

Прибыв в Константинополь, Мюке считал своим долгом предупредить немецкого посла, чтобы тот не питал никаких иллюзий относительно политических и военных пристрастий эмира Мекки. Переданная Мюке информация была передана на экспертизу специалисту по арабским делам при посольстве барону фон Оппенгейму, который пытался убедить лейтенанта в том, что он совершенно не прав.

Выслушав доводы барона, Мюке заявил ему: Конечно, мы солдаты, ничего не понимаем в дипломатии, и нам не разрешено вникать в дипломатические тонкости. Нам разрешено только класть свои жизни из-за ошибок дипломатов.

Поскольку барону Оппенгейму не удалось переубедить Мюке, он послал официальный рапорт в Берлин в Министерство иностранных дел, которое, в свою очередь, переслало его в Главный морской штаб. Содержание рапорта, датированного 6 июня 1915 года, было следующим: «На основании подробной информации относительно боя в районе Джидды, представленной мне лейтенантом фон Мюке и Сами-Беем, я не могу согласиться с мнением, выраженным этими двумя господами, что инициаторами нападения были эмир Мекки или его сын Абдулла. Многочисленные факты, напротив, убеждают меня, что бедуины предприняли это нападение исключительно ради денег и оружия. Возможно, они надеялись захватить вместе с нашими моряками значительную сумму денег, а позднее получить еще выкуп за пленников. Подобные явления обычны в арабском мире, где

правительство не является достаточно сильным, чтобы предотвращать подобные случаи. Не исключается возможность, что какие-нибудь приближенные эмира организовали это нападение по своей собственной воле, но мне представляется совершенно нелогичным и даже абсурдным, чтобы сам эмир инициировал нападение на героев «Эмдена».

Даже не принимая во внимание все другие обстоятельства, могу уверить, что эмир слишком искушен в политике, чтобы позволить себе подобную глупость. Тот факт, что простое появление на месте боя принца Абдуллы, и несколько выстрелов в воздух, сделанные его людьми, прекратили сражение, а также и то, что после ухода из лагеря моряков «Эмдена», он был опустошен и разграблен бедуинами, снова свидетельствует о том, что указанный инцидент являлся не более, чем обычным в этих местах событием. Подобные нападения случаются и в Месопотамии. Особенно частыми и жестокими эти нападения бывают в Сами Бей, где налетчиками опустошаются склады с кофе, закупленного в Йемене. Поэтому нападение на отряд с «Эмдена», совершенное, несмотря на присутствие представителей турецких официальных властей из Джидды и объяснение этого инцидента, полученное от властей Джидды, с моей точки зрения, свидетельствует о весьма плохих отношениях между официальным Стамбулом и эмиратом. Это также говорит о слабом управлении официальными властями как самим городом Джидда, так и его окрестностями.

Правительство Турции настаивает на том, что указанное нападение, как множество подобных,

произведено обычными грабителями или, говоря проще, уголовными преступниками.

Правительство не исключает, что некоторые из этих преступных группировок используются в своих целях противником. Однако, не вызывает сомнения тот факт, что своевременное вмешательство сына эмира спасло моряков «Эмдена».

С помощью Вашего Превосходительства я хочу потребовать, чтобы господин фон Мюке принял мою точку зрения и в виде интервью опубликовал бы ее в германских газетах как свою собственную. Для улучшения наших отношений с Эмиром, что, безусловно, в интересах Германии, хотя бы из-за той пронемецкой пропаганды, которую он ведет во враждебных нам исламских странах, я считаю желательным, чтобы соответствующие командные структуры в Берлине приказали бы лейтенанту фон Мюке прекратить свои безответственные измышления.

Это мне кажется особенно важным, потому что господин фон Мюке широко публикует свои интервью в прессе, а в ближайшее время собирается выступить с серией лекций о действиях «Эмдена» и своем походе».

«Соответствующие командные структуры», то есть Главный морской штаб, переслал копию этого рапорта Военно-морскому министру и ознакомил с ней лейтенанта Мюке. Мюке высказал все, что он думает об «экспертах» дипломатической службы, а затем представил своему начальству официальный рапорт следующего содержания:

«Мне не нужно вмешательства господина фон Оппенгейма для осознания собственной ответ-

ственности за раскрытие истинного положения дел в Аравии перед всем миром. Этого требуют существующая обстановка и союзные отношения военного времени. Я позволю себе сослаться на свою телеграмму, посланную из Джидды, где совершенно ясно заявлена официальная позиция Турции. Более того, мое мнение, высказанное в интервью Эмилю Людвигу из «Берлинер Тагеблатт», без всякого промедления было одобрено германской и турецкой военной цензурой. Мои рапорты составлялись в течение многих недель, задолго до прибытия в Константинополь. Я могу только выразить удивление по поводу того, что господин фон Оппенгейм просит мое командование изменить мою точку зрения на события, которые я наблюдал собственными глазами задолго до встречи с самим господином фон Оппенгеймом. Я могу добавить к своим наблюдениям еще много того, что совершенно неизвестно господину фон Оппенгейму и, если не делаю этого, то исключительно из политической осторожности».

Вполне естественно, что Главный морской штаб поддержал молодого героя-офицера.

В официальном ответе на представление Министерства иностранных дел, начальник Главного морского штаба лично встал на защиту Мюке:

«Я хочу почтительно заметить, что в своей телеграмме из Джидды лейтенант Мюке, говоря о нападении на его отряд банды бедуинов, всего лишь отметил большую вероятность того, что эти арабы были куплены англичанами. Он ничего не говорил об этом публично. Зная обстановку, лейтенант всегда понимал возможные последствия по-

добных заявлений и свою ответственность за них. Он не сказал ничего, что могло бы оскорбить союзные вооруженные силы Турции.

Из всего вышесказанного Ваше Превосходительство может прийти к выводу, что принимать каких-то особых мер к лейтенанту Мюке не требуется».

Копии рапорта начальника Главного морского штаба на имя Военно-морского министра были посланы в Министерство иностранных дел, в германское посольство в Константинополе, адмиралу Сушону, господину фон Оппенгейму и самому лейтенанту Мюке.

Таким образом, лейтенанту Мюке очень эффективно заткнули рот. Командование флотом подсластило эту пилюлю, произведя Мюке в капитан-лейтенанты и направив старпомом на старый легкий крейсер «Ниобе», несший сторожевую службу в Гельголандской бухте.

Моряки из десантной партии «Эмдена» были расписаны по различным кораблям, и многие из них сложили свои головы в войне.

Но дипломатический скандал, который Мюке инициировал в Берлине и Константинополе, кому-то сильно не давал покоя, и прославившегося на весь мир офицера решают снова убрать из Германии.

В начале 1916 года капитан-лейтенант Мюке назначается командиром германо-турецкой речной флотилии на Ефрате. С четырьмя маленькими моторными катерами, составляющими боевое ядро флотилии, Мюке добирается через Болгарию до своего нового места службы. И в течение после-

дующих двух лет снова с головой окунается в ближневосточную экзотику, сражаясь на Ефрате с превосходящими силами англичан.

Это уже другая история, не менее интересная, чем одиссея Мюке от Кокосовых островов до Константинополя. Никто, разумеется, не вспомнил о предупреждениях лейтенанта Мюке, когда в разгар сражения, развернувшегося в Месопотамии, эмир Мекки нанес неожиданный удар в тыл турецкой армии, немало способствуя разгрому турок и стремительному наступлению англичан.

Мюке, поставленный снова в безвыходное положение, тем не менее опять умудряется спасти своих подчиненных и катера, добираясь с ними частично по железной дороге, частично морем, а частично и волоком до устья Дуная, где под его командованием формируется немецкая Дунайская полуфлотилия.

Но на этом не заканчивается удивительная одиссея капитан-лейтенанта Мюке. Короткий бросок маленькой флотилии из устья Дуная до Крыма — всего несколько часов плавания — по трудностям перехода не идет ни в какое сравнение с многомесячной, полной опасностей, одиссеей от Кокосовых островов до Константинополя. Но какой эффект!

Катера Мюке первыми врываются с моря в Севастополь в 1918 году, на несколько часов опережая армию. Они проверяют подходы к захваченной русской базе, обеспечивая приход в Севастополь линейного крейсера «Гебен» и других немецких кораблей, базировавшихся в годы войны на

Константинополь. Именно под командой капитан-лейтенанта Мюке, всегда любившем военно-морские ритуалы, на брошенных кораблях русского флота поднимаются немецкие флаги.

Фактически создается впечатление, что Мюке с горсткой своих моряков лично захватил в плен весь русский Черноморский флот, не считая кораблей, успевших уйти в Новороссийск.

Мюке награждается Рыцарской короной к Железному Кресту (прообраз будущего Рыцарского Креста) и производится в капитаны 3 ранга (Корветен-капитаны).

Капитуляция Германии в ноябре 1918 года и крушение империи захватывают Мюке врасплох.

Доблестно воевавший офицер, сделавший для своей страны гораздо больше, чем того требовал обычный воинский долг, капитан 3 ранга Мюке очень болезненно переживал унижение Германии, и особенно — гибель немецкого флота.

Уйдя в отставку, Мюке пытался найти себя в новой Германии. Неожиданно в нем открылся талант писателя и публициста.

Начиная с 1918 года, Мюке одну за другой выпускает полтора десятка книг и статей, касающихся только эпопеи «Эмдена» и своей одиссеи на «Иеше». Вместе с тем он активно занимается политикой, являясь почетным членом и вице-президентом многочисленных Лиг возрождения флота, созданных в различных городах Германии, которые еще в годы войны удостоили Мюке своим почетным гражданством.

Помимо этого Мюке убежденно выступает в защиту национального объединения всех слоев на-

селения страны и на волне своих политических симпатий в 1919 году вступает в Национальную народную партию Германии. Однако, в том же году Мюке выходит из партии и примыкает к нацистам, чья динамичная программа возрождения Родины и аннулирования Версальского договора поначалу приходится ему сильно по душе. Мюке остается членом НСДАП в течение многих лет, а в 1926 году по партийным спискам избирается в Ландстаг Саксонии.

Однако пытливый и аналитический ум Мюке в итоге приводит его к разочарованию и неприятию идеологии национал-социализма. Через год он сдает свой депутатский мандат, а на выборах 1929 года создает свой так называемый «Союз Мюке», призывая к слиянию национал-социалистической и коммунистической партий Германии на основе общей платформы.

Мюке считает, что нацистам надо отбросить свои расовые бредни, а коммунистам — столь же опасные бредни о «бесклассовом обществе» и «мировой революции», слившись в единую национальную партию, перед которой не устоит никто. Другими словами, Мюке, возможно не сознавая этого, становится едва ли не первым в мире «национал-большевиком», стараясь изъять из самых страшных тоталитарных сект XX века их конченавистнические идеи и прилепить им общее «человеческое лицо».

Разумеется, у бывшего лихого флотского офицера ничего не получается. Из нацистской партии его с треском изгоняют, а в коммунисты, естественно, не принимают тоже — аристократ фон

Мюке мало подходит для идеологов обеих партий.

Таким образом, бескомпромиссный Мюке попадает в политическое положение «вне игры», полностью прекращает заниматься публичной политикой и уезжает в провинциальный городок Вик на Фере, где полностью посвящает себя литературной деятельности.

В 1931 году выходит первый том его публицистически-философского произведения под названием «Линия», посвященного истории революции в Германии, вопросам патриотизма, национал-социализма и разработке комплекса понятий гражданственности.

После прихода Гитлера к власти, лично объявившего Мюке «национал-большевиком», идеи Мюке объявляются враждебными, а сам он периодически арестовывается гестапо для проведения профилактической работы. Однако долго держать под арестом национального героя Германии и кумира военной молодежи даже гестапо было не в состоянии, и Мюке продолжал свои литературные труды, став очень известным у себя на родине, хотя и мало известным в мире писателем в области политической философии.

Время и размышления превратили некогда агрессивного и жесткого морского офицера, готового доблестно и самозабвенно сражаться даже за идеалы ему непонятные, в почти убежденного пацифиста, уверенного, что с помощью войны невозможно добиться абсолютно никаких целей, кроме разорения собственной страны и истребления ее народа.

Еще в 1938 году он предсказывает поражение

Германии в будущем европейском конфликте, что приводит к очередному аресту и профилактике.

После войны Мюке становится борцом за мир, попадаясь на удочку коммунистической пропаганды и искренне воспринимая доносящиеся из Москвы вопли о мире во всем мире.

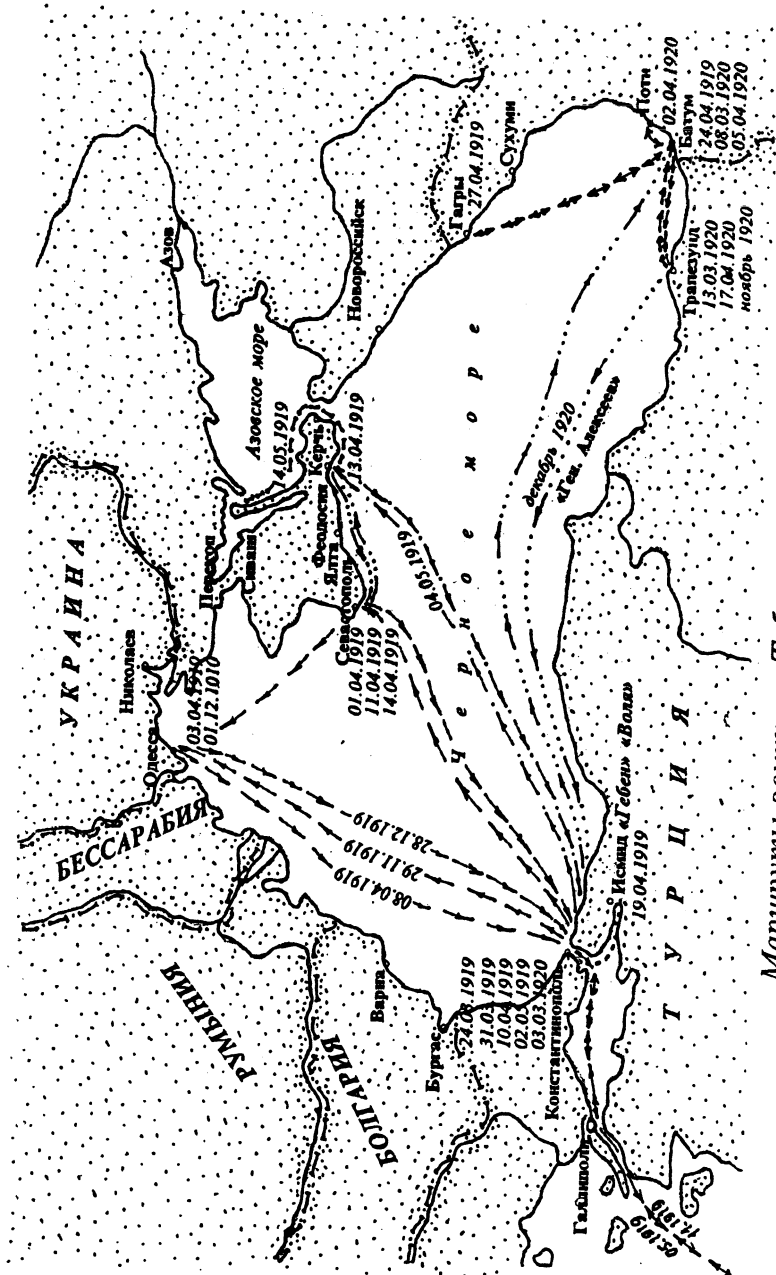
Старый моряк становится горячим сторонником Стокгольмского воззвания и яростным противником ремилитаризации ФРГ. Как человек, переживший крушение своей страны в двух мировых войнах, он имел на это полное право.

Умер Гельмут Мюке 30 июля 1957 года в городе Аренсбурге, земля Шлезвиг-Гольштейн, в возрасте 76 лет. Мюке пережил своего командира капитана 2 ранга Мюллера на 34 года, но в военно-морской истории их имена и название их корабля — легкого крейсера «Эмден» — всегда будут стоять рядом, как имена последних «пиратов-джентльменов», как бы сошедших со страниц романов Рафаэля Сабатини и Капитана Марриэтта. Хотя, если быть справедливым, невероятные приключения Мюке превосходят все, до чего могли додуматься знаменитые авторы пиратских романов.

БЕРХУСАКУ
КАНУМАРА
ДОУСОРА

Маршруты эсминца «Тобаго» в Черном море

Инженер-механик капитан-лейтенант Перри стоял рядом с сигнальщиками, пытавшимися распознать несколько флагов, изображения которых они не могли найти в своих справочниках. Перри ухмыльнулся и направился к командиру корабля, чтобы доложить ему о состоянии машин и успеть получить последние приказания, прежде чем командир — любитель экзотических прогулок по улицам вечерних приморских городов — отправится в восточную часть Константинополя послушать заунывные песни уличных музыкантов.

Командир корабля — капитан 3 ранга Лионель Доусон был опытным моряком. Всю великую войну он прослужил на эсминцах Гранд Флита, и к моменту Перемирия, имея 34 года от роду, был уже капитаном 3-го ранга с прекрасными аттестациями.

Отгуляв положенный отпуск за все четыре года войны, Доусон оказался перед выбором — пристроиться ли ему в какой-нибудь штаб или другое береговое учреждение Королевского флота, либо вернуться на корабельную службу.

Море тянуло его к себе с той необъяснимой магической силой, которую ощущают только профессиональные прирожденные моряки. Кроме того, командуя последние два года войны эсмин-

цем, Доусон вошел во вкус и сделал, может быть не совсем новое, но весьма мудрое заключение, что лучше быть бароном в собственном замке, чем герцогом при королевском дворе. Придя к подобному выводу, он без особого труда получил в командование эсминец «Тобаго» вместе с приказом отправляться в Средиземное море.

«Тобаго» был эминцем военной постройки, уже несколько устаревшим. Корабль имел водоизмещение 1087т, длину 84 метра и экипаж 90 человек. Он был вооружен тремя 102-мм орудиями, одной 40-мм скорострелкой и четырьмя торпедными аппаратами и мог развить скорость до 36 узлов. Приняв корабль в Инвергордоне, Доусон взял себе в помощники лейтенанта Бертон Джосседжа — старого соплавателя времен войны, а штурманом — младшего лейтенанта Маррей-Смита, который, хотя и не имел никакого опыта, приглянулся командиру своей энергией и физической силой.

В феврале 1919 года Доусон вывел свой корабль из Плимута и через четыре дня привел его в Гибралтар. Гибралтар, как говорится, до отказа был набит боевыми кораблями, возвращающимися с заморских баз домой для вывода в резерв. Кроме того, в гавани стояла пестрая компания австралийских, американских, итальянских, японских и даже бразильских кораблей.

На берегу постоянно случались драки и прочие скандалы с солдатами местного гарнизона и испанскими жителями.

Особенно буйствовали почему-то австралийские моряки, рассматривающие Гибралтар ис-

ключительно как кабак при борделе, в отличие от итальянцев, полагавших, что правильнее было бы считать Гибралтар борделем при кабаке.

Доусон вынужден был задержаться в Гибралтаре на пару суток, поскольку на «Тобаго» неожиданно потекли трубки котлов, но 13 марта уже привел корабль на Мальту и встал на бочку в порту Марсамусцеттс.

Мальта находилась в состоянии послевоенного хаоса. Гарнизона практически на острове не существовало. Вернее, он состоял из осколков разных подразделений военного времени, находящихся в стадии расформирования. На флоте шел процесс демобилизации, корабли уходили и приходили, и разобраться, кто чем командует и кто кому подчиняется — было почти невозможно. По острову ходили всевозможные слухи, ежечасно сменяемые новыми. На берегу было противно, потому что все женщины были одеты либо во флотскую, либо в военную форму.

Наконец Доусон получил приказ следовать в Константинополь, а затем в Черное море. Он посмотрел лоции Черного моря, спешно выпущенные Гидрографическим управлением Адмиралтейства, где было отмечено, что с октября по май на Черном море обычно штормит и на всей акватории преобладают северо-восточные ветры, но с мая по октябрь там вполне терпимо, погода мягкая, ветры — южные.

18 марта «Тобаго» ушел с Мальты и через двое суток без каких-либо происшествий прошел мимо знаменитого острова Мудрос и вечером стал на якорь у Галлиполи. На берегу еще ясно были

видны траншеи, блиндажи и воронки от снарядов, оставшиеся на память от Дарданелльской операции. На рассвете следующего дня эсминец прибыл в Константинополь.

Говорят, что первый раз Константинополь подобно Венеции лучше всего наблюдать при восходе солнца.

В этом отношении Доусону повезло, но залив Золотой рог был настолько забит кораблями, судами, суденышками, яхтами и катерами, что из-за хаотического частотола торчащих мачт и труб едва можно было рассмотреть прекрасные минареты и золотой купол Св.Софии. В самом центре бухты мрачно дымили, стоя на якорях, английские дредноуты «Суперб» и «Темирайр».

Проходя к указанному месту стоянки, «Тобаго» оставил по левому борту греческий крейсер, на трубах которого еще видны были пробоины времен балканских войн.

Под легким бризом колыхались флаги десятков новых государств, о существовании которых еще мало кто знал, а уж тем более сигнальщики «Тобаго».

Взглянув в бинокль, Доусон приказал сигнальщикам ничего ему не докладывать об экзотических флагах, которых нет в сигнальной книге.

Встав на якорь среди живописных остатков турецкого флота, уцелевших в войне, и поручив своему инженеру-механику капитан-лейтенанту Пэрри еще раз внимательно посмотреть и привести в порядок котлы и машины, Доусон не мог отказать себе в удовольствии прогуляться по

Константинополю, о котором столько слышал и читал.

Константинополь в то время был, пожалуй, наиболее космополитическим городом на планете.

К его обычному населению, увеличившемуся за счет военнопленных, беженцев и политических авантюристов, съехавшихся из всех уголков не только Османской империи, но и агонизирующей России, добавились военнослужащие стран Антанты, очень ревниво относящихся друг к другу в борьбе за влияние на турецкие власти.

В этом отношении большое преимущество имели американцы, которые официально никогда не были в состоянии войны с Турцией, а потому вели себя с местными властями так, словно вообще никакой войны и не было. Другие страны Антанты вынуждены были вести себя в рамках статей подписанного с Турцией перемирия, если не считать греков, которые жаждали воевать со своими бывшими поработителями до скончания века.

И над всем этим еще висели черные тучи событий, происходящих в соседней России. Толпы русских беженцев, офицеров и генералов без армий заполняли улицы турецкой столицы, в то время как большевики явно нацелились распространить свою власть не только на юг России, но и на Турцию вообще, а в первую очередь на Константинополь.

К общей неразберихе прибавилось и создание на территории бывшей Российской Империи новых независимых республик, которые плодились как грибы под дождем. В Константинополе открылись их представительства, эмиссары осаждали

союзные власти, требуя политического признания и протягивая обе руки для финансовой или иной помощи.

«Тобаго» простоял в Константинополе неделю, а в конце марта Доусон получил приказ следовать с почтой в Одессу и Севастополь.

I

31 марта 1919 года в дождливый, холодный день «Тобаго» отправился в свой первый поход по Черному морю. По мере продвижения эсминца на север погода все больше портилась, и становилось холоднее.

В последний момент Доусону навязали двух пассажиров — русского и японца. Оба были морскими офицерами. Русский являлся флаг-офицером какого-то таинственного белого адмирала, командовавшего еще более таинственными военно-морскими силами белых в Константинополе, и следовал с таинственным поручением в Севастополь по делам своего начальника.

Дела, заставившие японца предпринять поход по Черному морю, также были окутаны в обычную непроницаемую для нормального человека тайну, которая всегда сопровождает все поездки японских официальных лиц.

Пассажиры оказались совершенно несовместимой парой.

Русский был типичным продуктом старого режима — молодой, красивый, с изящными манерами и превосходными знаниями всего на свете.

Японец, как ему и положено, был преувеличенно вежливым и загадочным, проявлял жгучую

жажду к информации любого рода, но общаться с офицерами эсминца ему мешал его ужасный английский, от которого более всего страдал младший лейтенант Маррей-Смит, назначенный Доусоном временным «пассажирским помощником».

В первый день похода после обеда Доусон сыграл со своими пассажирами несколько партий в бридж, с удивлением отметив привычку русского офицера считать карты в письменном виде на листе бумаги. Помогло ему это мало, но было чем-то новым в законах бриджа. Японец тоже проигрывал, при этом постоянно кланялся и вежливо шипел.

Оценив уровень игры пассажиров как весьма низкий, Доусон оставил кают-компанию, чтобы вернуться на мостик.

Но не успел он подняться по трапу, как его догнал русский офицер в состоянии сильнейшего эмоционального возбуждения.

Оказывается, он только что обнаружил, что ему и представителю страны Восходящего Солнца придется провести ночь в обществе друг друга на двух узких диванчиках в кают-компании, поскольку больше спальных мест на корабле не было.

Видимо, после приятно проведенного вечера за картами с хорошими винными возлияниями воспоминания об истории русско-японских отношений настолько переполнили его, что он никак не мог позволить себе переночевать с японцем в одном помещении.

Переполненный отрицательными эмоциями,

сдержатъ которые он, видимо, был не в состоянии, он прямо заявил Доусону, что если одного из них куда-нибудь не переведут, он не может гарантировать Доусону сохранение «мира и спокойствия» на борту вверенного командиру корабля. Все это было сказано тоном, предполагающим, что Доусон, как европеец, разумеется, поддержит все претензии русского коллеги.

Но жалобы русского офицера не вызвали у командира «Тобаго» никаких симпатий. Доусон сухо заметил ему, что он несет полную ответственность за сохранение спокойствия на корабле и, если память о Цусиме является столь острой, что не позволяет ему спать в кают-компании в обществе мирно настроенного японца, то никто не будет возражать, если он переночует где-нибудь на верхней палубе.

Однако, Доусон уже много был наслышан о загадочности русской души, а потому встревожился не на шутку и, вызвав младшего лейтенанта Маррея-Смита, приказал ему проследить, чтобы непредсказуемый русский не устроил с японцем драку.

Измученный своими новыми обязанностями «пассажирского помощника», Маррей-Смит внимательно наблюдал, как русский офицер час или два мрачно бродил по верхней палубе, а затем исчез и отправился на свой диванчик в кают-компанию.

Маррей-Смит приготовился к самому худшему, но ничего ровным счетом не произошло. Поняв, что сражения в память о Цусиме не будет, младший лейтенант отправился к себе в каюту, и

как враждующие стороны провели ночь в одном помещении, так и осталось неизвестным. Утром они были в состоянии, по меньшей мере, перемирия. Лицо японца не отражало никаких эмоций.

Хотя вся эта история несколько позабавила капитана 3-го ранга Доусона, но в равной степени и обеспокоила, лишний раз напомнив ему, куда он направляется. Та скупая и обрывочная информация о царящем в России хаосе, которая ему была предоставлена командованием в Константинополе, давала пищу для весьма мрачных размышлений.

Большевики, насколько было известно Доусону, уже захватили практически всю южную Россию и вторглись в Крым. В Крыму же, главным образом в Ялте, собрались все остатки разгромленной русской аристократии. Там они сгруппировались вокруг особы вдовствующей императрицы Марии — матери покойного Николая II, и его дяди — Великого Князя Николая Николаевича.

Белая Добровольческая армия, чья боевая эффективность оценивалась как весьма сомнительная, пыталась еще удержать Крым и Одессу. Белогвардейский флот, в состав которого входило несколько современных кораблей, базировался на Николаев, но наиболее ценные корабли были уведены в Константинополь из опасения, что они попадут в руки красных.

Французы, взаимодействуя с греками, пытались оказать белым поддержку, но это предприятие с самого начала выглядело безнадежным, поскольку весьма прохладные отношения, всегда существовавшие между греками и французами, ныне

вылились в откровенную враждебность. Греки вообще участвовали в русских событиях из опасения, что красные, захватив полностью Крым, захватят и Константинополь, которые греки очень хотели получить сами в качестве награды за свое символическое участие в войне на стороне Антанты.

Что касается французов, то та символическая поддержка, которую они оказывали белым, сводилась к несению полицейской службы в Севастополе и Одессе, поскольку полевых войск у французов не было вообще, если не считать нескольких колониальных подразделений, полагаться на надежность которых было бы, по меньшей мере, легкомысленно.

Белые не имели ни денег, ни снабжения, и для них главной проблемой было накормить свои войска. В этом отношении никакой помощи от французов и греков они не получали, а голодный русский, как показали события, очень быстро становился красным. Поэтому тылы Добровольческой армии постоянно сотрясались мятежами и волнениями, докатывающимися даже до Севастополя. Только после того, как дело доходило до стрельбы и гибели нескольких человек, французы выдавали немного продовольствия, быстро превращающего мятежников снова в патриотов Белого дела.

Имея в виду все эти, не вызывавшие оптимизма, обстоятельства, капитан 3 ранга Доусон привел 1 апреля 1919 года свой эсминец «Тобаго» в Севастопольскую гавань и встал на якорь вблизи какого-то полузатопленного русского миноносца.

В Севастопольской гавани стояла обычная международная эскадра, включая английские легкие крейсера «Калипсо» и «Монтрос».

Доусон с жадным интересом рассматривал с мостика «Тобаго» город и порт.

Ему казалось, что он уже здесь бывал, хотя все его знания о Севастополе были почерпнуты из старых подшивок журнала «Иллюстриейтед Лондон Ньюз» времен Крымской войны, которые он очень любил рассматривать, еще учась в школе. Вскоре, захватив с собой свободных от вахты офицеров, японца и дымчатого терьера по кличке Флирт, Доусон съехал на берег.

Во время очень краткого пребывания в Севастополе, поскольку уже вечером «Тобаго» было приказано следовать в Одессу, Доусон все-таки успел посмотреть Панораму обороны Севастополя и памятник генералу Тотлебену. Страшно сожалея, что у него нет времени посмотреть все памятники Восточной войны более тщательно, Доусон вернулся на корабль и приготовился к переходу в Одессу.

Командир «Тобаго» был потрясен и шокирован. Когда он возвращался в порт, мучительно вспоминая фамилию французского живописца, создавшего Панораму Севастопольской обороны, кто-то в самом центре города, на ступеньках лучшего в Севастополе отеля, застрелил офицера. Когда группа английских моряков в ужасе остановилась, кто-то из прохожих на вполне сносном английском рассказал им, что именно во дворе этого отеля в прошлом году были убиты 300 офицеров, а их тела потом сброшены в море.

Доусону совсем не хотелось верить в подобные вещи. Он их считал преувеличениями, собственными любому революционному периоду. Поздно вечером, взяв на борт в качестве пассажира французского офицера-зуава, «Тобаго» вышел в Одессу.

Находясь под впечатлением увиденного, Доусон весь вечер беседовал с французом о положении в Крыму, проверяя заодно и свои знания французского языка. Спустившийся неожиданно на море густой туман заставил Доусона прервать беседу и поспешить на мостик.

До Одессы добрались лишь на рассвете следующего дня, ориентируясь по маяку, тускло светившему через пелену тумана.

Доусону уже было известно, что маяк находится в самом центре минных полей, которые во время войны и после нее выставлялись всеми, кому не лень. А в оптимистические рапорты о том, что подходы к Одессе полностью протралены, Доусон не верил и проявлял крайнюю осторожность. Он решил, что умнее всего было бы встать на якорь и подождать, когда рассеется туман, а заодно поточнее определить свое место. Тем более, что в кильватер эсминцу пристроился греческий транспорт, набитый солдатами.

Только к 2 часам дня туман поднялся, и Доусон ввел «Тобаго» в порт, пришвартовавшись к борту легкого крейсера «Форсайт» — единственного английского корабля, находившегося в одесском порту.

«Тобаго» прибыл в Одессу в разгар кризиса и хаоса, раздирающего город, кризиса, с каким ан-

глийским морякам еще не приходилось сталкиваться. Даже константинопольская неразбериха в сравнении с одесской выглядела образцовым порядком.

Прибыв на борт «Форсайта», Доусон узнал от командира крейсера капитана 2 ранга Эдвардса, что, кажется, по решению Мирной конференции в Версале Украина, а с ней, разумеется, и Одесса, должны быть эвакуированы.

Эту информацию вроде бы получило французское командование, о чем Эдвардсу под страшным секретом сообщили в штабе. Секретность объяснялась тем, что эвакуация, которая фактически уже началась, побудит к действиям большевистские элементы в городе, от которых никто не ждал ничего хорошего. Эдвардс пояснил, что пока за пределами штаба французских войск об этом известно троим: самому Эдвардсу, Британскому консулу, а теперь еще и Доусону. Но поскольку уже началась погрузка войск на транспорты, говорить серьезно о секретности можно было только в штабе французских войск. Особенно острой, пояснил Эдвардс, является ситуация с эвакуацией офицеров Добровольческой армии и их семей. Честно говоря, французы им не очень симпатизируют и более склонны предоставить белых их печальной судьбе, которая их безусловно ждет, если они останутся и попадут в руки большевиков.

Сообщив все это Доусону, капитан 2 ранга Эдвардс поинтересовался, сколько времени «Тобаго» предполагает простоять в одесском порту. Доусон ответил, что завтра утром он должен покинуть Одессу и идти обратно в Константинополь,

поскольку у него был только один приказ — сдать и принять почту.

Эдвардс посмотрел на командира «Тобаго», помолчал, вздохнул и спросил, что тот скажет, если его попросят принять на борт несколько специально отобранных русских семей, для которых остаться в Одессе означает подписать себе смертный приговор? Не может ли «Тобаго» их, так сказать, «неофициально» доставить в Константинополь. Доусон, подумав, ответил, что хотя ему никто не разрешал делать подобные вещи, то, по крайней мере, и не запрещал. Он возьмет на борт этих людей.

Таким образом, капитан 3 ранга Доусон столкнулся с проблемой, которая постоянно вставала перед английскими моряками в течение их пребывания в России и которую им постоянно приходилось решать на свой страх и риск, хотя вопрос, что дальше делать со спасенными людьми очень быстро перешел в разряд практически неразрешимых.

Через полчаса Доусон в сопровождении Британского консула уже мчался на консульском автомобиле по неосвещенным одесским улицам, предупреждая отобранных людей, что они должны быстро собраться и прибыть на борт «Тобаго» еще до наступления рассвета.

Ни русские, ни французы об этом предприятии предупреждены не были, а небольшие группы их солдат попадались почти на каждом шагу и все считали своим долгом узнать, куда это ночью направляется британский консул в обществе офицера Королевского флота?

В некоторых частях города уже вовсю шла стрельба. Доусон ежеминутно ожидал, что все это дело плохо кончится, но все обошлось удачно и благополучно.

В течение ночи пассажиры начали прибывать на эсминец, и вскоре женщины и дети настолько заполнили маленький «Тобаго», что тот стал напоминать экскурсионный пароходик.

Доусон отметил, что все пассажиры относятся к своей судьбе философски и даже рады, что покидают свою страну.

Утром «Тобаго» вышел в море, чему не меньше, чем пассажиры, радовался и Доусон, поскольку уже на рассвете большевики захватили контроль над городом. Французам пришлось эвакуироваться в страшной спешке, смешавшись с обезумевшими от страха горожанами, толпами бросившимися спасаться в порт.

Свою каюту Доусон уступил княжеской чете Волконских и их юной дочери, которая, как уже успели сообщить Доусону, имеет склонность к ваянию.

В каюте первого лейтенанта расположилась графиня со служанкой, а в старшинской кают-компании — ее двое детей и их английская гувернантка. В каюте старшего механика нашли приют какой-то русский и его жена-англичанка, а в офицерской кают-компании — целая коллекция русских аристократов менее знатного происхождения и сбившийся от своей части английский армейский офицер.

Всем им пришлось спать на матрасах, брошенных прямо на палубу, так что уютная кают-ком-

пания эсминца сразу стала напоминать палату полевого госпиталя. Лишь младший лейтенант Маррей-Смит сумел сохранить свою каюту, и то только потому, что она оказалась до отказа набитой мешками с почтой.

В конце концов, всех удалось распределить по помещениям и обеспечить спальными местами. При чем матросы трудились как горничные в пер-вокласном отеле, а коки и вестовые прилагали героические усилия, чтобы накормить всю эту компанию беспризорных аристократов.

Фамилия графини, занимавшей каюту лейтенанта Джосседжа, была Толстая. Ей было только 25 лет, но она успела уже послужить во фрейлинах у Вдовствующей Императрицы. Кроме того, ей удалось вырвать из рук большевиков своего мужа — отвоевавшего всю войну гвардейского офицера, который после этого взял и умер от гриппа, оставив ее одну с двумя маленькими детьми.

Выросшая в роскоши царского двора, привыкшая затем полностью полагаться на мужа, молодая графиня была в полной растерянности и близка к отчаянию. Она призналась Доусону, что до революции ей даже никогда не приходилось ходить пешком по улице.

У бежавших русских аристократов практически не было багажа, кроме ручной клади. Не было и денег, если не считать украинских карбованцев, не имевших никакой цены. Зато почти все они довольно сносно говорили по-английски.

Немного задержавшись из-за тумана — постоянного явления в Черном море в это время года,

— «Тобаго» прибыл в Константинополь, где высадил всех пассажиров, за исключением графини Толстой и ее детей.

История молодой графини тронула капитана 3 ранга Доусона, но он понимал, что мало чем способен ей помочь. К счастью, выяснилось, что у несчастной графини имелось рекомендательное письмо на имя королевы Александры — вдовы короля Эдуарда VII. Кроме того, у нее были друзья в Лондоне.

Взяв эти бумаги, Доусон отправился на линкор «Лорд Нельсон», где держал флаг командующий британскими военно-морскими силами в Черном море контр-адмирал сэра Майкл Сеймор.

Ознакомившись с документами, адмирал решил попросить командира легкого крейсера «Форвард» капитана 2 ранга Артура Бедфорда, готового к отплытию в метрополию, взять на борт русскую графиню и ее семейство. Бедфорд, естественно, согласился. Адмирал предоставил графине свой катер, и Доусон проводил несчастную до трапа «Форварда». Все это напоминало ему бульварный приключенческий роман с неправдоподобно хорошим концом.

Константинополь, как обычно, жил взаимоисключающими слухами. Сразу же по прибытии «Тобаго» получил приказ поднять флаги расцвечивания. Оказалось, что греки отмечают какую-то годовщину кровавой резни, которую им учинили турки в очень далеком прошлом. Хотя это было, по меньшей мере, бестактно делать, находясь в турецких водах, все союзные корабли послушно расцветились праздничными флагами.

Вечером греки решили провести по этому случаю военный парад на центральной улице Стамбула, но это переполнило чашу терпения турок, и их вооруженный отряд, расквартированный, что удивительно, в соборе Св.Софии, напал на марширующие греческие войска и вынудил вмешаться союзные власти, отвечающие за сохранение мира в Константинополе.

Между тем, новости, поступающие из оккупированной большевиками Одессы, вопреки ожиданиям, показывали, что на этот раз красные воздержались от массового истребления населения. Они даже выразили сожаление по поводу столь быстрого бегства французов, намекнув, что готовы вступить в переговоры с союзниками, особенно с представителями республиканских стран.

Информация же, поступающая из Крыма, показывала, что его захват большевиками является лишь вопросом времени, причем самого ближайшего.

Адмирал Сеймор решил лично разобраться в обстановке и 9 апреля вышел на линкоре «Лорд Нельсон» в Черное море. А на следующий день «Тобаго» получил приказ снова следовать в Севастополь.

На этот раз эсминцу предстоял поход в компании с монитором «М-18», командир которого честно признался Доусону, что его машина способна поддерживать скорость 6 узлов не более пяти часов и попросил командира «Тобаго» быть готовым к буксировке. Как выяснилось, командир монитора был очень хорошего мнения о машине своего корабля, поскольку брать его на буксир

пришлось уже через полчаса после выхода в море. 11 апреля 1919 года «Тобаго» вернулся в Севастополь.

Доусону уже стало казаться, что его эсминец приносит несчастье белым. Слово «эвакуация» буквально висело в воздухе, и в порту наблюдалась небывалая активность.

Английские легкие крейсера «Калипсо» и «Монтрос» еще стояли в порту. Доусон отправился на «Калипсо», поведал командиру крейсера капитану 1 ранга Тесиджеру о виденном в Одессе, а в ответ выслушал рассказ о ситуации, которая сложилась в Крыму за короткое время отсутствия «Тобаго».

Большевики за это время уже прорвали Перекоп и развернули наступление на юг, находясь в настоящее время в 30 километрах от Севастополя. Скорость наступления красных напрямую зависела от скорости, с какой белогвардейские части в поисках чего-нибудь поесть переходили на их сторону.

К настоящему времени у белого командования уже не было боеспособных частей, на которые можно было положиться, а потому в Севастополе шло формирование маршевых рот, состоявших из одних офицеров.

В самом городе обстановка делалась еще более тревожной из-за подрывных элементов с французских кораблей, полностью попавших под влияние большевиков и срывающих все попытки оказать им организованное сопротивление.

На греческих кораблях, напротив, все — от командиров до кочегаров — в каком-то хмель-

ном угаре рвались в бой, что приводило французов в ужас.

Между тем, трагикомедия разыгрывалась в Ялте, где под охраной находились Вдовствующая Императрица и Великий князь Николай. Они жили в каких-то совершенно фантастических мечтах о «сопротивлении большевикам до последнего человека» с последующим восстановлением Великой России, крушение которой произошло у них на глазах, но признать это они решительно отказывались.

Капитан 1 ранга Тесиджер как раз только что вернулся из Ялты. С большим трудом ему удалось уговорить августейших беженцев «в качестве меры предосторожности» перебраться на корабли английской эскадры. С изысканной вежливостью, которая никогда их не оставляла, они решительно отказывались даже в случае необходимости уезжать куда-либо дальше Севастополя, а уж тем более и слушать не хотели о перспективах отъезда в какую-нибудь другую страну. Их упрямство приводило в отчаяние английское командование, которое, несмотря на то, что это была зона влияния французов, взяло на себя бремя спасения остатков почти полностью истребленной русской императорской семьи.

Великий Князь Николай, будучи информирован о приближении большевиков, а также о том, что прорваны уже две из трех линий обороны, да и эту третью линию некому защищать, поскольку нет надежных войск, не считая нескольких офицерских полков, ответил по-французски: «*Ce n'est rien. Moi, je suis soldat*». Судя по его послужному спис-

ку, особенно во время войны, он имел право так говорить. Тем не менее, после длительных переговоров, Великий Князь согласился перебраться с женой и домочадцами на английский эсминец, если «будет прорвана третья линия обороны». Капитан 1 ранга Тесиджер при этом почтительно заметил, что было бы лучше для всех, если Его Высочество настаивает на том, чтобы остаться здесь до конца, заранее переправить на английские корабли Великую Княгиню и ее дочь.

«Нет, — ответил он. — Моя жена — солдат, и моя дочь тоже!»

К этому времени, когда капитан 1 ранга Тесиджер, который являлся старшим из британских морских офицеров в районе, вернулся в Севастополь, третья и последняя линия обороны была прорвана большевиками, и аристократические беженцы потоком устремились из Ялты. Главным образом, на английских военных кораблях. К счастью, Великий Князь был среди них.

Как выяснилось позднее, он был увлечен примером Вдовствующей Императрицы и перебрался вместе с ней на борт линейного корабля «Мальборо».

Отдавшись под защиту Британского флота, «августейшие беженцы» были доставлены в Константинополь. Что касается гвардейских офицеров, охранявших особу Вдовствующей Императрицы, то им места на «Мальборо» не нашлось, и они пехотным строем прибыли в Севастополь, добавив головной боли французскому командованию, совершенно не знающему, что с ними делать.

Севастополь бурлил. Самой опасной стадией

любой эвакуации является тот неопределенный промежуток времени, когда старые власти уже сбежали, а новые — еще не пришли. К этому времени большевики уже имели такую репутацию, что попадать в их кровожадные лапы не хотелось никому. А потому все бросились в порт.

В городе уже шла стрельба, и французы начали грузить беженцев на все суда, что были в их распоряжении, хотя, как и прежде, об эвакуации не было объявлено ни слова.

«Тобаго» стоял очень близко к берегу. Вечером, когда Доусон направлялся на обед в кают-компанию, размышляя обо всем услышанном на крейсере «Калипсо», он услышал винтовочный выстрел на берегу, а затем — как пуля звякнула над его головой о носовую надстройку.

Доусон подумал, что было бы глупо, пройдя четыре года Великой войны, погибнуть только потому, что какой-то белый, став сначала «розовым», а затем — «красным», решил, в силу своих новых убеждений, пострелять по представителям «мировой буржуазии». Крикнув вахтенному сигнальщику, чтобы тот ушел в укрытие, Доусон с возможной быстротой нырнул в люк, ведущий в кают-компанию, провожаемый еще одним выстрелом неизвестного, который почему-то решил убить именно его. Спустившись вниз, Доусон приказал первому лейтенанту направить на берег прожектор и посмотреть, кто это так решительно влез между эсминцем Его Величества «Тобаго» и Россией.

Луч прожектора, видимо, подействовал на нервы стрелку и заставил его убраться, дав

возможность офицерам спокойно пообедать.

Не успел забрезжить рассвет, как на крейсере «Калипсо» подняли сигнал, вызывающий Доусона к капитану 1 ранга Тесиджеру.

Дело оказалось в следующем. Офицеры бывшей Императорской гвардии, охранявшие Вдовствующую Императрицу, о которых Тесиджер рассказывал Доусону накануне, прибыв пешком в Севастополь, не вызвали никакой симпатии у французских властей. Те сразу же заявили, что кормить такую ораву им нечем, а для ночевки предоставили две пустых угольных баржи. К счастью, погода, которая последние дни была ветреной и холодной, значительно улучшилась, а то бы судьба этих бедняг была еще плачевнее. Было очевидно, что беспризорные голодные и холодные гвардейцы в Севастополе никому не нужны, и капитан 1 ранга Тесиджер согласился транспортировать их в Феодосию на восточном краю Крымского полуострова, где в эти дни еще находился штаб остатков Белой армии и куда они страстно желали попасть.

В качестве транспорта Тесиджер выбрал «Тобаго», и вскоре офицеры прибыли на эсминец, правда, еще раз подтвердив, что в бездонной и загадочной русской душе нет места для пунктуальности.

Это была толпа прошедших огонь и воду людей, раздираемая патетикой и патриотизмом. Всего их было 105 человек, включая одну женщину — жену какого-то офицера, выполнявшую весьма двусмысленные обязанности секретаря господина полковника. Все были вооружены винтовка-

ми со штыками и офицерскими шашками, которыми, поднимаясь на борт, они нещадно звенели о леера.

Здесь собрались, видимо, представители всех полков старой Императорской гвардии, поскольку их обмундирование представляло настоящий калейдоскоп из разноцветных мундиров, папах, фуражек, черкесок, ментиков, кавалерийских бриджей, шпор, гвардейских ранцев и армейских вещмешков. Общим для этих людей было только одно — они умирали от голода.

Разместив их на верхней палубе и поблагодарив Небеса за ниспослание хорошей погоды, Доусон стал размышлять, как ему накормить изголодавшихся русских гвардейцев.

Пока «Тобаго» шел со скоростью 25 узлов вдоль прекрасного крымского побережья, на камбузе приготовили суп из тушенки и овощи с солониной. Бачки с приготовленной пищей были вынесены на палубу. Русские дисциплинированно ожидали своей очереди поесть, хотя было видно, что это дается им нелегко.

Доусон с сочувствием наблюдал за ними с мостика эсминца. Видно было, что эти бедняги уже несколько недель не видели горячей пищи, а последние двое суток — никакой пищи вообще. Расчувствовавшись, капитан 3 ранга разрешил выдать несчастным и по порции рома из корабельных запасов, хотя знал, что по этому поводу ему придется написать целую кучу объяснительных записок. Перерасход рома — даже в минимальных количествах — в английском флоте считался очень серьезным чрезвычайным происшествием.

Полковника, леди и переводчика кормили в кают-компании. Переводчиком был какой-то молодой прапорщик, излучающий шарм. По его словам, он никогда не бывал в Англии, но говорил по-английски почти без акцента, зная массу идиом и разговорных выражений, что привело Доусона в изумление.

Пообедав, переводчик попросил у Доусона лист бумаги и ручку. Доусон велел вестовому принести письменные принадлежности, полагая, что юный офицер желает написать какой-нибудь приказ по своей части, в которой он являлся адъютантом. Решив ему не мешать, Доусон вернулся на мостик. Вскоре, однако, на мостик явился рассыльный и доложил Доусону что русский полковник просит его спуститься на палубу. Спустившись, Доусон, к своему удивлению, обнаружил, что весь русский отряд собрался на юте. Когда Доусон подошел к ним, полковник, фамилия которого, как позднее узнал Доусон, была Федотьев, произнес речь, звучавшую весьма прочувственно.

Адъютант не стал ее переводить, а вместо этого торжественно протянул командиру «Тобаго» одолженный ранее лист бумаги, где под штампом «Русская Добровольческая армия. Отряд Особого назначения, № 1902 от 30 мая 1919 года», было написано по-английски:

«Капитану 3 ранга Доусону.

Корабль Его Величества «Тобаго».

Сэр, После всех невзгод и бедствий, которые выпали на долю моего отряда при эвакуации из Севастополя, мы нигде не встречали столь теплого приема и дружеского отношения к себе, как на

борту вашего корабля. Мы не забудем об этом никогда. Отряд телохранителей императорской фамилии, составленный из офицеров лучших русских полков, сражающихся за возрождение могучей старой России, навсегда запомнит теплое отношение к себе со стороны доблестного Британского флота.

Командир отряда: полковник Федотьев».

Подпись полковника была скреплена печатью с двуглавым орлом.

Весьма смущенный, Доусон, прочитав бумагу, пообещал повесить ее на переборке кают-компании. Адьютант перевел его слова, а затем сказал: «Полковнику нечем отблагодарить вас и ваш экипаж, кроме как вручив вам наиболее ценную для себя вещь — Георгиевскую шашку, некогда полученную из рук Его Величества, покойного Царя. Полковник хочет, чтобы его шашка хранилась на «Тобаго» в память о нашем путешествии». Доусон был еще более смущен, заявив, что не может принять такую жертву со стороны полковника, но адъютант предупредил его, что полковник будет чрезвычайно оскорблен, если его подарок не будет принят. После этого полковник Федотьев вышел вперед, отстегнул свою шашку, эфес которой был украшен белой эмалью Георгиевского креста, и вручил ее Доусону под аплодисменты своих подчиненных.

Хотя Доусону эта сцена показалась излишне театральной, он был тронут искренностью и эмоциями русских офицеров. Командир «Тобаго» сказал по-французски несколько благодарственных

слов, а затем передал шашку лейтенанту Джосседжу с приказанием повесить ее в кают-компани. В этот момент полковник Федотьев сказал своим офицерам несколько слов по-русски. Все протянули ему свои шашки. Полковник взял ближайшую и пристегнул ее к своей портупее. Церемония закончилась, и Доусон вернулся на мостик, чтобы подвести эсминец к феодосийскому причалу.

«Тобаго» входил в бухту, которую Доусон нашел маленькой, но прелестной. После того, как «Тобаго» подошел к пирсу, полковник Федотьев и его адъютант сошли на берег, чтобы отыскать штаб Добровольческой армии. Вскоре они вернулись, и Доусон со слов переводчика понял, что в штабе совсем не обрадовались прибытию отряда полковника Федотьева. Подробности адъютант не сообщил, но намекнул, что всему виною плохие отношения между Федотьевым и местным генералом.

Англичане уже давно заметили, какое большое значение имеют склоки между белыми генералами на боеспособность вверенных им войск.

Впрочем, в настоящее время никому не было даже известно, кто командует Добровольческой армией, поскольку номинально командовавший белыми войсками Великий Князь Николай Николаевич уже отбыл в Константинополь. Тем не менее все утряслось, и во второй половине дня весь отряд Федотьева высадился на берег.

Наступал вечер, и Доусон решил остаться в Феодосии до утра, постаравшись за это время собрать информацию об обстановке в этом регионе. Выбрав из шатавшихся по причалу зевак па-

рочку наименее подозрительных, командир «Тобаго» попросил отвести его в резиденцию «исполняющего обязанности» Британского консула, о существовании которого в Феодосии ходили по Севастополю слухи.

После долгих уговоров и препирательств Доусона усадили в автомобиль (он только успел сунуть пистолет в карман шинели) и быстро повезли по темным улицам в какой-то дом на окраине города. «Исполняющим обязанности» Британского консула оказался русский еврей, занимавшийся в Феодосии торговлей табаком.

До войны он действительно выполнял какие-то обязанности в офисе британского вице-консула, а ныне, во время пребывания англичан в Крыму, произвел себя в консулы. «Консул» предложил Доусону рюмку бренди и долю в торговле табаком, после чего командир «Тобаго» поспешил вернуться на корабль.

В кают-компании его ждало приглашение от доставленных в Феодосию гвардейцев «разделить с ними маленький товарищеский ужин», который будет иметь место на берегу в 10 часов вечера.

Еще не зная толком, что означает по-русски выражение «маленький ужин», Доусон и его офицеры имели неосторожность пообедать на корабле.

С опозданием всего на полчаса прибыли несколько гвардейцев, чтобы проводить Доусона и его офицеров в дом, где ужин должен был состояться. Войдя в большой зал, Доусон, к своему ужасу, увидел огромный стол, заваленный яствами в таком количестве, будто на ужин был при-

глашен сам Гаргантюа. Стол прогибался от огромных кусков мяса и рыбы всех сортов и от несчетного числа бутылок водки.

Доусона успели проинформировать по пути, что в Феодосии неизвестно откуда, таинственным образом, появилась рота греческих пехотинцев, и что на ужине будут присутствовать два или три греческих офицера. Адьютант полковника заметил, что греческие офицеры выглядят измученными и лингвистически безнадежными — не умеют говорить ни на одном языке — даже на родном.

Оглядев стол, Доусон спросил: зачем столько еды? Переводчик пояснил ему, что это вовсе не еда, а «закуска». Так издревле принято на русских пирах. Дальнейшее Доусон помнил весьма смутно. Чтобы не выдать факта своего обеда на эсминце, Доусон и его офицеры со всей решимостью набросились на «закуску». Выпив много стаканов водки и русского коньяка, наевшись до отвала, английские моряки, отдуваясь, откинулись на стульях, надеясь, что сейчас принесут кофе. Надежда была напрасной. Вместо ожидаемого кофе на столе появилась бесконечная процессия бутылок шампанского и коллекционных крымских вин.

Сидя справа от полковника, Доусон, как ему показалось, выпил за собственное здоровье со всеми 105-ю русскими гвардейцами, включая леди. Продолжали звучать спичи, песни, тосты за здоровье, от табачного дыма слезились глаза, и было плохо видно с кем, собственно, пьешь. Доусон только успел заметить, что оба представителя греческой армии спят, уронив головы в тарелки. В полночь неожиданно заиграл оркестр, укрытый на

галерее. Начал он с того, что с мукой проиграл гимн «Боже, храни Короля!», чтобы оказать честь английским гостям. А полковник встал и провозгласил тост за Его Величество короля Георга V. В ответ Доусон предложил тост за здоровье Вдовствующей Императрицы, и оркестр немедленно грянул «Боже, Царя храни!», сыграв это с гораздо большим мастерством, чем английский вариант.

После того, как затихли последние торжественные аккорды старого русского гимна, Доусон произнес речь на английском языке о гармонии в музыке. Неизвестно, понял ли кто-нибудь хоть слово, но речь командира «Тобаго» была встречена бурной овацией. Затем последовали бесчисленные спичи и тосты. В 2 часа ночи Доусон произнес речь на французском языке о смысле жизни вообще. Речь была встречена восторгом, а остатки оркестра сыграли «Типперери».

В половине третьего ночи Доусон уже пел песни на русском языке. Особенно ему понравилась одна, слова которой были столь же грустными, что и мелодия. Адьютант перевел их так: «Она была бедной, но честной».

В 3 часа ночи, оглядевшись по сторонам, Доусон обнаружил, что его офицеры уже успели откланяться, а хозяин-полковник давно заснул. Так же поступили и многие его воины-гвардейцы. Оркестр замолк. И Доусон понял, что «ужин», судя по всему, завершился.

До трапа «Тобаго» Доусона сопровождали три «уцелевших» гвардейца. Путь показался очень длинным.

По дороге произошла какой-то инцидент с

часовым. Доусон не понял в чем было дело. Он запомнил только, что часового поставили по стойке «смирно» и ударили по лицу. В итоге Доусон добрался до своей каюты и завалился спать. Было уже половина пятого ночи, а в 6 утра эсминец должен был уйти из Феодосии.

В 6 утра Доусон проснулся и увидел, что около его койки стоит казачий офицер с огромной бутылью вина в руках. Ничего не понимая, Доусон позвонил, вызвав вахтенного офицера.

«Кто это, — спросил Доусон вошедшего лейтенанта, — и зачем?»

«На верхней палубе их еще трое, сэр, — доложил вахтенный. — А зачем — я думал, что вы знаете».

«Уберите его, пока я встану, — приказал Доусон и спросил лейтенанта: — Почему помощник и механик не докладывают о готовности к выходу в море?»

«Боюсь, что им очень нездоровится, сэр, — доложил вахтенный офицер. — Вестовой хотел вас вызвать на мостик, но не смог. Но мы, в принципе, готовы, сэр. Нужен только приказ».

Вахтенный ушел, уведя казака с собой. Доусон встал, превозмогая головную боль. На палубе Доусона встретил вчерашний адъютант, свежий как огурчик, и от имени «заболевшего» полковника попросил разрешения отправить на «Тобаго» обратно в Севастополь четырех их офицеров. У Доусона слишком болела голова, чтобы выяснять причину, по которой эти суровые воины возвращаются в Севастополь, откуда они только вчера так жаждали вырваться. У него не было даже сил

выяснить — правду ему говорит адъютант или нет. Видимо, они просто с кем-то поругались и не желают больше находиться на фронте. Они принесли с собой несколько бутылок крымского вина, одну из которых держал Эмиссар, проникший в каюту Доусона.

«Бойтесь данайцев, даже дары приносящих», — пробормотал командир «Тобаго», хорошо зная, что будет с человеком, который с похмелья выпьет крымского вина.

Вскоре «Тобаго» вышел в море, и постепенно, стоя на мостике, офицеры пришли в себя. Позднее Доусон узнал, что практически все гвардейцы из отряда полковника Федотьева погибли в последующих боях. Четверых же офицеров с ящиком крымского вина он доставил в Константинополь. Уходя с корабля, все четверо встали смиренно и отдали Доусону честь, а затем отвесили ему земной поклон.

«Поскребите любого русского, и вы обнаружите татарина». Смысл этого выражения дошел до Доусона только сейчас.

II

14 апреля «Тобаго» вернулся в Севастополь, выяснив, к удивлению, что накануне французское командование объявило о своей решимости оборонять город до последнего человека. Однако некоторый опыт, который уже приобрел Доусон, оперируя в русских водах, подсказал ему, что подобная решимость французов делает эвакуацию абсолютно неизбежной. И он не ошибся. Доусон подвел свой эсминец к танкеру, чтобы принять

топливо. На борту танкера он обнаружил английского капитана 3 ранга, который был женат на русской и имел какие-то связи с «Интеллидженс Сервис». От него Доусон узнал, что большевистские войска находятся в 10 милях от города, и что у французов нет боеспособных частей, а те подразделения, что есть — полностью разложены большевистской пропагандой. Как, впрочем, и команды их кораблей.

Пока «Тобаго» принимал топливо с танкера, Доусон с мостика наблюдал, как по берегу пылила колонна русской пехоты под звуки заунывной строевой песни.

Доусон поймал себя на мысли, что изображения русских солдат на журнальных иллюстрациях времен Крымской войны очень мало отличались от того, что он видел сейчас своими глазами, несмотря на то, что с тех пор прошло почти 70 лет. Те же шинели, те же фуражки, те же понурые спины с торчащими над ними трехгранными штыками винтовок. Но песня, а главное — манера ее исполнения, произвела на командира «Тобаго» впечатление.

Доусону еще предстояло услышать много русских песен, но эта, исполняемая солдатами, уходящими в никуда навстречу заходящему солнцу, запомнилась ему на всю жизнь.

В порту царило оживление. На какой-то чужеземный греческий транспорт грузили раненых. Французы куда-то буксировали русские подводные лодки. Одни говорили, что их отведут в Константинополь, другие — что затопят прямо у Севастополя, чтобы не достались большевикам.

В доке шли лихорадочные работы по завершению ремонта французского линкора «Мирабо», севшего на камни несколько месяцев назад и тоже рисковавшего попасть в руки большевиков вместе с городом.

Время от времени с окраин доносилась винтовочная стрельба. А вдоль набережной десятками сидели какие-то местные жители с удочками и, казалось, что их вообще ничего в жизни не интересует, кроме рыбной ловли.

«Возможно, — подумал Доусон, — что это у них единственный способ добыть себе пропитание».

Пополнив запас топлива, «Тобаго» перешел на свою старую якорную стоянку, откуда он уходил в Феодосию с гвардейцами. По уже доброй традиции эсминец снова кто-то обстрелял с наступлением темноты, к счастью, без вреда.

На рассвете следующего дня внезапно заревели орудия главного калибра французских кораблей, давая всем понять, что красные уже вошли в зону дальности их огня. Впрочем, канонада вскоре прекратилась.

Капитан 1-го ранга Тесиджер в это время находился на берегу со своими матросами и был очень удивлен, увидев, как к воротам порта подходит какой-то русский отряд под белым флагом. Он был еще более удивлен, когда выяснилось, что это парламентарии от Красной Армии, желающие вступить в переговоры с французским командующим.

Тесиджер согласился пропустить на французский флагманский линкор нескольких делегатов с

красных, в число которых вошли: бывший матрос, бывший пленный немец и бывший кавалерийский полковник, уже назначенный большевиками комендантом города. Переговоры продолжались всю ночь, в ходе которых французские и греческие корабли время от времени открывали огонь по красным позициям, интерпретируя таким образом некоторые условия обсуждаемого мирного соглашения. Так продолжалось до 10 часов утра следующего дня. Затем наступила благодатная тишина.

Доусон позавтракал в обществе капитана 2 ранга Голдсмита — заместителя Тесиджера, а затем предложил ему пройтись под парусом на его командирском вельботе — благо погода стояла великолепная.

Доусон и Голдсмит вышли из гавани под парусом, сделали несколько галсов, но когда они решили возвращаться, ветер внезапно стих и парус повис. Ловя остатки ветра и взявшись за весла, оба офицера успели заметить, что на улицах города растет толпа возбужденных местных жителей, к которым присоединились даже рыболовы, оставив свои обычные места на набережной.

Катер с «Калипсо» взял вельбот Доусона на буксир и доставил на крейсер, где капитан 1 ранга Тесиджер информировал их о принятом решении вывести из гавани все английские корабли, поскольку французы решили не поддаваться на угрозы большевиков и оборонять город до конца.

Доусон согласился с решением Тесиджера. Если большевики начнут лупить из орудий по гавани, корабли попадут в очень трудное положение, тем более, что с воды в узкой бухте невоз-

можно было разглядеть никаких целей для ответного огня. В 4 часа дня Доусон вернулся на «Тобаго» и стал ждать сигнала к отплытию.

Внезапно, без всякого предупреждения, флагманский линкор французов открыл огонь из всех имеющихся у него орудий прямо через английские корабли.

Доусон смотрел на мачту крейсера «Калипсо», ожидая сигнала к уходу из бухты, но, к его удивлению, крейсер тоже открыл огонь и приказал «Тобаго» присоединиться к нему.

Доусон решительно не знал, по кому он должен стрелять, поскольку прямо перед «Тобаго» возвышался гористый берег, и запросил «Калипсо» сообщить ему пеленг и дистанцию для открытия огня. Требуемые сведения были получены Доусоном вместе с сигналом: «Прекратить огонь».

Позднее выяснилось, что французские корабли открыли огонь для поднятия боевого духа своих солдат, а целились они в ту часть Крыма, где по их предположению находились красные.

Чтобы ничего подобного более не повторилось, английские корабли покинули гавань («без всякого сожаления», как признался Доусон) и заняли удобные бомбардировочные позиции в море, которые, по странному стечению обстоятельств, совпали с теми позициями, что занимали английские корабли во время знаменитой осады Севастополя 70 лет назад. Отсюда англичане, взаимодействуя с кораблями французского флота, должны были прикрыть эвакуацию Севастополя, если в таковой возникнет необходимость.

Ночь прошла спокойно, а утром следующего дня «Тобаго» получил приказ взять на борт французского штабного офицера и четырех русских, чтобы доставить их в Константинополь.

Французский офицер рассказал Доусону, что красные были просто потрясены решимостью французов оборонять Севастополь, чего они совершенно не ожидали. Французские войска сейчас занимают ту же линию обороны, что удерживала русская армия в годы Крымской войны. Эти позиции легко удержать, так как у красных, к счастью, мало артиллерии. Тем временем предполагается высадить десант в районе Перекопа, чтобы окружить и окончательно уничтожить красных.

За время отсутствия «Тобаго» в Константинополе мало что изменилось, если не считать прихода нового командующего английским Средиземноморским флотом адмирала сэра Джона Робека, возложившего на себя по совместительству и должность верховного комиссара Британии, а потому постоянно путавшего военную и дипломатическую терминологию.

Вскоре, вопреки решимости французов сражаться до конца, пришло сообщение о сдаче Севастополя.

Остатки Белой армии были частично перевезены в Феодосию, а частично — отправлены в Константинополь, где уже явственно ощущалась нехватка продовольствия.

Положение несколько облегчили американцы. В проливы пришел их рефрижератор «Даго», снабдив мясом и прочими продуктами боевые кораб-

ли всех стран. С ним вместе в Константинополь пришли два американских эсминца.

Примерно два дня «Тобаго» провел в полном безделье, а затем получил приказ следовать в Исмид, чтобы нести сторожевую службу у стоявших там под опекой союзников русских кораблей — дредноута «Воля» и эсминца «Дерзкий». На «Воле» был немногочисленный английский экипаж, а на «Дерзком» не было ни души.

Доусона это совсем не привело в восторг. Чем он уже только не занимался после окончания мировой войны! И нес обычную службу в составе флотилии эсминцев, эвакуировал под огнем представителей русской аристократии и буржуазии, «ужинал» до потери сознания с русскими гвардейскими офицерами, а теперь должен нести сторожевую службу, охраняя русские корабли, стоявшие в турецких водах с английским экипажем!

Поэтому Доусон бы совершенно не удивился, если бы ему вдруг приказали стащить с мели Ноев ковчег, куда он выскочил некоторое количество лет назад — кстати, не так уж далеко от Константинополя. Он бы только послал Маррея-Смита в штаб, чтобы тот отыскал там «наставление», которое бы в переводе с иврита описало бы конструктивные особенности и устройство этого плавающего зоосада.

Размышляя таким образом, Доусон привел «Тобаго» в бухту Исмид и пришвартовался к борту «Воли», стоявшей на якоре напротив города с тем же названием, что и бухта — Исмид. К другому борту «Воли» был пришвартован русский эсминец «Дерзкий». Неподалеку стояли на якоре две

немецкие подводные лодки, обеспечивая своими «динамо» освещение на русском дредноуте. На южной стороне бухты стоял «Гебен» с турецким экипажем и греческим эсминцем в качестве конвоира.

Бухта являлась частью Мраморного моря, а город в старые времена назывался Никомедией и брался штурмом в ходе всех четырех крестовых походов.

Именно в этом городе был похоронен святой Георгий, которого позднее и, надо сказать, не совсем законно Англия избрала в качестве своего основного святого покровителя. На другой же стороне бухты был похоронен Эзоп.

От былой славы города осталась только полуразрушенная крепостная стена. Ныне это был заштатный пыльный турецкий городок, которому право называться портом давал покосившийся деревянный причал.

Хотя Доусон и получил, как гласил приказ, весьма громкую должность «старшего морского офицера в Исмиде», в его обязанности входила только охрана английских моряков, обслуживающих «Волю» под руководством лейтенанта с одного из английских линейных кораблей.

1 мая 1919 года пришло известие о падении Севастополя и уходе французов, которые предоставили Британскому флоту одному прикрывать остатки Белой армии в Крыму.

На следующий день командир «Тобаго» получил приказ срочно возвращаться в Константинополь.

Бросив якорь на знакомом месте, Доусон

провел в Константинополе несколько дней, готовясь к очередному походу в Черное море.

Доусон был очень доволен открытием, которое ему посчастливилось самостоятельно сделать в Исмиде. Оказывается, Ганнибал похоронен вовсе не в Карфагене, как был уверен Доусон, а тоже в Исмиде!

7 мая, в чудесную теплую погоду при ярко сияющем солнце, «Тобаго» в очередной раз направился в Черное море, имея на борту почту, пассажиров и разные грузы.

Спускаясь по Босфору, Доусон первый раз смог по-настоящему оценить красоту окружающего пролив побережья с роскошными турецкими дворцами и венецианскими замками, купающимися в зелени и спускающимися прямо к воде. Доусон полагал, что сдав почту и высадив пассажиров, он вернется обратно в Константинополь. Но на этот раз он ошибся.

Командующий британским флотом в Черном море адмирал Сеймор, державший теперь свой флаг на линкоре «Эмперор оф Индия», приказал Доусону оставаться при эскадре, которая оперировала у Феодосии, оказывая поддержку остаткам Белой армии в Крыму.

Прибыв на адмиральский корабль, Доусон узнал, что хотя французы вышли из игры, Британия решила продолжить поддержку Белого движения, поскольку в Лондоне доминирует мнение, что большевизм — это величайшее мировое зло.

В настоящий момент адмирал Колчак развернул очень крупное наступление в Сибири. На севере России у белых также появился шанс на ус-

пех. Здесь в Крыму левый фланг армии генерала Деникина численностью примерно в 2000 человек удерживает Керченский полуостров, имея английские корабли на каждом из своих флангов. Часть английских кораблей вошла в Азовское море, надеясь на соединение Деникина и Колчака на северном и восточном направлениях. У большевиков мало артиллерии, но та, что есть — постоянно обстреливает британские корабли. Впрочем, те отвечают сторицей.

Командир крейсера «Монтрос» рассказал Доусону, как линкор «Эмперор оф Индия» бил вспомогательным калибром по какой-то водокачке, на которой засели красные корректировщики, и все никак не мог по ней попасть. На «Монтросе» подняли сигнал: «Командир — командиру: разрешите таранить цель?» Подобные шутки со старшими в чине иногда кончались очень плохо. Но на этот раз линкор поднял ответный сигнал: «Разрешаю». И, наконец, накрыли эту проклятую водокачку.

Первым боевым заданием, полученным «Тобаго», был обстрел железнодорожного пути, по которому красные пытались перебросить к фронту свою тяжелую артиллерию. Поскольку больше дорог в этой местности не было, считалось, что разрушение железной дороги окажется достаточным для облегчения положения войск Деникина на фронте.

Погода снова испортилась. Задувал штормовой ветер, нагоняя крупную волну, что очень сказывалось на эффективности огня кораблей.

В интервалах между стрельбами «Тобаго» от-

стаивался на двух якорях, нещадно мотаемый на волнах.

Именно в это время по радио пришло сообщение о статьях Версальского договора, который было предложено подписать немцам. Доусон нашел их слишком жестокими и непрактичными, будучи уверенным, что немцы не подпишут этот договор и хорошо представляя, к какому международному хаосу это может привести.

«Впрочем, — философски заключил он, — война для эсминца «Тобаго», так или иначе, еще не закончится».

Лейтенант Джосседж пригласил на «Тобаго» перед уходом из Константинополя своего знакомого армейского офицера, поскольку все на эсминце рассчитывали вернуться в Константинополь через несколько дней. Теперь его положение можно было сравнить с положением человека, попавшего на необитаемый остров.

Фамилия офицера была Келли — он являлся капитаном инженерных войск. Хотя по возвращении в Константинополь его ждал «хороший фитиль», он не унывал, уверяя, что английская армия не погибнет от его отсутствия. Келли оказался компанейским парнем, и вся кают-компания приняла его с восторгом. Капитан был заядлым мотоциклистом, и Доусон сильно подозревал, что именно из-за любви к мотоциклам он стал приятелем Джосседжа.

На «Тобаго» инженер-капитан Келли притащил свою бульдожиху по кличке Оливия, поскольку все ожидали хорошую погоду и дружбу между Оливией и командирским терьером по кличке

Флирт. Теперь измученные бесконечной болтанкой собаки целый день тоскливо выли, а при артиллерийском огне — впадали в истерику.

По ночам «Тобаго» иногда нес сторожевую службу в море, охраняя корабли, стоявшие на якоре у побережья. Ходили упорные слухи, что красные могут атаковать эскадру какими-то своими миноносцами, о существовании которых никто не знал, но тем не менее считаться с этим приходилось.

Через несколько дней погода утихла, и флот возобновил бомбардировку побережья. Целью бомбардировок, как правило, были приморские деревни, где, по сведениям белых, находились большевистские склады с боеприпасами.

Сведения белого командования всегда грешили неточностью, а карты Крыма на английских кораблях были составлены во времена Крымской войны. Поэтому часто артиллерийский огонь английских кораблей обрушивался на населенные пункты, занятые белыми. В ответ на эти бомбардировки местное население либо бежало, либо присоединялось к красным. Более всего, по мнению Доусона, страдали коровы, стада которых часто принимались неопытными артиллерийскими наблюдателями за эскадроны красной кавалерии.

Как-то с флагманского линкора передали на «Тобаго» приказ: «Пресечь огнем доставку боеприпасов в населенный пункт Н.» Подойдя к населенному пункту, с мостика «Тобаго» обнаружили, что по ведущей в деревню дороге катит телега, запряженная двумя лошадьми, которыми уп-

равлял какой-то мужик. Предположив, что именно на этой телеге и доставляются боеприпасы, столь встревожившие штаб адмирала, «Тобаго» открыл огонь из носового орудия, надеясь, что в деревне нет тяжелой артиллерии, которая бы ответила на его огонь. Снаряд с эсминца взорвался на значительном расстоянии впереди телеги. Та развернулась и вскачь понеслась в обратном направлении. Доусон приказал комендору не попадать в телегу, а еще пуще подогнать ее в обратном направлении, т.е. положить снаряд на таком же расстоянии позади нее. Однако, снаряд взорвался не позади телеги, а снова перед ней. Возница спрыгнул с телеги и бросился бежать в придорожные кусты. Брошенные лошади сами развернулись и снова помчались по направлению к деревне. Доусон снова приказал положить снаряд впереди лошадей. На этот раз наводчик был точен — лошади еще раз развернулись и помчались прочь от деревни, скоро исчезнув в клубах пыли за горизонтом. А «Тобаго» вернулся на прежнее место стоянки.

13 мая Доусон получил приказ следовать в Азовское море. «Тобаго» прошел Керченский пролив, следуя по узкому фарватеру, обозначенному воткнутыми в ил деревянными столбами.

Азовское море тоже сильно обмелело, и старый друг «Тобаго» — легкий крейсер «Калипсо», выполнявший функции флагманского корабля в этом регионе, имел всего несколько футов воды под килем.

Доусон сменил крейсер «Монтрос», который ушел из Азовского моря в Севастополь, как толь-

ко туда пришел новый флагман — «Тобаго».

Крайне западный участок Азовского моря назывался Сиваш или «Гнилое море», как его прозвали англичане еще во времена Крымской войны.

Расходясь с «Тобаго» контркурсами, «Монтрос», где командир был любителем пошутить, просигналил прожектором: «Добро пожаловать в Гнилое море!» и добавил: «Оставь надежды всяк сюда входящий!» Неукротимый шутник оказался прав. Погода в Азовском море стояла ужасная — с частыми штормами и шквалами.

Снабжение кораблей было совершенно не организовано, приходилось обходиться консервами из неприкосновенного запаса. Иногда еще удавалось добыть мяса, но овощей не было вообще из-за свирепствующего на берегу тифа. Экипажам предлагали сделать противотифозные прививки, но, как водится, так ничего и не сделали.

Вместе с «Тобаго» здесь находились еще два эсминца, вернувшиеся накануне после борьбы с большевистским судоходством у северного побережья Азовского моря. Мелководье делало навигацию очень трудной, держа ходовую вахту в постоянном напряжении. Для начала Доусон получил приказ остановить артогнем колонну красных войск, пытавшуюся пройти Перекоп по побережью Сиваша.

После первых же залпов красные повернули обратно, но вместо них появился бронепоезд, который открыл огонь, чтобы отогнать «Тобаго» подальше в море. Огонь бронепоезда был очень неточным, но под его прикрытием красные сдела-

ли еще одну попытку прорваться вглубь территории. В бинокль Доусон обнаружил, что большую часть транспортных средств большевиков составляли верблюды, и подумал, что он является, видимо, первым офицером Королевского флота, имеющим верблюдов в качестве цели для бомбардировки. Несколько выпущенных снарядов снова заставили красных повернуть обратно и ожидать наступления темноты. Море было слишком мелким, чтобы подойти достаточно близко к берегу и контролировать дорогу прожекторами в темное время суток.

Верблюды и бронепоезд! Такой экзотики Доусону еще не приходилось видеть.

На следующий день над английскими кораблями появились старенькие аэропланы красных и стали разбрасывать листовки. Несколько из них попали и на «Тобаго».

Доусон нашел их очень интересными и от души посмеялся над призывом к «английским товарищам» переходить на сторону большевиков.

Среди прочих наград перебежчикам обещали «сколько угодно женщин по выбору». Но листовки попали и к матросам, которые обратились к Доусону с просьбой объяснить им, что вообще здесь происходит и какое им, британским морякам, до этого дело?

Собрав матросов на баке, Доусон поинтересовался, что его матросов более всего беспокоит в этой ситуации? Один старослужащий котельный машинист откашлялся и сказал: «Прошу прощения, сэръ, но при всем уважении к вам мы многого не понимаем. Премьер утверждает, что мы не во-

юем с Россией, а только пытаемся изолировать большевиков. Санитарный кордон, так сказать. Но если это так, то почему мы стреляем друг в друга? Нас очень беспокоит этот вопрос, сэр».

Доусон понимал, что это не так легко объяснить. Матросы мало что знали о звериной сущности большевизма, а видели простых русских людей, над головами которых рвались английские шрапнельные снаряды, хотя все годы войны они считались союзниками Британии. А поэтому капитан 3 ранга начал издалека, приведя в пример события из истории Английской революции XVII века.

Все революции, пояснил он, приводят к хаосу, в результате которого начинается кровавая вакханалия. В настоящее время России необходим сильный диктатор и стабильное правительство. Когда это произойдет, пообещал командир «Тобаго», мы отсюда уйдем.

Позднее, вспоминая свою речь перед матросами, Доусон признался, что говоря о диктатуре и стабильности, он имел в виду совершенно не то, к чему в итоге пришла несчастная Россия. В душе он был согласен с сомнениями котельного машиниста, поскольку осмыслить полностью происходящее также был не в состоянии и сильно сомневался, что это мог сделать и сам Ллойд-Джордж — премьер-министр Великобритании. Во всяком случае, он точно знал, что никакой четко сформулированной политики по отношению к России, кроме смутного понимания лживой и кровавой сущности большевизма, у Британии нет.

Тем не менее Доусон не жалел о том, что

выступил перед своими матросами. Действующий в Черном море флот был еще главным образом укомплектован матросами, призванными «только на время войны». Операции против большевиков задержали их демобилизацию, которая уже давно прошла в Атлантическом флоте и в большей части Средиземноморского. И хотя его собственный экипаж состоял исключительно из профессиональных моряков-контрактников, Доусон был уверен, что его слова перескажут и на других кораблях, что, возможно, немного понизит уровень недовольства.

Дни в Азовском море для Доусона проходили очень томительно. Он мечтал поскорее вернуться в Константинополь, а затем отправиться на Мальту, где его ждала прибывшая из Англии невеста. Командир «Тобаго» собирался жениться.

В разгар боев «Тобаго» получил приказ возвращаться в Константинополь.

Вскоре после прихода в Константинополь, Доусон узнал, что несмотря на поддержку английского флота, войска генерала Деникина вынуждены были оставить Керченский полуостров. Доусон подумал, что французы поступили мудро, перестав участвовать в этом безнадежном деле. Но Британия так просто не сдается. Она всегда надеется, что в последний момент судьба пошлет ей что-нибудь вроде Трафальгара или Ватерлоо.

Доусона ждало и другое разочарование. Растаяли надежды быстрого перехода из Константинополя на Мальту.

«Тобаго» получил приказ «заодно» отбуксировать на Мальту для ремонта русский эсминец

«Дерзкий». «Дерзкий» по-прежнему стоял в Исмиде у борта дредноута «Воля».

Буксировка русских кораблей на Мальту уже привела к одному печальному событию. Русский эсминец «Счастливый» во время сильного шторма сорвался с буксира и был вынесен на камни острова Мудрос, где переломившись, затонул.

Этот инцидент послужил всем хорошим уроком, и Доусон понимал, что его будущая служба во многом зависит от того, благополучно пройдет эта буксировка или нет.

Информировав Доусона об этой задаче, командование предоставило ему «свободу рук» в добывании необходимого снаряжения, включая буксирные концы, отметив только, что на складах ничего нет. Ничего не было и на турецких складах. Кроме того, Доусону сообщили, что на «Дерзком» предполагается перевезти на Мальту для демобилизации отряд моряков, недавно вернувшийся с Каспия. Это вселило в Доусона надежду — «каспийцы», жаждущие демобилизации, сделают все возможное, чтобы переход до Мальты прошел успешно.

Командовал «каспийцами» лейтенант-резервист, одетый, видимо для маскировки, в форму цвета хаки. Лейтенант излучал энтузиазм и бодрое состояние духа, но у Доусона возникли некоторые сомнения относительно его квалификации как моряка. Помощником у него был младший лейтенант из добровольного резерва ВМС, который с еще большим энтузиазмом пытался замаскировать свою полную неопытность. Тем не менее, оба подтвердили Доусону свое страстное же-

вание скорее вернуться домой. Это вселяло некоторую надежду.

Теперь Доусон и его первый лейтенант Джоседж встали перед проблемой, где достать буксировочные концы и другое снаряжение, необходимое для буксировки корабля в полтора раза больше, чем «Тобаго», на расстояние более 1000 миль, что отделяли Константинополь от Мальты.

На одном линкоре, благодаря любезности командира, им удалось добыть стальной буксирный конец достаточной длины, чтобы буксировать линейный корабль. Этот толстенный трос вместе с вьюшкой были с триумфом доставлены на «Тобаго» на баркасе линкора, любезно одолженном тем же командиром. Теперь для подстраховки этого стального монстра необходим был пеньковый трос толщиной не менее 5,5 дюймов, найти который оказалось еще сложнее. После долгих поисков офицерам удалось обнаружить его на небольшом мобилизованном пароходе, возившем почту из Константинополя на Мальту, и уговорить капитана отдать этот трос им. Капитан взял с них слово, что они этот трос, оставшийся на пароходе с довоенных времен, не испортят и вернут после завершения операции. Оставалось немного поднатаскать «каспийцев» в тонкостях морской практики.

«Каспийцы», кстати, не задали ни одного вопроса по поводу столь странного способа доставки их на Мальту для демобилизации. Видимо, их способность удивляться была также загнана «в спячку» от пребывания на Каспии, как и у моряков «Тобаго» от пребывания в Черном море. Кро-

ме того, Доусон предпринял робкую попытку получить для «каспийцев» продовольствие, поскольку запасы «Тобаго» были в достаточной степени опустошены в течение пребывания в Черном и Азовском морях. Однако, быстро поняв всю безнадежность этой затеи, Доусон бросил ей заниматься, приказал сниматься с якоря и направился в уже знакомый ему Исмид.

У любого моряка портится настроение, когда ему приходится смотреть со стороны на брошенный и частично разобранный корабль, стоящий в каком-нибудь «отстойнике» вроде Исмидской бухты. Но, если осмотреть такой корабль изнутри, то плохое настроение мгновенно переходит в деморализующий кошмар, что и произошло с Доусоном, решившим проверить состояние «Дерзкого» перед буксировкой. Паров на «Дерзком» не было, а следовательно не было и света, не действовала вентиляция. Как в пустой цистерне — все гудело и стонало под ногами, влажные переборки добавляли траурный вид, а изношенная мебель и остатки былой роскоши офицерских кают напоминали разгромленный полицией дешевый бордель в каком-нибудь левантском порту.

Эсминец «Дерзкий», введенный в строй всего три года назад, был когда-то прекрасным кораблем, стремительным, хорошо вооруженным, водоизмещением примерно на 200 т больше, чем «Тобаго». Возможно, что его еще надеялись восстановить, а потому и приказали отбуксировать на Мальту. В любом случае на русском эсминце сначала нужно было наладить освещение и попытаться дать пар хотя бы на рулевую машину.

Доусон вызвал своего механика Пэрри и приказал ему к следующему утру попытаться поднять пар в одном из котлов «Дерзкого». Капитан-лейтенант Пэрри, осмотрев котельно-машинное хозяйство «Дерзкого», доложил Доусону, что ни при каких обстоятельствах он не разрешит никакому английскому машинисту рисковать своей жизнью, добывая пар из столь прогнивших котлов. Приговор был окончательный, и Доусону пришлось с ним смириться.

С «Тобаго» на «Дерзкий» были переданы все масляные фонари, спальные принадлежности, бисквиты, консервы и даже ром.

Самой тяжелой проблемой оставался способ управления «Дерзким». Огромный стальной штурвал, находившийся в румпельном отделении на корме русского эсминца, управлялся вручную, но в помещении, где он находился, нельзя было разместить более трех человек. Связь с мостиком из этого помещения осуществлялась через переговорную трубу, в которой от ветхости было много дыр. Но делать было нечего. Дыры в переговорной трубе, которые удалось обнаружить, заткнули и зацементировали, хотя всем было ясно, что такой метод управления если и работает, то только в идеальную погоду. Ликующих неизвестно по какому поводу «каспийцев» высадили на «Дерзкий», добавив им сигнальщика с «Тобаго» и целый набор цветных дымовых шашек для подачи сигналов бедствия.

Настало время приступать к буксировке. Для начала главным было оттащить «Дерзкий» от борта дредноута. На русский эсминец завели гиган-

тский перлинь и дали ход. Конец натянулся, на какое-то мгновение показалось, что «Дерзкий» шевельнулся, но это мало кто заметил, потому что именно в этот момент драгоценный пеньковый трос лопнул. Пришлось завести стальной конец. Доусон приказал обнести его вокруг носовых кнехт «Дерзкого», надеясь, что они в лучшем состоянии, чем его котлы.

«Дерзкий» с трудом оттащили от «Воли» и повели к Мраморному морю. Погода стояла тихая и прекрасная. Сразу выяснили, что «Дерзкий» предпочитает «длинный» буксир. Проходя Дарданеллы с их частыми поворотами и зигзагами, Доусон хотел выбрать буксир. Но это уже было слишком для примитивного рулевого оборудования русского эсминца, обслуживаемого к тому же моряками-любителями. Буксир снова вытравили. Вскоре, освоившись, «Тобаго» развил скорость 10 узлов, и у всех на мостике поднялось настроение.

Утром следующего дня «Тобаго» вошел в Дарданеллы, и Доусон решил оставить буксирный конец таким, каким он был. Он и вся вахта нервничали. При подводном течении, которое шло из Мраморного моря в Средиземное, «Дерзкий» начинал опасно рыскать на курсе, а из-за «длинного» буксира его практически не было видно с мостика «Тобаго». А выбрать буксирный конец в проливе было практически невозможно. Но все обошлось. На мостике «Тобаго» с симпатией стали вспоминать «каспийцев», которые, обливаясь потом, крутили сейчас огромное штурвальное колесо, задыхаясь в крошечном помещении румпельного отсека «Дерзкого», и об их ко-

мандире, имеющем с ними столь ненадежную связь.

В конце первых 36 часов буксировки выяснилось, что «Тобаго» идет с сильным перерасходом топлива, и после некоторых размышлений, Доусон решил не рисковать, а зайти в Афины и пополнить запас мазута.

На третьей сутки утром «Тобаго» прибыл в Афины. Это был первый визит Доусона в древнюю столицу Греции, но ему пришлось ограничиться знакомством с городом и древним Акрополем, наблюдая их с мостика, когда «Тобаго» шел через бухту Салами к указанному месту стоянки.

Экипаж «Дерзкого» блестяще повторил все эволюции «Тобаго» и с помощью ручного капстана отдал якорь. Во второй половине дня «Тобаго» и «Дерзкий» снова вышли в море. Погода стояла хорошая. Матросы с «Дерзкого» прекрасно справлялись со своим делом, следуя точно в кильватер «Тобаго».

После полудня на пятые сутки погода начала портиться. К вечеру задул сильный норд-вест, и буксир стало опасно дергать. К 10 часам вечера ветер и волны достигли почти штормовой силы, и Доусон, вспомнив советы старинных книг по морской практике, решил испытать рекомендованный там способ и приказал такелажными скобами принайтовать к буксирному концу якорь-цепь, чтобы, утяжелив трос, уменьшить тем самым силу рывков. С этого момента Доусон зарекся следовать советам старых мореходов, поскольку не успели матросы боцманской команды выполнить его приказ, как буксирный конец лопнул именно в

этом месте, и «Дерзкий» унесло в море. К счастью, находясь в открытом море, можно было не опасаться, что «Дерзкий» выбросит где-нибудь на камни.

Русский эсминец исчез из видимости, а темная ночь в бушующее море сильно мешали его обнаружению. Доусон приказал ложиться на обратный курс. Через полчаса «Дерзкий» был снова обнаружен. Его кидало на волне так, что Доусон испугался, как бы эсминец не перевернуло.

Сигнальщик с «Тобаго», находившийся рядом с командиром-резервистом на мостике «Дерзкого», передал Доусону, что все в порядке и на «Дерзком» готовы принять новый буксир. Все отличительные огни из масляных фонарей, что были оборудованы на «Дерзком» перед уходом из Исмида, по разным причинам уже вышли из строя, и корабль было очень трудно различить в темноте. Но на «Тобаго» включили прожектор, и благодаря самоотверженной работе «каспийцев» на полубаке «Дерзкого», подали на русский эсминец новый буксирный конец, который был раза в два тоньше предыдущего. Ночь была ужасной. Новый буксир вскоре тоже лопнул, и пришлось заводить еще один.

К счастью, с рассветом погода стала улучшаться, ветер и волна стихли. «Дерзкий» вели теперь на коротком буксире, и его нос прыгал на волне в опасной близости от кормы «Тобаго». Правда, к этому времени мастерство рулевых на «Дерзком», сражающихся с огромным штурвальным колесом, выросло до такой степени, что эсминец почти не рыскал на курсе. К полудню на

горизонте открылись берега Мальты, и прибывший оттуда буксирный пароход, сменив «Тобаго», повел «Дерзкий» в порт.

Доусон, сотворив про себя благодарственную молитву, повел свой эсминец в Гранд-Харбо. Отделавшись от «Дерзкого», все на «Тобаго» почувствовали громадное облегчение, радуясь, что буксировка завершилась благополучно.

Профессиональные моряки — они хорошо понимали, что успеху операции они в большой степени обязаны самоотверженности находившихся на «Дерзком» любителей, которые в своей жажде быстрейшей демобилизации вели себя лучше, чем самые закаленные «морские волки», каких Доусону когда-либо приходилось видеть.

По прибытии на Мальту «Тобаго» был поставлен в док, которого эсминец не видел с момента своего ухода из Англии, а капитан 3 ранга Лионель Доусон, быстро оформив отпуск, отбыл в Марсель на встречу со своей невестой.

III

Отпуск, особенно если он совпадает с медовым месяцем, проходит мгновенно. Проведя его в Ницце, капитан 3 ранга Доусон вернулся на Мальту, где к этому времени завершился ремонт его эсминца «Тобаго».

Остаток лета и большую часть осени «Тобаго» провел в Адриатике, оказывая поддержку английской администрации в попытке навести хоть какой-то порядок в Далмации, которую никак не могли поделить бывшие союзники по минувшей войне — Италия и Сербия.

Король Англии подарил враждующим сторонам по 5000 телят, после чего те немного успокоились. «Тобаго» эскортировал два бывших войсковых транспорта, набитых вместо солдат мычащими телятами, и наблюдал за их выгрузкой, поразившей его своим стратегическим размахом.

Только в середине ноября «Тобаго» вернулся в Константинополь. Доусон прибыл на флагманский корабль, где получил приказ следовать стационаром в Одессу, сменив находившийся там эсминец «Тайлбори». Одесса, как выяснилось, снова попала в руки белых, пока «Тобаго» находился в Адриатике, а теперь являлась основной базой белой армии под командованием генерала Шиллинга.

Генерал Деникин, который организовал мощное наступление на красных в Крыму и Южной России, назначил генерала Шиллинга «вице-королем» Украины.

Хотя, по мнению Доусона, от этого нового наступления белых, как и от всех предыдущих, веяло авантюрой, Британский флот и армия были, по приказу премьер-министра Ллойд-Джорджа, вовлечены в «Белое дело» по всему бассейну Черного моря. Бесчисленное количество английских офицеров «военного времени», не желавших расставаться со своими временными званиями и боявшихся демобилизации больше всего на свете, были приданы белогвардейским частям в качестве «советников» или заполняли многочисленные «Британские миссии» по всему черноморскому побережью бывшей Российской Империи. Некоторым из них пришлось попасть в невероятные переделки, которые и не снились флибустьерам былых времен где-ни-

будь в Африке, Индии или Латинской Америке.

В этот момент успехи белых на фронте и их оптимизм достигли зенита. В принципе, это было практически все, о чем, не вдаваясь в подробности, сообщили Доусону в адмиральском штабе, предупредив, чтобы он остерегался попасть в «ледовый плен» в любом из русских портов, куда ему придется заходить.

На пути из Константинополя в Одессу находился Змеиный остров, и Доусон проложил курс таким образом, чтобы пройти в 12 милях к востоку от него. Лоции, имевшиеся на эсминце, показывали, что на острове есть маяк, но нет станции туманного предупреждения. Что касается маяков, то из-за частой смены властей в этом районе многие из них или перестали действовать вообще, или работали время от времени.

Погода была переменчивой, и с мостика «Тобаго» так и не увидели маячного огня, хотя, судя по карте, он должен был уже открыться. Это, однако, мало кого беспокоило на мостике. С запасом в 12 миль «Тобаго» должен был безопасно пройти мимо острова, тем более, что по приказанию Доусона, с эсминца постоянно бросали лот. То, что маяк не открылся вовремя, приписали двум причинам: либо в своей вечной тяге к разрушению красные его уничтожили, либо это сделали румыны в пику белым. «Тобаго» шел со скоростью 20 узлов, погода прояснялась, и Доусон, оставив вахтенного на мостике, спустился к себе в каюту, чтобы погреться чаем. Но едва Доусон добрался до каюты, как характерный звук реверса машин, начавших работать на задний ход, за-

ставил командира «Тобаго» пулей взлететь обратно на мостик. Там он обнаружил первого лейтенанта Джосседжа, отводящего задним ходом эсминец от острова, поднявшегося перед самым носом «Тобаго» подобно стене.

Выяснилось, что как только Доусон ушел с мостика, оставшийся на вахте Джосседж услышал пушечный выстрел, а вскоре — еще один. Пока лейтенант соображал, что это все должно означать — международный инцидент или очередной революционный эксперимент, — он явственно услышал впереди шум прибоя. Бросившись к машинным телеграфам, первый лейтенант дал машинам «полный назад», увидев, как всего в нескольких сотнях ярдов по курсу из полосы тумана поднимаются туманные очертания острова. Без сомнения, это был остров Змеиный. Какое-то из десятков вечно меняющих свое направление черноморских течений сбило «Тобаго» с курса. Но кто стрелял из пушек? Доусон осторожно повел эсминец вокруг острова.

Взошедшее солнце рассеяло туман, но тайну пушечных выстрелов так открыть и не удалось. Доусон приказал снова взять курс на Одессу. В это время была получена радиограмма от адмирала сэра Джорджа Хоупа, назначавшего «Тобаго» rendezvous у Одессы для принятия почты с флагманского корабля. Доусон обнаружил адмиральский корабль, стоявший в тумане на самой кромке старого минного поля, знакомого Доусону по его первому походу в Одессу. Предупредив флагмана, чтобы тот немного подал назад, Доусон обошел минное поле и, подойдя к борту адмиральского корабля, принял почту. Разбирая почту, Доусон

обнаружил последний выпуск «Памятки мореплавателя», где объявлялось об установке «туманных пушек» на Змеином острове, чьи выстрелы наверняка и услышал накануне лейтенант Джосседж.

Тайна стала очевидной. Оставалось разобраться в причине навигационной ошибки, приведшей «Тобаго» прямо на остров, в то время как Доусон собирался пройти в 12 милях от него. Получалось, что за 12 часов хода «Тобаго» сбился с курса на 12 миль. Кроме того, прокладка показала, что когда на мостике считали, что уже оставили остров за кормой, эсминец еще находился южнее его. Во всем обвинили не указанные в логии течения и не списанную девиацию компасов.

1 декабря 1919 года «Тобаго» пришел в Одессу и пришвартовался кормой к причалу в порту. На следующее утро эсминец «Тайлбори» ушел в Константинополь.

Сойдя на берег, Доусон быстро убедился, что обстановка в Одессе очень далека от того, чтобы назваться простой и спокойной. Город был заполнен генералами и их штабами, сотнями беспризорных офицеров и очень незначительным количеством солдат.

К традиционным враждующим сторонам в русской гражданской войне жаждал присоединиться галицийский контингент, пока что представленный в Одессе штабом из нескольких австрийских офицеров. Где находятся их войска, пока никто не знал. Линия фронта в этот момент проходила где-то в районе Киева, примерно в 250 милях от Одессы, и война оказывала мало влияния на социальную жизнь города.

Главной проблемой являлся недостаток угля для отопления и освещения города. Зима уже вступила в свои права, и вскоре ожидалось очень сильные морозы, что могло сильно обострить ситуацию, поскольку любой голодный или замерзший русский быстро начинал склоняться на сторону большевиков, начиная верить в их лживые посулы и демагогию.

В Румынии, которая была главным поставщиком угля в Одессу, верх взяли какие-то местные крикливые социалисты, начало превалировать мнение, что поскольку Одесса захвачена империалистами, то она хорошо обойдется и без угля. В угле нуждалась даже водопроводная станция, а потому первая просьба, с которой обратились к Доусону, была просьба о питьевой воде для нужд городских властей.

Другими словами, в городе преобладали те же условия, вызванные гражданской войной, что и в других местах, где Доусону уже пришлось побывать. Было очень холодно из-за большой влажности воздуха, на берегу свирепствовал тиф. Однако совсем не эти факторы доминировали в социальной жизни Одессы. Опера и кордебалет, ночные клубы и рестораны служили постоянным пристанищем для толп беспризорных офицеров, явно предпочитающих светскую жизнь окопам на передовой. Британской военной миссией командовал майор Оуэн, и вся она состояла из «временных» офицеров, которые пытались взять все от своего короткого периода жизни, когда судьба повесила им офицерские погоны, взяв на государственное обеспечение. Они с головой окунулись в светс-

кую жизнь этого необыкновенного приморского города.

Свой первый обязательный визит Доусон нанес генералу Шиллингу — главнокомандующему войсками и «вице-королю» Украины. Главнокомандующий оказался пожилым блондином из балтийских баронов. Он излучал дружелюбие и любовь. Не зная никакого языка, кроме русского, он даже через переводчика сумел заразить Доусона своим категорическим и беспредельным оптимизмом.

«Все прекрасно в этом лучшем из миров», — сказал генерал, пожимая руку английского офицера. Затем в честь Доусона было выпито по бокалу шампанского, и генерал объявил о своем намерении посетить «Тобаго» завтра утром.

Все командиры английских кораблей, стоявших в русских портах, имели инструкцию оказывать белогвардейским властям максимальное содействие, а вместе с тем и впечатление всеми доступными средствами. Стоявший ранее в Одессе легкий крейсер во всех торжественных случаях салютовал из пушек и посылал своих матросов маршировать по улицам города вместе с войсками гарнизона. Но поскольку «Тобаго» был всегонавсего эсминцем, устраивать артиллерийские салюты ему было не положено, а маленький экипаж не давал возможности выделить для парада необходимое количество людей, чтобы на них кто-нибудь обратил внимание.

Однако, на «Тобаго» был горн, украденный некогда Доусоном со старого армейского склада. Горн эсминцу был тоже не положен, но первый

лейтенант Джосседж пользовался им для объявления авралов, и экипаж «Тобаго» привык вскакивать под звуки горна, как на линейном корабле. Постепенно на «Тобаго» горном стали дублировать почти все команды. Поэтому у Доусона возникла идея встретить завтрашний визит «вице-короля» звуками горна и почетным караулом. Но, как всегда бывает в таких случаях, не успел Доусон вернуться на эсминец, как ему доложили, что горнист заболел и отправлен в госпиталь.

Придя в себя от этого удара, Доусон приказал Джосседжу опросить экипаж и найти какого-нибудь добровольца, способного заменить горниста. Кроме того, Доусон приказал своему первому лейтенанту подготовить почетный караул по количеству имеющихся на «Тобаго» винтовок. После долгих поисков один моторист, попавший на флот из территориального запаса, преодолев вполне естественную застенчивость, признался, что в своей прошлой инкарнации, то есть всего несколько сот лет лет назад, он обучался сигналам на горне, подавая большие надежды. Но затем его талант впал в спячку, и его пришлось закопать.

Мотористу немедленно вручили драгоценный инструмент, освободили от несения службы и посадили откапывать талант в румпельной отсек на корме, приказав обратить особое внимание на исполнение встречного сигнала, подающегося при визите на корабль важных береговых персон.

Всю ночь из кормового отсека доносились странные звуки. Сигнал «Стоять смирно» моторист вспомнил без особого труда, но «Встречный марш» у него явно не получался. Первые же ак-

корды показали, что слуха у моториста никогда не было. Но он старался. После обеда Доусон съехал на берег, а, вернувшись, узнал из доклада вахтенного офицера, что моторист вспомнил несколько основных сигналов и сейчас усиленно совершенствует свое исполнительское мастерство.

На следующий день, в 11 часов утра, Джосседж, горнист и почетный караул — все в форме первого срока — были построены на юте, щеголяя максимально возможной у моряков строевой выправкой.

«Вице-король» подъехал на коляске в сопровождении эскорта из полувзвода казаков. На набережной собралась толпа народа. Доусон, как положено, встретил генерала Шиллинга на береговом конце сходни и, не отнимая руки от козырька фуражки, прошествовал с «вице-королем» на ют эсминца. Моторист приложил горн к губам и пропел сигнал: «Стоять смирно!»

«Для встречи справа! Слушай — на караул!» — громовым голосом скомандовал лейтенант Джосседж, и матросы выполнили его команду с солдатской четкостью. Затем наступила зловещая пауза. Горн должен был проиграть встречный марш, но молчал. Опытным взглядом театрал-любителя Доусон посмотрел на своего музыканта и понял, что у того от волнения пересохло в горле, окончательно погубив его былые таланты.

«Ну, давай!» — прошипел Доусон, продолжая держать руку у козырька. — «Сыграй что-нибудь!»

Приказ командира корабля вывел моториста из оцепенения, и он заиграл сигнал, который знал наизусть и, видимо, любил больше всех других:

«Бачковые, на камбуз! Приготовиться на обед!»

К чести команды «Тобаго», построенной на палубе, лейтенанта Джосседжа и самого Доусона — никто из них даже глазом не моргнул. Все торжественно стояли смиренно, отдавая честь, а излучающий улыбки генерал Шиллинг следовал их примеру. Генерал прошел перед строем английских моряков, после чего Доусон увел его вниз, провожаемый сигналом горна: «Продолжать выполнять предыдущую команду!», которая тоже случайно оказалась в репертуаре моториста-горниста.

Бокал шампанского, выпитый в кают-компании, вернул Доусона в состояние безмятежности, а генерала Шиллинга привел в совершенно превосходное настроение. Главнокомандующий был очень доволен своим визитом, объявив через офицера связи, что он хочет еще раз посетить «Тобаго», поскольку восхищен организацией службы на нем. Доусон, беседуя с «вице-королем», размышлял о том, каким сигналом его горнист проводит генерала Шиллинга с корабля.

Как режиссер-постановщик, Доусон был изолирован в кают-компании в обществе генерала Шиллинга и офицера связи, и не мог уже предпринять ничего. Когда они снова поднялись на верхнюю палубу, вся церемония повторилась с образцовой четкостью вплоть до музыкального сопровождения. Снова наступила напряженная тишина. Лейтенант Джосседж позднее признался Доусону, что приказал горнисту играть все, что придет тому в голову, а матросов под страхом смерти предупредил не скалиться или каким-нибудь другим об-

разом реагировать на звуки горна.

Провожая генерала Шиллинга, «горнист» проиграл целых два сигнала: «Приготовиться к утренней уборке» и «Торпедная атака», под звуки которых генерал Шиллинг, провожаемый Доусоном и офицером связи, торжественно покинул корабль.

«Офицером связи» был добродушный толстяк по фамилии Алексеев, бывший когда-то артиллерийским капитаном, а ныне пребывающий в этой должности на различных английских кораблях практически всю гражданскую войну. Одет он был в морские клеши и ботинки, а также в тужурку английского главстаршины с галстуком. Единственными признаками его принадлежности к русской армии были фуражка и погоны. Когда-то при нем была шашка, но постепенно Алексеев «англизировался» и перестал ее носить, по крайней мере, на корабле. Его английский был очень примитивным, а надежность — нулевой.

«Не беспокойтесь, командир, — говаривал он, обезоруживающе улыбаясь Доусону, — я все устрою». И никогда ничего не делал: либо не мог, либо забывал. Но излучал при этом такой шарм, что сердиться на него было совершенно невозможно. Как вскоре выяснили на «Тобаго», Алексеев, попадая на берег, превращался в заядлого бабника. Одесса была заполнена красивыми женщинами. Сочные местные еврейки-брюнетки прекрасно гармонировали с роскошными блондинками — главным образом офицерскими женами. Они ласкали мужской взгляд при прогулках по городу.

«Видите вон ту леди? — говорил Алексеев Доусону, сопровождая его в город. — Как она пре-

красна, не правда ли? Но муж всегда рядом с ней. Три раза генерал обещал мне отправить его на фронт, а он все здесь».

Как-то, рекомендуя Доусону одного своего друга для работы в Британской миссии, Алексеев охарактеризовал его так: «Прекрасный парень. Всегда пьяный».

Доусон так и не понял, как это надо понимать: то ли этот офицер «хороший товарищ и не подведет», то ли сам факт, что он вечно пьяный, является таким достоинством, перед которым меркнут все остальные. Его доклады о положении на фронте напоминали Доусону гимны древних греков в честь Аполлона и всегда содержали полную уверенность в успехе, если не в тактическом, то в стратегическом. Когда пал Киев, Алексеев считал это стратегическим успехом, поскольку уменьшилось расстояние от штаба до линии фронта.

В обязанности Доусона входило постоянно докладывать командующему флотом адмиралу сэру Джону Робеку о положении на фронте, которым командовал генерал Шиллинг. И оптимизм русского командования пронизывал все рапорты командира «Тобаго». Доусон так и не понял, существовал ли такой момент, когда белые действительно чувствовали себя уверенно, не сомневаясь в своей конечной победе, но, общаясь с ними, он также уверился в том, что все идет как нельзя лучше и соответственным образом составлял свои рапорты. Он даже повторил, что отступление из Киева было осуществлено «в соответствии с планом». Позднее он утешал себя тем, что был далеко не единственным, кто был введен в заблужде-

ние безответственностью белого командования.

Все как бы шло хорошо и спокойно. В городе функционировало гражданское управление, и даже проходили муниципальные выборы. Работали театры и концертные шоу. Ставились оперы, выступал ансамбль казачьих плясок и Донской хор. Каждый вечер на этих представлениях можно было видеть генерала Шиллинга и его скромную жену в сопровождении двух огромных казаков, вооруженных до зубов.

Доусону до этого никогда не приходилось видеть казачьих плясок, но в Одессе он ими пресытился. Каждый вечер, будь то в частном доме или в общественном заведении, демонстрировались казачьи пляски, исполняемые и профессиональными танцорами, и офицерами-любителями. Среди «звезд» был один офицер, прикомандированный к Британской миссии. Коронным номером у него был танец с двумя саблями в руках и двумя кинжалами в зубах. Кинжалы были острые, и к концу танца его губы были в крови, как у индийского факира. Но ноги его, казалось, не знали усталости, и полы черкески кружились как крылья вентилятора.

Такой светской жизни английским морякам давно не приходилось вести. Балетная группа посетила «Тобаго», а потом дала специальное представление для экипажа эсминца. Сам Доусон посещал «званные ужины» и на приз танцевал фокстрот в кабаре.

Между тем, становилось все холоднее, и за неделю до Рождества порт оказался скованным льдом. Нехватка угля стала ощущаться еще ост-

рее. Как-то Доусон был приглашен на чай в один дом. Придя, он с удивлением обнаружил, что все гости, подложив под себя подушки, сидят на большой кухонной плите. Больше никаких способов согреться в квартире не было.

На праздник в день святого Георгия на Де-рибасовской был дан парад войск, за которым последовала очень продолжительная служба в кафедральном соборе. Церковный хор, выступающий без аккомпанемента, показался Доусону пением ангелов.

«Тобаго», хотя ему этого делать не полагалось, тоже выделил отряд моряков для участия в параде. Также поступили и на французском эсминце, пришедшем в Одессу накануне. Более того, моряки «Тобаго» не только участвовали в параде, но и возглавили всю колонну войск. «Не мучаясь угрызениями совести», — как заметил Доусон. Впереди отряда шествовал бульдог первого лейтенанта Джосседжа, которого вел на цепочке от боцманской дудки самый высокий матрос, что удалось найти на «Тобаго». За ним с огромным Британским военно-морским флагом в качестве знаменосца шел младший лейтенант Маррей-Смит и два вооруженных палашами унтер-офицера как ассистенты знаменосца. Флаг очень эффектно вился на сильном ветру. За знаменосцами лейтенант Джосседж вел свой почетный караул, сформированный не так давно для встречи генерала Шиллинга. Белые войска представляли из себя пеструю и экзотическую толпу, состоявшую почти исключительно из одних офицеров. Проходя мимо генерала Шиллинга, они дружно приветствовали его

криками «ура!» и генерал отвечал им тем же. Рядом с генералом стоял его адъютант, тяжело опираясь на костыли. Он потерял ногу во время боев в Крыму, но продолжал выполнять свои обязанности.

Вечером в Опере имело место Гала-представление, весь доход от которого поступал в фонд раненых. Доусон был приглашен в ложу «вице-короля». Маррей-Смит тоже участвовал в сборе денег, продавая программки у входа и, судя по всему, свободно изъясняясь на четырех различных языках. За программку с автографом младший лейтенант брал на 50 рублей больше, хотя автограф на программке был его собственный.

Младший лейтенант с «Тобаго» быстро стал звездой «золотой молодежи» Одессы, проводя время в шумных вечеринках с балеринами. Но это мало беспокоило Доусона. Он знал, что Маррей-Смит был очень способным молодым офицером, никогда не теряющим головы.

В Одессе проживало много людей, успевших состариться при старом режиме. Они еще занимали свои старые квартиры в фешенебельных районах города. Главным образом это были старушки, до которых еще не успела добраться страшная месть победившего «пролетариата». Ничего не зная о судьбах своих родных и близких, лишенные средств существования и каких-либо перспектив, они доживали свой век, перебиваясь продажей последних драгоценностей и мизерной помощью со стороны властей.

Одной из этих старушек была тетя графини Толстой, которую Доусон вывез в Константино-

поль во время предыдущего захвата города большевиками. Старая графиня, превосходно говорившая по-английски, рассказала Доусону, что «красные» просто не успели добраться до нее во время предыдущей оккупации ими Одессы, но она мало надеется, что ей удастся пережить вторую оккупацию, которая, как она была уверена, последует в ближайшем будущем.

Доусон предложил ей место на своем эсминце, но графиня отказалась — она уже слишком стара, чтобы бежать с Родины. Доусон привел старушку и двух ее столь же стареньких подруг на «Тобаго», угостив ужином в кают-компании. Они живо беседовали, вспоминая довоенное житье в Англии и России. Вспоминались главным образом события, имевшие место в придворных кругах.

Доусон осознавал весь трагизм положения старых аристократов. Помочь им ничем не мог, понимая, что жизнь этих старушек уже фактически закончилась.

За неделю до Рождества в Одессу неожиданно пришел легкий крейсер «Конкорд» под командованием капитана 1 ранга Лейка. Доусон немедленно отправился к нему и договорился о том, что с крейсера передадут на «Тобаго» 30 тонн топлива, обещая взамен провести командира «Конкорда» экскурсией по Одессе. Перерасход топлива на «Тобаго» был огромным. Стало совсем холодно, постоянно дул ледяной северный ветер. Эсминец продувался насквозь. Приходилось увеличить температуру парового отопления. На эсминце был и запас угля для камбуза, и его мешками передавали в русские санитарные поезда с ранеными, сто-

явшие неподалеку в железнодорожном тупике. А через день опреснительная установка «Тобаго» снабжала питьевой водой население. На набережной выстраивалась очередь с ведрами.

С фронта тем временем приходили не очень хорошие вести, косвенно подтверждаемые приказами генерала Деникина, повелевшего прочесать все города в поисках уклоняющихся от фронта и запретившего всем ресторанам и прочим увеселительным заведениям работать позже 11 часов вечера. Эти приказы, естественно, вызвали сильнейшую неприязнь среди «беспризорных» офицеров, число которых постоянно росло, равно как и нежелание участвовать в войне.

Но в самой Одессе оптимизм главного командования расцветал столь же ярко, как и прежде. Тот же оптимизм царил и в Британской военной миссии. Все верили в красивые сказки, а явные признаки надвигающегося конца если и принимались, то с явной неохотой.

Новости быстро распространялись по каналам, которые либо не были известны властям, либо намеренно ими игнорировались. Одесса, благодаря очень большому проценту еврейского населения, была повышено восприимчива ко всякого рода паническим слухам.

Младший лейтенант Маррей-Смит как ревизор «Тобаго» заранее бронировал места на английских пароходах, которые ожидалось из Одессы. О положении на фронте можно было судить и по количеству заявок.

Еще до Рождества Доусон в сопровождении Британского консула, имевшего временный чин

капитана 2 ранга резерва, съездил в Николаев, чтобы осмотреть выброшенный на берег пароход добровольного флота, принадлежащий белым. Существовала надежда, что его еще можно спасти. Осмотрев пароход, который с огромным креном стоял в береговом обледеневшем песке, Доусон понял, что с нынешними возможностями ничего сделать нельзя, и вернулся в Одессу.

В праздник Рождества на стоявшем во льду «Тобаго» собралась вся английская колония Одессы. Моряки угощали земляков купленными на берегу индейками, пудингом с изюмом и вином из тающих с каждым днем корабельных запасов. На второй день Рождества, когда в Англии принято дарить друг другу подарки, на корабле вспыхнула эпидемия гриппа, и вскоре слегло около трети команды. Грипп был очень тяжелого типа, сопровождаемый высокой температурой. Один кубрик пришлось переоборудовать под лазарет, а поскольку на «Тобаго» врача не полагалось, пришлось прибегнуть к помощи русского доктора из санитарного поезда.

Лекарств у русских практически не было, а собственную аптечку на «Тобаго» очень быстро опустошили. Доусон делал все возможное, чтобы не отправлять своих моряков в береговой госпиталь, где все были инфицированы тифом. Этого, благодаря советам русского доктора и внимательному уходу за больными, удалось почти достичь. На берег пришлось отправить только вольнонаемного мальтийца, выполняющего обязанности буфетчика в кают-компании. С каждым днем ему становилось все хуже, и другого выхода не было.

В разгар эпидемии гриппа, обрушившейся на «Тобаго», Доусон получил радиограмму от адмирала де Робека, запрашивающего мнение командира «Тобаго», насколько обстановка в Одессе соответствует русским официальным заявлениям о бесконечных победах? Или она более соответствует информации, получаемой по секретным каналам, где предрекается неизбежный крах Белого движения?

Определенного ответа Доусон дать адмиралу не мог, хотя его первоначальный оптимизм сильно поувял из-за той же самой секретной информации.

28 декабря на «Тобаго» пришло сообщение о том, что на пути в Одессу уже находится крейсер, который должен был сменить эсминец Доусона, поскольку крейсер был лучше оборудован и оснащен на случай всяких чрезвычайных обстоятельств, могущих возникнуть в Одессе в ближайшем будущем.

Доусону же было приказано к Новому (1920) году прибыть на Мальту. Доусон написал рапорт на имя командира крейсера и отдал его Алексееву. В тот же вечер «Тобаго» покинул Одессу, разойдясь контркурсами и обменявшись сигналами с входящим в порт крейсером.

Одессу покидали с грустью «по многим причинам», как заметил позднее Доусон. Многие с не меньшей грустью провожали эсминец. Особенно переживал «офицер связи» Алексеев, который по мере ухудшения обстановки на берегу часто сутками не покидал «Тобаго», прижился на корабле, а теперь ему необходимо было все начинать с нуля

на новом месте.

Стоя на мостике и ведя эсминец навстречу надвигавшемуся с юга шторму, капитан 3 ранга Доусон вздыхал, понимая, что закончился такой период его жизни, который едва ли повторится когда-либо в будущем. И он был прав. С тех пор никогда больше ему не приходилось в шумной и веселой компании на пари выпивать бутылку вина из горлышка одним глотком. А над ним стоял скрипач из оркестра, готовый насмешливой музыкой сигнализировать всем присутствующим, если Доусон оторвет бутылку от губ, чтобы глотнуть воздуха.

С тех пор никогда больше Доусону не приходилось стоять за кулисами сцены в качестве почетного гостя балетной труппы, от которой веяло простором и язычеством бескрайних российских степей. С тех пор никогда больше ему не приходилось видеть патрулей, расстреливавших офицеров прямо за столиками кафе.

Доусон признавал в душе, что за всю свою жизнь в Англии он не имел столь ярких и незабываемых впечатлений, чем за полтора месяца пребывания в Одессе зимой 1919 года!

Его больно резануло сообщение о том, что Одесса вновь попала в руки большевиков, хотя он этого и ожидал. Генералу Шиллингу удалось бежать в Константинополь, а его начальник штаба, заподозренный в симпатиях к красным, был убит офицерами прямо на ступеньках штаб-квартиры главнокомандующего. Офицерам Британской миссии пришлось эвакуироваться, когда на улицах города уже шли бои. Они мчались в порт на авто-

мобиле, отстреливаясь из ручного пулемета от нападавших большевиков. Все — знаменитая актриса Женя Никитина, блестящая балерина Юрьева, аристократы, генералы, офицеры — исчезли в смерче гражданской войны с тем, чтобы уже никогда не возродиться.

«Тобаго» шел на юг, пробиваясь через встречный шторм. Как обычно эсминец был набит беженцами, взятыми по списку, составленному в Британской миссии. Беженцы, — как всегда, женщины, дети и старики — страшно мучились от морской болезни, когда набегавшая волна ставила «Тобаго» почти в вертикальное положение, а затем обрушивала эсминец в бездну. Когда через 30 часов «Тобаго» вошел в спокойные воды Босфора, все пассажиры лежали вповалку почти в бессознательном состоянии.

На эсминце отдраили люки, проветрили помещения, а штилевое море и свежий бриз быстро привели беженцев в чувство, дав возможность без лишних проволочек отправить их на берег навстречу судьбе.

«Тобаго» провел в Константинополе всего несколько часов, пополнил запас топлива и отправился на Мальту, где собирались все эсминцы Средиземноморского флота для совместных учений. Целью учений было напомнить командирам, офицерам и командам эскадренных миноносцев, для чего, собственно, предназначены их корабли: не для эвакуации беженцев, не для демонстрации флага, не для буксировок брошенного металллолома, а для торпедных атак кораблей, осмелившихся бросить наглый вызов

морскому могуществу Британской империи.

Доусон вынужден был признать, что об этой главной задаче многие, в том числе и он сам, основательно успели позабыть.

Средиземное море встретило «Тобаго» порывистым ветром и довольно сильным штормом. Тучи брызг обрушивались на мостик эсминца. Когда «Тобаго» безоблачной ночью при свете яркой полной луны обходил мыс Матапан, Доусону принесли на мостик две радиограммы. Одна из них была весьма приятной, поскольку извещала командира «Тобаго» о том, что он представлен к производству в капитаны 2 ранга. Вторая, напротив, была весьма печальной, поскольку информировала Доусона, что оставленный им в одесском госпитале стюард-мальтиец умер от тифа.

Вторая радиограмма оказалась роковой. Вместо предполагаемых эскадронных учений «Тобаго» вместе со всем экипажем и командиром, едва прибыв на Мальту, был поставлен в карантин. В глубине души Доусон не верил, что мальтиец умер от тифа, но, разумеется, никак это доказать не мог.

Британские военные и гражданские власти до смерти перепуганы возможностью вспышки эпидемии тифа среди личного состава своей армии и флота, а потому принимали самые строжайшие меры при первом же подозрении.

«Тобаго» прошел дезинфекцию и был опечатан, а экипаж эсминца в полном составе во главе с Доусоном изолировали в помещении старого форта крепости мальтийских рыцарей.

IV.

После месячного пребывания в карантине, когда ни у кого из членов экипажа «Тобаго» не было обнаружено никаких признаков тифа, Доусону и его команде разрешили вернуться на эсминец.

Подняв флаг, «Тобаго» занялся повышением боевой подготовки, постоянно отвлекаясь на решение разных вспомогательных задач в греческих и итальянских водах.

За это время в Мальтийском Кафедральном соборе женили первого лейтенанта Джосседжа. Со своей будущей женой офицер познакомился еще во время войны. На церемонии присутствовал весь экипаж «Тобаго». Молодоженам были отданы все военно-морские почести и даже салют, которым командовал младший лейтенант Маррей-Смит.

Только весной 1920 года «Тобаго» вернулся в Константинополь. Город, который не менялся веками, конечно, мало изменился после ухода отсюда эсминца несколько месяцев назад. А вот в России, где все менялось с калейдоскопической быстротой, дела шли еще хуже, вызывая уже тревогу даже у самых завзятых оптимистов. Пала Одесса, и в Константинополь вернулись офицеры Британской военной миссии. Двое прибыли с русскими женами, чьих русских мужей Доусон хорошо знал во время пребывания в Одессе. Но развестись сейчас в России вообще ничего не стоило.

«А где же сейчас ваш бывший муж?» — поинтересовался Доусон у одной из новых «английских» жен, случайно встретившись с ней на большом чайном вечере в зале Пера Палас Отеля.

«На острове Принкипо», — ответила женщина.

Доусону уже второй раз пришлось услышать об острове Принкипо. Первый раз — в связи с Дарданелльской операцией.

«Что он там делает?» — удивился командир «Тобаго».

«Я думаю, все еще плачет», — улыбнулась бывшая жена русского офицера.

«Как и большинство русских», — подумал Доусон.

Третий раз он услышал об острове Принкипо, когда там появился Троцкий. После трехдневного пребывания в Константинополе «Тобаго» получил приказ следовать в Батум, где стоял английский крейсер «Карадок» под командованием капитана 1 ранга Колвина и находился английский гарнизон, начальником которого был бригадный генерал Кук-Коллис.

Гарнизон поддерживал новообразованную республику Грузию и охранял приморский участок идущего из Баку нефтепровода. В самом Баку английских частей и кораблей уже не было.

Получив приказ, «Тобаго» вышел в море и без всяких приключений 8 марта 1920 года прибыл в Батум. Батум предстал перед Доусоном в качестве очень оригинального полувосточного городка с прекрасными, украшенными мозаикой, русскими церквями и красивыми общественными зданиями, построенными после захвата города у турок. Проживающие в Батуме русские и грузины были очень похожи друг на друга: ходили в одну церковь, веселились на одних праздниках, отличались одинаковыми привычками, окрашенными в явный восточный оттенок.

Как водится, вокруг было очень много офицеров белой армии, прожигающих жизнь в ресторане с весьма характерным названием — «Ведро крови».

Британские власти были вовлечены в местные дела в гораздо большей степени, чем в Одессе. В английской артиллерийской бригаде, что стояла в окрестностях города, Доусон обнаружил несколько своих старых знакомых, и на одолженных у них лошадях совершил несколько верховых прогулок по прелестной сельской местности, обнаружив сильное турецкое влияние на образ жизни и методы хозяйствования местных селян.

«Тобаго» стоял у причала, куда выходил бакинский нефтепровод. Все вокруг было загажено нефтью и ее отходами. Было грязно и мерзко. Под прямым углом к этому причалу был другой, где за кормой «Тобаго» стоял французский эсминец.

Обстановка в Грузии, как и в любой другой части агонизирующей российской империи, была очень напряженной. Славянское население, состоявшие из старых русских жителей этих мест и новых эмигрантов, открыто враждовало с мусульманским населением новой республики.

Большевики, раздраженные флиртом Грузии с капиталистической Европой, уже посматривали на новое государственное образование хищным взглядом, готовые его сожрать при первой же возможности. В Тифлисе были этим очень обеспокоены, понимая, что дело идет к военному конфликту.

Близость Батума к турецкой границе и большой процент турецкого населения в городе могли

создать дополнительные проблемы, и только присутствие британских сил в регионе позволяло избежать многих осложнений.

Главным из них была близость к Батуму крупных сил турецкой армии. Генерал Мустафа Кемаль, назначенный султаном командующим всего северного направления турецкой армии, еще в мае прошлого года высадился в Самсуне на северном побережье Анатолии с задачей держать местные воинские части в рамках подписанного с Турцией соглашения о перемирии.

Но к настоящему времени Кемаль, сбросив маску, активно включился в процесс сопротивления тем условиям перемирия, которые ему было приказано гарантировать. Вокруг своего штаба в Ангоре генерал собрал всех недовольных националистов, став их знаменем. Никто не знал его планов и замыслов, среди которых вполне могло быть и нападение на Батум. В самом же Батуме, находившемся под бдительным оком генерала Кука-Коллиса, пока все было спокойно.

12 марта Доусон внезапно получил приказ от адмирала де Робека следовать в Трапезунд и оставаться там до особого распоряжения на случай каких-либо беспорядков в районе этого города. Никаких других подробностей в приказе не содержалось.

За время пребывания в Черном море Доусон уже успел к этому привыкнуть. Никаких подробностей командование сообщить не могло, поскольку само ничего не знало, надеясь на инициативу командиров кораблей, обещая им лишь поддержку в случае необходимости. Командование толь-

ко предполагало, что в Трапезунде потенциально может что-то произойти, и надеялось, что Доусон предпримет необходимые меры, чтобы ничего не произошло.

Это Доусон прекрасно понимал. Поскольку в Трапезунде была открытая якорная стоянка, то, по мнению Доусона, обстановка главным образом зависела от погоды. Пока погода была просто превосходной: тихие солнечные дни и прекрасные ночи со звездопадом. В такую погоду эскадренный миноносец способен выполнить любые задачи в море и на берегу. Однако, стоило «Тобаго» покинуть Батум, как на море спустился густой туман.

Пройдя 100 миль в густой пелене, с мостика «Тобаго», как с каравеллы Колумба, увидели землю, понятия не имея, куда они приплыли в тумане. Чтобы выяснить это, Доусон послал на вельботе своего первого лейтенанта Джосседжа на берег, дабы с помощью местного населения определить место «Тобаго» с максимальной точностью.

Удивленный турецкий крестьянин, работавший на своем поле около побережья, которому лейтенант Джосседж в качестве единственного средства связи показал карту с прокладкой курса «Тобаго», определил место эсминца всего в каких-нибудь двух милях от Трапезунда, подтвердив высокую штурманскую квалификацию первого лейтенанта. Доусон в этом не сомневался. Джосседж был у него штурманом еще на эсминце «Салмон» в годы войны и продолжал исполнять эти обязанности на «Тобаго». В дальнейшем, ориентируясь по вороньему карканью и редкому шуму железнодорожных вагонов, поскольку никаких

навигационных знаков на берегу и на карте не было, «Тобаго» с наступлением темноты добрался до открытого рейда Трапезунда.

Туман сменился довольно крепким ветром, нагнавшим с моря крупную волну. Эсминец очень некомфортательно болтало на якоре, явно давая понять Доусону, насколько его ввела в заблуждение погода, стоявшая в Батуме.

Встав на якорь и пообедав, офицеры «Тобаго» стали думать, что делать дальше? Пока они размышляли на эту тему, к борту «Тобаго» подошла шлюпка, доставив на эсминец великолепный образец британского армейского лейтенанта, которых можно было обнаружить тогда в любой турецкой дыре. Фамилия лейтенанта была Поплевелл, звание у него было временным, он слегка заикался, а здесь, в Трапезунде, лейтенант выполнял обязанности офицера по контролю за перемирием при штабе 15-й турецкой пехотной дивизии.

Лейтенант доложил Доусону, что хотя он и не был информирован о прибытии эсминца, тем не менее очень рад видеть его. Лейтенант не мог объяснить причины, по которой в Трапезунде ожидаются «какие-то события», но признал, что этих самых «событий» он ждет ежедневно в течение всего своего пребывания здесь.

Офицера накормили обедом и угостили вином, договорившись встретиться с ним снова завтра на берегу. Из истории Доусон знал, что в Трапезунде двадцать четыре века назад со своим десятитысячным войском высадился Ксенофонт, поплутав в поисках города примерно так же, как и «Тобаго».

Позднее город стал местом рождения целой плеяды красавиц-принцесс, направляемых в различные европейские дворы на предмет бракосочетания с тамошними монархами. Расцвет города пришелся на период наивысшего могущества Византийской империи.

К моменту же прибытия в Трапезунд «Тобаго» принцесс в городе уже совсем не осталось, если не считать нескольких беглых русских княгинь, подлинность которых была весьма сомнительной, а сам город мог разочаровать своим захолустным видом любого путешественника, отбив у него навсегда охоту к странствия.

Город был окружен цепью холмов, на самом высоком из которых располагался более или менее современный форт. Вокруг этих холмов змеилась горная дорога, ведущая к крепости Эрзерум — места, до которого дошли русские войска в ходе минувшей войны. В этой крепости, как информировал Доусона лейтенант Поплевелл, находился штаб полковника Раулинсона — родного брата покойного фельдмаршала.

Полковник Раулинсон являлся старшим офицером по контролю за перемирием во всей этой части Анатолии. Было сделано несколько попыток убедить полковника перебраться в Трапезунд (поближе к морю), пока это еще можно сделать. Но эти попытки не увенчались успехом, поскольку связи с полковником практически нет никакой.

Части турецкой пехотной дивизии были расквартированы вокруг города. У турок имелось небольшое количество патронов для ручного оружия, а весь артиллерийский боезапас хранился на

складах, находившихся под номинальным надзором союзников. Среди всего прочего в Трапезунде находились американская миссия, французский консул с сомнительными аккредитациями и представительство Белой Армии русских, в чью задачу входила контрабанда боеприпасов с турецких армейских складов.

Армейские склады формально оставались в турецких руках, а офицеры союзной контрольной комиссии только надзирали за ними, следя, чтобы содержимое складов не уплывало куда-нибудь на сторону. Даже без наличия в городе и вокруг него боевых отрядов местных националистов и русских белогвардейцев, постоянно страдающих от недостатка боеприпасов, задача надзора за сохранностью боеприпасов была очень трудной, так как рынок для патронов и снарядов находится всегда.

Турки же и в лучшие времена не были особенно щепетильными, а при существующих обстоятельствах они, почти не стесняясь союзных офицеров, с большим удовольствием делали свой бизнес на боеприпасах. Однако, лейтенант Поплевелл, действуя по принципу ирландских лесничих, которые ограничивают число браконьеров в своих угодьях по количеству своих личных друзей, несколько регулировал опустошение военных складов. Кроме того, лейтенанту удалось завербовать местного Вали, а поддержка со стороны Вали стоила очень много. Именно к Вали Поплевелл первым делом и повел Доусона.

Вали оказался типичным чиновником турецкой гражданской администрации. Прибыл он сюда по указу самого султана и имел огромную власть,

включая право «казнить и миловать», с главным заданием добиться выполнения соглашений о перемирии в этой, всегда плохо управляемой части Турецкой Империи. Величие Вали дополнялось полным ртом золотых зубов, поношенным сюртуком и приличным знанием французского языка, на котором Доусон был удостоен первой беседы.

Вали, которого звали Гамид-Бей, и командир «Тобаго» понравились друг другу. Вали тут же продемонстрировал англичанину всю силу своей власти, повелев изгнать из города целую команду русских проституток «на первом же пароходе». Вали в изысканных выражениях высказал некоторое недоумение по поводу прибытия «Тобаго» на рейд, недоумение, которое Доусон полностью с ним разделил, поскольку сам не знал причины своего прибытия. Тем не менее, добавил Вали, он готов оказать Доусону любую поддержку, но с одним непременно условием: чтобы греков выгнали из Смирны.

Доусон знал, что многие, даже более умеренные, турецкие политики придерживаются того же мнения. Только совершенно оторванные от жизни «версальские миротворцы» могли додуматься передать Смирну грекам, что, как никакое другое событие, ударило по турецкой национальной гордости. Если Смирну оставят грекам, пообещал на прощание Вали, он, как бы ему этого ни хотелось, заключит договор с генералом Кемалем и уйдет вместе с ним в горы. Доусон попросил Вали перед уходом в горы информировать его об этом, что Вали с готовностью обещал.

От Вали Доусон в сопровождении Поплевел-

ла направился в Американскую миссию. Как обычно, миссия состояла из каких-то таинственных «профессоров» и девиц в роговых очках, а также доктора-турка, как выяснилось, ярого националиста. Турок так ненавидел англичан, что Доусон оценил его усилия держать себя в руках и не начать с английскими офицерами драки. С одним из загадочных «профессоров», который представился как глава миссии, Доусон договорился о срочной эвакуации всего их штата (кроме доктора, разумеется), если того потребуют какие-либо чрезвычайные обстоятельства.

Из Американской миссии Доусон и Поплевелл пошли в христианский квартал города, поскольку Доусон хотел посмотреть, что он сможет сделать, если между христианами и мусульманами начнется очередная резня на религиозной почве, и убедился, что сделать он ровным счетом ничего не сможет. Столько народа не эвакуировать. Единственно, что можно будет сделать, это припугнуть Вали в частной беседе, что «Тобаго» бомбардирует турецкие кварталы, а это при близости складов со снарядами может стать весьма эффективной угрозой.

Вернувшись на эсминец, Доусон приказал сформировать взвод моряков с винтовками и при двух ручных пулеметах, которые должны были находиться в постоянной готовности на случай какого-либо неблагоприятного развития событий.

Оставалось только ждать, как пойдут дела дальше.

На Трапезундском рейде, недалеко от «Тобаго», покачивалась деревянная канлодка турецко-

го флота, которую Доусон уже раньше видел в одном из константинопольских доков. Командир канлодки сообщил Доусону, что в его задачу входит наблюдение за побережьем и таможенный контроль. Доусон ответил, что в его задачу входит то же самое, только без таможенного контроля.

Несколько дней прошли без всяких событий. По радио Доусон получил сообщение, что дивизия линейных кораблей Атлантического флота под командованием адмирала сэра Силнея Фримантля вышла из Константинополя в Черное море. Куда именно — радиограмма не указывала. Но линкоры зря никуда не ходят, и Доусон приготовился к интересным новостям, начав беспокоиться по поводу некомплекта офицеров на «Тобаго».

Своего артиллериста лейтенанта Кливерли Доусону пришлось оставить в Батуме с острым приступом аппендицита. Хорошо, что там имелся английский военный госпиталь.

Утром 17 марта из Константинополя пришло сообщение, что из-за провокационных действий националистов и неспособности султана их приструнить, союзное командование вынуждено полностью оккупировать столицу Турции, взяв под свой контроль все правительственные и административные учреждения. Правительственные структуры Турции были распущены, депутаты-националисты арестованы и депортированы на Мальту, действие парламента приостановлено. В ответ на это Мустафа Кемаль начал серию мероприятий, которые в итоге сделали его диктатором страны.

Генерал собрал национальный конгресс в Ангоре, объявил о всеобщей мобилизации ранее рас-

формированных войсковых подразделений и отдал приказ об аресте всех британских офицеров. Не получая никаких новых инструкций из Константинополя, Доусон решил, что пришла пора бомбардировать береговые склады с боеприпасами, пока они не будут захвачены мятежниками Кемалья.

Пока на «Тобаго» готовились к выполнению этой операции, пришло сообщение, что белые в России потерпели новое сокрушительное поражение. Под ударами красных пал Екатеринодар, где находились все главные штабы Белого движения, и началась подготовка к эвакуации Новороссийска. Держался пока только Крым. Становилось ясно, что военные действия вскоре переместятся в Грузию и докатятся до Батума.

Росло напряжение и в самом Трапезунде. Правда, Вали был совершенно спокоен, хотя никто не знал, на чьей он сейчас стороне.

Вечером 19 марта на рейд Трапезунда, по пути в Батум, пришел большой французский крейсер, имевший на борту Верховного комиссара Франции, направлявшегося в Тифлис. Во время короткой стоянки крейсера на рейде на нем побывал французский консул, сообщив своим землякам, что город накануне беспорядков и кровавой резни. Дела идут так плохо, заявил консул, что он приказал окружить собственный дом колючей проволокой. Выслушав консула, французский адмирал направил на «Тобаго» своего начальника штаба для подтверждения полученной от консула информации.

Доусон в это время обедал с лейтенантом Поплевеллом. Угостив француза бокалом вина,

английские офицеры заявили, что не совсем согласны с точкой зрения французского консула, по крайней мере в настоящий момент. Доусон считал, что приморские города будут подвержены мятежам и беспорядкам в самую последнюю очередь. На это есть много причин, главная из которых — это присутствие союзных боевых кораблей и выгоды от морской торговли. Ничего страшного не случится в ближайшее время. Французский консул просто напуган слухами.

Французский крейсер ушел, и Доусон облегченно вздохнул. У французов всегда была склонность впадать в истерику, в состоянии которой они могли натворить много глупостей. Трапезунд — не Севастополь, и здесь французские глупости могли обойтись еще дороже.

Доусон знал, что большая часть солдат и офицеров местного гарнизона откликнулись на призыв генерала Кемаля и ушла в горы, встав под знамена мятежника. Командир «Тобаго» был склонен рассматривать этот вопрос как «внутреннее дело» Турции, если бы не одно обстоятельство. Уходя в горы, солдаты захватили со складов столько боеприпасов, сколько смогли унести, что нарушало договоренность между Доусоном и Вали о неприкосновенности складов. По этому поводу Доусон написал Вали почтительное послание на французском языке, намекая, что подобные дела без разрешения или ведома Вали были бы невозможны. В ответ Вали прислал Доусону очень вежливое письмо, в котором не скрывал своей обиды по поводу намеков, высказанных в послании командира «Тобаго» и для предотвращения подобно-

го «недопонимания» в будущем Вали предлагал Доусону совместными усилиями уничтожить со-держимое складов, не подвергая при этом опаснос-ти разрушения здания и городские кварталы.

Пока Доусон пытался вникнуть в смысл пос-лания Гамид-Бея, к борту «Тобаго» подошла ту-рецкая баржа, управляемая местными жандарма-ми. Сославшись на повеление Вали, жандармы перегрузили на «Тобаго» ящики примерно с полу-миллионом винтовочных патронов. Оценив этот дар как доказательство лояльности Вали союзни-кам, Доусон приказал сниматься с якоря, ушел подальше в море, где и выкинул эти ящики за борт.

Утром следующего дня на рейде появился американский корабль такого странного вида, что Доусону показалось, будто он полностью постро-ен из бисквитных коробок. Доусон так и не по-нял, входит ли этот корабль в состав флота США или является частным, хотя его командир, прибыв-ший на «Тобаго», носил военную форму капита-на 2 ранга американского флота.

Вместе с американцем на «Тобаго» прибыл новый младший лейтенант, который должен был заменить Маррей-Смита. Еще находясь в Батуме, Доусон получил извещение о том, что младший лейтенант Маррей-Смит производится в лейтенан-ты и переводится на новое место службы. Хотя Доусон понимал, что молодому офицеру необхо-димо продвижение по службе, расставаться с ним очень не хотелось. А сейчас, когда в батумском госпитале остался артиллерист «Тобаго», появле-ние на борту неопытного младшего лейтенанта

совсем было не кстати, особенно с учетом ожидаемых бурных событий. Поэтому Доусон, подобно фараону, не принял подарка и отослал нового младшего лейтенанта, чья фамилия была Сэндвич, обратно.

Увы, с судьбой нельзя бороться! Доусон получил по радио выговор и приказ немедленно откомандировать лейтенанта Маррей-Смита на новое место службы. 31 марта на «Тобаго» в честь отъезда Маррей-Смита была сыграна «отвальная», в которой приняли участие сотрудники Американской миссии и офицеры американского эсминца, пришедшего на рейд Трапезунда всего на одну ночь.

Кают-компания была украшена цветами, подан праздничный обед, а танцы (с дамами из Американской миссии) продолжались почти до утра.

Американские офицеры находились в Одессе во время второй эвакуации и рассказали Доусону, как греки прогоняли с пароходов русских беженцев, чтобы освободить место для погрузки ворованных автомобилей.

4 апреля топливо на «Тобаго» почти закончилось, и эсминец получил приказ следовать в Батум. Доусон съехал на берег, чтобы информировать об этом Вали, пообещав вскоре вернуться и попросив «оставаться хорошим мальчиком» в этом интервале. Вали поклялся, что так оно и будет, если грекам не позволят оставаться в Смирне.

5 апреля «Тобаго» прибыл в Батум, пополнил запасы топлива и продовольствия, а также разрешил давно заслуженное увольнение большей час-

ти матросов, чего в Трапезунде делать не хотел.

Из госпиталя на «Тобаго» вернулся артиллерийский офицер лейтенант Клевирли. Он еще недостаточно оправился после операции, но решил, что скорее поправится на борту родного эсминца. Доусон рассчитывал через пару дней вернуться к своей деятельности (или бездеятельности) в Трапезунде. Однако реальные события еще раз перечеркнули планы командира «Тобаго».

Английские моряки оказались в очередной раз втянутыми в военно-политический катаклизм, переживаемый этой частью бывшей Российской Империи, которая ныне называлась Грузинской республикой.

События, происходящие на севере, достигли своей кульминации. Войска генерала Деникина, которые не удалось эвакуировать из Новороссийска, поспешно отступали к границам Грузии, увлекая за собой наступающие красные части. Правительство Грузии по этой причине смотрело на деникинцев без всякого восторга, понимая, что они вовлекут молодую республику в войну с большевистским монстром. Поэтому на северных границах Грузии спешно начались военные приготовления и была объявлена мобилизация.

В Грузии было с избытком генералов (главным образом из бывшей русской армии), но остальная армия, если чем-нибудь и отличалась, то исключительно низкой боевой подготовкой и полным нежеланием сражаться за идею национальной независимости.

Первым последствием объявленной мобилизации явилось вторжение грузинских войск в контро-

лируемую англичанами Батумскую провинцию. Генерал Кук-Коллис немедленно начал разоружать эти войска и отправлять обратно, но измученный этой деятельностью, в конце концов ультимативно потребовал от правительства в Тифлисе отозвать свои войска из контролируемой англичанами провинции и более их туда не вводить.

Грузинское правительство, если не принимать во внимание того факта, что оно было почти таким же «красным» как и в Москве, заслуживало симпатии, хотя бы из-за того положения, в которое оно попало. Занятое созданием и организацией нового государства, чьи лучшие провинции находились в британских руках, тифлисские власти должны были думать о красных войсках на северных границах Грузии и не менее враждебных турках — на южных, не говоря уже о совершенно ненадежном собственном населении. Появление же в северных провинциях остатков разбитых и деморализованных деникинских войск обострило обстановку до предела, ибо любое проявление симпатии к ним неизбежно вело к очередному поглощению Грузии Россией — на этот раз большевистской.

7 апреля капитан 1 ранга Колвин вызвал Дусона к себе на крейсер «Карадок» и информировал его о том, что несколько пароходов Белого Добровольного флота находятся в настоящее время в Потти — примерно в 40 милях севернее Батума, имея на борту части белогвардейцев, пришедших туда с севера. Белые хотят уйти из Потти в Севастополь, но грузинские власти препятствуют этому по двум причинам: во-первых, они хотели

бы сами заполучить эти суда для переброски вдоль побережья собственных войск, а, во-вторых, им хочется прогнуться перед красными, не выпустив белых со своей территории.

По мнению капитана 1 ранга Колвина, необходимо создать условия, чтобы белые могли отплыть из Поти, а потому туда должен отправиться «Тобаго» и эти условия обеспечить. Колвин добавил, что он не уверен, имеется ли на этих пароходах достаточно угля, чтобы они могли выйти в море, и приказал Доусону в случае необходимости обеспечить их буксировку. Речь идет о четырех пароходах, и он надеется, что хотя бы один из них способен двигаться под собственными машинами.

Хорошо зная царящие в России порядки, Доусон заявил Колвину, что при выполнении этого задания он хотел бы лучше знать пределы своих полномочий. — Если они не позволят этим пароходам выйти из Поти, — ответил Колвин, — вы можете применить силу.

Радуюсь, что наконец получил инструкции более подробные, чем обычно, Доусон повел свой эсминец в Поти. Сомнения Доусона по поводу сговорчивости грузинских властей подтвердились, когда входя в Потийский порт, он увидел, что на всех причалах гостеприимные хозяева развернули пулеметные посты. Вспомнив пословицу о ветре и соломинках, Доусон вызвал комендоров к носовому орудию, приказал его зарядить, а, встав к причалу, выставил вооруженных часовых у трапа и у входа на пирс. Никто из представителей местных властей не встретил эсминец, и Доусон в сопро-

вождении переводчика, без оружия, сошел на берег, дабы провести предварительную разведку.

Вскоре Доусон обнаружил пароходы, которые искал, и убедился, в сколь жалком состоянии они находились. Для начала их было не четыре, а три. Все они были разных типов и размеров — от большого древнего торгового судна с клиперным носом и остатками парусного рангоута до маленького колесного парохода, у которого одно колесо отсутствовало.

Все пароходы были забиты офицерами и солдатами белой армии. Колесный пароходик был заполнен уральскими казаками — дико выглядевшей вооруженной толпой, чей внешний вид явно указывал на то, что их далекими предками были китайцы и персы. С казаками находились их жены, дети и домашний скот, включая верблюдов. Казаки что-то кричали, скот ревел. Трудно было представить, что это воинская часть!

На пристани вокруг пароходов стояли грузинские часовые, шелкавшие затворами при каждой попытке Доусона приблизиться к ним и выкрикивавшие что-то угрожающее на своем языке. Доусон вернулся на «Тобаго», чтобы обдумать ситуацию. Лейтенант Джосседж доложил командиру, что в его отсутствие некий щеголеватый офицер, представившийся эмиссаром местных властей, передал на корабль бумагу следующего содержания:

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА.

№ 288. 9 АПРЕЛЯ 1920 Г.

Начальнику гарнизона

Приказываю Вам не выполнять никаких требований Британского командования относительно

выхода пароходов в море. В случае угрозы англичан применить силу, Вы должны ответить, что Правительство будет рассматривать это как акт войны со стороны Англии. Будут приняты соответствующие ответные меры, вся ответственность за которые ляжет на командира английского корабля, развязавшего вооруженный конфликт.

За Военного министра подписал — Генерал Гедеванов.

На Доусона произвел впечатление многозначительный факт, что в полученном ультиматуме он упоминается как лицо, которое может втянуть Великобританию в очередную войну, но он подавил в себе гордыню, решив, что груз возложенной на него ответственности значительно превосходит его собственный вес.

Выяснив, что доставивший это послание щеголеватый грузинский офицер находится еще на корабле, Доусон послал к нему переводчика, чтобы уточнить некоторые детали и лучше представить себе «состояние рынка», а сам с лейтенантом Джосседжем спустился вниз для обсуждения сложившейся обстановки.

Вернувшийся вскоре переводчик доложил Доусону, что разговор с грузинским офицером подтвердил кровожадные настроения правительства в Тифлисе. После этого Доусон приказал передать грузинскому офицеру успокаивающий ответ, чтобы выиграть время, а сам составил радиограмму на крейсер «Калипсо», призывая на помощь капитана 1 ранга Колвина, намекнув, что в противном случае будет действовать по собственно-

му усмотрению.

Вечером в Потти прибыл капитан 1 ранга Колвин. Колвин привез с собой генерала Кука-Коллиса, офицеров его штаба, пару грузинских генералов и других официальных лиц.

С 2 часов дня до 8 часов вечера в кают-компании «Тобаго» проходила шумная конференция, во время которой накалились до красна телеграфные провода, связывавшие Тифлис с Потти. Для начала официальные представители Грузии заявили, что не могут выпустить эти пароходы, поскольку уже договорились продать их полякам. Почему именно полякам — так никто и не понял, как никто не понял, зачем полякам понадобился этот металлолом.

Пронюхав о прибытии большого начальства, на эсминце под тем или иным предлогом начали проникать всевозможные подозрительные личности со всевозможными просьбами и предложениями, создавая помехи обсуждению вопросов государственной важности. Среди них были русские, грузины, евреи, казаки и представители разных экзотических национальностей, населяющих эти места.

Доусон пожалел, что на эсминце нет больше Маррея-Смита. Тот имел «ястребиный глаз», мгновенно смекая, кого из всей этой интернациональной банды пропускать, а кого отсеивать, независимо от выдвигаемых причин. Терпение Доусона лопнуло, когда в разгар дипломатических переговоров с представителями грузинских властей, в кают-компании появился вахтенный офицер и, наклонившись к уху командира, доложил, что не-

кий, говорящий по-английски русский желает с ним поговорить по делу чрезвычайной важности.

Надеясь получить какую-нибудь важную информацию о положении дел в городе и порте, Доусон вышел на палубу. «Говорящим по-английски русским» оказался весьма живописного вида еврей, который при виде Доусона достал из кармана выдавший виды бумажник и сказал: «Джентльмен, не хотите ли вы купить у меня прекрасные рубины и...»

Дальше Доусон слушать не стал, приказав выгнать с корабля торговца рубинами, а заодно и всех остальных, проникших на борт эсминца. Наконец, наговорившись вволю, «капитаны и короли» решили вернуться соответственно в Тифлис и Батум, чтобы доложить своим «правительствам о достигнутых результатах». До принятия окончательного решения Доусону было приказано встать на якорь у входа в порт и следить, чтобы ни одно судно за это время не покинуло порт и не вошло в него.

Перед самым отходом от пирса командиру «Тобаго» передали письмо от градоначальника, в котором тот сообщил, что жители Поти уже смирились с неизбежностью бомбардировки, но умолял Доусона не использовать при этом фугасных снарядов. Доусон на письмо градоначальника не ответил и, продолжая держать комендоров у орудий, прошел мимо причалов, на которых из-за мешков с песком торчали пулеметные стволы. Опасаясь, что ответ из Тифлиса может привести грузинские пулеметы в действие, Доусон отошел подалее в море и там встал на якорь.

С наступлением темноты над морем сгустился туман. С «Тобаго» спустили моторный баркас, который с вооруженными матросами под командой нового младшего лейтенанта направился патрулировать ко входу в порт. Мотор, как водится, вскоре сломался, и беднягам пришлось патрулировать на веслах до самого утра.

К утру настроение правительства Грузии переменилось, и из Тифлиса пришло разрешение вывести суда с белыми из гавани. Напряжение сразу спало, и Доусон поздравил себя с тем, что осуществил самую короткую по времени и очень эффективную по результатам морскую блокаду в истории. Теперь необходимо было решить проблему по выводу этих пароходов из Поти, поскольку только один из них мог идти своим ходом.

«Тобаго» снова вошел в порт, матросы разогнали толпу на пирсах, завели буксиры и начали вытаскивать всю эту флотилию калек из Поти. Одноколесный пароход пришвартовали лагом к купцу с клиперным носом и поволокли их вместе в море.

Погода, к счастью, стояла отличная. Буксировка шла очень тяжело, поскольку единственное колесо парохода часто заклинивало, и он взбрыкивал, как норовистая лошадь, таща за собой «старого купца».

Казаки немедленно разожгли на его палубе костры и готовили себе обед по всем правилам военно-полевой жизни под мычание коров и рев укачавшихся верблюдов.

Вечером того же дня «Тобаго» привел весь караван в Батум и открытым текстом просигна-

лил Колвину по радио (чтобы услышали все находящиеся в Черном море): *«Тобаго» и плавцирк просят разрешения встать на рейде».*

Капитан 1 ранга Колвин пропустил шутку Доусона мимо ушей, но поблагодарил командира и моряков «Тобаго» за успешное выполнение возложенной на него задачи.

V

Прибыв в Батум, Доусон разрешил матросам увольнение на берег на двое суток. Русские жители города праздновали Пасху, а Военный губернатор давал по этому случаю официальный обед в своей резиденции. Двое пьяных матросов с «Тобаго» пытались прорваться на обед к генералу Куку-Коллису, были арестованы патрулем и доставлены на эсминец, где Доусон приказал посадить обоих в цепной ящик. На вопрос, какого черта они забыли в резиденции генерала, один из них вежливо ответил на ирландском диалекте: «Очень захотелось еще выпить, сэръ».

За подобные дела Доусон мог ожидать любых неприятностей вплоть до отстранения от должности, но, к счастью, начальник гарнизона не стал раздувать по этому поводу скандал, предоставив морскому начальству самому разобраться со своими дебоширами. Вскоре, однако, об этом инциденте совершенно забыли, поскольку произошло небывалое для Батума событие — на рейд прибыли два новейших английских линкора «Ривендж» и «Рэмиллис» под флагом адмирала Фримантля, сопровождаемые полудивизионом эсминцев.

Линкоры пришли в этот, самый отдаленный

угол Черного моря, из-за подозрительного состояния дел на Анатолийском побережье и ожидания переноса военных действий на территорию Грузии.

На следующий день было решено направить «Тобаго» снова в Трапезунд для надзора за развитием событий в городе.

17 апреля «Тобаго» вернулся в Трапезунд. Доусон обнаружил Вали в состоянии полного спокойствия, как обычно, но от своих шпионов командир «Тобаго» успел узнать, что за время его отсутствия влияние националистов в регионе значительно усилилось, а сам Гамид-Бей избран депутатом от Трапезунда на Национальную Ассамблею, которую генерал Мустафа Кемаль намерен собрать в Ангоре 23 апреля.

Вали был искренне удивлен, узнав, что Доусон осведомлен об этом факте и поклялся Аллахом, что, возможно, он и избран, но в Ангору ехать не собирается. Хотя это заявление звучало вполне правдиво, Доусон решил, что лучше будет, если в него не поверит. Вали заметил Доусону, что со дня на день ожидается оглашение статей мирного договора, которые и станут руководящими документами к его дальнейшим действиям. Все это не принесло желаемого облегчения Доусону, тем более, что все офицеры контрольной комиссии покинули город, и только качающийся на открытом рейде «Тобаго» представлял здесь интересы Великобритании. И хотя здесь была английская «зона влияния», в ней распоряжались все, кто хотел: американцы, французы, итальянцы, белые и красные русские, не говоря уже о националистах Кемалю. Поэтому не успел «Тобаго» отдать якорь на рей-

де, как Доусон оказался вовлеченным в весьма сомнительные дела с миссией Белой Армии.

Белая миссия была развернута здесь при складе с боеприпасами, который по какому-то странному стечению обстоятельств действительно им принадлежал. Но, чтобы наполнить этот склад всем необходимым, белым пришлось впасть в незаконные сделки с турками и с их складами, создав совершенно нераспутываемый клубок взаимных интересов. Теперь же, видимо, испытывая финансовые трудности, белые решили продать кое-что со своих складов тем, кто «нуждается в оружии и боеприпасах», то есть — турецким националистам. Но тут Вали проявил неожиданную принципиальность.

«Ни один патрон не уйдет из Трапезунда, — заявил он, — без визы старшего английского офицера».

А поскольку лейтенанта Поплевелла и его мирмидонов в Трапезунде уже не было, то «старшим из английских офицеров» оказался Доусон.

Русские офицеры, которые все показались Доусону полковниками, прибыли на эсминец, чтобы получить подпись командира «Тобаго» на своих документах по продаже «имущества». Что ему делать, Доусон не совсем ясно представлял. С одной стороны, он не обладал никакой реальной властью, чтобы запретить русским полковникам продавать кому им вздумается принадлежавшее им «имущество». Но, с другой стороны, он, разумеется, не мог этого и разрешить. В итоге Доусон решил потянуть время, сославшись на трудность прямой связи с Константинополем и доложив ад-

миралу Фримантлю, что обстановка в районе Трапезунда ухудшилась.

На рапорт Доусона из штаба адмирала Фримантля ответили, что сэр Сидней предполагает прибыть на Трапезундский рейд утром в воскресенье, однако, не поставив Доусона в известность о цели визита в Трапезунд целой дивизии линейных кораблей.

Пока же еще была среда. Прослушивание эфира информировало Доусона также и о том, что несмотря на официальное заявление, что флот Великобритании не будет более оказывать белым какое-либо практическое содействие, английский эсминец «Стидфест» (однотипный с «Тобаго») бомбардировал позиции красных где-то на побережье севернее Поти.

Английские моряки оказались честнее своего правительства! Доусону удалось сохранить до прихода линкоров мирные отношения со всеми. Когда же на рейд Трапезунда вползли серые громады «Ривенджа» и «Рэмиллиса» в сопровождении эсминца «Венеция», Доусон с интересом наблюдал, как отреагирует население города на столь необычный сюрприз? Ведь видом гигантских бронированных чудовищ индустриальной эры жители Трапезунда любовались впервые в жизни и знали, что одним залпом своих пятнадцатидюймовых орудий они способны сравнять город с землей. Но оказалось, что жителей Трапезунда уже невозможно ничем удивить. Появление перед городом эскадры адмирала Фримантля не вызвало даже простого любопытства.

Утром этого дня Доусон проснулся совершен-

но больным. Подскочила температура, а принимая душ, командир «Тобаго» обнаружил у себя на груди сыпь. Тифа в Трапезунде не было, но было кое-что почище тифа — оспа и бубонная чума!

Поговорив с лейтенантом Джосседжем, Доусон пока — до ухода эскадры линкоров — решил не распространяться о своей болезни, надеясь на лучшее. Тем более, что с флагманского линкора уже просигналили, вызывая командира «Тобаго» к адмиралу.

Превозмогая плохое самочувствие, Доусон прибыл на «Ривендж», где был удостоен часовой беседы с адмиралом, в ходе которой Фримантль информировал его о своем намерении взорвать все орудия на форту, прикрывающем подходы к Трапезунду.

Затем Доусон позавтракал с адмиралом и выслушал новости о последнем развитии событий в России. Красные, сообщил адмирал, уже ломаются в двери Грузии. Крейсер «Карадок» ушел из Батума на север, чтобы поддержать эсминец «Стидфест» на приморском фланге отступающей Белой Армии. Адмирал сильно сомневается, правда, что сопротивление белых будет особенно долгим, но приказал Доусону сегодня же вечером возвращаться в Батум, чтобы высвободить один из его эсминцев, оставленный там вместо крейсера «Карадок». Сам же сэр Сидней предполагает сразу же после взрыва форта вернуться в Константинополь, где необходимо присутствие его линкоров. Доусон попросил у адмирала разрешения остаться в Трапезунде до взрыва форта, поскольку, пояснил Доусон, этот форт настолько ему на-

доед, что ему будет приятно «присутствовать при его смерти». Адмирал любезно разрешил.

Когда Доусон вернулся на «Тобаго», с адмиральского корабля поступил приказ прислать на «Ривендж» шлюпку за офицером разведки из главной штаб-квартиры армии в Константинополе, который желает обсудить с командиром «Тобаго» некоторые вопросы.

Доусон встретил прибывшего офицера на трапе и был страшно удивлен, увидев, что голова офицера торчит над бортом «Тобаго», хотя сам он еще оставался в шлюпке! Рост разведчика был не менее 7 футов. Это был самый странный разведчик, которого Доусон мог себе представить. Его гигантский рост был еще более подчеркнут тем фактом, что офицер был одет в шотландский «камзол», едва достигающий ему до талии. Туалет шотландца дополняла неизменная пара клетчатых штанов. Звали офицера Хэй и он был хорошо известен всей оккупационной армии.

Доусону хотелось бы знать, как при таком росте и живописном виде разведчику удастся выполнять свою деликатную работу, требующую, как правило, незаметности и скрытности. Разведчик, посмеиваясь, рассказал Доусону, что во время его недавнего визита в Тифлис, один грузинский генерал увидел его, выходя из ресторана, вскрикнул и тут же умер от апоплексического удара.

Во второй половине дня Доусон съехал на берег, сопровождая адмирала и его начальника штаба в прогулке по городу, включая и базар, где флотоводцы приобрели по небольшому ковру, а Доусон — верблюжий колокольчик, который мно-

го лет спустя повесил на дверях своего коттеджа.

Местное население оставалось совершенно спокойным к подобной демонстрации британской морской мощи, и Доусону не оставалось ничего другого, как следовать их примеру. Поэтому он ничего не сказал адмиралу о том риске, которому он подвергает себя, гуляя без охраны по городу, а равно и о возможных последствиях задуманного им мероприятия.

На следующее утро над морем повис густой туман, что, с одной стороны, затрудняло высадку на берег, но, с другой, скрыло от населения города появление на берегу четырех рот матросов и всех морских пехотинцев с двух линкоров, которые, ошестинившись винтовками и пулеметами, по всем правилам военного искусства начали продвижение в сторону форта.

Вали был единственным, кого заранее информировали об этой акции, и Доусон полагал, что тот в душе был рад, что из тела города вырвут этот гвоздь и вобьют его в гроб местных неукротимых милитаристов. Хотя как патриот Гамид-Бей никак своих чувств не проявил. Население предупредили не выходить из домов, и улицы Трапезунда были пусты, когда по ним, направляясь к форту, шла десантная армия адмирала Фримантля.

«Тобаго» должен был уходить в Батум сразу же после завершения операции, но Доусон, оставив Джосседжа за себя и приказав сыграть боевую тревогу, также съехал на берег, чтобы в случае чего оказать десантникам содействие.

Густой туман несколько замедлил продвиже-

ние колонн, которые разными путями шли к форту. Когда Доусон добрался до окрестностей форта, наткнувшись по пути на какую-то заблудившуюся часть морских пехотинцев, на форт уже всю трудились подрывные партии.

Турецкие солдаты исчезли в тумане и никак не давали о себе знать. Доусон быстро понял, что его помощь тут никому не нужна, и он не имеет никаких причин больше оставаться на берегу. Выяснив у командира «Ривенджа» капитана I ранга Сусби, что у него есть время вернуться на эс-минец еще до взрыва, Доусон отправился обратно к своей шлюпке. Однако, едва шлюпка отплыла от берега, как грохнул первый взрыв.

Взрыв прозвучал очень мощно, и через некоторое время из низкой дымки тумана в воду посыпались части тяжелых орудий, взорванных на форту, поднимая фонтаны воды в очень неприятной близости от шлюпки, в которой Доусон возвращался на «Тобаго». Из-за густого тумана ничего видно не было, но Доусон понял, что подрывники специально выбрали направление взрыва в сторону бухты и со страхом ожидал следующего взрыва, в то время как матросы, налегая на весла, старались поскорее добраться до «Тобаго».

Грянул второй взрыв, и, хотя он не был столь мощным, как первый, воздух снова наполнялся противным воем падающих обломков, напоминающих свист снарядов. Правда, около шлюпки упал только один, но очень близко. Затем наступила длительная пауза, в течение которой Доусону удалось добраться до «Тобаго». При подобных обстоятельствах ему не оставалось ни-

чего другого, как послать Трапезунду последнее прощание и выйти в море.

Больше Доусону не суждено было сюда вернуться. Позднее он узнал, что адмирал Фримантль, наблюдающий за уничтожением форта с мостика своего флагманского линкора, дождавшись посадки десанта на корабли, решил лично проверить результаты работы подрывников и в сопровождении одного флаг-офицера отправился на форт.

Пока адмирал осматривал причиненные форту повреждения, там же внезапно появился турецкий генерал с большой свитой — кавалерийским эскортом. К счастью, оказалось, что обе стороны были удивлены одинаково. Оценив ситуацию, адмирал Фримантль обменялся приветствиями с турецким генералом и, прежде чем турки опомнились от удивления, поспешил ретироваться с форта. Быстро спустившись к ожидающей их шлюпке, и радуясь, что не слышат за собой звуков погони, адмирал и его флаг-офицер вернулись на «Ривендж», где адмирал приказал сниматься с якоря и следовать в Константинополь.

Время от времени английские корабли еще заходили в Трапезунд, но по мере наступления националистов на запад эти визиты становились все реже, а затем и совсем прекратились. Большая часть христианского населения покинула город. Доусон узнал также, что территория, которой управлял Вали Гамид-Бей вскоре была полностью захвачена сторонниками генерала Кемаля, но стал ли сам Вали сторонником мятежного генерала, Доусон так узнать и не смог. Вали исчез без следа. Ничего не мог узнать Доусон и о русских пол-

ковниках с их опасным бизнесом.

«Тобаго» вернулся в Батум и пришвартовался к эсминцу Атлантического флота, оставленного там адмиралом Фримантлем. Командовал эсминцем старый приятель Доусона — Монтегю Лигги, вместе с которым они служили еще в Гранд Флите. Лучшего места для встречи, чем Батум, трудно было себе придумать, если бы Лигги не надо было срочно уходить на соединение с адмиралом, а Доусону, который чувствовал себя все так же скверно, подумать о своей болезни.

На эсминец был вызван из госпиталя военный доктор. Пока он осматривал Доусона, тот со страхом ожидал диагноза. К великому облегчению командира «Тобаго» и его подчиненных, у него оказалась опоясывающий лишай, да и то не в самой сильной форме. Врач прописал лекарства и через пару дней Доусон уже чувствовал себя вполне здоровым.

Эсминец капитана 2 ранга Лигги ушел, а в Батум прибыл шлюп «Гардения» под командованием капитана 2 ранга Робинсона с отрядом добровольцев для Каспийского моря. Добровольцы должны были сменить английских моряков на острове Энзели. Большевики уже совершенно откровенно нацелились захватить Иран, и горстка британских моряков не могла им помешать. Еще на пути к месту назначения, когда они ехали на поезде через Грузию, красные диверсанты хотели взорвать их состав. Моряков спасло чудо. Железнодорожный мост был взорван, когда поезд уже проскочил его.

Военная обстановка в Грузии была очень не-

надежной. Крейсер «Карадок» и эсминец «Стидфест» находились еще где-то у побережья, куда предполагал направиться и Доусон. Ходили разговоры о перемирии, что означало окончательное признание белыми своего поражения, чего они, естественно, не хотели. Грузины же напротив, хотели сделать все, что угодно, чтобы спасти свою совершенно не готовую к войне страну от безнадежной борьбы с большевиками.

23 апреля в Батум пришел линкор «Аякс» под флагом адмирала де Робека, а на следующий день вернулся «Стидфест» после серии приключений, о которых нельзя было сказать ничего хорошего.

Среди этих приключений особенно запомнился обстрел эсминца прямой наводкой из орудий, находившихся в городе, который корабль покинул всего несколько часов назад в состоянии самой теплой и искренней дружбы. Колеблющиеся элементы из местного населения, устав от борьбы между белыми и красными, объявили себя «зелеными» и начали сражаться с теми и другими с одинаковым ожесточением. Это они обстреляли эсминец «Стидфест», поскольку считали, что иностранцам нечего вмешиваться во внутренние дела России.

Линкор «Аякс» оставался в Батуме одни сутки. Адмирал де Робек прошел на своем катере мимо «Тобаго», направляясь на совещание с местными властями, а затем вернулся на линкор и ушел в Константинополь.

На следующий день «Тобаго» присоединился к крейсеру «Карадок» у прибрежного городка под названием Гагра, где была база Белой Армии.

Здесь горный кряж спускался почти к самой воде, оставляя узкую равнинную полосу побережья, через которую противник мог начать вторжение в Грузию. Это была легко обороняемая позиция, напоминающая позиции под Перекопом. Боеспособные части при поддержке артиллерии могли бы здесь держать оборону сколько потребуется.

К сожалению, белые войска были деморализованы и почти не имели артиллерии. Адмирал де Робек приказал батумскому отряду английских кораблей оказать белым артиллерийскую поддержку, чтобы предотвратить вторжение большевиков в Грузию этим путем. Северную границу Грузии хорошо прикрывали горы, а войска, защищавшие восточную границу, были усилены экспедицией в Энзели.

Окопы белых находились к западу и востоку от побережья примерно в 20 милях от Гагры. Постоянная смена белыми позиций затрудняли артиллерийскую поддержку с кораблей. Подойдя к Гагре, «Тобаго» принял на борт русского и английского штабных офицеров, которые показали на карте, какие позиции красных необходимо бомбардировать в первую очередь как представляющие наибольшую опасность для белых.

Доусон был информирован, что у красных «где-то на берегу» имеется шестидюймовое орудие, чью позицию можно будет засечь, вызвав бомбардировкой ответный огонь. «Карадок» утром уже пытался это сделать, но орудие отмалчивалось.

Хотя Доусон имел строгую инструкцию «не рисковать кораблем», он решил попытаться найти это орудие. Однако, первая попытка оказалась не-

удачной. Как только «Тобаго» начал пристрелку по цели, отмеченной на карте офицером связи, как на крейсере «Карадок» был поднят сигнал: «Прекратить огонь!» Выяснилось, что отмеченное на карте место является месторасположением штаба белых войск. После обмена сигналами с крейсером и уточнения координат, «Тобаго» снова открыл огонь.

На этот раз удалось выявить несколько артиллерийских позиций красных, включая и то место, где судя по всему, находилось шестидюймовое орудие. Корректировка огня велась самолетом с гидроавиатранспорта «Арк Ройял», «импортированного» к кавказскому побережью из Атлантического флота. После того, как «Тобаго» вторично открыл огонь по позициям красных, снаряды с берега стали падать в опасной близости от гидроавиатранспорта.

«Арк Ройял» снялся с якоря и отошел подальше в море, где возобновил операции с самолетами-корректировщиками. «Тобаго» продолжал вести огонь по берегу, пока не израсходовал весь разрешенный запас «суточного боепитания». Корабль полным ходом, густо дымя из обеих труб, неся вдоль побережья, ведя яростный огонь из всех орудий. Столбы воды от падающих кругом большевистских снарядов вздымались вокруг эсминца, но попаданий он не получил. Доусон так и не узнал, удалось ли ему вывести из строя шестидюймовое орудие красных, но их передовые траншеи он привел в состояние полного хаоса своим огнем, вынудив красных откатиться подальше от города. Хотя бы временно. Впрочем, белым

это мало помогло.

Откатившись от Новороссийска в состоянии почти полного беспорядка, они в равной степени страдали от недостатка организации и нехватки снабжения, а также от многочисленных генералов и советников, которые только сбивали их с толку. Наиболее известным из них был генерал Шкуро, командовавший отрядом иррегулярной кавалерии, прозванной «Волчьей стаей».

Доусону пришлось довольно близко с ним познакомиться, поскольку Шкуро любил руководить своими волками с борта «Тобаго». Адьютантом генерала Шкуро служил его младший брат, который прежде чем стать адъютантом, был оперным певцом. Он обладал таким прекрасным тенором, которого Доусону, большому любителю оперы, никогда в жизни не приходилось слышать, хотя командир «Тобаго» успел насладиться исполнительским искусством выдающихся певцов почти во всех оперных театрах Европы.

Генерала и офицеров его штаба, когда они находились на борту «Тобаго», переносить было нелегко. Вооруженный до зубов, всегда навеселе, Шкуро, по мнению Доусона, был типичным «солдатом удачи», обладая всеми качествами и привычками отъявленного головореза. Спал генерал Шкуро всегда не раздеваясь и даже не снимая сапог. Доусон, как того требовала военная этика, уступил генералу свою каюту, в которой все сразу оказалось перевернутым вверх дном.

В пьяном виде генерал любил покуражиться. Шкуро предложил Доусону для раздачи экипажу целую пачку английских пятифунтовых банкнот,

и был очень удивлен, когда тот отказался их принять. Тогда Шкуро подарил экипажу «Тобаго» мешок какого-то местного табака — настолько крепкого, что курить его не могли даже самые суровые «морские волки» из экипажа эсминца. Перед тем, как окончательно покинуть корабль, Шкуро подарил Доусону прекрасный казачий кинжал с наборным поясом ювелирной работы.

На борту «Тобаго» часто бывал и другой русский генерал, которого Доусон также вначале принял за казака, хотя вскоре выяснилось, что тот мусульманин. Этот генерал прибыл откуда-то с иранской границы и внешне ничем не отличался от обычного русского офицера старой школы. То, что он мусульманин, выяснилось неожиданно, когда генерал отказался выпить вина в кают-компании.

Денщик, которого генерал привел с собой, вообще по-русски не говорил, внешне был типичным монголом, но вино пил и с большим удовольствием. Фамилия этого генерала была совершенно непригодной, и Доусон ее так и не смог запомнить. Генералов было много, каждый из них имел собственные планы компании, которые коренным образом отличались от всех прочих.

В кают-компании «Тобаго», где эти планы горячо обсуждались, постоянно вспыхивали громкие скандалы, грозившие перерасти в драку, если на «военном совете» присутствовал Шкуро.

Между тем, крейсер «Карадок» был отозван в Батум, где обстановка также стала накаляться, и Доусон остался в Гагре один с приказом адми-

рала де Робека «всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами не допустить прорыва большевиков в Грузию». Правда, к этому приказу имелась инструкция «не подвергать корабль чрезмерной опасности». К «Тобаго» даже был временно прикомандирован в качестве штабного офицера капитан 3 ранга Майрхед-Голд.

Оставшись за старшего на рейде, Доусон убедил генерала Шкуро и его коллег-генералов собраться на совещание, чтобы разработать единый план военных действий и создать против красных один общий фронт. Совещание проходило на чудесной вилле в венецианском стиле, утопающей в зелени субтропических деревьев, но не привело ни к чему. Никто из русских генералов не собирался жертвовать своими амбициями ради общего дела.

Ушат насмешек и издевательств, вылитых на присутствующих генералом Шкуро, не мог привести ни к чему, кроме очередного скандала, погасить который генералу Шкуро удалось лишь стрельбой в потолок.

Продолжавшееся до утра совещание пришло только к одному заключению: продолжение переговоров должно быть перенесено на борт «Тобаго». Генералы нервничали, поскольку вокруг виллы собрались оборванные и голодные пехотинцы, с которыми ничего не могла поделать охрана, состоявшая из взвода казаков на больных и голодных лошадях. Доусон и Голд надеялись, что строгая обстановка боевого корабля будет лучше способствовать выработке общего мнения, чем роскошная вилла и стол, заставленный бутылками и закуской. На борту «Тобаго» генералам в итоге

удалось договориться о том, что генерал Шкуро будет откомандирован в Севастополь для консультации с генералом Врангелем.

В разгар совещания на борт прибыл с берега возбужденный офицер, доложивший, что красные концентрируют силы для новой атаки. Он попросил, чтобы «Тобаго» обстрелял концентрацию войск противника, указав на карте нужное место. «Тобаго» немедленно открыл огонь, прервав тем самым совещание. Через некоторое время с берега просигналили, что красные части были рассеяны и отступили.

Вернувшись на свое якорное место, Доусон, к великому удивлению, обнаружил на рейде целую коллекцию небольших пароходиков, доставивших в Гагру эвакуируемых с севера. Большую часть из них составляли больные и раненые. Удивление Доусона еще больше возросло, когда прибывший на эсминец русский морской офицер представился Доусону как «командир порта», в подчинение которого отныне переходят все находящиеся на рейде корабли и суда.

Это заявление удивило Доусона по двум причинам. Во-первых, никакого порта в Гагре не было, и все стояли на рейде, ничем не защищенным от сюрпризов эксцентричной черноморской погоды этого времени года. А Доусон уже успел убедиться, что Адриатическую «бурю» можно считать легким освежающим бризом по сравнению с черноморской. Во-вторых, Доусон был твердо убежден в том, что всем будет лучше, если Британия будет «править морями» и в этих, забытых Богом водах. Об этом он и заявил вновь назна-

ченному командиру порта. Тот, в принципе, не возражал, но попросил Доусона помочь ему организовать эвакуацию раненых с берега на эти суда, если на них найдутся свободные места. На берегу осталось очень мало продовольствия, и раненых лучше отправить куда-нибудь в другое место. Он пообещал, что больные тифом будут размещены отдельно от остальных.

Вечером, собрав по своим баталеркам и погребам все продовольствие, которое он мог выделить из корабельных запасов, Доусон отправился инспектировать эту экзотическую флотилию пароходов с беженцами и ранеными. Все пароходики были древними и проржавевшими, но, что удивительно, с работающими машинами и хорошо готовыми ко всем превратностям погоды. Узнав, что все эвакуированные с берега были размещены на одном из этих судов, Доусон решил именно его и проинспектировать в первую очередь.

На палубе Доусон встретил «командира порта», который провел его по судну. Доусон сразу заметил, что офицер предпочитает почему-то держаться подальше от носового трюма, а потому пошел именно туда. Заглянув в трюм, Доусон убедился, что больные тифом лежат там попеременно с ранеными. Доусон очень выразительно поглядел на «командира порта». Тот начал объяснять, что у этих больных «интермиттирующий тиф», который не настолько заразен, чтобы их изолировать. Познания Доусона в медицине не были достаточно обширными, чтобы научно опровергнуть это утверждение, но он, не вдаваясь в подробности, приказал больных тифом

изолировать, что и было, наконец, выполнено.

Доусону именно в Гаграх стало ясно, почему белые проиграли войну — их организованность была крайне низкой. Каждый генерал желал лично стать спасителем Отечества и считал, что именно его способ достижения этой цели является самым правильным.

Генерал Шкуро вернулся из Севастополя, но это мало что изменило. Он привез с собой еще какого-то генерала из штаба Врангеля, но тот своими советами только добавил неразберихи. В кают-компаниях «Тобаго» ежедневно собирались военные советы, на которых воинственно выглядевшие русские генералы о чем-то бесконечно говорили, но так ничего и не смогли решить.

Кто-то говорил об эвакуации в Крым, кто-то о перемирии, слухи о котором постоянно висели в воздухе. А, между тем, обстановка еще более осложнялась тем, что белым фактически некуда было отступать. За их спиной встали грузинские войска, решительно настроенные не пропускать бело-вардейцев на свою территорию. В этих условиях единственным выходом являлась эвакуация в Крым, который еще держался. В этой связи во всех спорах на «военных советах» в кают-компаниях «Тобаго» все чаще стала упоминаться фамилия генерала Слащова.

То, что Доусону удалось услышать о Слащове, было, по его мнению, слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Слащов в качестве выхода из тупика приказал эвакуировать весь личный состав местной белой группировки в Крым. Из Севастополя в Гаг-

ру пришли несколько транспортов, и Доусон был свидетелем жутких сцен, когда казаки перед посадкой на суда перерезали кинжалами горло своим исхудавшим коням, громко при этом рыдая и причитая.

Но эвакуацию армии тоже было очень сложно организовать. Многие просто не хотели отправляться в Крым, желая именно здесь сражаться до конца. Кроме того, невозможно было вывести войска с фронта таким образом, чтобы это не привело к крушению всей системы обороны и к полной катастрофе.

Доусон понимал, что в подобных условиях, он уже ничем не может помочь, хотя его начальник штаба Голд порывался съехать на берег, чтобы выступив в качестве посредника между белыми и красными, уговорить последних не препятствовать эвакуации белых сил. Ведь эта эвакуация открывала им дорогу в Грузию.

Капитан 3 ранга Голд был убежденным противником большевизма и гораздо сильнее Доусона чувствовал унижение от того, что он, британский офицер, не в состоянии ничего сделать для спасения своих друзей по оружию. Но Доусон считал, что время для посреднических действий уже упущено, а риск захвата Голда красными очень велик. А потому не разрешил начальнику штаба покидать эсминец. Вскоре «Тобаго» был отозван в Батум, а на его место в Гагру пришел гидроавиатранспорт «Арк Ройял». В ходе эвакуации из Гагры на борту авиатранспорта была вспышка тифа, и несколько матросов умерло.

Большая часть белых ушла с кавказского по-

бережья в Крым, но многие были захвачены красными и расстреляны на месте. В конце года Крым пал, и Белое Дело было проиграно навсегда. Проблему огромного числа беженцев было так же трудно решить, как и все проблемы, связанные с боевой поддержкой Белого Дела.

Через несколько лет Доусону довелось повстречаться с веселым головорезом генералом Шкуро на французской Ривьере, куда Доусон приехал в отпуск с женой. Генерал организовал группу цирковых наездников и не без успеха выступал перед публикой. Вместе с тем он выслеживал редких визитеров из советской России, но не убивал их, что было бы вполне в его духе, а устраивал с ними шумные скандалы, кончавшиеся, как правило, вызовом полиции.

Шкуро узнал Доусона, но нисколько этой встрече не обрадовался. Доусона тоже интересовал не сам бывший генерал, а его брат-тенор. Шкуро рассказал, что его брат остался в России, вернулся в Москву, где, сменив фамилию, поступил в труппу Большого театра и преуспевает. Доусон вспомнил, как в разгар боев, восхитительный голос брата Шкуро звучал в кают-компании «Тобаго», и вполне поверил в этот рассказ.

Генерал Шкуро даже назвал новую фамилию своего брата — то ли Козлович, то ли Козловскер, — но Доусон ее забыл.

Придя в Батум, «Тобаго» на следующее же утро получил приказ следовать на Мальту, куда он и прибыл в первых числах мая. Все пережитое в России осталось в памяти Доусона какой-то мешаниной из трагедии, памфлета и литургии.

VI

Вскоре Доусон был произведен в капитаны 2 ранга и назначен в штаб командующего Средиземноморским флотом вице-адмирала сэра Ричарда Уэббса, который держал свой флаг на линейном корабле «Эмперор оф Индия». Что же касается «Тобаго», то он под командованием другого командира снова был направлен в качестве стационара в Трапезунд.

Через некоторое время пришло сообщение, что «Тобаго» прямо на Трапезундском рейде подорвался на mine. Доусон знал о существовании на рейде старого минного поля, но оно считалось давно протраленным, и «Тобаго» неоднократно ходил по нему, не зная, что это заграждение никто и не думал тралить.

Доусону постоянно везло, а его преемнику — нет. Подходя к Трапезунду в ноябре 1920 года, он сразу же наскочил на мину. С огромным трудом экипажу удалось удержать эсминец на плаву и вернуться в Константинополь. После проведения там временного ремонта эсминец был отправлен обратно на Мальту, где простоял очень продолжительное время, пока решали — стоит его ремонтировать или нет.

Наконец, техническая комиссия признала повреждения «Тобаго» слишком серьезными, а поскольку уже шло крупное плановое сокращение флота, эсминец было решено разобрать на металл.

Доусон только вздохнул, когда это известие дошло до него. Бывший командир «Тобаго» находился тогда на борту линкора «Бенбоу», где

временно разместился штаб адмирала, поскольку «Эмперор оф Индия» ремонтировал котлы на Мальте. Командовал линкором «Бенбоу» капитан 1 ранга Бедфорд, который еще будучи командиром крейсера, принял от Доусона и доставил в Англию вывезенную на «Тобаго» из Одессы графиню Толстую.

Приход «Бенбоу» в Константинополь совпал по времени с падением Крыма и эвакуацией морем всей армии Врангеля и десятков тысяч беженцев, которых в противном случае ожидала бы верная смерть. Выполняя в штабе адмирала функции офицера разведки,

Доусон уже имел информацию о массовых расстрелах, которые большевики начали в Крыму сразу же после ухода Белой Армии. Раненые белые офицеры, оставленные в Крыму под опекой международного Красного Креста в госпиталях, были убиты в первую очередь вместе с медперсоналом.

В штабе адмирала Уэббса также имелись сведения, что большевистские агенты, проникшие в Константинополь вместе с офицерами Врангеля и беженцами, планируют захват зоны проливов с помощью провоцирования мятежа среди личного состава Белой Армии. Для этого муссировались слухи об исторических правах России на Царьград и проливы, которые как раз и должны стать тем самым местом, где возродится старая православная Русь, поскольку именно здесь она и зародилась более 1000 лет назад.

Людей, потерявших Родину и впавших в отчаянье, но сохранивших при этом боевую органи-

зацию и страстное желание сражаться, можно было подбить на любую авантюру, манипулируя ими, как вздумается. План предполагал, что врангелевцы захватят стратегические ключевые позиции в проливах, а затем обратятся к большевикам «как русские к русским» за помощью и продержатся до прибытия в Константинополь частей Красной Армии.

Доусон был склонен считать все это слухами и не более. Но адмирал был очень обеспокоен. По линии «Интелледжент Сервис» имелись сведения, что в Константинополе действуют по меньшей мере дюжина профессиональных провокаторов из Коминтерна. Тем более, что сил для осуществления этого плана у белых было вполне достаточно. Еще входя в проливы, Доусон с мостика «Бенбоу» увидел стоявший на рейде Мода линейный корабль «Генерал Алексеев», как была переименована «Воля», которую сравнительно не так давно «Тобаго» охранял в бухте Исмида.

Линкор слабо дымил из своих двух труб. На палубе плотными рядами стояли беженцы. Доусон подумал, что вряд ли в таких условиях «Генерал Алексеев» мог быть особенно боеспособным, но вспомнил случай, когда белый крейсер «Генерал Корнилов», также переполненный беженцами, бомбардировал позиции красных, которые ему активно отвечали. Осколками от недолетов посекло много женщин и детей на палубе, но это не произвело на командование особого впечатления. Как выяснилось позднее, командир крейсера капитан 1 ранга Потапьев никакого приказа проводить эту бомбардировку не получал, а произвел ее по со-

бственной инициативе. От русских, как подсказывал Доусону его уже достаточно богатый опыт, можно было ожидать любых неожиданностей вопреки всякой логике.

Официально патронаж над прибывшей русской эскадрой осуществляли французы, и адмирал Уэббс приказал Доусону провести с ними совещание, чтобы выяснить, известно ли им что-либо о возможном «пробольшевицском» мятеже морских и сухопутных сил генерала Врангеля. Французы заявили, что у них подобные сведения имеются.

Более того, в руки их контрразведки попал какой-то «то ли немец, то ли еврей», выдававший себя за коммерсанта. У него найдены копии писем, адресованные некоторым офицерам Белой Армии (в основном, полковникам), у которых в России остались семьи. Им предлагалось «во искупление своей вины перед родиной» и «во имя благополучия их семей» следовать инструкциям «подателя сего письма».

Фамилии указанных полковников переданы в штаб генерала Врангеля, расположенном временно на авизо «Алмаз». Однако, там к этим сведениям не проявили особого интереса и даже не смогли подтвердить, имеются ли в кадрах их армии указанные полковники. Но это только часть проблемы. Имеются сведения, что эмиссары Коминтерна действуют сейчас при штабе генерала Мустафы Кемалея, обещая ему помощь деньгами, оружием и людьми для свержения «султанского режима» и «изгнания англо-французских империалистов» с турецкой земли.

Однако французы попросили своих союзников

не драматизировать события. В ближайшее время все русские боевые корабли будут отправлены в один из отдаленных колониальных портов: в Оран или Бизерту, где они будут находиться под жестким контролем французских властей. Части сухопутной армии пока будут изолированы в Галлиполи и разоружены.

О генерале Кемале французы предпочли не распространяться, предоставив инициативу Доусону. Доусону тоже нечего было сказать на эту тему, и на том совещание завершилось. Результаты совещания Доусон представил адмиралу в виде письменного рапорта на его имя.

«Доусон, — сказал адмирал, просмотрев рапорт. — Я хочу, чтобы вы усвоили, что поля на служебных документах должны составлять два дюйма с четвертью, а не два дюйма, как у вас».

Составление письменных рапортов Доусон всегда считал подвигом, сравнимым разве что с отправкой по почте посылки или перевода, ибо именно эти действия его тетка — известная английская писательница Мартина Росс — возносила к высшим показателям энергии и эффективности человека. Поэтому переписывать рапорт Доусон не стал, а на следующий день снова направил его командующему через флаг-лейтенанта.

Флаг-лейтенант, упитанный и румяный ирландец по фамилии Бартон, побывав утром «в присутствии», пришел в каюту Доусону бледный и расстроенный.

«Там сегодня очень плохая атмосфера, сэръ, — сообщил он Доусону, показывая пальцем вверх. — На вашем месте я бы появился перед стариком

только после завтрака».

Для Доусона это означало остаться без завтрака, поскольку он и флаг-капитан должны были завтракать за адмиральским столом. Кроме того, в службе адмирала находился один черногорец, умевший из обычных корабельных запасов готовить такой кофе по-турецки, какого Доусон не пробовал никогда в жизни, и от которого был не в силах отказаться.

За завтраком адмирал сообщил Доусону, что внимательно прочел его рапорт, находя его весьма интересным.

«Я хочу, — заметил сэр Ричард, — чтобы вы, Доусон, съездили к своим русским друзьям на их линкор и выяснили, что они сами думают по этому поводу. На всякий случай я приказал эсминцам встать недалеко от них и быть готовыми потопить торпедами эти рассадники тифа и большевизма».

Адмирал Уэббс был человеком со странностями. В годы войны, командуя линейным крейсером «Нью Зеланд», он держал на борту колдуна из племени маори, в задачу которого входило отклонение в сторону немецких снарядов, нацеленных на линейный крейсер. Колдун прекрасно справился со своими обязанностями, и сэр Ричард своей властью произвел его в старшие унтер-офицеры. После перемирия колдун вернулся в Новую Зеландию, подарив на прощание Уэббсу волшебный амулет из когтей утконоса. Сила амулета заключалась в том, что его владелец был совершенно застрахован от принятия неверных решений.

Все на флоте об этом знали и страшно поба-

ивались адмирала Уэббса, поскольку не ошибающийся адмирал может наломать больше дров, чем целая дюжина всегда ошибающихся. Надеюсь, что волшебный амулет отговорит адмирала от торпедных стрельб по несчастным русским кораблям, Доусон на адмиральском катере направился на «Генерал Алексеев».

К своему удивлению, среди нескольких русских эсминцев, стоявших вблизи линкора, Доусон увидел и «Дерзкий», одиссею с буксировкой которого на Мальту забыть было очень трудно.

На «Тобаго» все гордились этим подвигом и страшно расстроились, когда до них дошел слух, что «Дерзкий» так и сгнил на Мальте, поскольку нет ни средств, ни технических возможностей для его ремонта. Оказывается, нет.

Вполне прилично выглядевший эсминец стоял на якоре, слабо дымя из своих трех труб. На мостике была видна вахта, а все остальное пространство было заполнено беженцами. Ходовой мостик торчал из сплошной кучи человеческих тел, заполнивших пространство верхней палубы, облепивших надстройки, площадки между трубами и торпедные аппараты.

Та же самая картина была и на других кораблях, так что Доусону оставалось только гадать, как эти корабли вообще пришли сюда из Севастополя, не затонув по дороге. Впрочем на эсминцах лишь в миниатюре было представлено то, что происходило на линкоре «Генерал Алексеев», серая громада которого доминировала над всем рейдом. Все пространство верхней палубы огромного корабля, трапы, надстройки, площадки ды-

мовых труб, крыши орудийных башен были заполнены людьми, бежавшими от кровавого безумия своей в очередной раз взбесившейся Родины.

Оборванные, измученные люди напоминали призраков одного из кругов Дантова Ада. На трапе Доусона встретил человек в кавалерийских рейтузах красного цвета, сапогах французского зуава, френче английского пехотинца и в непонятной фуражке, принадлежность которой Доусон не смог определить. Он оказался русским мичманом-дежурным по верхней палубе.

Мичман вежливо осведомился на французском языке о цели приезда английского офицера. Доусон также ответил по-французски, что по приказу адмирала Уэббса он должен обговорить некоторые вопросы с командующим отряда русских кораблей, если таковой имеется.

Поднявшись на верхнюю палубу, Доусон оказался перед сплошной стеной стоявших людей.

«Господа, господа! — кричал мичман. — Прошу посторониться. Представитель союзников прибыл на переговоры к командующему. Прошу вас, господа!»

Из толпы кто-то пронзительно крикнул:

«Пришлите одеял! У нас дети умирают!»

«Спокойно, спокойно, господа! — успокаивал толпу мичман, с огромным трудом протискиваясь вместе с Доусоном на корму линкора. — Все проблемы будут решены в ближайшем будущем».

По пологому трапу Доусон и мичман спустились вниз. Света на линкоре не было. Не было и масляных фонарей. Тускло светили несколько свечей, вставленных в консервные банки. В нос рез-

ко ударил запах человеческих нечистот. Нестерпимо пронзительно плакали дети, кто-то стонал. В коридорах и проходах вповалку лежали женщины, дети и раненые.

Доусон почувствовал себя Энеем, спускающимся в ад без всяких гарантий выйти оттуда.

Путь им преградила закрытая дверь, возле которой часовыми стояли офицеры в черной форме с черепами и скрещенными костями на рукавах, вооруженные маузерами в деревянных полированных кобурах. Дежурный что-то сказал им по-русски. Те откозыряли, и дежурный по верхней палубе пропустил Доусона вперед в открытую дверь.

В помещении, которое, видимо, в лучшие времена служило кают-компанией линкора, также находились беженцы. Здесь было светло из-за больших иллюминаторов и световых люков.

Дети спали в креслах, оставшихся от былой роскоши. А женщины молча сидели за длинным обеденным столом из красного дерева. Из кают-компании дежурный вывел Доусона в небольшой коридор, который не только был пуст и чист, но и украшен ковровой дорожкой. У двери в конце коридора стояли двое юношей в морской форме, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками — кадеты Севастопольского Морского корпуса. Вместе с ними находился высокий офицер в английском армейском кителе с погонами капитана 2 ранга русского флота и в русской морской фуражке. Капитан 2 ранга и дежурный обменялись несколькими словами, после чего капитан 2 ранга скрылся за дверью, но тут же появился снова и, приложив руку к козырьку, пригласил Доусона

войти в помещение, оказавшееся адмиральским салоном.

Доусона приняли командующий русской эскадрой вице-адмирал Кедров и его начальник штаба контр-адмирал Машуков. Приняли они Доусона, надо сказать, весьма холодно, хотя безукоризненно вежливо.

Белые считали англичан предателями, которые бросили их в самый решительный момент борьбы с большевиками. Французы, которые их бросили еще раньше, напротив, считались спасителями. Еще поднимаясь на борт, Доусон заметил на фок-мачте линкора французский флаг. То ли французы считали линкор своим трофеем, то ли русские добровольно отдались под их покровительство.

Вообще этот линкор постоянно кто-нибудь захватывал. Сначала это сделали большевики и увели в Новороссийск, чтобы там уничтожить во исполнение Брестского договора с немцами. Линкору удалось уйти из Новороссийска и вернуться в Севастополь, где он был захвачен немцами. После перемирия линкор достался англичанам, которые увели его в Исмид, где «Тобаго» нес около него бренд-вахтенную службу. Потом его вернули белым и сейчас передали французам.

Доусон вспомнил, какие усилия понадобились, чтобы доставить из Англии через Архангельск турбины для этого корабля, который тогда еще назывался «Император Александр III», и вздохнул по поводу тщетности всех дел человеческих.

Адмирал Кедров и Машуков были вконец издерганными людьми. Измученные чередой бес-

конечных военных неудач, которые свели на нет их титанические усилия по сохранению остатков русского Черноморского флота, они уже от любых представителей, а от англичан особенно, не ждали ничего, кроме неприятностей.

Оставив за кормой родные берега, совершенно не зная, что их ждет впереди вместо потерянной навсегда родины, оба русских адмирала смотрели на Доусона настороженными, почти затравленными глазами, красными от бессоницы и душевных мук. Они ждали, что им скажет столь неожиданно появившийся офицер штаба английского флота.

«Как у вас с углем?» — спросил Доусон, чтобы с чего-то начать.

«Французы обещали выделить, — ответил адмирал Машуков и добавил: — Но дело не в угле».

Оба русских адмирала великолепно говорили по-английски.

«А в чем дело?» — поинтересовался Доусон. «Кочегаров нет, — признался Машуков, — беда с кочегарами».

Русский адмирал рассказал Доусону, что перед уходом из Крыма линкор покинули практически все нижние чины, воспользовавшись приказом генерала Врангеля о полной добровольности эвакуации. На «Генерале Алексееве» остались всего 8 кочегаров. Двое суток день и ночь грузили уголь. К погрузке были привлечены гардемарины и кадеты Морского корпуса, а также специальные команды, сформированные из офицеров всех родов войск. Всю палубу загромождали горой ящиков, тюков и мешков. На всякий случай погрузи-

ли даже 10 коров и 100 баранов, принадлежавших Морскому корпусу. Плюс к этому на борт приняли 3886 беженцев. Это по списку. В действительности их гораздо больше. Но команды катастрофически не хватало.

По всему кораблю вывесили приказ командира, призывавший работоспособных пассажиров записываться в команду. Добровольцам был обещан корабельный паек. В помощь кочегарам были посланы казаки гвардейского полка, некогда служившие телохранителями императора.

Из кадет Морского корпуса была сформирована сигнальная вахта, а ввиду опасности саботажа повсюду были расставлены караулы из офицеров и гардемарин.

На переходе в Константинополь скорость «Генерала Алексеева» не превышала 5 узлов. Переход продолжался более трех суток. Опасались атак большевистских подводных лодок и актов саботажа на борту. Но пока все обошлось. Сейчас нет котельной воды. Но главное — необходимо освободиться от пассажиров и привести корабль в порядок. Очень много больных, включая детей, есть тифозные. Если англичане смогут чем-нибудь помочь, то русское командование с благодарностью эту помощь примет.

Вся гражданская война в России, по мнению Доусона, проходила в одном сплошном призыве к англичанам: «Когда вы что-нибудь для нас делаете?». А когда англичане пытались навести порядок, то сразу наталкивались на свирепое сопротивление: «Не лезьте в наши дела!»

«Значит, вы не исключаете, — спросил До-

усон, — что привезли с собой из Крыма какое-то число большевистских агитаторов и саботажников?»

И, не дожидаясь ответа, рассказал адмиралам о тех сведениях, которые передала в штаб адмирала союзная разведка.

«Беспокоитесь? — спросил Доусона адмирал Кедров, глядя на него со злым прищуром воспаленных глаз. — Правильно делаете, что беспокоитесь. Мы вам всего тут привезли: и тифозных бактерий, и большевистских, и еще Бог весть каких. Даже сами не знаем. Мы пытались остановить эту эпидемию и объяснить вам, какую смертельную опасность для мира представляет красная чума. Теперь вы расхлебывайте, пока она не перекинута на вас и не уничтожила Европу так же, как она уничтожила Россию».

Адмирал замолчал и добавил:

«Извините. Нервы ни к черту!»

Вернувшись на «Бенбоу», Доусон, избегая ненужных подробностей, доложил адмиралу Уэббу, что русские адмиралы не исключают прибытия среди беженцев большого числа большевистских агентов. Но в душе Доусон считал, что никаким агентам уже не поднять измученных и деморализованных белых на что-нибудь иное, кроме голодного бунта, но посоветовал адмиралу принять меры, чтобы их поскорее убрали из зоны проливов и Константинополя. Пусть захватывают для большевиков французские колонии в северной Африке: Тунис, Алжир, Марокко.

Доусон вернулся на «Бенбоу» очень раздраженным. Ему неожиданно стало страшно — он хо-

рошо представил себя на месте русских моряков, потерявших родину.

Вскоре французы пересадили на русский линкор своих кочегаров, снабдили корабль углем, мазутом и котельной водой, сняли часть беженцев и увели русские корабли вместе с остатками экипажей на заброшенную якорную стоянку в Бизерте.

В то же самое время французская контрразведка арестовала около десятка русских офицеров в Галлиполи, готовивших, по слухам, какое-то вооруженное выступление. Однако, они были быстро освобождены и возвращены в лагерь, где, не считая регулярных самоубийств, все было относительно спокойно.

В Грузии после удивительно долгого сопротивления, которое грузинские войска, не имея кавалерии и артиллерии, оказывали красным, большевики прорвались вглубь страны, и становилось очевидным, что полный контроль большевиков над Грузией установится в течение нескольких недель, если не дней.

Англичане теперь проводили политику полного невмешательства в грузинские дела, соответственно отозвав от кавказского побережья все свои корабли. Французы, по крайней мере в теории, еще оказывали грузинам какую-то помощь и держали несколько кораблей в их портах. В этот момент агрессивно зашевелились турецкие националисты на южных границах Грузии, потребовав от властей в Тифлисе эвакуации пограничных городов.

Отчетливо намечалась возможность столкновения между большевиками и турками за южные

провинции Грузии.

Тем временем, в Союзной комиссии дел прибавилось, а работать приходилось в более сложных условиях, поскольку подавляющее большинство турецких официальных лиц начали настоящую оргию обструкций и проволочек из-за своей тайной преданности генералу Кемалю в Ангоре.

Огромное количество русских проституток, прибывших в Константинополь вместе с армией генерала Врангеля, превратили социальную жизнь города в один большой бордель.

В начале 1921 года «Бенбоу» отправился на Мальту, поскольку адмирал упорно желал перенести свой флаг на «Эмперор оф Индия». Однако котлы «Индийского Императора» находились в столь плачевном состоянии, что ему еще долго предстояло стоять в доке, и «Бенбоу» стал постоянным флагманским кораблем.

Весной в районе Гибралтара линкор участвовал в маневрах, от которых Доусон успел отвыкнуть, затем отправился в Александрию, и только на второй неделе мая вернулся в Константинополь.

К этому времени Турция уже всю воевала с Грецией. Возвращение «Бенбоу» совпало по времени с совместной декларацией Верховных Комиссаров Великобритании, Франции и Италии, объявивших нейтральными обширные зоны в Анатолии и на полуострове Галлиполи, очертив тем самым ринг, на котором греки и турецкие националисты могли выяснять свои отношения. Другими словами, державы-победительницы делегировали Греции право сражаться одной за общее дело, создав в этой части мира исключительно сложную

и запутанную ситуацию.

В нейтральной зоне Константинополя стояла греческая эскадра, и греки постоянно опасались, что патриоты-националисты подорвут их корабли каким-нибудь способом, а им не станет легче от того, что межсоюзная комиссия признает эту акцию «незаконной».

Вместе с тем в клубок совершенно неразрешимых проблем превратилась ситуация с русскими беженцами. Помимо тех ста тысяч, что доставили в Константинополь корабли и транспорты генерала Врангеля, поток беженцев, бегущих из России, продолжался и по другим каналам, буквально затопляя турецкую столицу.

Эту проблему пытался разрешить французский Верховный комиссар генерал Пелле, пытающийся организовать для них лагеря, достать продовольствие и медикаменты. Одновременно он вел переговоры с правительствами различных стран, чтобы те разрешили въезд беженцев на свою территорию.

Пока на призыв французов откликнулась только Сербия. Некоторые русские даже предпочли вернуться на родину, поверив в слухи об амнистии. Но таких было мало. Подавляющая часть предпочитала жить вместе с женами и детьми прямо на улицах Константинополя, разными способами добывая себе деньги на пропитание. Столь свойственный славянам чисто восточный фатализм помогал им не очень задумываться над своим будущим, а жить сегодняшним днем.

Генерал Деникин, воспользовавшись пожалованным ему рыцарским достоинством Великобри-

тании, укрылся в Англии. Генерал Врангель, к которому судьба была столь немилосердна, долго оставался трагедийной фигурой, маячившей среди руин своей армии и замыслов. Как-то на улице Доусон повстречал того русского лейтенанта, что был у него пассажиром на «Тобаго» во время первого похода в Севастополь. Того самого, что тогда категорически отказывался ночевать в одном помещении с японцем. Оказывается, лейтенант женился и жил припеваючи на северном берегу Босфора в Бейкосе. Он пригласил Доусона на обед, и лишь внезапный уход «Бенбоу» на Крит помешал бывшему командиру «Тобаго» воспользоваться этим приглашением.

У Доусона были и более интересные встречи. Одну из них он считал просто драматической. Однажды на улице Пера он увидел генерала Шиллинга — бывшего «вице-короля» и главнокомандующего силами белых на Украине. Одинокий, сутулый и седой — без казаков-телохранителей и пышной свиты — он одиноко ковылял по тротуару, одетый в поношенную военную форму, на которой еще светился белой эмалью Георгиевский крест. Генерал был брошен всеми и всеми ненавидим за какие-то темные дела с большевиками накануне всеобщей катастрофы.

Доусон знал, что действия самого генерала, а особенно офицеров его штаба, были в этой связи далеко не безупречными, но он был твердо убежден в том, что генерал Шиллинг не был предателем. Он не обладал большими способностями, но был честным человеком и храбрым солдатом, ставшим жертвой своего оптимизма и

чужих ошибок.

По долгу службы, Доусон занимался многими из этих проблем, но служба на линкоре, а тем более в штабе командующего, тяготила его. Он хотел снова стать бароном в собственном замке, удрав от всех прелестей «королевского двора».

При первой же возможности Доусон снова перешел на эсминцы. Он стал командиром эсминца «Вампир», затем командовал дивизионом, а позднее — флотилией эскадренных миноносцев Средиземноморского флота.

Он часто вспоминал о своих приключениях в России, которая — как по мановению злого гения — превратилась почти в мифическую страну, лежащую за санитарными кордонами и колючей проволокой государственных границ.

В 1931 году Доусон ушел в отставку в чине капитана 1 ранга и поселился в своем родном Дорсете, надеясь провести вторую половину жизни в покое и литературной деятельности. Но продолжало тянуть в море и почему-то — в Россию, хотя Доусон понимал, что ни при каких поворотах судьбы там ему побывать больше не придется. И ошибся.

Недаром говорят, что тот, кто хоть раз побывал в России, туда обязательно вернется.

В 1939 году 54-летний капитан 1 ранга Доусон был призван из запаса и в чине коммодора командовал эсминцами охраны конвоев, следовавших из Канады в Англию, а позднее — из Англии в Россию. Ему пришлось неоднократно бывать в

Мурманске и Архангельске, а в 1944 году большевистский посол в Великобритании Иван Майский вручил Доусону орден Боевого Красного Знамени.

Если бы кто-нибудь предсказал это командиру «Тобаго» в 1919 году, то, разумеется, Доусон воспринял бы подобный прогноз как не очень остроумный анекдот.

В 1945 году Доусон вторично вышел в отставку в чине контр-адмирала, получив к своему имени рыцарскую приставку «сэр» «за доблестное выполнение долга в двух мировых войнах». Снова оказавшись на покое, старый моряк попытался привести в порядок свои мысли по поводу тех невидимых нитей, что связали его судьбу с судьбой России.

Но это уже другая история. Тем более, что мысли адмирала очень отличаются от мыслей молодого командира, находящегося на вверенном ему эсминце в отдельном плавании.

Единственный вывод, к которому в итоге пришел Доусон, заключался в словах: «образование, которое человек получает в море, никогда не следует считать полным и законченным».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I.

*Хронология военно-морских событий
на Черном море
Октябрь 1918 - ноябрь 1920 годов.*

1918 ГОД. ОКТЯБРЬ.

30-го. Турция подписала перемирие с союзниками.

1918 ГОД. НОЯБРЬ.

2-го. Немцы оставили линейный крейсер «Гебен», забрав с собой дальномерное оборудование и машинную документацию. Корабль передан туркам.

11-го. Подписано перемирие с Германией.

12-го. Союзный флот вышел с о.Мудрос в Исмидский залив через Дарданеллы.

13-го. Союзный флот прибыл в Константино-

поль (Стамбул) в составе:

линейные корабли «Суперб» (флаг вице-адмирала Калтхорпа), «Темерайр», «Лорд Нельсон», «Агамемнон», «Жустици»(Фр.), «Демократи»(Фр.), «Витторио Эммануэлле»(Ит.);

броненосный крейсер «Аверов»(Гр.),
легкие крейсера «Ливерпуль», «Сентинел», «Кентебри»;

гидроавиатранспорт «Эмпресс»;
эсминцы «Бевер», «Нирайд», «Шарк», «Ярра»(Австрал.), «Торренс»(Австрал.), «Дехортер»(Фр.), «Манжини»(Фр.), «Анжело Бассини»(Ит.).

Позднее к флоту присоединились:

греческие броненосцы «Килкис» и «Лемнос»,
броненосные крейсера «Жуль Мишеле»(Фр.) и «Эрнест Ренан»(Фр.),

легкие крейсера «Форвард», «Скайрмишер»,
старый броненосный крейсер «Грэфтон»,
эсминцы «Сигх», «Бриск», «Парфиан», «Фьюри», «Ларн»(8 дек.), «Экорн», «Парраматта»(Австрал.), «Шоу»(Австрал.), «Хаон»(Австрал.)

21-го. Броненосный крейсер «Эрнест Ренан»(Фр.) и легкий крейсер «Ливерпуль» в сопровождении австралийских эсминцев «Ярра» и «Торренс», имея на борту военную миссию, вышли из Константинополя в Новороссийск, а затем в Поти и Батум.

22-го. Броненосный крейсер «Жуль Мишеле»(Фр.) и легкий крейсер «Ливерпуль» в сопровождении эсминцев «Бриск» и «Экорн» вышли в Трапезунд, Самсун и Синоп.

23-24-го. Передовой отряд союзных кораблей в составе легкого крейсера «Кентебри» и эсмин-

цев «Нортеск» и «Бриск» прибыл в Севастополь. Призовые партии с «Кентебри» взяли под контроль:

**русский линейный корабль «Воля»,
подводные лодки и яхту «Лорелей».**

25-26-го. Союзный флот вышел в Севастополь в составе:

**линейные корабли «Суперб» и «Темерайр»,
легкий крейсер «Скайрмишер»,
эсминцы «Шарк» (борт.№8), «Парфиан»,
«Шоу»(Австал.), «Парраматта»(Австрал.), «Жусти-
ци»(Фр.), «Демократи»(Фр.), «Дехортер»(Фр.).**

По пути к ним присоединились:

**линкор «Рома»(Ит.),
минный крейсер «Агордит»(Ит.),
эсминец «Панфиир»(Гр.).**

Линкор «Агамемнон» с эсминцем «Раби» и одним французским миноносцем прибыли в Одессу.

В Сулину и Килию прибыли:

эсминцы «Бевер» и «Дехортер» (Фр.).

В Варну пришли:

эсминцы «Нирайд» и «Анджело Бассани»(Ит.).

В Севастополе находились, примерно, 11000 немецких солдат под командованием вице-адмирала Хомана. Они помогли союзникам поддерживать порядок в Севастополе и Одессе.

1918 ГОД. ДЕКАБРЬ.

5-го. Все турецкие корабли сданы союзникам.

8-9-го. Эсминец «Ларн» вышел из Константинополя в Варну с 50-ю офицерами и солдатами на борту для попытки захвата болгарских миноносцев.

Англичане захватили:

эсминец «Дерзкий», а французы —

эсминец «Строгий».

(Захваченный французами в октябре болгарский миноносец «Летающий» затонул 2 ноября 1918 года, наткнувшись на риф).

12-го. Бывшие немецкие подводные лодки «UC-37» и «UB-42» приведены в Исмид из Севастополя вместе с плавбазой «Адамант».

15-го. Русский эсминец «Дерзкий» прибыл в Исмид в сопровождении английского эсминца «Раби».

20-го. Французы и греки высадили в Одессе по две дивизии.

21-22-го. Русский линейный корабль «Воля» под конвоем английского линкора «Агамемнон» прибыл в Исмид из Севастополя. Русский линкор управлялся штурманами с «Агамемнона».

28-го. Русский эсминец «Счастливый» прибуksирован в Константинополь английским эсминцем «Редпол» после аварии машины на пути из Севастополя.

1919 ГОД. ЯНВАРЬ.

Общая обстановка.

— Красные взяли Харьков. Уинстон Черчилль назначен Государственным секретарем Британии (военным министром).

Президент Соединенных Штатов Америки Вильсон предложил план перемирия между всеми русскими вооруженными силами, втянутыми в гражданскую войну.

Предложенный Президентом план не принят.

1919 ГОД. ФЕВРАЛЬ.

Общая обстановка.

— Красная Армия взяла Киев, вторглась в Эстонию и наступает на Херсон.

8-го. Линкор «Мирабо»(Фр.) сел на камни во время снежного шторма в районе Севастополя на 4/5 длины своего днища. Снят с камней в апреле после демонтажа носовой 305мм башни и бортовой брони.

19-го. Эсминец «Нирайд» поддержал огнем части русской Добровольческой армии. В Одессе и Николаеве 14000 немецких солдат ждут отправки на родину.

1919 ГОД. МАРТ.

Общая обстановка.

— Британский Военный Кабинет принял решение усилить помощь Добровольческой армии со стороны Королевского флота, но без высадок десантов. Красная армия взяла Мелитополь.

12-14-го. Французы эвакуировали 5500 французских, греческих и немецких солдат на транспортах «Брио» и «Дю Шайла» из Николаева. Французские инженеры доложили о состоянии русских подводных лодок, находящихся в строительстве и ремонте в Николаеве: АГ-22 — без аккумуляторов, 2-3 месяца до завершения постройки; АГ-23, АГ-24, АГ-25, АГ-26 — в заводской транспортной упаковке; «Нерпа» — без машин, 2 месяца до завершения; «Пеликан» — почти достроен.

Командующий английским Средиземноморс-

ким флотом; приказал командующему английскими военно-морскими силами в Черном море контр-адмиралу Сеймору вывести подводные лодки из строя, но сомнительно, чтобы кто-то попытался это сделать.

1919 ГОД. АПРЕЛЬ.

Общая обстановка.

— Красная Армия вошла в Одессу после ухода французов. Красные прорвали Перекоп, вторглись в Крым и приближаются к Севастополю. Французы объявили, что намерены оборонять Севастополь.

1-го. Легкий крейсер «Форсайт» и эсминец «Тобаго» прибыли в Одессу. «Тобаго» принял на борт беженцев для отправки в Константинополь.

4-го. Монитор М-17 и гидроавиатранспорт «Эмпресс» оказали поддержку «белым» частям в бухте Каркинит.

7-11-го. Эвакуация Ялты английскими кораблями. Вдовствующая императрица Мария Федоровна эвакуирована на борту линкора «Мальборо».

13-го. Красная Армия приближается к Севастополю, а французский линкор «Мирабо» все еще находится в севастопольском сухом доке. Прилагаются все усилия, чтобы корабль скорее вывести из дока.

14-го. Контр-адмирал Сеймор перенес свой флаг с броненосца «Лорд Нельсон» на линкор «Эмперор оф Индия».

20-го. Мятеж французского флота, находяще-

гося под командованием вице-адмирала Амета, в Севастополе. Французские линейные корабли «Франс», «Жан Бар» и «Жустици» спустили гюйсы и кормовые флаги, а «Франс» поднял красный флаг.

500 находящихся на борту французских моряков парадом прошли по улицам города.

На французских кораблях слышны выстрелы из ручного оружия. Бунтовщики, которых больше всего на линкоре «Франс», не желают подчиняться приказам и требуют отправки домой.

21-го. Линкоры «Мирабо» и «Вержнье» подняли красные флаги. Контр-адмирал Сеймор прибыл в Севастополь на «Эмперор оф Индия» и пытался убедить адмирала Амета попробовать удержать город, но Амет был слишком шокирован бунтом.

22-го. Линейный крейсер «Карадок» обстрелял позиции «красных» в бухте Каффа.

23-го. Французский линкор «Франс» — главный источник бунта — отправлен на родину. Командующий французским флотом вице-адмирал Амет принял делегацию «красных» на борту линкора «Жан Бар», чтобы обсудить вопросы эвакуации Севастополя. Контр-адмирал Сеймор отказался принять участие в этом совещании.

24-го. Командующий английским Средиземноморским флотом вице-адмирал Калтхорп прибыл в Севастополь на линейном корабле «Айрон Дюк». Стычки между французскими и греческими матросами в городе.

25-го. Англичане вывели из строя и затопили

русские подводные лодки, чтобы предотвратить их попадание в руки большевиков. Кроме того, ими были взорваны цилиндры на русских броненосцах, крейсерах и эсминцах.

Затопленными подводными лодками были: «Орлан», «Гагара», «Кашалот», «Кит», «Нарвал», «Краб», Карп», «Карась» и АГ-21.

Машины были взорваны на эсминцах: «Быстрый», «Завидный», «Живой» и «Жуткий».

В Каффской бухте легкие крейсера «Карадок» и «Кентавр» с эсминцем «Парфиан» и греческим броненосцем «Лемнос» обстреливали позиции «красных».

27-го. Линейный корабль «Айрон Дюк» присоединился к отряду кораблей, интенсивно бомбардирующему позиции «красных».

28-го. Французы эвакуировали Севастополь. Участвовавшими в эвакуации Крыма английскими кораблями были: линкоры «Мальборо» и «Лорд Нельсон»; крейсера «Калипсо», «Карадок» и «Грэфтон»; эсминцы «Стюарт», «Монтрос», «Фьюри», «Нортеск», «Парфиан», «Спиди» и «Тобаго»; шлюпы «Диантус», «Хибискус», «Пирнсесс Эна», «Роксенд»; транспорты «Кэпатхала», «Катория», «Фригия», «Окамо» и «Санленд».

3000 военнослужащих и 33000 гражданских лиц были эвакуированы в Новороссийск.

1919 ГОД. МАЙ.

Общая обстановка.

— Красная Армия, наступавшая в направле-

нии Керченского пролива, была остановлена «белыми» частями при поддержке боевых кораблей английского флота, оперировавших из Феодосии и Арабатской бухты в Азовском море.

2-го. В Феодосийском заливе бомбардировали скопления «красных» войск:

**линкор «Эмперор оф Индия» и
легкий крейсер «Карадок».**

Вели огонь по «красным» попеременно из Феодосийского залива и Арабатской бухты:

эсминцы «Монтрос» и «Стедфест» с монитором М-29

6-го. **Линейный корабль «Эмперор оф Индия»,**

легкий крейсер «Карадок»

с эсминцами «Монтрос» и «Стедфест» продолжали бомбардировку «красных» позиций. Вскоре к ним присоединились:

линейный корабль «Мальборо»,

эсминец «Тобаго» и

крейсер «белых» «Кагул».

12-го. В Каффском заливе —

линкор «Мальборо»,

эсминцы «Монтрос» и «Фьюри».

в Арабатской бухте —

легкий крейсер «Калипсо» и

эсминец «Тобаго», а также:

мониторы М-17, М-18 и М-29 и

французский эсминец «Командант Бори».

отправлены на бомбардировку Геническа:

эсминцы «Форестер» и «Парфиан»

В Керчи —

французский эсминец «Дехортер» с М-204 и М-205.

1919 ГОД. ИЮНЬ.

Общая обстановка.

— К концу месяца в ходе ожесточенных боев все «красные» войска выбиты из Крыма. Разрозненные банды мародерствуют в селах.

7-го. Легкий крейсер «Калипсо» и эсминец «Спортиви» обстреливали Геническ. Огонь корректировался с гидросамолета.

9-го. У Феодосии — линкор «Мальборо», эсминец «Сираф» и гидроавиатранспорт «Энджидайн».

В Арабатской бухте — легкий крейсер «Калипсо», эсминец «Спир», мониторы М-18 и М-19.

У Керчи действуют эсминцы «Монтрос» и «Форестер».

18-го. Оказали активную артиллерийскую поддержку успешному наступлению «белых», войск на «красные» позиции под Феодосией:

линейный корабль «Мальборо», легкие крейсера «Калипсо» и «Карадок», мониторы М-18 и М-19, гидроавиатранспорт «Энджидайн».

1919 ГОД. ИЮЛЬ.

Общая обстановка.

— 1 июля «белые» войска вошли в Севастополь. Британский Военный Кабинет объявил о существовании «состояния войны» между Великоб-

ританией и большевистским режимом в России.

Как следствие этого решения, военно-морские силы Британии получили приказ «вести боевые действия с противником на суше и на море».

2-го. Эсминец «Спортиви» доложил из Севастополя, что «красные», очищая акваторию порта, подняли корпус затонувшей 20 октября 1916 года «Императрицы Марии». Линкор килем вверх введен в сухой док. Два 120мм казематных орудия сняты «белыми».

23-го. Контр-адмирал Сеймор на «Эмперор оф Индия» пришел в Севастополь.

Адмирал выразил озабоченность по поводу опасности со стороны подводных лодок в Черном море и приказал «белым» не использовать подводные лодки «Утка» и «Тюлень», поскольку их могут принять за «красных» и потопить.

Адмирал также беспокоился по поводу завершения «красными» достройки подводных лодок на заводе в городе Николаев.

1919 ГОД. АВГУСТ.

Общая обстановка.

— Британский Кабинет утвердил программу помощи генералу Деникину. Уинстон Черчилль требует продолжения интервенции в то время, как лейбористы настаивают на выводе флота из русских вод. В Англии сформирован национальный комитет «Руки прочь от России». Деникин захватил Киев и Одессу.

1-го. Легкий крейсер «Карадок» с эсминца-

ми «Монтрос», «Спир», «Спортив» и мониторами М-18 и М-22 бомбардировали отступающие «красные» войска в районе Николаева и Очакова. Операцию поддерживали гидроавиатранспорт «Энджидайн» и шлюп «Гелиотроп» с привязным аэростатом для корректировки огня.

23-го. Легкий крейсер «Карадок» с эсминцами «Монтрос», «Стюарт», «Сираф», «Стедфест» и «Тамулт» оперировали в районе Одессы.

1919 ГОД. СЕНТЯБРЬ.

Общая обстановка.

От командующего английскими морскими силами в Черном море получен первый рапорт о состоянии русских кораблей в Николаеве. Там находятся три судостроительных завода: Балтийский или Государственный завод, Военно-морская верфь и завод «Руссуд». Последние два ныне занимаются только сборкой корпусов, а Военно-морская верфь изготавливает и корпуса, и машины.

На Балтийском заводе стоят шесть подводных лодок. Одна из них (АГ-22 или АГ-23) находится в строю, вторая — на слипе. «Нерпа» стоит без машин, а еще три лодки типа «Н» (АГ-24, 25, 26) не собраны и находятся в заводской транспортной упаковке. На всех трех заводах в разной степени готовности находятся следующие боевые корабли:

Линкор «Демократия», готовность 40%, возможна буксировка, завод ВМС.

Крейсер Адмирал Нахимов», готовность 80%, возможна буксировка.

Крейсер «Адм. Лазарев», готовность 50%, возможна буксировка, завод Руссуд.

Крейсер «Адм. Корнилов», готовность 25%, на стапеле, завод Руссуд.

Эсминец «Цериго», готовность 85%, возможна буксировка, без орудий, завод ВМС.

Эсминец «Корфу», готовность 50%, возможна буксировка, завод ВМС.

Эсминец «Левкос», готовность 50%, возможна буксировка, завод ВМС.

Эсминец «Занте», готовность 50%,

Подлодка «Пеликан», готовность 50%, возможна буксировка, завод Руссуд.

Подлодка «Лебедь», готовность 50%, возможна буксировка.

В течение следующих трех месяцев англичане отбуксировали некоторые из этих кораблей из Николаева в Одессу и Севастополь, в том числе эсминцы «Занте» и «Цериго», подводные лодки «Пеликан», «Лебедь» и АГ-22.

В начале месяца «белое» командование потребовало возвращения русских кораблей, находящихся в руках союзников. Французы вернули эсминец «Капитан Сакен» (R-1) и «Беспокойный» (R-2), итальянцы — эсминец «Зоркий», греки — эсминец «Звонкий». Англичане продолжали удерживать линкор «Воля» в Исмиде и эсминец «Дерзкий», проходивший ремонт на Мальте.

1919 ГОД. ОКТЯБРЬ.

Общая обстановка.

— Партизаны Махно взяли Бердянск и Ма-

риуполь. Красная Армия захватила Орел.

15-16-го. Крейсер «Карадок» и эсминец «Шарю» оказывают поддержку «белым» в Таганроге.

28-29-го. Русский линкор «Воля» приведен в Севастополь экипажем с английского линкора «Айрон Дюк» и 1 ноября передан «белым». Англичане также обсуждали возможность передачи «белым» эсминца «Мартин» и мониторов М-20 и М-32 взамен погибшего в апреле бывшего русского эсминца «Счастливый».

1919 ГОД. НОЯБРЬ.

26-го. Рапорт командира легкого крейсера «Кентавр» об общем состоянии русского «белого» флота. Общая нехватка личного состава. Линкор «Воля» с большим некомплектом экипажа. Эсминцы, находящиеся в руках «белых» с декабря 1918 года, в весьма плохом состоянии, возвращенные союзниками — в несколько лучшем. Подводная лодка АГ-22 переведена из Николаева в Севастополь.

1919 ГОД. ДЕКАБРЬ.

Общая обстановка. — Красная Армия довольно легко захватила Харьков, Полтаву и Киев.

24-го. Русский эсминец «Дерзкий», закончив ремонт, введен в строй на Мальте.

Английская штурманская группа готовилась перевести «Дерзкий» в Севастополь для передачи русским.

Передача «Дерзкого» отменена в связи с отсутствием у русских экипажа для эсминца.

1920 ГОД. ЯНВАРЬ.

Общая обстановка.

— В связи с уходом адмирала Колчака генерал Деникин принял на себя Верховное Командование Белыми силами в России. Царицын и Ростов взяты «красными». Деникин отступает за Дон. Союзники решили ослабить блокаду советской России, что равносильно признанию большевистского режима.

1-го. На борту линкора «Мальборо» в Новороссийск направилась британская миссия, чтобы выяснить обстановку на юге России.

1920 ГОД. ФЕВРАЛЬ.

Общая обстановка.

— Адмирал Колчак казнен «красными» в Иркутске. Красная Армия наступает на Одессу. Английские корабли эвакуируют беженцев.

8-го. Одесса захвачена «красными». В эвакуации беженцев принимают участие следующие английские корабли:

линкор «Аякс»,

легкие крейсера «Кардифф» и «Керес». Пароход «Рио Негро» доставляет в Константинополь 1400 беженцев.

11-12-го. Эсминец «Занте» сорвало со швартовов и выбросило на берег в районе Фонтана.

21-го. Британская 1-я боевая эскадра в Константинополе состоит из:

линкоров «Ривендж» (флагман адмирала сэра Сиднея Фриментла), «Ройял Оук», «Резолюшн»,

«Рэмиллис», «Ройял Соверен»,
эсминец «Виспер», «Видетта», «Венеция» и
«Весткотт».

28-го. Крейсер «Дублин» прибуksировал эсми-
нец «Дерзкий» в Исмид. Эсминец «Поспешный»
прибыл туда из Константинополя, а его экипаж пе-
решел на «Дерзкий». Некоторые части сняты с
«Поспешного» для полного завершения ремонта
«Дерзкого» с помощью английского персонала.
Передача «Дерзкого» отложена из-за нехватки у
русских личного состава.

1920 ГОД. МАРТ.

Общая обстановка.

— Красная Армия захватила Екатеринодар —
столицу Кубани. Союзники взяли под контроль
Константинополь и турецкое правительство в свя-
зи с активностью националистов под командова-
нием Мустафы Кемалю.

2-го. Диспозиция английских кораблей в
Крыму:

легкий крейсер «Кардифф» (контр-адмирал
Хоуп) и

эсминец «Томагавк», — в Феодосии,
в Севастополе —

линкор «Мальборо» и

эсминец «Трибун», в Ялте —

эсминец «Монтрос», в Евпатории —

эсминец «Танулт».

23-27-го. Белая Армия эвакуировала Новорос-
сийск. В эвакуации участвовали:

линкор «Эмперор оф Индия» (флаг контр-ад-

мирала Сеймура),

французский броненосный крейсер «Эдгар Кине»,

гидроавиатранспорт «Пегасус» и эсминцы «Стедфест», «Капитан Сакен», «Пылкий» и «Беспокойный».

29-го. Эвакуация Ялты. Эсминец «Монтрос» и пароход «Рио Гранде» вывезли из города беженцев.

1920 ГОД. АПРЕЛЬ.

Общая обстановка. — Генерал Деникин ушел в отставку, сдал командование «белыми» частями барону Врангелю. «Белые» получили передышку благодаря войне между большевиками и Польшей.

1-го. Эвакуацию Туапсе провели легкий крейсер «Калипсо» и два эсминца — английский «Тэттел» и американский «Дю Пон».

4-го. Деникин отправился из Севастополя на Мальту на борту линейного корабля «Мальборо».

15-го. Легкий крейсер «Карадок» присоединился к эсминцу «Стедфест», ведущему бой в районе Поти.

20-го. Гидроавиатранспорт «Пегасус» пришел в Феодосию.

1920 ГОД. ИЮНЬ.

Общая обстановка.

— Врангель атаковал «красных» севернее Перекопа. Британское правительство отозвало военную миссию из Севастополя, не желая боль-

ше брать на себя ответственность за продолжение гражданской войны на юге России.

16-17-го. В Батуми находятся:

английский линкор «Аякс»,

французский броненосный крейсер «Эдгар Кине» и два американских эсминца.

1920 ГОД. ИЮЛЬ.

Общая обстановка.

— Правительство США отменило запрет на торговлю с советской Россией, включая торговлю оружием.

1920 ГОД. ОКТЯБРЬ.

Общая обстановка.

— В Дорпате подписан мир между Польшей и «советами», по которому к Польше перешли все спорные территории восточнее Буга:

1920 ГОД. НОЯБРЬ.

Общая обстановка.

— Английский Кабинет решил не принимать никакого участия в эвакуации Крыма.

Рекомендовани никому не оказывать никакого содействия за исключением лишь британских подданных.

12-го. Эсминец «Тобаго» подорвался на mine у Траpezунда и затонул. (*Так в тексте источника.*)

13-го. Крым эвакуирован «белыми»; выве-

зено, (по различным сведениям) примерно, 146000 человек.

(Материал взят из журн. "Варшав Интернейшл).

* * *

Приложение II

Выдержка из рапорта, подготовленного Р.Худом — инженером фирмы «Джон Браун и Ко» в Клайдбенке, который сопровождал турбины для черноморского линкора «Император Александр III» из Клайдбенка в Николаев.

«В начале 1916 года Русская кораблестроительная компания информировала Джона Брауна о том, что русское Адмиралтейство желает получить турбины, находящиеся в Клайдбенке, для установки на черноморский линкор «Император Александр III», стоящий в Николаеве.

Поскольку Дарданеллы были закрыты, единственным способом доставки турбин в Николаев была их транспортировка в Архангельск с дальнейшим препровождением в Черное море.

Русское Адмиралтейство считало, что турбины можно доставить из Архангельска в Николаев водным путем, исключая отрезок, примерно, в 300 миль, где это придется делать по железной дороге.

Путь, как было показано на присланной карте, сначала шел по реке Двина от Архангельска до города Великий Устюг, затем — по реке Сухона до озера Кубенское, оттуда по каналу он шел до озера Васарена и далее по реке Шексна до Рыбинска на реке Волга.

Водный путь продолжался по Волге до Сарепты.

В Сарепте турбины перегружались на железнодорожные платформы и доставлялись в Ростов-на-Дону.

В Ростове они перегружались на судно, которое и должно было доставить турбины в Николаев.

Для первой части пути из Клайдбенка в Архангельск было зафрахтовано бельгийское транспортное судно «Волхандель». Турбины были погружены в носовой трюм судна, а в кормовой — всевозможные запчасти и материалы, необходимые русским кораблестроителям.

16 мая 1916 года в 02:00 «Волхандель» отошел от причала Ротсей в Клайдбенке и был проэскортирован двумя вооруженными траулерами из Тайл-оф-зе-Бенк в Сторновей.

В Сторновее судно оставалось семь дней, выйдя в море 24 мая в 19:30 под эскортом вспомогательного крейсера «Стефен Фарнесс» — бывшего пассажирского парохода.

Добравшись до побережья России, судно направилось в Кольский залив и 2 июня бросило якорь у поселка Семеново, где около пятидесяти судов ожидали открытия навигации по Белому морю. Было приказано ожидать дальнейших указаний.

9 июня эти указания последовали, и в тот же день в конвое с другими судами мы вышли в Архангельск.

Транспорты уходили тремя группами с интервалом в несколько часов. Мы вышли в

Архангельск с последней группой транспортов.

В узком горле Белого моря мы попали в ледяное поле и пробивались через него 13 часов. Некоторые суда застревали во льду на 2-3 дня.

По прибытии в Архангельск судно и команда были проверены таможенниками, и вечером 12 июня мы подошли к причалу.

На борт судна немедленно прибыли капитан 1 ранга Прохоров — представитель технического комитета и инженер-механик лейтенант Васильев из Адмиралтейства, после чего мы проследовали в Бакарицу к месту разгрузки, куда прибыли ночью.

После того, как мы бросили якорь в Бакарице, адмирал Нехаев, глава русской приемной комиссии, и капитан 1 ранга Прохоров осмотрели машины «Императора Александра III». Замечаний по содержанию и состоянию груза у них не возникло. Все предварительные работы для быстрой и безопасной перегрузки турбин с «Волханделя» на шесть специальных барж были выполнены заблаговременно.

Каждая баржа имела 128 футов длины и 28 футов ширины, а в нагруженном состоянии ее осадка составляла 26 футов.

Баржи были изготовлены полностью из дерева со специальными жесткими площадками на носу и корме, где были проложены рельсы для специального транспортера, на который должны были быть погружены турбины.

Транспортеры были выполнены из стали с двумя брусьями, на которых должны были покоиться турбины и конденсаторы. Перегрузка шла с

помощью плавкрана. Весь груз был передан на баржи, закреплен там и покрыт брезентом.

Погрузка началась в 05:00 13 июня и продолжалась шесть дней без всяких происшествий.

Утром в воскресенье 18 июня мы оставили Бакарицу и двинулись вверх по реке Двина. Баржи были пришвартованы лагом подвое и соединены в три связки, буксируемые большим плоскодонным буксиром.

На баржах находилась группа сопровождения во главе с капитаном 2 ранга Накаровым из русского Адмиралтейства, которому эти баржи принадлежали. Капитан 1 ранга Прохоров и я занимали небольшой салон на борту буксира.

16 июля баржи без каких-либо серьезных инцидентов прибыли в Сарепту. Для разгрузки барж в Сарепте никаких приготовлений сделано не было, и подготовительные работы продолжались до 19 августа.

В это время я с адмиралом Нехаевым и капитаном 1 ранга Волковым съездил в Ростов-на-Дону, чтобы организовать предстоящие работы по погрузке турбин на судно, которое должно было доставить их в Николаев.

Я вернулся в Сарепту 19 августа. Подготовительные работы, необходимые для разгрузки барж в Сарепте, включали строительство небольшого причала, шлюза с управляемым уровнем воды и прокладку, примерно, 300 метров железнодорожного полотна.

Идея заключалась в том, что при введении баржи в шлюз уровень воды там повышался с помощью брандспойтов пожарного катера, и ус

тановленные на баржах рельсы состыковывались с рельсами на причале. Затем с помощью винтовых домкратов турбины перегружались на железнодорожные платформы.

Погрузка машин с барж на железнодорожные платформы началась 22 августа и завершилась без каких-либо происшествий к 4 сентября.

Мы выехали из Сарепты утром 5 сентября. Груз был распределен по четырем отдельным составам, следующим с двадцатиминутными интервалами друг от друга. В тот же вечер мы прибыли в Котельниково в 88 милях от Сарепты.

На рассвете мы двинулись дальше и, проехав 150 миль, ночью прибыли в Торговое, а вечером 7 сентября достигли конечного пункта нашего пути — Ростова-на-Дону. Расстояние от Сарепты до Ростова 309 миль, а от Архангельска — 2498 миль. По железной дороге мы двигались со средней скоростью 8 миль в час.

В Ростове турбины необходимо было перегрузить с железнодорожных платформ на грузовое судно «Петр Ригер» водоизмещением 1500 тонн, которое по реке Дон через Азовское и Черное моря должно было доставить турбины в Николаев.

Тут в нашем распоряжении были два плавучих пятидесятитонных паровых крана. Однако, до начала погрузки необходимо было построить причал, транспортный мост и проложить вдоль причала железнодорожные рельсы.

Мы начали работы 10 сентября и завершили погрузку 3 октября.

4 октября «Петр Ригер» отошел от причала,

а вечером следующего дня мы спустились к устью Дона.

Утром 6 октября мы прибыли в Мариуполь, где забункеровались углем, а 7 октября прибыли в Керчь.

11 октября начался дополнительный крепеж груза перед выходом в Черное море, а 20 октября мы вышли из Керчи под эскортом миноносцев, вооруженных траулеров и двух каботажных пароходов.

23 октября мы прибыли в Николаев. (По инструкции, полученной от мистера Крукстона, лично я прибыл в Николаев по суше, выехав из Керчи на поезде 20 октября, добравшись речным пароходом от Александровской до Херсона и далее поездом до Николаева, куда приехал утром 23 октября — в день прихода судна с турбинами).

Разгрузка турбин на николаевском заводе началась 24 октября и завершилась 28 октября. После разгрузки турбины были проверены на стенде в одном из заводских цехов. Капитан 1 ранга Прохоров и я обменялись приемо-сдаточными актами, которые были вручены мистеру Крукстону по возвращении в Петроград.

12 ноября я уехал из Петрограда и 18 ноября прибыл в Англию. В период с 16 мая по 23 октября турбинные установки общим весом 560 тонн (четыре комплекта по 90т, два — по 43т и четыре — по 30т) прошли путь длиной 5348 миль: 2050 миль на борту «Волханделя» до Архангельска, 2189 миль по рекам, озерам и каналам от Архангельска до Сарепты, 309 миль по железной дороге от Сарепты до Ростова и 800 миль морем от

Ростова до Николаева.

Никаких дефектов при испытаниях на стенде, а затем на борту корабля обнаружено не было.

Работы, связанные с транспортировкой, организованные русским Адмиралтейством, можно назвать превосходными.»

**Отрывок из дневника Алекса Хатчесна,
инженера фирмы «Джон Браун и К°».**

«28 декабря 1917 года.

— Об установке главных турбин на линкор «Император Александр III».

— Эта операция была очень долгой, поскольку заводом было выделено очень мало рабочих, а руководство завода совершенно самоустранилось, предоставив нам решать все их трудности.

21 февраля 1918 года.

— Без преувеличения можно сказать, что мы здесь не только отрезаны от всего мира, но и от ближайшего города.

Ходят самые фантастические слухи, главным образом, из немецких и еврейских источников. Ужасные события, происшедшие в Севастополе, где, по подтвержденным сведениям, было убито более ста морских офицеров, создают и здесь обстановку неуверенности и нервозности:»

«ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ».

— 6 июля 1915 года — поднят флаг; 10 августа 1915 года — введен в строй; 26 августа 1915 года — испытания. Система подачи топлива и палубной вентиляции не завершены.

«ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II».

— 27 июля 1915 года переименована в «ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ».

19 октября 1915 года — Поднят флаг в Николаеве. Установка для охлаждения погребов системы «Вестингауз-Леблан» работает неудовлетворительно.

В ноябре 1915 года переведен из Николаева в Одессу.

Во время испытаний в режиме полного хода повреждена турбина низкого давления правого борта. Против выхода на режим полного хода возражал представитель фирмы «Викерс».

Лопатки ротора деформированы и позднее заменены предназначенными для «Николая I».

Декабрь 1915 года — испытания и ввод в строй.

24 мая 1916 года проинспектирована царем и комиссией уполномоченных в Севастополе.

«ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III».

— 23 октября доставлены турбины, установка которых началась в том же месяце.

29 апреля 1917 года переименован в «ВОЛЯ».

В октябре 1918 года захвачен немцами.

В ноябре 1918 года захвачен призовой командой английского крейсера «Кантебри» в Севастополе.

1 декабря 1918 года штурманской группой с линкора «Агамемнон» подготовлен к переходу в Исмид.

21-22 декабря 1918 года переведен в Исмид под эскортом «Агамемнона». Корабль оказался в очень запущенном состоянии.

С декабря 1918 года по октябрь 1919 года — в Исмиде, где проводился ремонт.

28-29 октября 1919 года возвращен в Севастополь призовой командой линкора «Айрон Дюк».

1 ноября 1919 года передан «белым» и переименован в «Генерал Алексеев».

В ноябре 1920 года уведен в Бизерту. В 1924 году — на слом.

«ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I».

— Октябрь 1915 года — ожидание турбин из Англии.

В январе 1916 года работы почти остановлены.

18 октября 1916 года спущен на воду; водоизмещение 11300 тонн.

29 апреля 1917 года переименован в «Демократия».

В августе 1919 года осмотрен комиссией с «Карадока». Броня установлена. 40% готовности и буксируем. При нормальном ходе работ мог быть достроен за 18 месяцев.

В 1923-24 годах разобран «Советами».

«БЕСПОКОЙНЫЙ».

— 9 сентября 1916 года подорвался на минах у Варны, два матроса погибли. Ремонт — 9 месяцев.

В декабре 1918 года захвачен французами (Р-2).

В сентябре 1919 года передан «белым».

В марте 1920 года участвовал в эвакуации Новороссийска.

В ноябре 1920 года — в Бизерте. В 1938 году разобран на металлолом и продан в Алжире.

«ДЕРЗКИЙ».

— 12 декабря 1918 года захвачен призовой командой линкора «Суперб» в Севастополе.

15 декабря прибыл в Исмид под эскортом английского эсминца «Тобаго».

В октябре 1919 года «Дерзкий» начал ремонт на Мальте. «Белые» попросили вернуть корабль.

28 февраля 1920 года прибуксирован в Исмид крейсером «Дублин». Туда же прибыл русский эсминец «Поспешный», передав на «Дерзкий» все приспособления для подачи снарядов и вентиляции погребов, а также русский экипаж.

9 марта 1920 года перешел в Константинополь.

20 апреля 1920 года прибыл в Севастополь.

Ноябрь 1920 года — в Бизерте.

В 1933 году списан и разобран в Алжире.

«ГНЕВНЫЙ».

— 1 мая 1918 года — на камнях у Севастополя.

Октябрь 1919 года — ремонт в Севастополе.

Ноябрь 1920 года — в Бизерте.

В 1930 году разобран в Алжире.

«ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ».

— 18 июня 1918 года затоплен в Новороссийске. Поднят в 1965 году.

«БЫСТРЫЙ».

— 14 февраля 1917 года столкнулся с танкером «Святогор № 61». Повредил нос, танкер затонул.

В декабре 1918 года — стоял в запущен-

ном состоянии в Севастополе без машин.

Апрель 1919 года — подорван англичанами (затоплен?).

«ПОСПЕШНЫЙ».

— 25 августа 1916 года легко поврежден атакой двух немецких «Альбатросов». Бомба попала в трубу №1, но котлы остались целыми. Две недели ремонта.

Декабрь 1918 года — в Севастополе, авария в машине.

28 ноября 1920 года прибыл в Исмид с «белым» экипажем, который перешел на «Дерзкий».

9 марта 1920 года передача завершена. Эсминец в запущенном состоянии. Приведен в порядок экипажем английского эсминца «Сирапис» и выведен в резерв.

31 марта 1920 года обнаружены дефекты в КО №1.

22 мая 1920 года сняты орудия, и в ноябре 1920 года отбуксирован в Бизерту.

В 1925 году разобран.

«ПЫЛКИЙ».

— 15 декабря 1916 года серьезно поврежден штормом. Месяц в ремонте.

Декабрь 1918 года — в Севастополе с серьезной аварией в машине.

Под контролем «белых» в плохом, запущенном состоянии.

23-27 марта участвовал в эвакуации Новороссийска.

Ноябрь 1920 года — в Бизерте. В 1933 году разобран на металлолом и продан.

«СЧАСТЛИВЫЙ».

— В октябре 1918 года захвачен немцами.

12 декабря 1918 года захвачен в Севастополе призовой командой с английского линкора «Темерайр».

28 декабря 1918 года отбуксирован в Исмид английским эсминцем «Редпол». Пожар в топливных цистернах.

В конце апреля 1919 года британский эсминец «Торч» пытался отбуксировать его на Мальту. Буксир лопнул, и «Счастливый» вынесло на камни у о.Мудрос (Комби).

Приложение III.

Отрывок из дневника сэра Уильяма Фишера (в те годы командира линейного корабля «Айрон Дюк» — относительно бунта французов и других событий в Крыму).

«Среда 23 апреля 1919 года.

— Получено сообщение о бунте на французских кораблях в Севастополе. Командующий решил отправиться на место событий. В полдень вышли из Константинополя. Восхитительный вид при плавании по Босфору. Сквозь облака сияет солнце. Сказочные дворцы и дома в зарослях чудесных зеленых деревьев подступают к самому берегу. Ничего подобного мне ранее видеть не приходилось. В 14:00 вошли в Черное море.

Четверг 24 апреля, 10:00.

— Прошли совсем близко от Балаклавы. Ви-

ден старый монастырь Св.Георгия, где некогда наши солдаты братались с русскими монахами.

11:00 — Встали на якорь у Севастополя. Французы очень недовольны, требуют немедленной отправки домой. «Франс» уже ушел. От оставшихся никакого проку.

Работа на кораблях остановлена. На короткое время на них даже были подняты красные флаги.

Греческие солдаты обстреляли на берегу группу французских матросов. Очень мрачная обстановка.

Французский линкор собирался открыть огонь по греческому линкору, на рее которого повесили куклу, изображающую французского матроса, давая понять французам, как нужно поступать с мятежниками.

У греков есть чувство юмора. Город окружен большевиками, и французы разрешили им войти в Севастополь. Объявлено перемирие до определения дальнейшей политики. Французскому адмиралу совершенно ясно высказано мнение британского командования по этому поводу.

Пятница 25 апреля.

— Высадили десантную партию на берег для инспекции всего военно-морского вооружения и снаряжения: орудий, мин, боеприпасов и самих кораблей. Начали топить все подводные лодки. Вывели из строя все русские броненосцы и эсминцы, подорвав цилиндры машин.

Французы и большевики наблюдали за нашими действиями, но не вмешивались.

Суббота 26 апреля.

— Вышли из Севастополя в 11:00, взяв курс

на Феодосию. Прошли Ливадию, где находится летний дворец императора, и Ялту. Непередаваемая красота.

В 20:00 бросили якорь у Феодосии. Это большевистский форпост. Всю ночь освещали город прожекторами.

В 07:00 дали ход, чтобы начать бомбардировку позиций большевиков, наступающих на Добровольческую Армию в районе, находящемся между Феодосией и Керчью.

Если большевикам удастся форсировать Керченский пролив и высадиться на Кавказе, они разгромят Добровольческую Армию Деникина и вытеснят нашу армию с Кавказа, а наши корабли — из Каспийского моря.

Воскресенье 27 апреля.

— Шли малым ходом вдоль позиций, удерживаемых Добровольческой Армией.

В 08:00 встали на якорь очень близко от берега. Прекрасная холмистая долина с горами на горизонте, постепенно переходящая в пологую местность, спускающуюся к побережью. Вскоре появился кавалерийский отряд, потом другой, а за ним — длинная извивающаяся по дороге кавалерийская колонна, за которой шли тачанки и новые кавалерийские части. Они неслись браво, как на маневрах.

Наши крейсера «Кентавр» и «Карадок», находясь на некотором расстоянии от нас, обстреливали большевистские позиции, которые я не мог видеть.

Затем совершенно внезапно начался полный хаос, когда по столь браво скачущей и доблестно

выглядевшей «белой» коннице был открыт из окопов пулеметный и винтовочный огонь.

Чуть позднее мы получили сообщение, что штаб большевиков находится в деревне, примерно, в 8-ми милях от нас. Эту деревню мы видеть не могли, но выпустили гидросамолет и навели орудия по карте.

Наш первый снаряд упал всего в 100м от железнодорожной станции, которая была важным узлом связи и коммуникаций. Мы произвели несколько бортовых залпов и разрушили станцию.

Большевики обратились в бегство, преследуемые нашими верными друзьями.

Понедельник 28 апреля.

— В Севастополе. Французские и греческие войска с большой поспешностью эвакуируются из города. В Севастополь входят большевики.

В 07:00 мы высадились на берег, чтобы утопить еще одну подводную лодку и вывести из строя два русских эсминца. Было очень трудно оттеснить толпу от места взрыва. Пришлось дать несколько очередей поверх голов из пулемета «Люис».

Мне бы хотелось побродить по окрестностям города. Русские церкви прелестны, но в Севастополе их не так много, как на пути вдоль южного побережья Крыма. Более всего впечатляет сияние золотых куполов. Другие купола — сапфирово-голубые, со сверкающими на них золотыми звездами.

Мы могли бы удержать Севастополь с одними греками, без французов, но французский генерал, который командует объединенными силами

на берегу, приказал начать эвакуацию и ничего не желает слушать.

Вторник 29 апреля.

— В 11:00 вышли в Константинополь. Я уже описывал плавание по Босфору, но ничто не может сравниться с подходом к проливу со стороны Черного моря в это время года, когда из-за утопающих в роскошной зелени холмов, покрытых яркими цветами, как в волшебной сказке, открываются минареты мечетей и колоннады дворцов.»

* * *

Выдержка из книги вице-адмирала Прайдхэма «Конец Династии»

(Вице-адмирал в те годы служил офицером на линкоре «Мальборо». Он описывает прибытие на борт в Ялте Вдовствующей Императрицы Марии (матери царя) в апреле 1919 года).

«К своему крайнему неудовольствию позднее я узнал, что вахтенный офицер, которому я дал приказ предупредить меня о прибытии Императрицы с тем, чтобы я встретил Ее на верхней ступеньке трапа, в суматохе забыл обо всем и вообще не дал никому знать о прибытии Ее Величества на борт. Он даже не проводил Ее до командирского салона.

В оправдание его можно только сказать, что в тот момент с обоих бортов к линкору непрерывно подходили катера с бегущими от большевиков, и беженцы потоком поднимались на палубу.

Мне так и не удалось узнать, что думают об этом ужасном ляпсусе командир и старпом».

Приложение IV.

Рапорт старшего унтер-офицера машинной команды Вильяма Хипа

(Вильям Хип пишет о посещении линейного корабля «Генерал Алексеев» после передачи линкора русским (ноябрь-декабрь 1919 года).

«В субботу утром, около 06:00, меня снял с «Бленхейма» катер крейсера «Карадок» и доставил на борт «Генерала Алексеева».

По прибытии наши чемоданы и подвесные койки были подняты на палубу какими-то русскими, судя по всему, матросами. Одеты они были просто фантастически — в робы кочегаров и красные кавалерийские рейтузы.

Встретивший нас вахтенный офицер был одет также не менее экзотично. На нем был френч английского солдата с русскими офицерскими погонами и матросские клеши.

Все, кто нам встречался на борту, были явно рады нашему появлению, считая, как стало понятно позднее, что мы являемся первыми из группы английских офицеров, которые возьмут на себя управление кораблем.

Спустившись вниз, я был весьма удивлен, обнаружив, что во всех нижних помещениях линкора стоит кромешная тьма. Наконец, мы добрались до канцелярии старшего механика, но никого из механиков там не обнаружили.

Матросы бесцельно бродили вокруг. Наконец, кто-то предложил зажечь свет. Матросы принесли несколько банок из-под консервированного моло-

ка, наполненные маслом, украденным в котельном отделении. В масло сунули фитили и зажгли. Лампы страшно коптели, но, в конце концов, это был свет, что после кромешной темноты было очень приятно.

В 09:00 появились механики. Мы познакомились, и старший механик мистер Хирод выделил трех офицеров, которые должны были отправиться со мной в котельное помещение, где я должен был показать им, как управлять котельным хозяйством корабля.

С нами был послан переводчик, так что языкового барьера не существовало; но меня поразило полное невежество офицеров.

Судя по всему, им никогда не приходилось иметь дело ни с корабельными котлами, ни с другим оборудованием по производству пара. Однако, с помощью переводчика и куска мела мне удалось передать им кое-какие полезные сведения по эксплуатации корабельных котлов. Наш переводчик числился на корабле то ли матросом, то ли кочегаром, уж точно не помню. Он никогда не служил до этого на кораблях, но около десяти лет прожил в Лондоне, будучи профессиональным борцом.

В 1914 году он уехал из Англии, так как был резервистом русской армии. Когда началась революция, он находился в Петрограде и исколесил всю Россию, спасаясь от большевиков, пока не добрался до Севастополя, где и пошел служить на «Генерал Алексеев».

Я спросил его, не был ли он призван или мобилизован для службы в «белом» флоте, но он

очень выразительно ответил «нет», подчеркнув, что он сам, а в равной степени, и все находящиеся на борту являются добровольцами.

Я еще до этого заметил, что подавляющая часть матросов носила на робах Георгиевские кресты и медали. Я спросил матроса-переводчика, какое он получает жалование. Он ответил, что не знает — об этом ничего не говорилось, когда его принимали на службу. Меня это удивило: как это можно поступать на службу, не зная даже своего жалования; но вскоре я понял, что все русские моряки надеялись на нас.

Они считали, что Англия включит «белый» флот в состав своих военно-морских сил в этом регионе, русскими кораблями будут командовать британские офицеры, а следовательно и платить жалование матросам.

Во время пребывания на корабле меня очень интересовало, по какому распорядку живет русский флот, но я так ничего и не понял.

В 07:45 на верхнюю палубу вызывался караул, матросы выстраивались по-дивизионно и приветствовали подъем флага. Создавалось впечатление, что после этого ритуала каждый делал что ему хотелось.

Часовые устанавливались: у трапа, на корме у флагштока, на носу у гюйсштока и у каюты командира.

Меня поразило, что часовые дисциплинированно стояли по стойке «смирно» весь положенный срок, никуда не отлучаясь. Никто из матросов и офицеров не был одет по форме, а подавляющее большинство не имело ни сапог, ни боти-

нок. Тот, кто имел сапоги, считался счастливым.

Все офицеры были одеты тепло. Одежда на всех была экзотически разноцветной. Матросов кормили раз в день. На обед полагалось два фунта хлеба и тарелка супа. Суп готовился не на борту, а доставлялся с берега, причем, в самое разное время. Как-то его доставили в час дня, а однажды — в 9 часов вечера. Никаких горячих напитков — ни чая, ни кофе, ни какао — на линкоре не готовили, исключая один случай, когда линкор инспектировал адмирал Бовинов (?).

В кают-компании, однако, имелся самовар, с помощью которого можно было нагреть воду для приготовления чая, но офицеры предпочитали завтракать на берегу, в «Морском клубе».

Уборка на корабле не проводилась, и, естественно, что с каждым днем он становился все грязнее, особенно на постах верхней палубы.

Когда линкор стоял у стенки, то с берега подавался шланг, и вода всегда была в системе, но ей почему-то никогда не пользовались в кормовых гальюнах. Сантехническое оборудование на корабле было хорошо продуманным и весьма современным, но почему-то ни один из офицеров не умел им пользоваться.

Все гальюны на корабле, включая и командирский, были отвратительно грязными. Я лично видел, по меньшей мере, трижды, как старшие офицеры мочились на палубу в коридоре, ведущем в гальюн кают-компании. Я заметил одному из них, что это отвратительно; но тот только засмеялся, видимо, считая, что я сказал ему комплимент.

Зловоние стояло по всему кораблю. Бросалась

в глаза та высокомерность и презрение, с которым офицеры относились к матросам.

Когда к матросу обращался офицер, тот должен был стоять по стойке «смирно», отдавая честь независимо от времени разговора, будь то минута или четверть часа. В одном случае офицер, поорав на матроса, поднял кулак, но матрос увернулся и убежал. В другой раз сам командир как-то вышел на палубу, встав, видимо, с левой ноги. Громко обругав часового, он пошел дальше и наткнулся еще на какого-то матроса, который, как мне показалось, привел командира в состояние апоплексии. Командир громко что-то кричал, матрос стоял, отдавая честь, рука его дрожала от напряжения и произвольно опускалась, но он снова приводил ее в уставное положение. Затем, когда матрос повернулся, чтобы уйти, командир дал ему сзади пинка ногой.

Я находился на палубе, ожидая катера на берег, видел все, что случилось, но так и не понял, в чем причина столь жестокого отношения к матросу.

Так же непонятно было мне наличие часового у каюты командира, хотя самого командира там почти никогда не было.

Как-то, как всегда в полной темноте я шел по коридору, обо что-то споткнулся и упал. Встав, я зажег спичку и увидел, что споткнулся о спящего часового. Тот сразу вскочил на ноги, встал по стойке «смирно». Я засмеялся, а он, поняв, что я не являюсь офицером линкора, тоже заулыбался. Зачем ему было тут стоять «смирно» в крошечной темноте, не знал никто. Свет был только в нашей каюте и у вахтенного офицера.

Между тем, становилось все холоднее, и мы отправились на «Карадок» за теплыми вещами. Когда мы вернулись на линкор, переводчик сказал мне, что матросы очень возбуждены и озлоблены. Оказалось, что незадолго до нашего возвращения какой-то офицер спустился к ним в кубрик и приказал одному матросу встать часовым у трапа. Тот отказался, ответив: «Мне нечего одеть». «Делай, как приказано, — сказал офицер, — а то отправишься под арест». «Мы даже не обедали сегодня», — крикнул матрос. «У вас должно быть обмундирование, — отрезал офицер. — Англичане дали вам его вдоволь».

Тут вмешался переводчик, матросу одолжили одежду и он отправился на вахту. Мне казалось, что если на корабле появится толковый агитатор, мятежа не избежать, а это для всех может плохо кончиться.

Каждый раз, когда мы приходили на линкор, нас засыпали вопросами: «Когда вы пришлете нам обмундирование? Когда придут английские офицеры? Когда вы для нас сделаете что-нибудь?».

Действительно, они были доведены до ужасного состояния. Я сам видел часового, стоявшего по стойке «смирно» у трапа, у которого вообще не было ни форменки, ни рубахи. Тело было обернуто грязной рогожей, а пальцы торчали из рваных сапог. Так ему нужно было стоять три часа.

Мне было холодно в зимнем обмундировании и в двух комплектах теплого белья.

Офицеров совершенно не интересовали их подчиненные. Мне показалось, что главной заботой офицеров было уйти на берег под любым

предлогом. Если офицер ночевал на корабле, он всегда держал наготове револьвер.

Во всех боевых частях стоял тотальный хаос. Никакой организации не было. Несмотря на свирепость офицеров, матросы были фактически предоставлены сами себе и могли делать, что хотели.

Когда на линкор привозили знаменитый суп, группа матросов садилась на ящики под горловиной какого-нибудь люка (чтобы было светлее); и затем все ели суп из одной общей тарелки.

Как-то я попробовал этот суп и был награжден смехом, когда с отвращением сплюнул. У большинства матросов не было ни одеял, ни каких-либо других постельных принадлежностей. Все спали в кубриках, где к переборкам были прикреплены коечные рамы из углового железа. Матросы спали на палубе, дрожа от холода. В кубриках было очень холодно.

Как-то мистер Хирод не выдержал и попросил заместителя командира электромеханической части разжечь котел и дать пар в жилые кубрики. Механик пожимал плечами и отказывался, но мистер Хирод продолжал настаивать через переводчика, и в итоге пар для отопления кубриков был подан. Если бы этого не было сделано, то я уверен, что многие матросы не дожили бы до утра, или, по меньшей мере, заболели.

Матросы несомненно все были патриотами России, но мерзкое отношение офицеров толкало их в объятия большевиков. Более того, за любую мелкую жалобу матрос мог быть объявлен большевистским агентом или агитатором со всеми вытекающими последствиями.

Мне рассказывали об аресте и передаче в контрразведку одного особенно протестующего матроса. Говорят, он был расстрелян.

Матросы вовсе не были какой-то бандой хулиганов. При человеческом отношении и разумной дисциплине из них можно было создать отличный экипаж. Все они когда-то были военными людьми и, возможно, лучше других понимали опасность большевизма, но некомпетентность и высокомерие офицеров начинали их серьезно злить.

Переводчик заявил, что временами очень трудно призывать матросов к благоразумию, и это его не удивляет. «Что вы хотите? — сказал он. — Кормежка раз в день, ни обмундирования, ни одеял, ни жалования, и никто уже толком не понимает, что они делают на этом корабле, и в чем заключается их служба».

Еще одним примером преступного безразличия, с которым офицеры относятся к своим матросам, является их постоянное времяпровождение в ресторанах и казино. Я часто видел в «Кист отеле» и кафе «Эсмеральда» группы офицеров с их подружками, сидящими за уставленными яствами банкетными столами. В зале часто появлялись офицерские вестовые или рассыльные с кораблей, принося им какие-то записки. При этом матрос становился за креслом офицера, отдавая честь, пока офицер не отпускал его.

Матрос смотрел на уставленный блюдами стол, и я точно знаю, что он думал о своем одноразовом питании.

После кофе и сигарет наступала очередь кокаина. Его и нюхают, им и колотся. Пристрастие

к наркотикам повальное, их легко достать, и никто этой пагубной привычке не препятствует.

Расцветает проституция. Но самое ужасное не в этом, а в том, что никто не видит перед собой цели и не знает, что делать. Все задают один и тот же вопрос: «Когда же англичане что-нибудь сделают для нас?»

Приложение V

Н.Кадесников. На Черном и Азовском морях.

Наступление германских армий на Украину, начавшееся немедленно с заключением между ними и «Радой» договора 6 февраля 1918 года, имело следствием занятие немцами всей Украины, а затем и Крыма.

В связи с этим выход флота из Севастополя 29 апреля 1918 года под командованием контр-адмирала Саблина следует считать начальным моментом Белой Борьбы на Черном море.

Вошедшие в Севастополь немцы 4 мая 1918 года подняли германские флаги на русских судах, оставшихся в бухте: — на подводных лодках, быстроходных катерах; и на всех кораблях II Бригада линейных кораблей под командой вице-адмирала Покровского.

В июне 1918 года Германия ультимативно потребовала от большевиков возвращения флота из Новороссийска в Севастополь. Уступая силе, Советская власть в центре была вынуждена давать официальные предписания в этом же роде; но никто не верил в добропорядочность германских начальников, отчего и происходило впечатление

двойственности распоряжений.

Прибывший из Петрограда в Новороссийск представитель Морского Комиссариата мичман Раскольников определенно настаивал, что сдавать флот немцам нет оснований, что лучше его потопить, но официально к 19 июня флот должен был вернуться в Севастополь.

Как известно, подобная ситуация имела место в марте 1918 года на Балтийском флоте. Командующий германской эскадрой, прибывшей в Гангэ, предъявил ультимативное требование, чтобы весь русский флот, стоявший в Гельсингфорсе, был передан немцам до 31 марта.

Советское правительство дало официальное распоряжение выполнить предъявленное требование, а Центробалт — высшее морское управление Советов — негласно был на стороне решения вывести весь русский флот из Гельсингфорса в Кронштадт.

Исполняющий должность командующего Балтийским флотом капитан 1 ранга Щастный, осуществивший беспримерный в мировой морской истории «ледовый поход», был расстрелян!

Итак, в сложившейся обстановке в Новороссийске определились две позиции: командующий Черноморским флотом капитан 1 ранга (контр-адмирал) А.И.Тихменев, ссылаясь на настроение экипажей, настаивал на уходе, а командир миноносца «Керчь» старший лейтенант Кукель проводил мысль потопить флот до наступления срока немецкого ультиматума, то есть до 19 июня 1918 года.

В результате вечером 17 июня дредноут «Воля» («Император Александр III»), миноносцы

«Пылкий», «Поспешный», «Дерзкий», «Беспокойный», «Жаркий», «Жуткий» и транспорт «Троян» ушли в Севастополь под командой капитана 1 ранга Тихменева, а 18 июня Раскольниковым и Кукелем были потоплены дредноут «Свободная Россия» («Императрица Екатерина II»), миноносцы «Фидониси», «Пронзительный», «Гаджибей», «Калиакрия», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый», «Стремительный» и «Керчь».

8 ноября 1918 года германский адмирал Гофман передал черноморские корабли морскому представителю от Украины контр-адмиралу Ключковскому и представителям русского флота капитану 1 ранга (контр-адмиралу) Тихменеву и Лебединскому.

Между тем, в конце августа 1918 года Добровольческая армия заняла Новороссийск и, таким образом, впервые получила выход к Черному морю. Капитан 2 ранга Потемкин был назначен командиром порта и стал собирать своих бывших соратников.

Новороссийск сделался центром сбора морских офицеров, главным образом, балтийцев, пробиравшихся на юг для борьбы с «красными», и боевых офицеров из донских флотилий.

Севастополь по разным причинам открытого участия в борьбе еще не принимал.

24 ноября 1918 года на Черноморском флоте, базировавшемся на Севастополь, были подняты Андреевские флаги — на дредноуте «Воля», на миноносцах, подводных лодках. Но прибывшие на смену немцам англичане и фран-

цузы потребовали спустить эти флаги.

И на «Воле», как и на миноносцах, пользуясь преимуществом силы, подняли английские морские флаги и английской командой отправили русские корабли в Измид, в Турцию.

Новороссийские же моряки-добровольцы развивали завидную деятельность. В декабре группа, состоявшая из восьми морских офицеров во главе со старшим лейтенантом Ваксмутом, получила предписание от вице-адмирала Герасимова, находившегося при генерале Деникине в качестве Морского министра Добровольческой армии, отправиться в Севастополь и попробовать получить в распоряжение армии военный корабль.

Несмотря на личное письмо Главнокомандующего генерала Деникина к адмиралу Канину, подчиненному в ту пору «Крымскому Правительству», миссия старшего лейтенанта Ваксмута успеха не имела. Упорный в достижении поставленной цели А.П.Ваксмут побывал в штабе украинского флота, которым командовал тогда контр-адмирал Черниловский-Сокол, но и там не добился даже приема.

Потеряв около двух недель, делегация зарождавшегося добровольческого военного флота вернулась в Новороссийск с пустыми руками. Но это не охладило уже испытанных на Дону моряков.

В новороссийском порту они реквизировали ледокол «Полезный». Командиром этого первого добровольческого корабля был назначен капитан 2 ранга С.Медведев, старшим офицером — старший лейтенант Ваксмут, артиллерийским офице-

ром — лейтенант С.Ильвов, штурманом — лейтенант Тихомиров.

На корме «Полезного» были установлены два 75мм орудия и торжественно поднят Андреевский флаг.

Январь, февраль и март 1919 года «Полезный» в очень тяжелых условиях бессменно находился на фронте у северо-западных берегов Азовского моря от Мариуполя до Геническа, прикрывая с моря операции белых войск, а затем охраняя Арабатскую стрелку и Акманайскую позицию.

Уже на эти позиции на пару дней из Севастополя приходила под командованием капитана 2 ранга Погорецкого подводная лодка «Тюлень», также снова поднявшая Андреевский флаг.

2 мая подошла к Акманая канонерская лодка К-15 под командованием старшего лейтенанта А.А.Остолопова, вооруженная двумя шестидюймовыми Канэ. (О действиях этой боевой канонерки в Азовском море желающие могут прочитать статью лейтенанта Холодковского, помещенную в Морском журнале №36 /1930).

К-15 была вооружена и укомплектована морскими офицерами и добровольцами в марте 1919 года в Севастополе. После эвакуации Севастополя лодка перешла в Новороссийск, откуда в конце апреля была послана в Азовское море на смену «Полезного».

Таким образом, «Белый флот» в период союзной оккупации практически состоял из трех действующих судов: подводная лодка «Тюлень» под командованием капитана 2 ранга Погорецкого, ледокол «Полезный» под командованием капитана

2 ранга Медведева и канонерка К-15 под командованием старшего лейтенанта Остолопова.

Между тем, военно-политическое положение в Крыму и на юге России вообще менялось.

Германское правительство в Киеве исчезло, появился Петлюра и началось полное безвластие. Когда немцы ушли из Киева, появились «союзники» и стали организовываться русские добровольческие отряды.

Большевики начали наступать с севера. Перекоп был занят слабыми по численности добровольческими частями. В Севастополе начали проявлять себя крайние элементы, начались брожения среди портовых рабочих, угрожавших забастовкой и прекращением работы на оборону Крыма. Все признаки подтверждали, что медлить было нельзя.

Назначенный на крейсер старший инженер-механик капитан 1 ранга В.Г.Максименко, не покладая рук, проводил всю срочную техническую работу. В апреле 1919 года Севастополь готовился к эвакуации. Крейсер «Кагул» в полной готовности встал на Большом рейде. На него перешел командующий флотом контр-адмирал А.Саблин со своим штабом и были погружены семьи офицеров крейсера и охотников.

Все суда, способные двигаться, начали покидать Севастополь, взяв курс на Новороссийск.

На переходе Севастополь-Новороссийск на «Кагуле» насчитывалось: 42 морских офицера, 19 инженеров-механиков, 2 судовых врача и 21 сухопутный офицер. Всего — 84 офицера плюс 125 человек команды охотников. Весь экипаж корабля — 209 человек.

В Новороссийске командующий флотом со штабом и все пассажиры сошли на берег. Тогда же на крейсер был назначен новый командир — капитан 1 ранга П.П.Остелецкий и несколько изменен командный состав.

13 апреля 1919 года крейсер «Кагул» получил предписание от командующего флотом выйти на Акманайскую позицию около Феодосии. «Кагулу» пришлось действовать вместе с английским линкором «Император Индии» и греческими, французскими, итальянскими кораблями.

Офицером для связи с английским командованием был назначен инженер-механик капитан 2 ранга В.А.Недзведский.

Так началась боевая деятельность славного корабля. Отметим вкратце наиболее крупные операции.

В первых числах августа крейсер «Кагул» под командованием капитана 1 ранга Остелецкого руководил десантными операциями в районе Одессы. Русский отряд составляли: крейсер «Кагул», эскадренный миноносец «Живой», транспорт «Маргарита», тральщики «Роза» и «Адольф», буксир «Доброволец», катера №№ 52 и 58, три баржи и один быстроходный катер.

Десант составлял драгунский полк в составе 74 офицеров, 841 солдата, 253 лошадей и 38 повозок. Для связи с десантом между кораблями и берегом был назначен эскадренный миноносец «Живой» под командованием капитана 2 ранга Кисловского.

После почти непрерывного суточного боя десантная операция окончилась успешно.

12 августа Одесса была в руках белых, несмотря на то, что силы противника превосходили их более, чем в 10 раз! Во время стоянки в Одессе командир крейсера «Кагул» Остелецкий был произведен в контр-адмиралы, а крейсер был переименован в «Генерал Корнилов».

Контр-адмирал Остелецкий был назначен младшим флагманом и поднял свой флаг на крейсере «Генерал Корнилов». Командиром крейсера был назначен капитан 1 ранга Потапьев, старшим офицером — капитан 2 ранга Афанасьев, а старшим инженером-механиком утвержден старший лейтенант Любимов.

Желающих более подробно ознакомиться с историей крейсера и его боевыми действиями отсылаю к книге капитана 1 ранга В.А.Потапьева «Крейсер «Кагул» — «Генерал Корнилов»», помещенной в томе XV № 1/2 - 45 «Морских записок».

Почти одновременно с операциями под Одессой велись крупные операции под Херсоном и Николаевым Кинбурнским отрядом, состоявшим из канонерской лодки «Терец» (брейд-вымпел капитана 1 ранга Бубнова, командир — капитан 2 ранга Шрамченко), канонерской лодки «Грозный» (командир — капитан 2 ранга Рыков), миноносца «Жаркий» (командир — старший лейтенант Манштейн), в/п «Граф Игнатьев», — «К-10» и «Б.К. 405».

Вместо описания всех боевых операций и последующих результатов прилагаются копии некоторых приказов, последовательно рисующих тогдашнюю военную обстановку на северо-западном побережье Черного моря.

Рейд Николаевский,
августа 8 дня 1919 года,
№ 100.

Кинбурнскому отряду.

«Терец», «Грозный», «К-10», «Жаркий»,
«Граф Игнатъев» и Б.К. «405».

Первая часть Кинбурнского похода выполнена. Взяты Херсон, Николаев. Над нами горят золотые слова «ПОБЕДА» и «СЛАВА». Взят Николаев и закреплен с чудным боем, деятельнейшими усилиями флота, пришедшего отобрать его, нашу колыбель Черноморского флота, у врагов нашей родины.

За победу славных кораблей спасибо чистосердечное мое всем бывшим под моей командой в эти дни боев, дни испытаний.

Я, офицер нашей Великой Добровольческой Армии, благодарю Вас гг. Командиры, гг. Офицеры и команды, покрывшие себя славой кораблей, спасибо Вам, надеюсь с такими, как Вы, закончить наше Общее дело, нашу заботу спасти Родину, освободить ее и вернуть ее к нормальной жизни!

Приказ прочесть на всех судах отряда.

Подписал: Капитан 1 ранга БУБНОВ. —

С подлинным верно: Старший флаг-офицер

Мичман _____

(подпись неразборчива)

* * *

ПРИКАЗ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ФЛОТА И ПОРТОВ ЧЕРНОГО И АЗОВСКОГО МОРЕЙ

г. Севастополь,
август 8 дня 1919 года.
№1374.

Сегодня мною получена телеграмма от начальника 4-ой дивизии генерал-майора СЛАЩЕВА, где он отмечает выдающуюся предупредительность и доблесть капитана 1 ранга БУБНОВА и судов его отряда: канонерских лодок «Терец» и «Грозный», «К-10», Б.К. «405», миноносца «Жаркий» и парохода «Граф Игнатъев», проявленную ими в боях под Николаевом и Варваровкой.

Наш флот для того, чтобы этот отряд прошел в Николаев, несколько раз форсировал проход у Очакова под огнем очаковских батарей, в успешной борьбе с которыми показал свою хорошую стрельбу, отвагу и настойчивость в достижении намеченной цели.

Горжусь дорогим мне Черноморским флотом и счастлив объявить по вверенному мне флоту и портам, что тяжелая работа по возрождению флота, произведенная преданными офицерами и матросами, не пропала даром, и наш флот дает мощную поддержку нашей славной Армии.

Подлинный подписал:
Вице-адмирал
М.САБЛИН

* * *

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КИНБУРНСКОГО ОТРЯДА

Рейд Николаевский,
августа 11 дня 1919г.

№ 108.

Предлагаю кораблям вверенного мне отряда выписать на борту кораблей трехцветный национальный почетный шеврон Добровольческой Армии. Шеврон выписать углом вниз, размеры же его — по усмотрению Командиров. Место для выписки шеврона — под носовым мостиком, либо на крыльях мостика.

Подписал:
капитан 1 ранга
В.БУБНОВ

С подлинным верно:
старший флаг-офицер,
мичман
(подпись неразборчива)

* * *

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КИНБУРНСКОГО ОТРЯДА

Рейд Николаевский,
августа 13 дня 1919г.

№ 116

При сем объявляю копию телеграммы Начальника 4-ой пехотной дивизии генерал-майора СЛАЩЕВА за №1431, посланной им на имя Главного Командира Флота и Портов Черного и Азовского морей вице-адмирала Саблина: Срочно «Во

время Кинбурнской операции вверенная мне 4-я дивизия работает совместно с судами Кинбурнского Отряда под командованием Каперанга БУБНОВА.

За все время не было ни одного случая неудовлетворения нужд сухопутных войск, а наоборот, мои пожелания часто предупреждались по личной инициативе моряков.

Как солдат, считаю своим долгом доложить Вам от имени своих частей «покорнейше благодарю ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО» за присылку таких соратников и отметить перед Вами блестящую деятельность, выдающиеся качества каперанга БУБНОВА, его командиров судов и экипажей.

12 августа 1919, Николаев № 1431.

Подписал: генерал-майор СЛАЩЕВ.

Приказ прочесть при собрании гг. офицеров и команды вверенного мне отряда.

Подписал:
капитан 1 ранга БУБНОВ.

* * *

В течение летних месяцев 1919 года все белые формирования дружно начали свои наступления на Москву и Петроград.

Вдоль Финского залива двигалась армия генерала Юденича. С юга Добровольческая армия быстро продвигалась на север.

Из Сибири армии адмирала Колчака наступали в направлении центра европейской России.

Деятельность Белого Флота распространилась по всем направлениям. Кроме уже кратко описан-

ных на Черном море, ответственные операции происходили на Азовском море, на Каспии, на сибирских реках и в районах западного и северного морского побережья земли русской.

17 октября 1919 года по инициативе Н.Н.Машукова был открыт и начал функционировать Севастопольский Морской Корпус. История организации и деятельности Корпуса подробно изложена в книге «Последние гардемарины», автором которой является капитан 1 ранга В.В.Берг.

Но обстановка на белых фронтах изменилась.

В декабре 1919 года большевики огромными силами вплотную подошли к Крыму и по данным нашей разведки готовились к наступлению по всему фронту.

Часть судов Кинбурнского отряда, выполнявшего под Херсоном и Николаевым поставленную ему задачу, находилась в генеральном ремонте, готовясь к новому походу. Это были:

канонерские лодки «Терец»,

командир — капитан 2 ранга Я.В.Шрамченко, «Грозный», командир — капитан 2 ранга И.С.Рыков, «Страж», командир — капитан 2 ранга Б.Р.Новиков, позже — речная канонерская лодка «К.Георгий», ледокол №3, и при канонерской лодке «Терец» — буксир «Ногайск».

В ночь на 24 декабря новый командир канонерской лодки «Терец» капитан 2 ранга Шрамченко Я.В. получил приказание командующего Черноморским флотом немедленно привести свой корабль в боевую готовность для срочного выхода в Азовское море.

* * *

РАДИОГРАММА

Керчь из Севастополя
№ 458,
11 февраля 1920 года
14 часов 15 минут.

Кавторангу Машукову

Флагманы и командиры, старшины собрания и Штаб Командующего Флотом, собравшись проводить своего адмирала, по предложению Его Превосходительства, обратившись мысленно взорами к затертым льдами Азовского моря кораблям под водительством достойнейшего начальника, просят принять глубокоуважаемого Николая Николаевича, всех офицеров и молодецкие команды чувство бесконечного восхищения и преклонения перед мужеством, стойкостью и великой духовной мощью. Да хранит и поможет Вам Господь Бог!

11- 2- 1920г.

№ 48051

Начштафлот Каперанг Заев

С подлинным верно:

флаг-офицер подпоручик Постников.

* * *

РАДИОГРАММА

Севастополь
Начштафлоту

Прошу доложить в ближайшем заседании флагманов и командиров.

Руководимые глубокою любовью к Родине

мужественные офицеры и командиры судов вверенного мне отряда под командой доблестных командиров канонерских лодок «Терец» и «Грозный» и ледокола «Гайдамак», преодолевая голод и холод, гордятся выпавшей на их долю честью бороться на форпостах за честь и величие нашей Родины, дорогой сердцу нашему России под сенью Андреевского флага.

Три полка пехоты и один полк неприятельской кавалерии не в силах сломить дух нашего малочисленного отряда. Присоединяемся к общей скорби, расставаясь с первым адмиралом Русского Флота, вступившим в ряды Добровольческой Армии (вице-адмирал Ненюков).

От имени отряда приношу глубокую благодарность за высказанные благопожелания и высокое внимание, оказанное моему отряду.

11 февраля 18 часов

№ 429

Кавторанг Машуков.

* * *

ПРИКАЗ

по 3 армейскому корпусу

ст. Джанкой

28 февраля 1920г. № 53

В самые тяжелые периоды нашей боевой деятельности канонерская лодка «Терец» оказывала и продолжает оказывать самую широкую поддержку по защите наших позиций на Арабатской Стрелке. Затертый льдами, не имеющий угля «Терец» выбросился на мель, решив ради обороны

наших позиций сделаться живой мишенью для артиллерии красных. Пробоины «Терца» свидетельствуют его боевую деятельность. Лишенный способности маневрировать и тяжело раненый «Терек» продолжает бороться с бронепоездами противника и держать в страхе пехоту красных.

Высадив на берег всю команду, за исключением прислуги орудий, «Терек» оказал поддержку гарнизону Арабатской Стрелки как людьми, так и своим геройским духом.

От лица службы благодарю командира, г.г. офицеров и команду славного боевого судна «Терек» за отличную самоотверженную службу, старшего лейтенанта Люби за деятельную организацию связи судов и боевого участка со Штабом Корпуса.

Предлагаю капитану 2 ранга Шрамченко представить к награждению крестами из команды «Терца» наиболее отличившихся.

Комкор 3,
Ген. Слащев.

* * *

18 апреля 1920 года «Терек» был торжественно введен на буксире в Южную бухту Севастополя. 19 апреля «Терек» посетил командующий Черноморским флотом вице-адмирал Герасимов и чины его штаба.

20 апреля около 2-х часов дня на «Терек» прибыл Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.А.Врангель в сопровождении вице-адмирала Саблина.

Главнокомандующий благодарил командира,

офицеров и команду за отличную, честную и самоотверженную службу на благо Родины.

В краткой, но выразительной и сильной речи Главнокомандующий подчеркнул ту ответственную роль, которую «Терец» сыграл в тяжелый период зимней обороны Крыма, указав, что Арабатская Стрелка была удержана почти исключительно благодаря ему, а этим Крым был огражден от тяжелых, а, быть может, непоправимых последствий прорыва важнейшего фронта на этом участке.

Генерал Врангель поздравил всех офицеров, начиная с командира корабля, со следующим чином, а наиболее отличившимся из команды, по указанию командира, лично надел Георгиевские кресты.

На смену «Терцу» на боевые позиции в Азовском море штабом Командующего флотом была послана канонерская лодка «Страж» под командой капитана 2 ранга В.П.Дон. (Капитан 2 ранга Дон — старший штурман линейного крейсера «Гангут», сумевший вместе с некоторыми другими соплавателями нелегально перебраться из Балтийского Краснознаменного флота в Добровольческий Черноморский в 1919 году.)

В период организации или, точнее, реорганизации Белого Черноморского флота был приведен в полную боевую готовность также и линейный корабль (дредноут) «Генерал Алексеев», ранее — «Воля», а еще раньше — «Император Александр III».

В самые тяжелые периоды гражданской войны, когда постоянно остро чувствовался недо-

статок необходимого технического материала и еще больше — нужных специалистов, стоически бессменно, с исключительной выдержкой и успехом технической частью Белого флота на юге России руководил флагманский инженер-механик генерал-майор В.Ф.Берг. Для обеспечения бесперебойности действий всего Добровольческого флота юга России Командующим флотом адмиралом Каниным на должность начальника службы связи Черного и Азовского морей был назначен контр-адмирал С.В.Евдокимов, который исполнял эти обязанности до своего назначения помощником Начальника Морского Управления.

Теперь было бы уместно хоть и бегло отметить исключительно важную роль, которую вообще играл Черноморско-Азовский Белый флот во всей крымской эпопее 1919-20 годов.

Кроме уже кратко изложенных операций под Николаевым, Херсоном, Очаковым, Одессой, Геническом и т.д. и защиты всего крымского побережья, флот обеспечивал снабжение портов Черного и Азовского морей из Константинополя.

Помимо того, флот выделил для поддержки левого фланга нашей армии, упиравшегося в Каркинийский залив, специальный отряд мелкосидящих судов под командой капитана 1 ранга Собецкого, который по мере надобности помогал своим огнем действиям сухопутных войск.

У Тендеровской Косы было установлено почти постоянное наблюдение за Одессой и Очаковым. Там же подолгу стоял крейсер «Генерал Корнилов».

На севастопольском рейде в полной исправ-

ности стоял довольно сильный боевой Белый флот во главе с дредноутом «Генерал Алексеев», что совершенно парализовало появление в черноморских водах Красного флота.

Значение же нашего флота в Азовском море было гораздо большим, чем оборонительное, т.к. все надежды на будущее возлагались на выход из Крыма как в мелитопольском, так и в кубанском направлениях.

Выход из Крыма без помощи десантных операций вообще был невозможен.

Все операции, начиная с трагических дней 12-13 марта 1920 года (эвакуация Новороссийска), когда мерами, предпринятыми Начальником Азовского отряда судов капитаном 1 ранга Машуковым, из Туапсе было вывезено и, таким образом, спасено около 20000 человек и несколько тысяч лошадей (что составило ядро Донского корпуса) и кончая взятием белыми 15 сентября 1920 года Мариуполя (отрядом командовал уже контр-адмирал М.А.Беренс), — кратко и точно описаны в статье начальника оперативной части Азовского отряда капитана 2 ранга Б.В.Карпова под названием «Краткий очерк действий Белого флота в Азовском море в 1920 году.»

В продолжение всего времени белой борьбы Черноморско-Азовский флот успешно выполнял все оперативные задания, поставленные ему Главнокомандующим, вплоть до полной эвакуации Крыма. (Приложение к Морскому журналу № 12/24 за декабрь 1929 года.).

Об этом свидетельствует один из приказов генерала Врангеля.

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ

г. Севастополь,
августа 26 дня 1920 года
№ 3578

Начиная с мая месяца нами был произведен целый ряд десантных операций. Операции эти протекали подчас в чрезвычайно трудных условиях, выгрузку и погрузку войск приходилось производить в дурную погоду, погружая людей и лошадей на баркасы и шлюпки под огнем береговых батарей противника.

Флот несет одновременно службу по охране Азовского и Черноморского побережья, а десантные морские отряды доблестно сражаются в рядах наших сухопутных сил.

Считаю своим долгом отметить блестящую работу флота и принести глубокую благодарность Командующему Флотом адмиралу Саблину и всем чинам Флота за их беззаветную работу на славу Родины.

Ура орлам русским морякам!

Подлинный подписал:
ген. Врангель.

КРЫМСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ.
ИСХОД РУССКОГО ФЛОТА.
(октябрь-ноябрь 1920)

Хотя черноморский «белый фронт» в начале 1920 года был достаточно силен, чтобы держать под контролем не только побережье занятого добро-

вольческими армиями Крымского полуострова, но и все берега черноморско-азовского бассейна, общая политическая обстановка складывалась не в пользу планов, намеченных Главнокомандующим юга России.

С момента перенесения всей борьбы в Крым и назначения Главнокомандующим Вооруженными силами на юге России генерала барона П.Н.Врангеля было дано секретное приказание на случай неуспеха на фронте перешейков выработать план эвакуации армии, флота и учреждений из Крыма в Константинополь.

Секретным отношением начальника штаба Главнокомандующего вооруженными силами на юге России от 4 апреля 1920 года за № 002430 на имя Командующего флотом Главнокомандующий приказал, соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости около 100000 человек в Константинополь. Для этого предлагалось распределить нужный тоннаж по предполагаемым портам посадки с таким расчетом, чтобы можно было начать посадку на суда через 4-5 дней после начала отхода с перешейков. При этом давались пункты посадки и численное распределение войск по портам.

Наш неперемный долг вспомнить и оценить по заслугам труды командующих Черноморским флотом вице-адмиралов Саблина и Ненюкова, начальника штаба контр-адмирала Николая, начальника морского управления вице-адмирала Герасимова, флагмана инженера-механика генерал-лейтенанта Ермакова, контр-адмирала Евдокимова и

подчиненных им лиц. Для более детального ознакомления с подготовкой и проведением эвакуации из Крыма до полутораэта тысяч войск и населения, не пожелавших остаться в России, предлагается обратиться к материалу, собранному в статье «Краткий очерк действий флота» и помещенному в «Морских записках» за 1955-58 годы.

12 октября 1920 года Командующим Черноморским флотом и начальником Морского Управления был назначен контр-адмирал М.А.Кедров, заменивший больного и через несколько дней скончавшегося вице-адмирала Саблина, а начальником штаба одновременно был назначен контр-адмирал Машуков.

27 октября Командующий флотом назначил в порты посадки старших морских начальников, которым были даны соответствующие инструкции на случай эвакуации. В Евпаторию был назначен контр-адмирал Клыков, в Ялту — контр-адмирал Левитский, в Феодосию — капитан 1 ранга Федяевский и в Керчь — начальник II-го отряда судов контр-адмирал Беренс.

После того, как последний солдат был посажен на корабль, и в Севастополе не осталось ни одной военной части, в 14 часов 50 минут 2 ноября 1920 года с Графской пристани на крейсер «Генерал Корнилов» прибыл Главнокомандующий генерал Врангель в сопровождении ближайших чинов штаба и отдал приказание сниматься с якоря.

На борту крейсера были штаб Главкома, штаб Командующего флотом, особая часть штаба флота, Государственный банк, семьи офице-

ров и команды крейсера и пассажиры — всего 500 человек.

Несколько слов об эвакуации Морского корпуса.

30 октября баржа «Тилли», нагруженная тюками и ящиками с обмундированием, книгами, съестными припасами и всякой утварью, подошла к борту линкора «Генерал Алексеев», стоявшего в Южной бухте. Под руководством капитана 1 ранга Н.Н.Александрова весь день и всю ночь кадеты перегружали корпусное имущество. Старшие из кадетов заняли караульные посты у погребов, в кочегарках и у механизмов, охраняя их от возможного саботажа со стороны уходивших на берег матросов.

С разрешения капитана 1 ранга Александрова одно отделение гардемаринов оставалось в помещении Корпуса. На стоявшую у корпусного мола угольную баржу они погрузили все корпусное хозяйство и провиант и отбуксировали этот «ноев ковчег» к «Генералу Алексееву», который, таким образом, был обеспечен свежим мясом.

Старший офицер корабля старший лейтенант А.Н.Павлов проверил наличие команды и пассажиров. Командир «Генерала Алексеева» капитан 1 ранга Борсук около полуночи 31 октября дал ход.

Все вышедшие 31 октября из Евпатории суда благополучно прибыли в Константинополь, и только небольшой катер «Язон», шедший на буксире парохода «Эльпидифор», обрубив ночью буксиры, ушел, видимо, в Севастополь. На «Язоне» кроме команды в 10-15 человек, никого посторонних не было.

Последний русский корабль — вооруженный ледокол «Гайдамак» — под флагом контр-адмирала Машукова покинул Ялту в 13 часов 15 минут 2 ноября.

Все вышедшие 1 и 2 ноября из Ялты суда благополучно выдержали переход через бурное в эту пору Черное море. Все суда, вышедшие из Феодосии, кроме канонерской лодки «Кавказ», которую из-за трудности ее буксировки комендант парохода «Владимир» приказал затопить в море, сняв с нее людей и Андреевский флаг (ныне находится в музее О.О.Р.И.Ф. в Нью-Йорке), благополучно пришли в Константинополь утром 4 ноября.

4-5 ноября из Керчи были вывезены не только войска; отходившие в этом направлении в числе гораздо большем, чем предполагалось, но и войска, пришедшие из Феодосии и там, за нехваткой тоннажа, не взятые.

Перегрузка людьми была такова, что люди не могли даже сидеть и чуть ли не весь переход должны были стоять плечом к плечу. Пресной воды в Керчи, вообще, очень мало, запасы ее были минимальными и на многих из кораблей она была выпита даже из недействующих котлов с примесью масла и пр.

Суда, вышедшие из Керчи, выдержав в Черном море норд-остовый шторм силой в 7 баллов, пришли в Константинополь, потеряв лишь эскадренный миноносец «Живой». На миноносце находились лейтенант Нифонтов, гардемарин Скупенский, пять человек команды и 250 пассажиров, главным образом, офицеров Донского полка.

Когда по приходе всех судов в Босфор выяснилось, что миноносец «Живой» не пришел, в море на поиски «Живого» вместе с русскими судами было послано несколько французских военных кораблей. По всем данным миноносец погиб при налетевшем шторме.

Еще 3 ноября 1920 года французский адмирал Дюмениль по радио обратился к Главнокомандующему со следующим приветствием:

«Генералу Врангелю. Офицеры и солдаты Армии Юга в продолжение 7-ми месяцев под вашим командованием подали великолепный пример храбрости, сражаясь с противником в десять раз сильнейшим, дабы освободить Россию от постигшей тирании. Но борьба эта была чересчур неравная, и вам пришлось покинуть вашу Родину. По крайней мере, вы имеете удовлетворение в сознании великолепно проведенной эвакуации, которую французский флот, подавший вам помощь, счастлив видеть хорошо законченной.

Ваше дело не будет бесполезным, население Юга быстро сумеет сравнить вашу власть справедливую и благожелательную с мерзким режимом Советов, и вы, тем самым, окажете помощь возвращению разума и возрождению вашей страны, что желаю, чтобы произошло в скором времени.

Адмиралы, офицеры и матросы французского флота низко кланяются перед генералом Врангелем, дабы почтить его храбрость».

Находясь еще в море, главнокомандующий послал в Константинополь А.В.Кривошеину следующую радиотелеграмму для широкого распространения:

«Русская Армия, оставшись одинокой в

борьбе с коммунизмом, несмотря на полную поддержку крестьян, рабочих и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности не смогла отразить натиск во много раз сильнеешего противника, перебросившего войска с польского фронта.

Я отдал приказ об оставлении Крыма, учитывая те трудности и лишения, которые Русской армии придется претерпеть в ее дальнейшем крестном пути, я разрешил желающим остаться в Крыму. Таких почти не оказалось. Все казаки и солдаты Русской армии, все чины русского флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу. Они решили идти на новое тяжелое испытание, твердо веря в конечное торжество своего правого дела.

Сегодня закончилась посадка на суда, везде она прошла в образцовом порядке. Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспримерную в истории задачу и тем самым спасти Армию и население от мести и надругания.

Всего из Крыма ушло около 150000 человек и 120 судов русского флота. Настроение войск и флота отличные, у всех твердая вера в конечную победу над коммунизмом и возрождение нашей Великой Родины. Отдаю Армию, Флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из Великих Держав, оценившей мировое значение нашей борьбы».

(Генерал Врангель).

3/16 ноября все русские корабли как военные, так и коммерческие, вышедшие из пор-

тов Крыма, кроме эскадренного миноносца «Живой», пришли в Царьград и стали на якорь на рейде Мода. Эвакуация закончилась.

Русский флот, несмотря на все свои недочеты, преодолевая все трудности, отлично справился с выпавшей на его долю труднейшей задачей.

4 ноября в море Командующий флотом отдал следующий приказ.

№5:

«Флагманы, командиры, офицеры и матросы Черноморского флота. В неравной борьбе нашей с неисчислимыми превосходными силами противника русской Армии, истекающей кровью, пришлось оставить Крым.

На доблестный Черноморский флот выпала исключительная по трудности задача — почти без иностранной помощи своими средствами и силами в весьма кратчайший срок в осеннее время нужно было подготовить и эвакуировать из Крыма армию и часть населения общей численностью около 150000 человек. Черноморский флот, сильный своим духом, блестяще справился с этой задачей.

Из всех портов Крыма в трехдневный срок почти одновременно по составленному заранее плану транспорты, перегруженные до крайности, под прикрытием военных судов вышли в Константинополь. Одновременно были выведены на буксирах все находившиеся в ремонте большие суда и плавучие средства, имеющие какое-нибудь боевое значение. Противнику оставлены только старые коробки со взорванными еще в прошлом году иностранцами механизмами.

Наш Главнокомандующий, желая отличить такую исключительную работу флота, произвел меня, вашего Командующего Флотом, в вице-адмиралы. Низко кланяюсь и благодарю вас за эту честь. Не ко мне, а к вам относится эта награда...».

Адмирал Кедров.»

8/21 ноября Главнокомандующий вооруженными силами отдал следующие два приказа:

№ 4187

«Тяжелая обстановка, сложившаяся в конце октября для Русской Армии, вынудила меня решить вопрос об эвакуации Крыма, дабы не довести до гибели истекавшие кровью войска в неравной борьбе сседавшим врагом. Вся тяжесть и ответственность за успех предстоявшей работы ложилась на доблестный наш флот, бок-о-бок с армией разделявший труды и лишения Крымского периода борьбы с угнетателями и насильниками Родины.

Трудность задачи, возлагавшейся на флот, усугублялась возможностью осенней погоды и тем обстоятельством, что, несмотря на мои предупреждения о предстоящих лишениях и тяжелом будущем, около полутора тысяч русских людей — воинов, рядовых граждан, женщин и детей — не пожелали подчиниться насилию и неправде, предпочтя исход в неизвестность.

Самоотверженная работа флота обеспечила каждому возможность выполнения принятого им решения. Было мобилизовано все, что не только могло двигаться по морю, но даже лишь держаться на нем. Стройно и в порядке, прикрываемые боевой частью флота, отрывались один за другим от

русской земли пароходы и суда, кто самостоятельно, кто на буксире, направляясь к дальним берегам Царьграда.

И вот перед нами невиданное в истории человечества зрелище: на рейде Босфора сосредоточилось свыше сотни российских вымпелов, вывезших многие тысячи российских патриотов, коих готовилась уже залить красная лавина своим смертоносным огнем.

Спасены тысячи людей, кои вновь объединены горячим стремлением выйти на новый смертный бой с насильниками земли русской. Великое дело это выполнено Российским Флотом под доблестным водительством его контр-адмиралом Кедровым.

Прошу принять Ваше Превосходительство и всех чинов военного флота от старшего до самого младшего мою сердечную благодарность за самоотверженную работу, коей еще раз поддержана доблесть и слава Российского Андреевского флага. От души благодарю также всех служащих коммерческого флота, способствовавших своим трудом и энергией благополучному завершению всей операции по эвакуации Армии и населения из Крыма.

Генерал Врангель.»

№ 4771

«Эвакуация из Крыма прошла в образцовом порядке. Ушло 120 судов, вывезено около 150000 человек.

Сохранена грозная русская военная сила. От лица службы приношу глубокую благодарность за

выдающуюся работу по эвакуации Командующему Флотом вице-адмиралу Кедрову, генералам Кутепову, Абрамову, Скалону, Стогову, Барбовичу, Драценко и всем чинам доблестного Флота и Армии, честно выполнявшим работу в тяжелые дни эвакуации.

Генерал Врангель.»

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФЛОТА В ЭСКАДРУ

По приходе флота в Константинополь и после начала демобилизации пароходов, а также вспомогательных военных судов и расформирования служб и учреждений, ставших теперь излишними, наименование «флот» не соответствовало уже по своему количеству, классам кораблей и составу Русским Вооруженным силам, а потому Черноморский флот приказом Командующего флотом за №11 от 21 ноября 1920 года был переименован в Русскую эскадру. Командующий эскадрой — старший флагман вице-адмирал М.А.Кедров.

Начальник штаба — контр-адмирал Н.Н.Машуков.

СОСТАВ ЭСКАДРЫ.

1-й Отряд

— младший флагман контр-адмирал П.П.Остелецкий:

линейный корабль «Генерал Алексеев»,
командир — капитан 1 ранга И.К.Федяевский;

крейсер «Генерал Корнилов»,
командир — капитан 1 ранга В.А.Потапьев;
вспомогательный крейсер «Алмаз»,
командир — капитан 1 ранга В.А.Григорков.

Дивизион подводных лодок

(Начальник - старший из командиров)
подводная лодка «Буревестник»,
командир — старший лейтенант Оффенберг;
подводная лодка «Утка»,
командир — капитан 2 ранга Н.А.Монастырев;
подводная лодка «Тюлень»,
командир — капитан 2 ранга М.В.Копьев;
подводная лодка «АГ-22»,
командир — старший лейтенант К.Л.Матыевич-Мыцьевич;
база подводных лодок транспорт «Добыча»,
командир — капитан 2 ранга Краснопольский.

II-й Отряд

— младший флагман контр-адмирал М.А.Беренс:

эскадренный миноносец «Пылкий»,
командир — капитан 2 ранга А.И.Кублицкий;
эскадренный миноносец «Дерзкий»,
командир — капитан 1 ранга Н.Р.Гутан;
эскадренный миноносец «Гневный»;
эскадренный миноносец «Цериго»;
эскадренный миноносец «Капитан Сакен»,
командир — капитан 2 ранга А.А.Остолопов;
эскадренный миноносец «Жаркий»,
командир — старший лейтенант А.С.Манштейн;

эскадренный миноносец «Звонкий»,
командир — М.М.Максимович;
эскадренный миноносец «Зоркий»,
командир — капитан 2 ранга В.А.Зилов.

III-й Отряд

— младший флагман контр-адмирал
А.М.Клыков:

канонерская лодка «Страж»,
командир — капитан 2 ранга К.Г.Люби;
канонерская лодка «Грозный»,
командир — старший лейтенант Р.Э. фон
Вирен;

канонерская лодка «Якут»,
командир — капитан 1 ранга М.А.Китицын;
канонерская лодка «Лукулл»,
командир — старший лейтенант Б.Н.Сте-
панов.

тральщики: «Альбатрос», «Баклан», «Ки-
тобой»,
командир — лейтенант О.О.Ферсман;
сторожевой катер «Капитан 2 ранга Мед-
ведев»;

гидрографические суда «Казбек» и «Веха»,
командир — штабс-капитан по адм.
Е.А.Поляков;

буксиры: «Черномор»,
командир — капитан 2 ранга В.А.Бирилев,
«Голланд»,
командир — лейтенант Н.В.Иваненко,
«Бельбек»,
«Севастополь».

IV Отряд

— младший флагман инженер-механик генерал-лейтенант М.П.Ермаков:

ледоколы: «Илья Муромец,
командир — капитан 2 ранга И.С.Рыков,
«Всадник»,
командир — старший лейтенант Ф.Э.Викберг,
«Джигит», «Гайдамак»,
командир — капитан 1 ранга В.В.Вилькен,
транспорты: «Дон»,
командир — капитан 1 ранга С.И.Зеленый,
«Крым»,
командир — штабс-капитан по адм. Я.С.Андросов,
«Далланд»,
командир — капитан 1 ранга Я.И.Подгорный,
«Шипка»,
командир — капитан 2 ранга Д.К.Нелидов,
«Самара»,
командир — контр-адмирал А.Н.Заев,
«Екатеринодар»,
командир — капитан 2 ранга Н.А.Ивановский.
Транспорты: «Рион», «Инкерман»,
«Поти», «Ялта»,
«Сарыч», «Осторожный»,
«Туркестан», «Ольга» («Сухум»),
«Заря», «Псезуап»,
«№410» («Вера»),
«№412», «№413».

Добровольного флота:
«Владимир», «Саратов», «Колыма»,

**«Иртыш», «Херсон», «Витим»,
«Омск» и «Доброволец».**

**Дунайского пароходства:
«Александр Невский», «Русь»,
«Моряк» и «Адмирал Кашериноинов».**

Русского Константинопольского порта:

**«Радость», «Трапезунд»,
«Надежда», «Днепр» и «Почин».**

Буксиры:

**«Днепровец», «Иппокай»,
«Скиф» и «Чурубаш».**

В распоряжении Командующего эскадрой:

**линейный корабль «Георгий Победоносец»,
командир — капитан 2 ранга П.П.Савич,
транспортная мастерская «Кронштадт»,
командир — капитан 1 ранга К.В.Мордвинов,
учебное судно «Свобода»,
командир — старший лейтенант А.Г.Рыбин).**

Для обслуживания Русской эскадры Начальником базы, подчиненным непосредственно Командующему Русской эскадрой, был назначен контр-адмирал А.И.Тихменев.

11 декабря в 11 час 50 мин Главнокомандующий, простившись с офицерами и командой крейсера «Генерал Корнилов», съехал с крейсера на яхту «Лукулл», куда и перенес свой флаг.

На «Генерале Корнилове» был поднят флаг Командующего эскадрой. Перед уходом эскадры в Бизерту Главнокомандующий, прощаясь с ней, отдал следующий приказ:

«№197
от 7 декабря 1920 года:

Славный Черноморский Флот!

После трехлетней доблестной борьбы Русская Армия и Флот вынуждены оставить Родную Землю. Наша союзная Франция оказала нам гостеприимство.

Флот уходит в Бизерту — северное побережье Африки.

Армия располагается в окрестностях Царьграда. Русские солдаты и моряки, боровшиеся вместе за счастье Родины, временно разлучены.

Провожая вас, орлы Русского Флота, шлю вам мой сердечный привет. Твердо верю, что красный туман, заставший нашу Родину, рассеется и Господь сподобит нас послужить еще Матушке-России.

Русский орел расправит свои могучие крылья и вззовется над Русскими моряками бессмертный Андреевский флаг!

Генерал Врангель.»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	
Разрушитель империй	
От Кокосовых островов до Севастополя	
Вернисажи капитана Доусона	
ПРИЛОЖЕНИЯ	

Трагедию Черноморского флота можно назвать «кумулятивной Цусимой», в итоге которой Россия потеряла не только флот, но и рухнула сама. Это была глобальная Цусима, с тремя эпизодами которой вы познакомитесь в этой книге.

И. Бунич

Черноморская Цусима

02-99

38888794

2 23-00

